

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ НАРОДА ХАНТЫ

Р. П. Ругин

82.3(2.Рос-Хант)

Р-82

Р. П. Ругин

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ НАРОДА ХАНТЫ

Р. П. Ругин

Легенды и мифы народа ханты

-5157-

ОКр

Салехард
ГУП ЯНАО «Издательство
«Красный Север»
2008

Государственное учреждение
«Национальная
библиотека ЯНАО»

Итальный зал

ББК 83.3 Хан
Р 82

Ругин Р. П.

Р 82 Легенды и мифы народа ханты. – Салехард: ГУП ЯНАО
«Издательство «Красный Север», 2008. – 432 стр., ил.

Предлагаемый сборник включает в себя наиболее полное собрание произведений Р. Ругина, так или иначе связанных с мифологией и фольклором. В нем представлены обработанные поэтом легенды народа ханты, написанные им сказки и, возможно, первый в литературе ханты опыт создания народного героического сказания.

Книга адресована широкому кругу читателей, может быть использована и в качестве учебного пособия при изучении литературы народов Севера.

Редакционная коллегия: В.Н. Казарин, А.В. Артеев, Ю.А. Кукевич,
Г.Б. Герасименко, И.И. Маркова, Н.В. Парфенова, С.Е. Алексеев, А.Е. Устенко.

ISBN 5-93298-120-24

© Ругин Р. П., переиздание, дополнение, 2008
© ГУП ЯНАО «Издательство
«Красный Север», 2008
© Департамент информации
и общественных связей
Ямало-Ненецкого автономного округа, 2008

Роман Ругин

«Много дней позади, много дел...»

Слушаю сказки и песни и вновь удивляюсь
Речи узорчатой, теплой,
Она согревает зимой.
Это как мудрая древняя кровь, это с будущим завязь.
Что же на свете дороже нам крови самой?!

Роман Ругин. Снежная держава

Обращение к мифу, фольклору, сказке является одной из характерных черт мировой литературы второй половины XX в. Осмысление сложного и противоречивого современного мира невозможно без понимания первичных архетипов человеческого сознания, которые выявляются в мифах и фольклоре.

Издание новой книги «Легенды и мифы народа ханты» талантливого, европейски известного хантыйского писателя стало событием в его творческой биографии. Книга эта вынашивалась в сознании художника слова более полувека. Это лично пережитая и выстраданная «энциклопедия души» индивидуума, ханта, российского подданного и человека мира.

Роман Прокопьевич Ругин выполняет очень важную культурную, мировоззренческую, идеологическую, философскую миссию по осмыслению глубинной сущности хантыйского народа, выявлению его национального образа мира.

Выросший на берегах Оби, с которой у хантыйского народа связано множество легенд и преданий, впитавший с раннего детства удивительный мир народной фантазии (отец Р. Ругина был прекрасным сказителем, мать имела отношение к шаманизму), писатель помнит об особой энергетике мест, в которых он родился и жил, пересказывает случаи из собственной жизни, связанные с фольклорно-магическим мироощущением. Поэтому в своих обработках национальных мифов и легенд Роман Ругин выражает, может быть, самую главную черту мироощущения своего народа – священное, трепетное и очень ответственное отношение к природе.

Неомифологизм для Ругина – это не только компонент стиля художественного мышления и источник сюжетов и образов, но и важнейший мировоззренческий стержень. Писатель в данном случае берет на себя

роль духовного наставника своего народа, подобно тому, как русские писатели были и остаются властителями умов в российском обществе.

Легенды и сказки Романа Ругина базируются на сюжетах, мотивах и образах национальных мифов, которые причудливо сплетаются с древнегреческими, библейскими, средневековыми европейскими мифами и преданиями. Как представляется, писатель здесь сознательно стремится к двум целям: во-первых, использовать мифы как некие первичные архетипы человеческого сознания и тем самым ввести родной народ в общечеловеческую общность, от которой он был долгое время оторван; во-вторых, просветить, образовать свой народ, расширить его интеллектуальный кругозор. В своем творчестве Роман Ругин все время находится на стыке культур. Мифы, легенды, сказки родного народа у Р. Ругина осмыслены с позиций мировой культуры и литературы. Его стилизованные произведения – не примитивный пересказ услышанных когда-то преданий, а результат серьезной мировоззренческой и художественной их переработки. Национальный антураж, хантыйские реалии повседневной жизни – нередко лишь форма, способ введения культуры родного народа в мировой контекст, приобщения ее к великим достижениям человеческого духа, средство осознания общности со всем человечеством.

Обращение Романа Ругина к мифам и фольклору родного народа, таким образом, объяснимо, закономерно и правомерно. Он выполняет для своего народа ту работу, без которой невозможен выход за пределы регионального сознания. Исторический опыт доказывает, что всяческие попытки «перепрыгнуть» через какие-то стадии культуры ни к чему хорошему не приводят. Только скрупулезная работа по восстановлению исторической памяти, «детства и юности» народа позволит ему выйти на магистральную дорогу мировой культуры и прийти к ощущению духовной полноты бытия.

Роман Прокопьевич прожил трудную, но счастливую жизнь. Он родился 31 января 1939 г. в Ханты-Питляре, в многодетной семье, в 1958 году окончил педагогическое училище в г. Салехарде, служил в ракетных войсках стратегического назначения, окончил педагогический институт имени А.И. Герцена в городе на Неве, работал директором школ, преподавал в родном педагогическом училище. В 1989 году народ доверил Роману Прокопьевичу представлять интересы округа в Верховном Совете СССР. С 1992 года Роман Ругин – главный редактор историко-культурного журнала «Ямальский меридиан». В 1989 году он был удостоен звания лауреата литературной премии писателей России, награж-

ден медалью «За доблестный труд», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени.

Жизненный, духовный опыт Романа Ругина особенно ценен в наше сложное время, когда, с одной стороны, происходит девальвация многих традиционных ценностей, а с другой – идет мучительный процесс обретения хантыйским народом своего подлинного исторического и духовного лица, восстановления прерванной связи времен, целостности хантйской культуры. На том историческом распутье, где находятся сегодня коренные народы Севера, переоценить труд и талант таких творцов, как Роман Прокопьевич Ругин, невозможно. Поэтому не случайно он был избран в 1995 году членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств.

Произведения Романа Ругина переведены на французский, итальянский, испанский, английский, венгерский, голландский, польский языки, его стихи вошли в антологию мировой поэзии. о нем создано большое количество научно-популярных фильмов и кинозарисовок. В различных издательствах вышло около сорока книг Романа Ругина. Французское издательство «Publications Maecenas» издало его книгу «Легенды и мифы народа ханты», ведутся переговоры по изданию книг писателя в Германии, Англии, Италии, Испании и Португалии.

Пожелаем же Роману Прокопьевичу Ругину в юбилейный год исполнения всех его масштабных замыслов и долгих лет жизни!

*Наталья Цымбалистенко,
доктор филологических наук*

Легенды и мифы народа ханты

ЛЕГЕНДА О КАЗЫМ НАЙ¹

1. ЕМАНГ НАЙ ЭВИ СПУСКАЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ

Давно это было. За это время Высокое Небо не один раз раскалывалось на сотни и тысячи кусков-осколков, и земля, имевшая сто и тысячи разных вод, подобно люльке с подрастающим ребенком, медленно покачивалась на золотых цепях Всесильного Священного Солнца. Сколько времени качалась, никто об этом не знал и не ведал.

Девственные леса, оглашаемые тысячами голосов птиц, кишели сотнями четвероногих и двуногих зверей, больших, как вершины высоких лиственниц, и маленьких, как песчинка. А в многоводной Оби, несметных ее извилистых притоках и широких мелководных сорах, бурных горных речках и бесчисленных озерах водилось много всякой рыбы. Большой и малой, хищной и мирной.

Но не знал пока об этом беспомощный человек. Он питался только мясом четвероногих зверей и двукрылых птиц, которых добывал незатейливыми ловушками – петлями-слопцами – и отстреливал стрелами. И так неторопливо проходили годы и века. И пришло время, когда человеку пища из горячей и свежей крови и сырого мяса стала надоедать.

И видит Пал Турам – Бог Высокого Неба, что слабый бестолковый человек, который еще не созрел мозгами и знал землю вокруг себя только на расстоянии одного дневного перехода, нуждается в другой, лучшей еде. Горячей.

Да и пришла к нему в это время одна из его посыльных – Еманг Най Эви – Дочь Священного Солнца.

– Отец Высокого Неба! – умоляюще сказала она. – Мои огненные острые глаза видят светлым днем, когда Всесильное Солнце накладывает на землю свои теплые ладони. От глаз моих ничего не ускользает и темной прохладной ночью, когда только вездесущие мыши ползают и тихокрылые совы летают.

¹ Казым Най – Священная Казымская Кошка.

– И что дальше? – не дослушав ее до конца, спросил Пал Турам. – Какая мысль в голове завертелась? Досказывай.

И ответила Дочь Священного Солнца, что надо бы человека к горячей пище приучить. Огонь человеку подарить. Ведь рядом со стоглазым и стоязыкастым огнем человеку теплее станет темной прохладной ночью летом и в трескучие морозы зимой.

– Дело говоришь, моя смелая посланница. Важная мысль твою голову посетила, – повернулся к ней Пал Турам и погладил ее по умной голове. – Попробую помочь. Подарю им огонь. В остальном пусть сами догадываются. А ты пронаблюдай из окон своего Семинебесного Дома.

Шевельнул Пал Турам своим сметливым мизинцем, и тут же на самом Нижнем Небе загрохотал гром и помчались, размахивая своими огненными саблями, по необъятным небесным далям всадники на белогривых конях. На тысячи кусков они кромсали тучи, но огонь на земле не загорался. Тогда всадники приложили к своим звенящим тетивам упругих луков огненные стрелы, и со свистом полетели они на землю и тут же в бесчисленных рукавах и подолах дремучих хвойных и лиственных лесов вспыхнули невиданные бушующие языки огня, которые мгновенно состригали ветви высоких и низких деревьев, и те, обугленные и почерневшие, ослабевшие и обреченные, падали на землю. Горячей золой и пеплом, раздуваемыми ветром, покрывалась зеленая земля. Обезумевшие могучие лоси и олени, пушистые и длиннохвостые лисицы и песцы, извивающиеся на деревьях белки и соболи уносили свои быстрые ноги подальше от огненной стихии. Только ползающие насекомые, слабонogie и больные звери не успели убежать, и они, корчась от боли, умирали в страшной агонии.

Горел девственный многовековой лес. И ошеломленный человек, глядевший на Божью кару, посланную с Высокого Неба, в беспамятстве убежал от смертельной опасности.

Семь дней и ночей полыхал хвойный и лиственный лес. Черные клубы дыма разносились в четыре стороны света. Казалось, от невиданной жары в петляющих реках и мелких озерах вот-вот закипит вода и даже воспламенится.

Пал Турам, глядя на эту жуткую картину, сжалился над обезумевшими зверями и вконец обессиленными людьми. И тогда он, словно из поднятых бесчисленных гимок¹, обрушил на землю прохладные струи

¹ Гимка – орудие лова.

воды, которые тут же укротили языки разыгравшегося огня, все испепелившего на своем необузданном и неукротимом пути. Поднявшийся пар от земли взмылся к бездонному небу и расцвел семицветной радугой. Огонь, полыхающий на земле, словно от мановения волшебной палочки, тут же погас.

– Пусть пока так будет, – сказал Пал Турам. – Раз несозревший человек пока не догадывается, как обращаться с всемогущим огнем, пошлю я ему на помощь посыльную – Еманг Най Эви – Дочь Солнца. Уж Священная кошка научит уму-разуму безмозглого человека!

Пал Турам опять шевельнул своим понятливым мизинцем, и Най Эви тут же оказалась перед ним. Не дав раскрыть рот Пал Тураму, она промяукала и первая в слезах сказала:

– Не помогло, Всесильный Пал Турам. Убежали люди от огня. Надо что-то другое выдумать. Надежное.

– А я уже придумал, – ответил Пал Турам и, погладив кошку по шелковистой голове, сказал: – Твоя помощь понадобится. Видимо, человеку земли не разгадать без тебя тайну огня. Спущу тебя на грешную землю, приведешь там недогадливых людей к двум трущимся от ветра деревьям и направишь на них свои огненные глаза. Уж тут-то человек должен свои мозги расшевелить. Только ни в коем случае не заговаривай с ним. Иначе двери в Верхний и вечно чистый и живой мир для тебя будут навсегда закрыты. – Пал Турам несколько раз закрыл и открыл веки с длинными поседевшими ресницами, а затем добавил:

– В чем нуждаться будешь – мыслями ко мне или к моим помощникам обращайся. И быстрее солнечного света новые свежие мысли в твою голову волеются и подскажут тебе, что делать дальше.

– Все так и будет, Всесильный Пал Турам, – ответила юркая Дочь Солнца. – Помогу я непонятливым людям. И дорогу к рыбам, живущим в священной воде, покажу им. А то я не раз видела, как рыбы важно выплывают в реке. словно так и манят человека к себе. Но человек не понимает этого, не знает, как их выловить.

– И это сделай, – согласился Пал Турам. – Молодец! Мысли мои на целый шаг опередила. Другая пища людям не помешает. Тогда ступай в дальнюю и нелегкую дорогу. А чтобы тебя там никто не трогал, спущу вслед за тобою на землю на золотой люльке сот хоятпи ляль¹. Пусть он тебя поохраняет.

Уселась тогда Дочь Солнца с огненными глазами на самую быстроно-

¹ Сот хоятпи ляль – зверь, имеющий силу ста лучников, медведь.

гую белогривую лошадь и ударила своим упругим хвостом по ее широкой спине. Резвый конь, гремя своими железными копытами по подолам неба, помчался туда, куда правила трехцветной уздой Дочь Солнца. Быстро приблизившись к окутанной серебристыми облаками земле на расстояние видимости, кошка, опустив золотые вожжи, направила коня вновь к владениям Седьмого Неба, а сама ловко спрыгнула в сторону земли. Завертело и закружило ее порывистыми струями ветра. Только звон и свист раздавались в ушах, словно журчали вокруг быстроногие весенние ручьи. Кошка вовремя зарулила своим упругим хвостом и прицелилась в сторону кедрового бора. Перед тем как удариться о широкие мягкие ветви-ладони раскидистого кедра, она растопырила жилистые лапы. От мощного удара ее семь раз подбрасывало вверх на высоту парящего лесного орла.

Пружинистая крона кедра погасила наконец силу падения, и небесная гостья на мягких лапах опустилась в мшистые ладони земли. Осталась она живой и невредимой. А как же иначе?! На то она и Дочь Священного Солнца, посыльная Всесильного Пал Турама. Она три раза фыркнула и огляделась по сторонам.

И в это время могучий кедр, сотни лет сосавший питательные соки земли и сотни лет набиравший силу, хотя и крепко держался своими разветвленными корнями за кормилицу-землю, резкого раскачивания от ударов стремительно падавшей Дочери Солнца все же не выдержал и, все выворачивая вокруг, с грохотом рухнул на землю. И словно тяжелый стон прокатился по лесу.

– Что поделаешь, – услышав печальный стон, сказала Най Эви, – погибло дерево. Но его корни еще сослужат большую пользу людям. Да и дерево людям пригодится.

А удивленные люди, стоявшие поодаль на высоком мысу, поросшем желтевшим пыреем, затаив дыхание, наблюдали за упавшей небесной посланницей с огненными глазами. Они изумлялись, как неизвестный зверь семь раз легко взлетал от гибких кедровых ветвей на высоту парящего лесного орла и вновь падал, а затем, не разбившись, удачно приземлился на землю.

– Вот это чудо! – первым промолвил слово седовласый старик Таньла. – Какой-то волшебный диковинный зверь. И с глазами подобными солнцу. Надо бы поближе рассмотреть его. Может, не наделает нам плохого, не тронет нас.

Но не успели перепуганные люди прийти в себя и тронуться в сторону упавшего кедра, как неведомый зверь, делая длинные прыжки, легко

одолевая бугры и пни, выскочил на поляну и присел. Увидев взбудораженных людей, Най Эви промяукала три раза, уставилась на них сверкающими глазами и тут же начала облизывать свои лапы от налипшей грязи.

– Как красив невиданный зверь! – враз тихо заговорили люди. – И до чего умен! И чистюля какой!

Жители селения, придя в себя, еще долго любовались небесной пришельцей.

2. ЕМАНГ НАЙ ЭВИ ЗНАКОМИТ ЛЮДЕЙ С РЫБОЙ

Проницательная Най Эви уже знала, что ей делать. Подыщенная похвалами людей в своей адрес, она ловко запрыгнула на ветки рядом стоявшей белокорой стройной березы на высоту почти в три сажени. Усевшись на ветке, она начала резво размахивать своим упругим хвостом и беспрестанно мяукать.

Люди, удивленные таким ловким, невиданным прыжком четырехногого зверя, враз наперебой закричали:

– Кой! До чего же он сильный зверь.

Кой! Прыгает на высоту в десять раз выше себя,

Кой! До чего же крепкие лапы имеет,

Кой! Взлетает вверх в двадцать раз выше себя.

Кой! Конечно же, он сверхъестественный зверь,

Раз с высоты такой неведомой не разбился.

Кой! Конечно же, он божественный зверь,

Раз, с невидимой высоты упав, остался жив.

Небесная Дочь Солнца, словно слушая теплые причитания людей, ненадолго умолкла, а затем замурлыкала.

– Я-а! – удивились люди, переглянувшись. – Небесный зверь камлать может... Кой! Пожалуй, кушать ему хочется, – сказал седовласый старец. – Принесите-ка ему кусок оленьего мяса.

Стоявшие поодаль женщины, одетые в летние ягушки из оленьей замши, тотчас же сбегали в неподалеку стоявший приземистый амбарчик и принесли кусок жирного мяса от оленьего бедра. Най Эви, хотя и не была голодна, но из уважения к земным людям спрыгнула вниз и стала когтями и зубами разрывать мясо. Покончив с мясом, Най Эви, виляя хвостом, приблизилась к старцу и уставилась на него. Старец, поняв жест диковинного небесного зверя, стал гладить его по шелковистой пятнистой спине.

– Кой! – воскликнул старец. – Зверь-то, оказывается, самка. Я думаю, люди, назовем ее небесной кошкой. И до чего она умная и мирная, до чего понятливая! Чудо, а не зверь!..

От нахлынувшей радости кошка чуть не заговорила человеческим голосом, но мгновенно вспомнила наставления Всесильного Пал Турама и цель своего прихода на грешную землю, населенную существами Среднего Мира. Подавив нахлынувшие приятные чувства, небесная кошка стала вилять хвостом и медленно и важно вышагивать в сторону реки. Пройдя по протоптанной людьми неширокой тропинке расстояние с бросок аркана, остановилась и, мяукая, повернула голову в сторону людей, словно зазывая их следовать за ней.

Люди поняли и тихо тронулись за расторопной и сообразительной кошкой. Да и как им было не понять этого, коль она, наделенная высшим разумом, могла легко завораживать людей и передавать им свои чудные мысли.

Семь раз останавливалась небесная кошка и семь раз надолго поворачивала голову в сторону следовавших за ней людей, пока не подошла к каменистому берегу, защищенному от прибойной волны. Здесь она огляделась, острыми глазами прощупала каждый кустик и лежавший камень, чутко принюхиваясь к запахам, ведомым только ей, и на цыпочках шаг за шагом бесшумно подошла к кромке воды, где лежал замшелый обрубок трухлявой березы. Речною водою за долгие годы в нем давно уже смыло внутреннюю труху, осталась только посеребренная гнилистая кора. Здесь небесная кошка вся сжалась, напрягла свои мышцы, присела – и резким, почти молниеносным прыжком достигла обрубка березы. И о чудо! В тот же миг из трубчатого обрубка березы с двух сторон рванули в реку два прытких испуганных сырка. Проворная кошка метнулась со скоростью свистящей выпущенной стрелы, крепко закогтила короткоголового жирного сырка и вытащила на берег. Перепуганная рыба, неожиданно оказавшись на сухом берегу, забарабанила упругим хвостом, пытаясь вновь вернуться в воду, в свой обжитый дом. Но кошка тут же оттащила сырка подальше на песок и, уставившись на удивленных людей, стала мяукать и вилять хвостом.

Ошарашенные люди вначале ничего не понимали, но, поразмыслив, догадались, что кошка зовет их к себе, чтобы они оценили добытую ею рыбу. Мужчины с некоторой опаской впервые взяли в руки неизвестного водного обитателя, повертели его, погладили по голове и чешуйчатым серебристым бокам, а затем положили на галечный песок. Кошка же,

недолго помяукав, подошла к живой, трепещущейся рыбе и стала облизывать ее своим нежным слизистым языком, временами поглядывая на людей, оскаливая при этом острые зубы и делая вид, что глотает.

Старец Таньла, кажется, догадался, понял мысли кошки и сказал своим сородичам:

– Не удивляйтесь, люди! По-моему, она просит, чтобы мы попробовали на зубок эту рыбу. Может, она впору будет нашим желудкам, которым уже приелось мясо.

И, взглянув на Высокое Небо, добавил:

– Да не обидится пусть Пал Турам на меня за мои, может, необдуманные слова, так легко отозвался я о мясе.

Ханты так и поступили. Старец споро вытащил из своего березового чехла нож, искусно изготовленный из обкатанного речного камня, и сноровисто разрубил рыбу на небольшие съедобные куски. Он, опять же догадавшись, соскоблил с одного куска рыбы чешую, затем поднес его ко рту и стал с удовольствием отрывать один кусочек за другим, мягко пережевывая зубами.

– До чего же вкусна! – воскликнул старец. – И мягкая, и нежная! Попробуйте и вы.

Новая еда понравилась всем. Так люди на широких берегах щедрой Оби впервые узнали, что такое рыба, и извели ее приятный вкус. Они, радостные и довольные от упавшего на их голову безмерного счастья, бежали весь каменистый берег в поисках подобных же обрубов, но, ничего больше не найдя, поняли: нужно придумать что-нибудь другое, чтобы овладеть богатствами многоводной Оби.

3. НЕБЕСНАЯ КОШКА ПОКАЗЫВАЕТ ЛЮДЯМ, КАК ЛОВИТЬ РЫБУ

Долго думали люди над тем, как изловить речную рыбу. За это время не раз раздувался сильный шторм и не раз струи дождя беспощадно хлестали землю и воду. Первым однажды утром всплеснул руками сообразительный Таньла. Он пошевелил свои седые, как у головы лесного орла, волосы и воскликнул:

– И до чего мы глупые, недогадливые мужчины! Надо сплести что-то наподобие мешка. Быть может, из прутьев мелкого тальника?

– Конечно, можно! Конечно, можно! – поддержали старца его преданные сородичи. – Только из чего его сплести? Прутья же распадутся.

Мужчины, столпившись у кромки воды и глядя на стившую труху

березовой коры, недоуменно поглаживали свои бороды и медленно почесывали затылки со свисавшими косичками.

Их размышления прервала щедрая небесная кошка, которая стала громко мяукать, вилять хвостом и беспрестанно мотать головой в сторону леса, откуда она недавно появилась. Всем своим возбужденным поведением она словно подсказывала, что нужно следовать за ней.

– Что-то опять хочет сказать, – догадались жители селения, – понаблюдаем за ней получше.

Кошка медленным шагом тронулась в сторону леса, а люди последовали за ней. Она привела их к тому месту, где рухнул при ударе об него старый, не одно столетие стоявший кедр. При падении у дерева пообломались некоторые высохшие ветви, вместе со стволом были выворочены многочисленные разветвленные корни, отростки которых тянулись местами до пяти-шести саженей.

Умная кошка, не долго думая, стала осторожно трогать ловкими лапами гибкие отростки кедровых корней и словно ими забавляться.

– Вот ученый зверь! – опять первым воскликнул старец Таньла. – Орудие ловли под нашими ногами. Небесный зверь так и тычет наши глаза к этой мудрости. Вот умница! – Таньла загадочно, слегка прищурившись, обвел взглядом жителей селения. – Мы уже плетем лукошки из кедровых корней. А почему нельзя сплести что-нибудь похожее на мешок? – Старец развел руками, хитро улыбнулся и, довольный, добавил: – И орудие готово! И рыба будет наша!

Он осторожно подошел вплотную к небесной кошке. Та без боязни дала себя погладить по горбатой спине и взять в руки. Старец даже поцеловал ее в узкий лобик, а затем сказал своим сородичам:

– С сегодняшнего дня все будете ломать головы над тем, как лучше сплести из кедровых жил орудие лова для речных рыб. По-моему, тут уж должны додуматься наши безмозглые головы.

Так со временем у обских ханты появились примитивные гимки, которые мастерили из тонких прутьев лиственницы с помощью кедровых жил. Позднее из очищенного верхнего слоя коры стали плести небольшие сети и неводы, которыми стали ловить рыбу в прибрежных заливах и нешироких протоках. И намного лучше зажил народ маленького селения. Теперь уже вместе с мясом и лесными ягодами стали употреблять в пищу нежную речную рыбу.

С тех пор ханты стали называть воду эсам ик – грудное молоко, а Обь-кормилицу – щедрой грудью.

4. НЕБЕСНАЯ КОШКА РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ ОГНЯ

Но тропа многотумной жизни не стоит на месте.

Небесная кошка постоянно помнила о том, что ей нужно помочь людям овладеть огнем, который пока что только отпугивал их. Она перебирала разные варианты, и тут неожиданно секрет огня преподнесла, как на ладони, сама природа, таящая сотни и тысячи тайн.

На Оби разыгрался невиданный шторм. Сорок дней подряд ошалелый ветер дул с севера. Деревья качало из стороны в сторону, порою прижимало их чуть ли не к самой земле. Ветер бесился и гудел, и казалось, что над вытянувшимся в реку мысом со свистом проносятся невидимые всадники.

В один из дней кошка, забравшись на крышу дома Таньлы, покрытую берестой, поглядывала по сторонам и неожиданно заметила, что у кромки леса две рядом стоявшие ели от долгого трения друг об друга задымались.

– Вот где тайна огня! – подумала мгновенно повеселевшая небесная кошка. Она тотчас же прыгнула на землю и легко побежала к людям, которые сидели полукругом и смотрели на разбушевавшиеся волны, которые словно высоконогие лоси неслись по стремнине навстречу течению реки с севера на юг. Кошка замаякала, стала вилять хвостом и беспрерывно поглядывать в сторону глухо шумевшего леса.

– Что-то опять замыслил зверь, – сказал старец Таньла и, взглянув в сторону леса, слегка переменялся в лице и с некоторой опаской произнес: – Я-а! А там что? Откуда дым взялся?! Кто лес поджег?!

Люди, схватив топоры, устремились к опушке леса, где давно, почти впритирку, росли две старые ели, кора которых была покрыта мягким лишайником. Придя туда, они увидели, как от трения при порывах ветра искрят стволы деревьев.

– Кой! – засуетился старец Таньла, ближе всех стоявший к деревьям. – Вот где тайна огня! От трения дерево воспламеняется. Рубите скорее их!..

Срубив полувысохшие ели, люди воспламенившиеся куски вынесли на обдуваемое ветром место и приложили друг к другу, сверху положив сухостой. И, о чудо! Костер удивительно легко разгорелся и запылал, обдувая жителей приятным теплом.

Так люди с щедрой помощью небесной кошки овладели секретом огня.

И в их дома пришла новая жизнь, стало уютно и тепло.

5. НЕБЕСНАЯ КОШКА ПОМОГАЕТ ЛЮДЯМ СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ЗЕМЛЮ НЕ ТРЯСЛО

Увлекательная и трудная жизнь приносила людям все новые и новые загадки. Порою они были радостные, а иногда – плохие.

Неспокойно было в это далекое время на земле. Ее то и дело долгой, холодной зимой и солнечным, теплым летом слабо покачивало, как колданку¹ на невысоких волнах реки, а иногда и сильно трясло, как мчащуюся нарту на ухабистой дороге. От подземных толчков порою разваливались ветхие дома, а на реке вздымались невиданные высокие волны, которые, оскалив бешеную пасть, слепо обрушивались на берег и враз смывали колданки и лодки, а случалось – и людей. А если неопытный человек во время рыбалки попадал в бурю, редко возвращался домой живым. Как легкую щепку, переворачивало его утлую лодчонку, и он

¹ Колданка – маленькая лодка.

оказывался в когтях разбушевавшихся волн. Люди обских селений, уже измотавшиеся от подобных разрушительных стихий, не знали, как от них избавиться. Они боялись далеко выходить в реку. А без реки – какая жизнь?! Оставались без деликатесной рыбы, которая была для них вторым хлебом. Да и осторожного зверя не каждый день изловишь, не всегда понесет его к человеческим ловушкам. Случалось, что дикие олени и лоси надолго покидали их охотничьи угодья. Трудно приходилось тогда людям. А река-то рядом, всегда под рукой. Всерьез задумались ханты над тем, как найти выход из этого, как им казалось, безвыходного положения. «Природа всесильна, – повторял старец Таньла, – Ничем не утмиришь ее. Кой! Но искать выход надо. Может быть, каким-нибудь пальцем она шевельнет в нашу сторону».

И опять у людей, уже почерпнувших некоторый опыт, все мысли, как ручейки у рек, устремились к мудрой небесной кошке, которую они в достатке потчевали вкусной свежей рыбой и жирным мясом и уважительно называли Турам Най Нэ¹. Все больше и больше стали преклоняться перед ней, ее невиданным умом и смекалкой. А небесная кошка – посланница Пал Турама – уже давно догадалась о неослабевающих тревогах жителей селения. Она своими острыми сверкающими глазами не раз видела, как во время таких опустошительных стихий на бурлящей реке тонули люди, а на грешной земле рушились их деревянные постройки. Она, конечно же, сообразила, что помочь ханты может только Всесильный Пал Турам. Уж его-то сила, простирающаяся до краев семи небес и семи земель, никем еще не измерена. Его ум, доходящий до краев тридцати неизвестных небес и тридцати волшебных земель, никто еще не распознал.

Вначале кошка, находясь на грешной земле, где живут грязные звери и нечистые люди, хотела сама попросить Пал Турама, чтобы он поднял ее на золотое Высокое Небо, где обитают только чистые существа и находится вечно живая вода. Посылая ее на грешную землю, Пал Турам не раз поговаривал: «Чтобы подняться в края Верхнего Мира, ты должна прежде всего хорошо очиститься. Пройти через семь ливневых гроз, которые я пошлю на землю. Ты должна изловить озерную выдру, а затем лаленой струей и шерстью этого священного полуводного зверя снять с себя нечистоты. Только тогда тебя, очистившуюся, я подниму в пределы Верхнего Мира».

Вспомнив слова Пал Турама, кошка подумала, что для исполнения

¹ Турам Най Нэ – Женица Небесного Солнца.

всех этих обязательных наставлений потребуется слишком много времени. Да и у нее, наверное, не один летний день займет отыскать на неизвестной земле озера, где водятся эти священные звери. И не так легко, пожалуй, изловить выдру, козь Пал Турам нарек ее священной. И она, чтобы лишней раз не беспокоить Пал Турама и не раскрывать перед ним свою беспомощность, решила обратиться к младшей Дочери Высокого Небесного Солнца – Нулюх¹ – Красавице Радуге. Кошка стала с нетерпением дожидаться, когда семицветная красавица радуга встанет своими длинными стройными ногами на небе. И только она появилась, кошка тут же убежала подальше от людей, чтобы не мешали ей сосредоточиться и собраться с мыслями. Пришла к тому месту, где когда-то спустилась на землю. И вот она, виляя хвостом, уставилась своими огненными глазами на радугу. Глаза кошки загорелись так ярко, что если бы стояла ночь, то близлежащая окрестность была бы залита невиданным светом. Устремив свой взгляд на небесную радугу, кошка мысленно запричитала, передавая свою важную просьбу:

– О Священная Дочь Небесного Солнца!

Сила твоя безмерна.

Ты можешь вмиг дождевые облака рассечь пополам.

Тебе под силу вызвать невиданный грозовой ливень.

В твоей власти раскачать многоводную Обь.

О, сила твоя необъятна!

Ты никогда не обманываешь:

Твой язык самый честный и правдивый.

Только помоги мне, Младшая Дочь Небесного Солнца.

Передай стоумному и тысячеумному Пал Тураму,

Чтобы он успокоил грешную землю,

Чтобы перестала она качаться, как колыбель на волнах.

От этого невинные звери страдают и люди погибают.

О Младшая Дочь Всесильного Солнца!

Передай Пал Тураму мою маленькую просьбу...

И по тому, как семицветная радуга уплыла в небесную высь, кошка поняла, что та отправилась к Пал Тураму, чтобы передать ему ее просьбу. А кошка, довольная тем, что небесная радуга вняла ее словам, медленно направилась в сторону селения. Не успела она дойти до него, как увидела, что небо враз потемнело и стало черным, как дно котла. Тучи, как

¹ Нулюх – называют ее еще Деревом Клятвы, перед ней люди клялись в верности и честности.

высокие горы, протянулись по небу и стали перемещаться от горизонта к горизонту. А яркие лучи солнца, с трудом прорвавшись через многослойные клубы туч, двигались по земле от одного места к другому, словно обозначали там места для какой-то цели.

Так и случилось. В те места, где лучи солнца оставили свои мягкие невидимые подошвы, вдруг сверху, с разверзшегося неба, посыпалось что-то невероятно тяжелое. Земля, наверное, еще ни разу не видела подобного зрелища и такого вселенского грохота. Солнце вмиг исчезло, и внезапно на землю надвинулась темная ночь. Оглушенная земля вздрогнула и закачалась, как легкая пушинка. Казалось, что она раскололась на тысячи обломков и понеслась в неведомую даль. А где-то беспрерывно в неистовстве ворочались огромные камни-глыбы.

Перепуганные лесные звери и птицы попрятались в своих тайных убежищах, обитатели многочисленных озер и рек притаились в известных только им глубинах. На небе бесконечно сверкала яростная молния, словно в тысячу разъяренных медвежьих глоток ревел и грохотал свирепый гром. Обезумевшие люди припали к своей матери-земле. В моменты кратковременного затишья они устремляли свои взоры ввысь и тихо шептали:

- О, Пал Турам! Спаси нас! Убереги корешок нашей короткой жизни.

Три дня и три ночи в невероятных муках и страданиях тряслась и содрогалась земля, три дня и три ночи, раскалывая небо, грохотал гром и, с размаху рассекая тучи, сверкала молния, три дня и три ночи не было видно ни бесчисленных звезд, ни яркого солнца, три дня и три ночи хлещущими потоками лил дождь.

И все это время смертельно перепуганные, обессиленные люди и звери, притаившись в своих укромных углах, словно замерли. На четвертый день все стихло. Улыбающееся солнце ладонями своих рук жарко согрело землю, спокойно катила свои воды величавая Обь, на тысячи голосов распевали свои песни лесные птишечки, и оглашали своими криками окрестность озерные утки.

Пришедшие в себя люди селения, внимательно прислушавшись, почувствовали, что родимую землю и воду, к их удивлению, больше не качает и не трясет. Взглянули они в сторону запада – там высились неведь откуда появившиеся Каменные горы (Уральские), повели своим взглядом к выдававшемуся мысу – и их глазам предстал буряющий каменный перекат. И люди поняли: это Бог Высокого Неба спустил на землю тяжелые камни, чтобы больше не качало и не трясло ее, не лихорадило людей, разных зверей и птиц. Долгожданное спокойствие наступило на земле.

А небесная кошка, довольная свершившимся и тем, что Всесильный Пал Турам внял ее просьбам, от радости виляя хвостом, закружилась вокруг людей, вскарабкалась на рядом росшую толстую березу и оттуда, с высоты почти четырех саженей, спрыгнула на землю.

– Кой! – изумились люди. – Как проворная белка прыгает. И тоже, миленькая, места себе не находит. Наверное, поняла нашу радость. До чего же умна она!

По случаю такого незабываемого события люди селения закололи в жертву Пал Турама самого жирного оленя, выпили горячей крови, покушали мяса в сыром и горячем виде. А перед трапезой они вышли на высокий берег реки, задрали головы в сторону Высокого Небесного Бога и семь раз прокричали, протяжно приговаривая:

– Гляди, гляди, Всесильный Пал Турам!

Наш слабый крик пусть в семи поворотах реки отдается,

До семи пазух дремучей тайги пусть дойдет,

Чтоб все слышали и знали,

Как ты помог нам и как мы благодарим тебя,

Может, какой-то писк от нашего крика

И до тебя доплетется.

Спасибо тебе большое, Всесильный Пал Турам!

Не найти нам такого подарка,

Которым могли бы тебя отблагодарить.

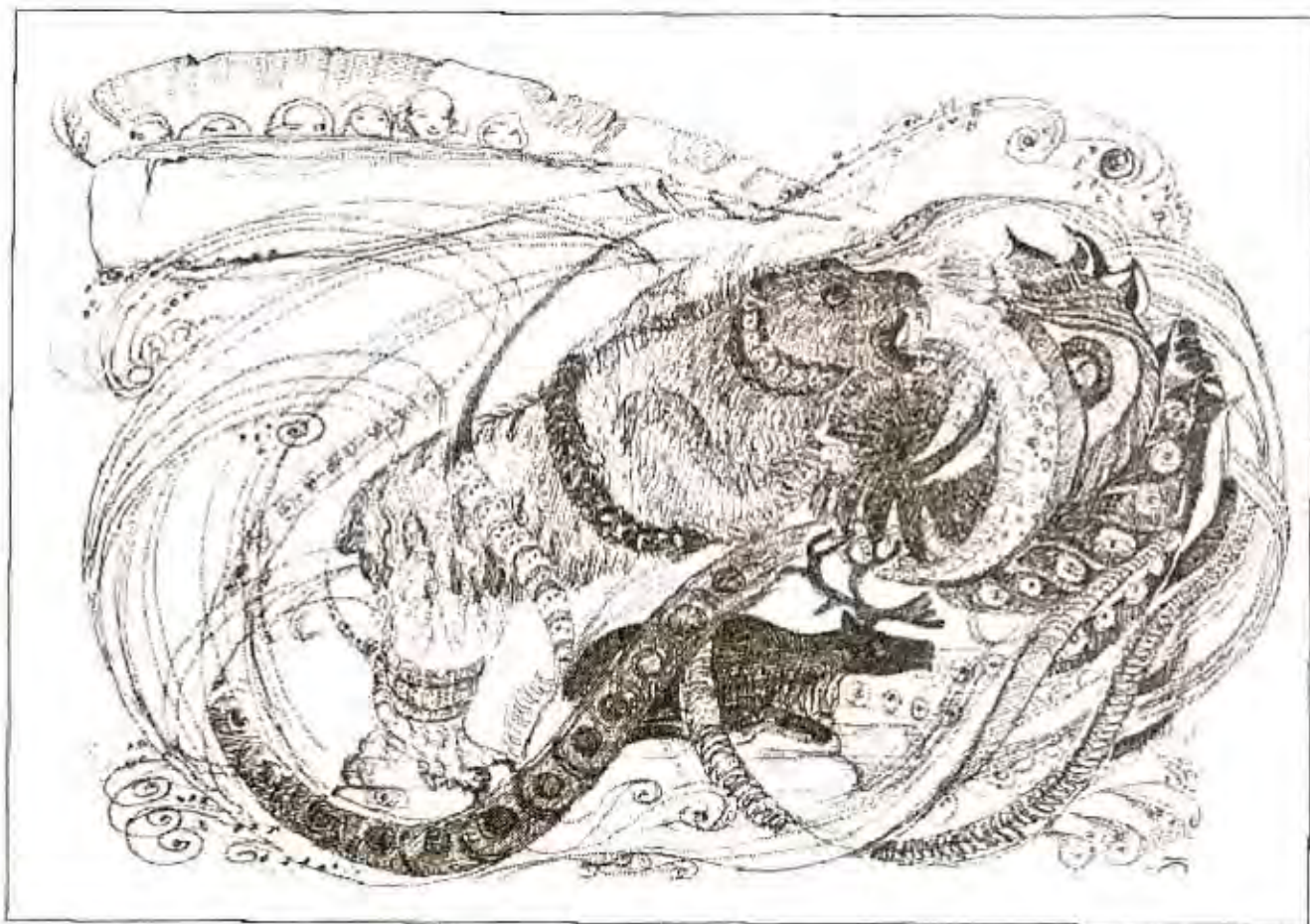
Ты уж за это не обижайся.

Из рода в род будем помнить это!

6. НЕБЕСНАЯ КОШКА ПОМОГАЕТ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ РЕЧНОГО ЧУДОВИЩА

Легко вздохнувшие жители селения теперь уже не остерегались воды. На своих юрких колданках они устремились на другую сторону реки, чтобы найти там богатые рыбой места. А у берега опасались плавать: река вся была осыпана камнями, и каждый раз сети, сплетенные из коры тала, цеплялись за подводные тяжелые глыбы и разрывались на части.

Это-то и вынудило искать более безопасные места для плавания. Лишь только первая колданка достигла фарватера реки, где вода бурлила и крутилась жгутами, как из-под взбучившейся воды, подняв высокие волны, показалось неизвестное семиголовое чудовище. Оно, сверкая широкими крутящимися глазами, мощно развернулось в одну, в другую сторону и залилось диким и наглым смехом.

– Ха-ха! Послал мне Вес – Отец Подводной Реки – богатую добычу! Сполна будет наполнен мой огромный, величиной с озеро, голодный желудок. Я – всесильный! Я – всепроглатывающий!..

Люди в колданках перепугались, вмиг перестали грести и застыли неподвижно.

Страшное чудовище, недолго думая, резко развернулось и ударило мощным, покрытым кожаными отростками хвостом. И три высокобортные колданки тут же перевернулись. Затем чудовище молниеносно схватило своими длинными костлявыми когтями людей и колданки, раскрыло свою огромную пасть и стало их пожирать. Только звуки «мор-мор» слышались в его острых и крепких зубах.

Люди, стоявшие на берегу, напуганные и потрясенные, долго думали, как им быть дальше. После страшного небесного камнепада все животные попрятались в далеких лесах, и люди не знали еще, сохранилась ли там какая-нибудь живность. А кушать хотелось. Вся надежда оставалась на рыбу. Но выходить далеко в реку боялись: кому хотелось очутиться в прожорливой пасти речного чудовища? Ничто не ускользало от его цепких щупальцев, покрытых твердой заскорузлой кожей. Даже проплывавшие в сторону этого места твердые толстые лиственничные бревна хватал он и передамывал своими крепкими зубами.

Всякое придумывали жители селения, чтобы избавиться от омерзительного Куля – речного чудовища.

Садилась в надежные колданки смелые жилистые воины и с расстояния броска аркана из своих упругих луков выпускали остроконечные свистящие стрелы в несытую пасть речного чудовища, но грозное страшилище почти не чувствовало их попаданий, и были они для него словно комариные укусы. А люди за это платили своей жизнью. Стоило поганому чудовищу сделать два-три мощных броска, и даже стремительно уносившиеся прочь остроносые колданки вместе с воинами оказывались в его прожорливой ненасытной глотке.

Приуныли ханты от неожиданно обрушившегося на них тяжелого горя. Семь дней и ночей думали они, но не нашли спасительного выхода. А желудок у людей просил еды все сильнее с каждым днем. Как назло, в это холодное лето поздно созрели ягоды, и людей начал одолевать беспощадный, все усиливающийся голод.

Все это видела небесная кошка и думала, как помочь невинным людям. Она, конечно, сама бы могла обратиться к Пал Тураму. Говорил ей Пал Турам, что при острой необходимости спустит на землю золотую лестницу, по которой она сможет подняться до третьего этажа Высокого Неба, а там будет ожидать ее белогривый конь, который вмиг примчит ее к Богу Высокого Неба. Но небесная кошка не хотела выказывать Пал Тураму свое бессилие и лишний раз тревожить его. Но и судьба злосчастных людей не давала ей покоя, они с доброй надеждой посматривали на нее. И кошка не стала на сей раз беспокоить Дочь Небесного Солнца – Семицветную Радугу – своей просьбой, а решила обратиться к сообразительной и мечтательной Турам Мось Нэ¹.

Небесная кошка дождалась ночи, и когда появилась на небе Большая Медведица, она убежала в то место, где когда-то приземлилась, уставилась своими огненными глазами в бездонное небо и в мыслях стала приговаривать:

*– О, Высокого Неба Турам Мось Нэ!
Твоя фантазия неиссякаема.
Ты, имеющая большой ум,
Мастерица сочинять красивые сказки.
О, Высокого Неба Турам Мось Нэ!
Повернись ко мне своим лицом на короткий разговор,
Уважь меня своим всевидящим взглядом.*

¹ Турам Мось Нэ – женщина – сказительница Неба, Большая Медведица.

Ведь только ты указываешь на необъятном небе
Трону другим неведомым звездам и мирам.
Ты все знаешь, мозговитая Турам Мось Нэ,
Твой ум до семи неизвестных краев небес доходит.
О, всезнающая Турам Мось Нэ!
Помоги мне и жителям селения:
Избавь ослабевших, оплоцавших людей
От прожорливой пасти ненасытного чудовища...
Передай мою просьбу Пал Тураму...

После этих слов небесная кошка прилегла пушистой пружинистой спиной на мягкий мох и стала внимательно улавливать шепот, доходивший только до нее.

Выслушав дельные советы Турам Мось Нэ, небесная кошка, вначале довольная собой, легко вскочила на ноги, а затем, надолго задумавшись от чего-то и уныло опустив голову, нехотя побежала в сторону селения. А передала ей Турам Мось Нэ следующее:

– О, посланница Пал Турама – Младшая Дочь Солнца,
Ты много добра принесла грешной земле.
А просьба твоя – не стоит и ноготка.
Стоит ли из-за этого беспокоить Пал Турама?
Сделай так, как я тебе скажу.
Пусть неразумные люди надежный плот соорудят,
Вместо паруса на плоту установят три березы,
Привяжут на плоту трех стреноженных оленей,
А плот привяжут к берегу веревкой
Длиною в тридцать саженьей.
К каменистому берегу подойдет зверь,
Имеющий силу ста лучников-воинов.
Увидев жирных оленей, поплывет к ним.
Как залезет на плот – рубите веревку,
А может, и сам рассечет он ее.
Пусть сот хоятти лядь расправится с чудовищем.
Что поделаешь? Не хотела посылать я его,
Но Всесильный Пал Турам на него обижается.
Вместо того, чтобы тебя охранять и невинных людей,
Он стал разрушать капища ханты
И тревожить волшебные силы земных идолов...
И еще попрошу я тебя, посланница Пал Турама:
Не должна ты вступать

*С несовершенными людьми в разговор,
Пусть сами твои знаки поймут
И мысли тайные твои разгадают.
Не то рассердится на тебя Пал Турам
И обрушит на тебя и на землю свой гнев...*

Напрягая свой ум, долго не могла уснуть небесная кошка – посланница Пал Турама. Семь своих больших мыслей семь раз в аркан собирала, тридцать своих глубоких мыслей тридцать раз в дорогу снаряжала, но только ответа так и не получила. И только под утро, когда взошла Алангсахат Хус – Звезда Утренней Зари, небесная кошка, уже засыпая в своем четырехножном амбарчике, выстроенном специально для нее из стройных березовых бревнышек, подумала: «Может быть, ханты поймут меня? О, Пал Турам, помоги моим услышанным мыслям перебраться в их медленно соображающие головы. Хотя бы один корешок моих мыслей пророс у них. О, Пал Турам! Внемли моим просьбам!»

Утром кошка, проснувшись после короткого легкого сна, выглянула из поскрипывающих дверей лопаса-амбарчика и обрадовалась: свежий восточный ветер поддувал с берега, и значит, плот поплывет как раз к месту обитания мерзкого речного чудовища. Все пока складывалось удачно.

Взбодренная небесная кошка мягко спрыгнула на землю и побежала к ближайшему мысу, где лежали толстые еловые и кедровые колданки. «Маловато, – подумала она. – Надо бы еще срубить. Плот должен немалый груз выдержать».

Обратной дорогой кошку опять тревожили ночные мысли. Подходя к селению, она увидела, что подавленные женщины на обрубках толстых лиственничных бревен молча разбивали оленьи кости и осколки спускали в котлы, висевшие на костре. «Кой! Последние жалкие запасы доедают, – еще больше встревожилась кошка. – Только много ли силы добавит им эта похлебка. Водой еще никто не наедался...»

Увиденная картина потрясла кошку, сердце ее разрывалось на части, и она еще больше прониклась жалостью к ханты, которые уже исхудали настолько, что некоторые еле передвигали ноги.

И смелая небесная кошка, невзирая на советы Пал Турама, решилась на отчаянный и вынужденный шаг: заговорить с людьми и рассказать им, как расправиться с ненасытным ужасным речным чудовищем.

Когда злополучные ханты после скудного завтрака, как обычно, собрались на поляне пригорка посоветоваться, как жить дальше, как одолеть жестокого подводного Куля, небесная кошка подбежала к ним, уселась

на лапы, повела огненными глазами от одного к другому и неожиданно заговорила человеческим языком: «Ехат! – Мужчины! Послушайте!»

Люди, впервые услышав от нее такое, от страха поневоле передернулись, посмотрели друг на друга глазами, выражавшими страх и недоумение, скинули с голов пришитые к малицам неблюевые шапки и готовы были вмиг соскочить и унести́сь подальше от этого невиданного зверя – то ли черта, то ли потустороннего духа. К тому же в это время сверкнула молния, вдалеке прогремел гром, и ни с того ни с сего на своих легких невидимых ногах пробежал над высоким мысом ветерок. И необычный протяжный шум отдался на крышах домов селения. Появился ни с того ни с сего и загадочно исчез.

– Кой! – в ужасе заговорили люди. – Что происходит? И что случилось с умной небесной кошкой? Разве четвероногое животное может говорить? Как бы не сделала худого?!

Но в это время небесная кошка, видя замешательство ханты и их взвинченное состояние, спокойно продолжила свой важнейший разговор: «Не бойтесь меня, жители селения. Я – посланница Пал Турама. Он послал меня к вам. Я хочу спасти вас. Мне Высокое Небо подсказало, как расправиться с чудовищем».

Еще долго и не раз небесная кошка растолковывала взволнованным людям, что надо сделать, чтобы избавиться от подводного чудовища, дерзкого и не в меру обнаглевшего. За это время, пока она объясняла, пожалуй, не один мыс реки можно было проехать на колданке.

Люди очень долго решали, как быть с последними тремя важенками, оставшимися у них. Жалко было отдать их на растерзание скверному чудовищу: уж очень хотелось дожидаться им от важенок потомства. Даже в голодную пору терпеливые жители селения не трогали их пальцем, не то чтобы заколоть на мясо.

Наконец ханты успокоились и приняли столь необычное предложение всезнающей небесной кошки. Да и что оставалось им делать? Наверху – доска, внизу – доска¹.

Взяли изможденные мужчины свои тяжелые каменные колуны, наточили их и отправились к ближайшему кедровому мысу. Дружно принялись они за работу, и когда летнее солнце находилось в зените, уже соорудили необычный плот: саженой на пять в ширину и столько же в длину. Бревна, уложенные в три ряда один на один, крепко стянули

¹ То есть наверху плоскость, ограниченная небом, и внизу – плоскость, ограниченная землей. И человеку в этом мире никуда не деться.

прочными кедровыми жилами. Выворотили с корнями три раскидистые березы и вместо парусов установили на слегка покачивающемся плоту. И чтобы их не свалило порывами ветра, сделали растяжки из толстой веревки. Долго не решались поймать последних трех важенок. Но, пересилив себя, заарканили их, связали им передние и задние ноги, чтобы не могли они тронуться с места, и погрузили на плот. Слабые женщины при этом заплакали и завопили: «Последнее наше дыхание, наверное, вовек пропадет. Конечно, пропадет. Кой, Пал Турам!.. Велика твоя сила!..»

Закончив все приготовления, люди дружно оттолкнули сооруженный плот от берега и на расстоянии тридцати саженей привязали веревку за ствол толстого кедра. Сделав все, как советовала кошка, люди последовали за ней подальше от этого мыса и стали с нетерпением ждать появления сот хоятпи ляль – могучего медведя.

Недолго пришлось им ждать. Не успели они вскипятить чай, как в дремучем лесу кто-то резко и оглушающе сотряс воздух, и казалось, что с лиственных деревьев посыпались листья, а с хвойных деревьев опала хвоя. И вскоре, делая прыжки длиной в три ездовых хорея, выскочил на берег сот хоятпи ляль. Грозный зверь рывкнул, словно в семь огромных глоток, поспешно втянул в ноздри теплый воздух и непонятные запахи, устоялся на плот, от злости ударил жилистой лапой засохший, не один век стоявший поседевший пенёк лиственницы. От сильного удара пятипалой лапы зверя пенёк оторвался с корнями и, кувыркаясь, покатился к берегу, чуть-чуть не дойдя до воды, зацепился за веревку, которой был привязан плот. Стосильный зверь, видимо, недовольный этим, словно в один миг оказался у корявого пня, быстро схватил его и изо всей силы швырнул в воду. Веревка, которой был привязан плот, как тоненький стебелек травы, тут же разорвалась. Затем сот хоятпи ляль стал водить своей мохнатой головой по сторонам, очевидно пытаясь разглядеть тех, кто все это устроил.

Люди, впервые увидевшие разъяренного зверя такой необычайной силы, притихли, затаили дыхание и почти слились с землей, которая словно намертво притянула их к себе. Сот хоятпи ляль, уже научившийся разорять капища людей, – за что и попал в немилость Пал Тураму, – не преминул воспользоваться удачно попавшей под руку богатой добычей. Он настолько стремительно метнулся в реку, что поднятые им серебряные брызги воды отлетели в стороны на расстояние почти половины броска аркана. Сот хоятпи ляль так мощно загребал своими широколопастными ладонями толстых лап, что звонкий звук журчащей воды перекачивался по берегу, а за плывущим зверем жгутами кружилась и

бурлила вода. Растерявшиеся ханты не успели как следует присмотреться к его невиданному заплыву, как он, высоко и резко закинув передние лапы на кромку плота, легко оказался на нем. Напугавшиеся олени, привязанные за ноги, при виде страшного зверя с оскаленной пастью, пытались тронуться с места, но ничего у них не вышло. Да и может ли живое земное существо без ног и рук двигаться куда-нибудь?

Озлобленный медведь тут же обрушил на них свою сокрушительную лапу, и олени, испустив последнее дыхание, тут же задержали обессилевшими ногами. Зверь, довольный так неожиданно и легко доставшейся добычей, издал густой и низкий звук и приступил к трапезе, но не успел он разделаться с одним оленем, как плот был подхвачен быстрыми струями фарватерного течения и увлечен туда, где обитало под водой страшное подводное чудовище.

Напуганные ханты в истерпеливом ожидании затаили дыхание: что будет дальше, чем все это закончится? Им не пришлось томиться долго. Вода перед стремительно плывущим плотом, связанным из толстых вековых елей и кедров, вдруг разверзлась, и из речной пучины вырвалась голова подводного ненасытного Куля. На высоту воткнутого хорса взлетело страшное чудовище.

– Я – всемогущий! Я – всепожирающий! – закричало противное чудовище, и пронзительно-резкий визг заполнил берега широкой Оби.

Алчный подводный Куль дважды хлестанул своим невиданной силы шершавым хвостом по воде и молниеносно рванулся к плоту. Его жадные глаза сверкали огнем, огромная зубастая пасть, шириною в две сажени, до предела разомкнулась и готова была проглотить подвернувшийся невзрачный плот вместе с находившимися там живыми существами. Могучий медведь, неожиданно и впервые увидев такое страшилище, вначале даже оторопел и растерялся. Но сот хоятли даяль есть сот хоятли даяль! Разве так, задарма, он, властелин тайги, уступит свою добычу? Зря разве ханты окрестили его зверем, имеющим силу ста лучников-воинов! Это тоже что-то значит!

На разъяренном звере тут же вздыбилась и взъерошилась грубая шерсть. Он, обнажив свои острые клыки, широко раскрыл пасть, весь спружинился и, издав грозный рык, сделал бешеный бросок на панцирную, черного цвета спину чудовища. Молнией дважды просвистела над головой подводного Куля его мускулистая лапа, переламывающая крепкий хребет лося-рогача, и у того, издавшего протяжный стон, тут же потухли наводившие страх глаза. И две струи крови фонтаном взмыли вверх. Но и речное чудовище тоже имело гигантскую силу. Оно резким

движением мощных передних щупалец крепко обхватило разъяренного, взбесившегося зверя за шею и широкую спину, намертво сжало, скрутило в комок, судорожно всунуло в свою огромную пасть и, уже, наверное, обессилевшее, вяло погрузилось в речную пучину.

Тут небесная кошка сказала: «Сот хоятпи ляль так быстро не сдается. Чудовище, наверное, лишится толстых стенок своего желудка и какого-нибудь узла своих кишок. Кто знает, может, и важный сосуд кровеносный потеряет, а может, и злое сердце. Все-таки сот хоятпи ляль – отважный воин Пал Турама! С Седьмого Неба тот его спустил. Я думаю, люди, он лапы свои жилистые с ходу не протянет и твердые клыки свои сразу не сомкнет».

Так и случилось. Чудовище больше не всплывало. А вскоре пониже от места, где происходила смертельная схватка, всплыли журчащие пузыри и вода окрасилась в черный цвет. И эта гнилая кровь струилась из-под воды до глубокого вечера. Дождавшись этого момента, небесная кошка, довольная собой, сказала: «Все! Спасибо тебе огромное, сот хоятпи ляль! Снолна ты помог ханты. Люди земли вечно будут помнить тебя и чтить. Ты спас их от неминуемой смерти, открыл перед ними дальнейшую тропу жизни...»

По совету умной кошки ханты смастерили из кедровых жил длинный широкостенный невод, ловко закинули его на том месте, где должен был лежать подводный Куль, и стали медленно вытаскивать. Когда зацепили чудовище, невод стал таким тяжелым, что пришлось соорудить два ворота, и только с их помощью выволокли необычный улов. В неводе даже оказалось несколько жирных корявых осетров.

Чудовище оказалось настолько огромным, что имело длину сажений пять, а на его толстокожую спину можно было взобраться только с помощью лестницы. Несколько койданок враз свободно вмещалось в его широкую пасть.

Ханты, вооружившись своими острыми каменными топорами, стали рубить надувшийся живот речного чудовища. Его дугообразные ребра оказались настолько прочными и твердыми, что людям не раз и не дважды пришлось подтачивать топоры. Только к исходу третьего дня обессилевшие мужчины извлекли из вспоротого, пахнущего гнилью живота еще хорошо сохранившуюся тушу сот хоятпи ляль. А от людей, которых он сожрал ранее, за месяц – за два, остались одни хрупкие кости. По совету небесной кошки селяне сняли с уже начинающего разлагаться медведя шкуру, аккуратно уложили ее на долгое хранение в священную высоконосу ю нарту. Из пасти сот хоятпи ляль извлекли большие анся-

ры – клыки. «При себе их держите, – сказала небесная кошка. – Пусть каждый охотник привяжет по одному клыку на свой кожаный пояс. Он придаст человеку силу и уверенность, а также смелость и отвагу в бою. А злые черти и всякая нечисть на расстоянии полета стрелы будут обходить вас. Медвежий клык – ваш надежный талисман. Он всегда окажет вам помощь в трудную пору».

Ханты вынули также из желудка чудовища все человеческие останки и уложили их в широкую колданку. Поместили туда же одежду, посуду, охотничье снаряжение и все это похоронили со всеми ритуалами на кладбище предков.

А ненавистное речное чудовище со всех сторон обложили сухими дровами вперемешку с берестой, содранной с семидесяти толстых деревьев, и подожгли.

Семь дней и ночей горел и тлел необычный костер, выдавливая из себя черный, чадающий дым. Образовавшуюся с большой бугор кучу золы закопали в глубокую яму и на всякий случай завалили сверху тяжелыми глыбами-каменьями.

– Пусть никогда не выползет оттуда эта мерзость, – сказала небесная кошка. – Черной и злой силе – темное и гнилое место.

– Конечно, так, – отозвался седовласый старец Таньла. – Тяжелая пора рождает нечистые черные силы, а светлая тропа жизни их умиротворяет.

Легко и весело зажили с тех пор жители приобского селения на одном из каменных мысов. Людям казалось, что солнце спустилось для них с высоты семи небес и луна с высоты трех небес уселась на землю.

И селение с тех пор называли Пораватом (мыс Дракона), от слова «Ма паратты! – Я – всепожирающий!», которое выкрикивал жадный подводный Куль, когда наводил трепет и страх на все живое, выскакивая из-под тяжелых толщ обской воды.

7. НЕБЕСНАЯ КОШКА СПАСАЕТ ЛЮДЕЙ ОТ ПОТОПА

Но недолго длилась у людей эта безмятежная пора. Жители селения однажды, ложась спать, услышали какой-то непонятный глухой шум. словно где-то далеко-далеко за горизонтом ворочались, переливались и журчали плечистые пенные волны. Тяжелый гул все усиливался, и казалось, что слегка вздрагивала и дрожала земля.

Заволновались ханты и немедленно побежали к священному высокому

кедру, где были похоронены в земле останки медведя, достойно погибшего в схватке с речным чудовищем.

– Всесильный Пал Турам! – в один голос повторяли они, устремив свои взгляды на Высокое Небо. – Неужто опять ожидает нас смертельная опасность. О, Пал Турам! Внемли нашим просьбам, не дай оборваться нашему дыханию. Помоги, наш единственный спаситель!..

Но первой о причинах надвигающейся беды догадалась, конечно же, небесная кошка. Она хорошо запомнила обязательные для исполнения наставления Пал Турама. Да и Турам Мось Нэ – Большая Медведица – несколько раз предупреждала кошку о том, что ей ни в коем случае нельзя заговаривать с ханты на их языке. За это Пал Турам обрушит на сиротливую землю, на ее жителей и, конечно, на небесную кошку свой гнев. Турам Най Эви – Дочь Солнца, – нарушившая этот многовековой и многотысячелетний запрет, поневоле попадала в немилость Пал Тураму и не могла уже вновь попасть на Седьмое Небо, где жизнь никогда не замирает, где всегда водится лыланг ик – живая вода.

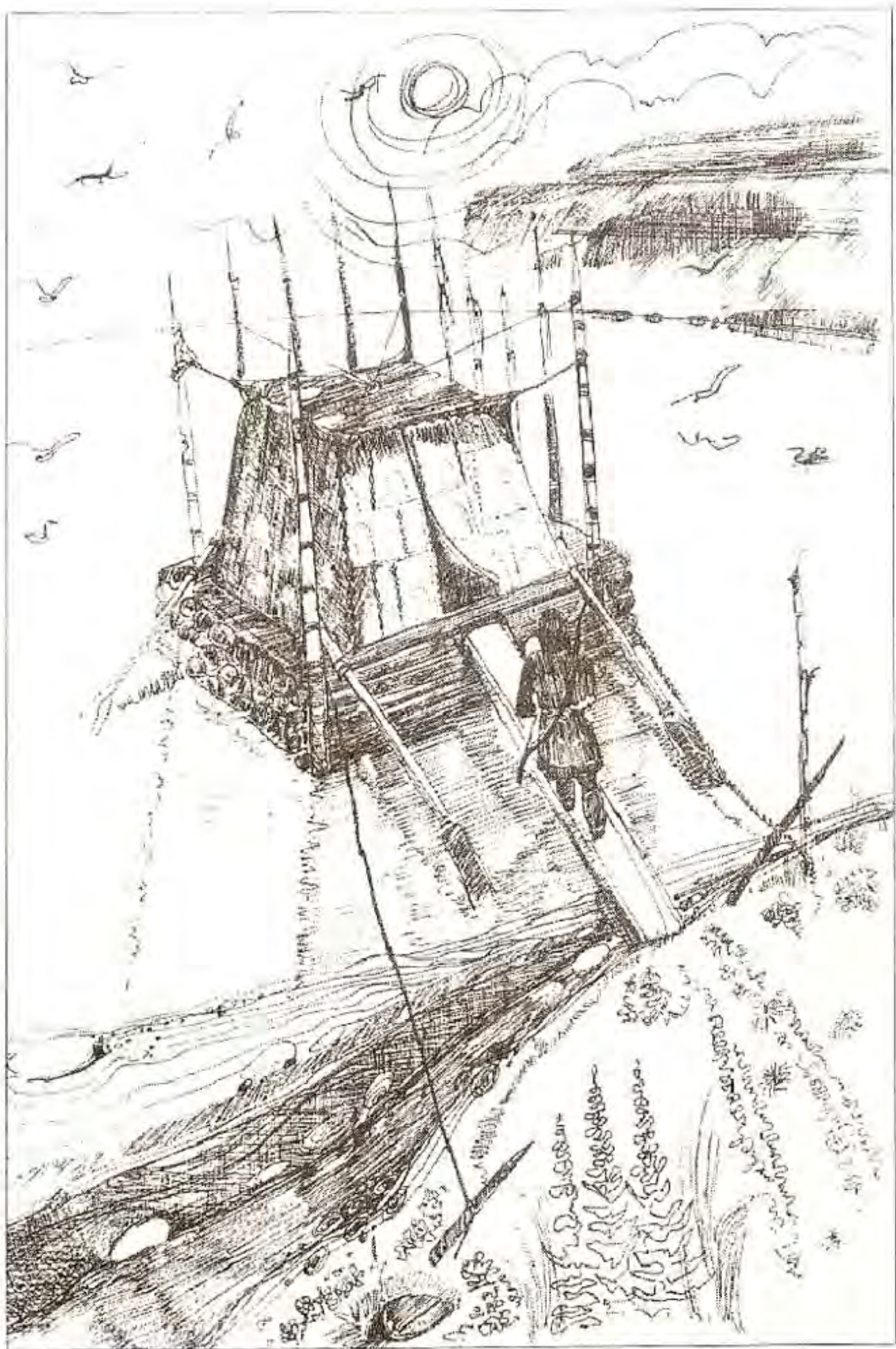
И небесная кошка, не сомневавшаяся в своих предположениях, как смогла, успокоила возбужденных жителей маленького селения:

– Идите домой, люди!.. Ложитесь спать. Дело здесь не из легких. А утром поведаю вам, что дальше делать.

И небесная кошка повела в разные стороны своими сверкающими глазами, взглянула на многозвездное глубокое и высокое небо и надолго уставилась на полный месяц, щедро ливший свет на ночную землю. Поморгав отдаленным небесным мирам, она три раза повела туда-сюда своим упругим хвостом и длинными прыжками помчалась в лесную чащу. Опять примчалась к тому месту, где в тот раз просила помощи у Турам Мось Нэ – Большой Медведицы. На этот раз она решила обратиться к одинокому Тыласю – Месяцу. Обращаясь к нему с огромной просьбой, она имела на уме и другое.

Небесная кошка, немало прожившая на Седьмом Небе, знала, что когда-то давным-давно Месяц на небе сватался к красавице Нульях – младшей Дочери Солнца. Солнце, посоветовавшись тогда с Пал Турамом, отказалось выдать свою дочь, красота которой словно потоками струилась и вверх, и вниз. И себялюбивый гордый Месяц, уязвленный и униженный, решил отомстить за это солнцу.

– Не быть больше красавице радуге на небе! – твердо сказал себе Месяц и пошел на Солнце войной. А Месяц тогда располагался не на Третьем Небе, как сейчас, а на Шестом, рядом с владениями Пал Турама. Всевышний хотел уговорить и успокоить взбунтовавшегося высокомер-

ного Месяца, но тот был тверд и непреклонен. «Дело твое, – сказал Пал Турам. – Смотри, как бы дело худо не кончилось. Разве кроме красивой радуги нет очаровательных невест в моих необъятных владениях?»

Месяц собрал свое многочисленное войско. Воины, натянув упругие луки, выпустили стрелы в сторону стоглазого и тысячеглазого Солнца, чтобы оно навечно ослепло. Острых стрел было выпущено столько, что они враз затмили лицо Солнца, а отважные воины еще злее продолжали стрелять, пока не опустели за их спинами пузатые колчаны. Несметные черные тучи приближались к Солнцу, а на землю надвинулось великое затмение. Забегали в страхе встревоженные люди и четвероногие звери, загомонили двукрылые птицы. Они подумали, что наступил конец Света.

Не понравилось это всеильному Пал Тураму, и он решил наказать буйного, чрезмерно загордившегося Месяца. Всевышний открыл одно из своих окошек на Седьмом Небе и слегка дунул в сторону Месяца и летящих со свистом огненных стрел.

И бесчисленные острые стрелы тут же стали воспламеняться и сгорать. И только одна стрела, неизвестно как прорвавшись мимо Солнца, стала блуждать в бескрайних просторах Пал Турама. И лишь в редкие годы она проносится мимо солнца, и тогда на земле наступает короткое затмение.

А повернутые обратно всеильной волей Пал Турама огненные стрелы с необычайной сокрушающей силой обрушились на поверхность Месяца, вызвав там бесчисленные пожары, мощные взрывы и опустошительные разрушения. Черные тучи дыма и песчаная пыль поднялись на необъятных небесных просторах. Это не понравилось Пал Тураму. Он опять приоткрыл одно из своих окошек и вновь слегка дунул в сторону границ ослушавшегося Месяца. И неукротимый, все сметающий на своем пути огненный вихревой вал устремился к непокорному Месяцу. Этот неудержимый ураганный поток, как пушинку, подхватил Месяц и отбросил его далеко-далеко, к пределам Третьего Неба, чуть ли не до самых границ Земли. Все живое тогда вымерло на некогда процветавшем Месяце, и с тех пор он одиноко бродит по Небу. И никогда уже не встречается с Нульях – Младшей Дочерью Солнца – семицветной радугой.

С тех далеких пор Нульях прозвали еще Деревом Клятвы. Назвали так потому, что семицветная радуга никогда не обманывает. Если она появилась в солнечный день, то вскоре наступит ненастье, закапает дождь. А коль выплывает в слюнявую дождливую погоду, то дождь обязательно прекратится и установится ясный день. До сих пор в верности своих по-

ступков и слов люди клянутся перед Нульюх. По преданию, если человек был не прав, то его во время извержения грома, ниспосланного Всесильным Пал Турамом, поразит огненная стрела слепящей молнии.

А невиданные ураганные потоки, промчавшиеся мимо Месяца, устремились к другим мирам, и порой они долетают до земли, неся ей смерть и разрушение.

Хорошо знала о неудачном сватовстве посланница Пал Турама – небесная кошка. Догадывалась, что навечно обиженный Пал Турамом одинокий Месяц не откажет ей в просьбе.

Небесная кошка приковала свои огненные глаза к лицу Месяца и мысленно заговорила:

*- О, бродящий по бескрайним просторам Пал Турама
Гордый, обиженный Месяц!
Ты когда-то был левой рукой Пал Турама,
Твои бесстрашные воины защищали
Границы необъятного неба
От непротенных приисельцев других миров.
Хотя теперь ты далеко отброшен
От границ священного Седьмого Неба
И мощь твоя поубавилась,
Но знаю: сила немалая в тебе еще сохранилась,
Не вся твоя буйная кровь высохла,
Не весь твой изворотливый ум испарился,
О, гордый Месяц! Подскажи мне, как быть!
Шум и грохот слышны на земле,
Опять надвигается на бедную землю большая беда.
Скажи, мудрый Месяц, как быть!..*

И опять, как прежде, небесная кошка прилегла своей пушистой спиной на землю, устланную мягким мхом, наострила свой острый слух и стала прислушиваться. Ни единый шелест не проходил мимо ее слуха, каждый невидимый взмах безногого ветра отдавался в ее чутких ушах.

Долго лежала она на изгибающейся спине, собирая в свой мозг, как ягоды в туесок, важные пророческие слова Месяца, исходившие из его печальных уст и слышимые только ею. За это время, наверное, не однажды чай бы вскипел, не однажды вкусная рыба – жирный осетр – сварилась бы.

Одинокий Месяц, вняв настоятельным просьбам небесной кошки, заговорил:

*– Не хотел говорить с тобой, посланница неба;
Ведь Пал Турам за твое непослушание
После окончания Великого Потопа накажет тебя
И навечно лишит вещего слова.
Не сможешь ты впредь разговаривать
Ни с Пал Турамом, ни с его приближенными:
Красивыми дочерьми и храбрыми сыновьями,
И не найдешь ты больше волшебной дороги
В бескрайние владения Седьмого Неба,
В многочисленные миры Золотого Неба...
Но поступи только так, как тебе я велел,
И люди вечно страдающего Среднего Мира
Будут бесконечно чтить и помнить тебя.*

После этих слов темная туча, словно густым еловым бором, наплыла на печальное лицо Месяца, и небесная кошка поняла, что разговор с ним закончился.

В знак большой благодарности небесная кошка три раза прокружила по ходу движения Месяца, три раза шевельнула своим отяжелевшим хвостом, три раза подпрыгнула вверх и умчалась к жителям в селение. Она торопилась, ей надо было до утра хорошо выспаться и, отдохнувши, передать людям свои отважные мысли, которые только и могли спасти жителей селения и человеческий род Нижнего Приобья от невиданной стихии.

А к земле приближался Великий Потоп, ниспосланный великим Пал Турамом, чтобы показать дочери Солнца его беспредельную мощь и тайные бесконечные возможности. Этим Пал Турам давал понять небесной кошке, что нельзя пересекать тропу его разговора и слушаться.

Отдаленный шум и грохот к утру усилились. Жители селения, успокоенные накануне словами волшебной кошки и теперь знавшие, что им делать, стали готовиться к встрече с Великим Потопом, который они никогда еще не видели и ничего не слышали о нем.

Люди все делали так, как подсказывала мудрая небесная кошка. Они, прежде всего, с избытком заготовили толстые бревна из осины, которые не содержали вязкой пахучей серы. Бревна же из могучих и крепких елей, лиственниц и кедров, хотя и были надежными, и такие деревья росли в лесу на каждом шагу, – но при горячей и кипящей воде могли испускать неприятный и удушающий пар и запах. От этого среди людей на плоту наверняка возникла бы паника с опасными и непредсказуемыми последствиями. А куда беспомощному человеку деться, окажись он в бурлящем, не знающем пощады, обезумевшем море.

Осиновые бревна крепко стянули прочными кедровыми жилами и – о чудо! – получился надежный плот, где смогло поместиться десятка два жителей селения. До прихода потопа люди в щедрой реке своими пудты хунами – орудиями ловли – выловили около сотни корявых осетров, с которых содрали шершавые колючие шкуры и обтянули ими плот со всех сторон. Это, подсказала кошка, будет лучшей защитой от всякой мелкой земной твари, вездесущих мышей, прытких лягушек, вертких ящериц. Поцарапав свои лапки об эти острые осетровые хрящи, они тотчас отплывут от опасного плота. Иначе, забравшись на плот, они не дали бы человеку покоя и наверняка свели бы его с ума. По всем четырем краям плота, на березовых шестах с человеческий рост, привязали по одному клыку медведя, который героически погиб при схватке с чудовищем. С одной стороны плота установили чучело из шкуры медведя, а с другой – чучело хищного волка с оскаленной пастью. По необычному своеобразному пisku небесной кошки, вытягиваясь в нитку, примчалось в селение десятка два проворных горностаев. Они тут же, по знаку кошки, разместились на плоту. Чтоб они не убегали, на плоту им приготовили много куч различной рыбы: щуки, налима, сырка, язя и окуня. Горностаи, по словам кошки, будут вмиг справляться со всякой мелкой тварью, которая вдруг окажется на плоту.

А для себя проворные женщины селения за эти беспокойные дни вдоволь наготовили шумаха (вяленой рыбы) из деликатесного муксуна, чира и сырка, десятка три куранек¹ заняла вяленая рыба, столько же корзин напасли с различными ягодами: сладкой княженикой и морошкой, вкусной голубикой и черникой, красной смородиной и брусникой. Успели вылущить с кедровых шишек семь корзин питательных орехов. В специальных ингалах-туесках, откуда не сочилась жидкость, впрок приготовили питьевой воды и сладкого березового сока.

К плоту привязали семь коряг-якорей на толстых и длинных, саженей в тридцать, веревках, сплетенных из кедровых жил. Коряги-якоря выбросили подальше от плота. Они, подсказала кошка, во время потопа будут плыть рядом с плотом. А иначе, используя вместо якорей тяжелые камни, они смогли бы, зацепившись за что-нибудь на дне, утопить с невероятными трудностями собранный плот. Когда же вода опустится и скроется в земное чрево и глубокие моря, то коряги-якоря, зацепившись за лес или хребты гор, удержат плот на месте.

Загрузив плот на сухом берегу всем необходимым домашним скарбом,

¹ Куранек – корзины, сплетенные из жил кедра.

и едой, и орудиями труда, люди наконец дали себе небольшой отдых после напряженных приготовлений. Старец Таньла еще раз внимательно и придиричливо осмотрел плот: все ли захвачено для долгого неизвестного плавания, не лежит ли что-нибудь не на своем месте. Ведь, по словам небесной кошки, людям придется не один день провести на плоту.

На седьмой день бурно кипящий и широко разливающийся потоп стал виден человеческому глазу. Густой пар, затмевая солнце, клубился над ним. Поднявшиеся волны, высотой с крыши домов, все сметали на своем безжалостном пути.

Погрузившиеся на плот изнуренные жители селения только-только успели веревками привязаться за бревна, чтобы их не смыло волной, как вздыбившийся мощный, неудержимый поток, вышедший из берегов, подхватил их и с шумом увлек за собой. Вокруг все бурлило, плескалось и журчало. Миллиарды зелено-серебристых брызг разлетались в разные стороны, как во время ураганного ветра. По сторонам швыряемого из стороны в сторону плота проносились вырванные с корнями вековые деревья и сухой плавник, годами скапливавшийся на берегах многочисленных рек и озер. Мужчины, как могли, отталкивали их длинными шестами подальше. Но главную опасность представляли живые существа земли, смытые и схваченные всесильным потопом. Обезумевшие большеглазые зайцы, длиннохвостые лисицы и песцы, рогатые лоси и мелкие грызуны, полчища змей и ящериц, лягушек и жучков так и кружили вокруг спасительного для них плота. Они стремительно, почти вплотную, подплывали к нему, но, увидев на нем чучело грозного медведя и хищного зубастого волка, бегających проворных горностаев, вмиг отбрасывались подальше, почти на бросок аркана. Не будь этих надежных защитников, они мигом заполнили бы весь небольшой утлый плот и съели бы там все припасы и, конечно же, задержали и взбесили бы находившихся там перепуганных и утомленных людей. А своей неведомой тяжестью наверняка бы утопили нехитрый плот.

Люди еще раз оценили прозорливость и предусмотрительность мудрой небесной кошки.

А она суетилась. Без конца торопливо пробегала из одного конца плота в другой, вовремя приходила туда, где обезумевшие живые полчища готовы были вот-вот в беспамятстве взобраться на единственное прибежище. Она тогда громко мяукала, вздыбливала шерсть на спине, скалила свою пасть и устремляла на непрошенных пришельцев свои огненные глаза. И несметные полчища, осаждавшие плот, впервые увидев такого страшного зверя, вмиг откатывались назад.

А осиновый плот все кружило и кружило, как заметили ханты, вокруг каменных гор, едва выделявшихся из-под воды почти плоскими вершинами. Съестные припасы уже подходили к концу. Заволновались издерганные за долгие дни люди. Но на седьмой день kloкочущая, ревущая, разбушевавшаяся вода вдруг резко пошла на убыль, скрылась в каких-то неизвестных глубоких проемах, а основная масса понеслась дальше, на север.

Коряги-якоря, зацепившиеся за подножие горы, не дали увлечь плот в далекие незнакомые моря. Оглянулись ханты и увидели: воды разлившейся реки вновь вошли в берега, на небе ярко светило солнце, кругом не было несметных полчищ злополучных зверей, насекомых, которые семь дней и ночей настойчиво осаждали их. И глаза измученных людей после долгих бессонных ночей и дней наполнились непередаваемой радостью. И это великое ликование в глазах людей не погрузить, наверное, в тридцать ездовых нарт, не увезти на тридцати высоконосых колданках. Плот оказался на вершине какой-то горной речки, которая бурно и стремительно несла свои воды в Обь.

Люди, измотанные долгой и опасной дорогой, едва вытянули зацепившиеся за камни коряги-якоря, и плот, прижимаясь то к одному, то к другому каменистому берегу, помчался вниз по течению порожистой реки. А усталые люди тут же крепко уснули.

...На другой день, проснувшись, они увидели, что плот прибило к какому-то высокому каменистому мысу, далеко выдававшемуся в реку, где они еще ни разу не бывали.

– Все, – радостно сказала небесная кошка. – Мы спасены. Опять на долгожданной земле! Мы на берегу Аватты тур – Ангальского мыса. Здесь мы выйдем на крутой берег, разложим большие костры и принесем жертвы Пал Тураму. Все же он пожалел нас, не дал нам погибнуть в чреве кипящего потопа.

Вслед за небесной кошкой на землю вышли обрадованные ханты, медленно поднялись на самое высокое место Ангальского мыса и осмотрелись. Перед тем как приступить к жертвоприношениям, они наловили деликатесных рыб, набрали лучших сладких ягод. И здесь целых три дня и три ночи горели большие высокие костры, и люди ставили Всесильному Пал Тураму и своим земным духам хуваны¹, наполненные рыбой – осетром и нельмой, спелой вкусной морошкой и княженикой.

На четвертый день небесная кошка, словно в ожидании чего-то неприятного для себя, пониженным голосом заговорила, почти запела:

¹ Хуван – деревянная плошка.

– Люди доброй и щедрой земли!
Слушайте меня, небесную пришельцу.
Я – диковинный зверь небесный,
Я – одна из Дочерей Священного Солнца!
Нелегкую тропу, таившую сотню и тысячу опасностей,
Прошла и одолела с вами.
Порою стояли на порожек от смерти,
Но мы дальше пронесли корешок дыхания,
Это Всесильный Пал Турам,
Имеющий сто и тысячу добрых мыслей,
Жалел и помогал нам.
Его силу никто еще не измерил,
Его ум никто еще не распознал.
Но он и жестоко меня наказал,
Захлопнул он для меня двери в Верхний Мир.
Кой! И все за то, что заговорила с вами
На понятном для вас человеческом языке.
Но сделала это ради вас на земле.
Что поделаешь?
Коль в Верхнем Мире все хорошо,
То и в Среднем Мире должно быть ладно...

Тут небесная кошка ненадолго остановилась, зорко поглядела в четыре стороны Света своими сверкающими глазами и продолжила:

– А теперь я ухожу от вас на короткое время,
Подошла пора – мне надо родить.
Будет у меня семь, впервые, слепых котят –
Это тоже Пал Турам меня наказал –
Как окрепнут котятки, пушусь в далекую дорогу,
На каждом каменном мысу оставляю
По одномумышленому котенку,
От их присутствия злые подводные чудовища
Тотчас уберутся и подохнут в речных глубинах.
Безопасной будет тогда для вас река,
Только в сильный ветер и грозовой шквал
Не переплывайте через бурлящие перекааты –
Плохо закончится тропа такого смельчака.
Все... На этом язык мой отрезан...
Это Пал Турам так решил...

И небесная кошка, обежав костер три раза по ходу солнца, скрылась

в лесу, поросшем березняком и хвойными деревьями. Слова кошки оказались пророческими. Недели через три она, усадившая умело на спину семь маленьких котят, показалась из лесу. Одного котенка оставила на священном Ангальском мысу, а с шестерыми на спине легко помчалась дальше на юг по берегу многоводной Оби.

На своем долгом пути она оставляла котят на мысах Туш Вошь (Мыс с бородой), Порават (мыс Дракона), Ушар оланг (Бурлящий мыс), Порах Нел (Одноплечий мыс), Кутап Аватты (Средний мыс) и Казым Нел (Казымский мыс).

От последнего мыса через дремучую вековую тайгу прорезала она дорогу к далеким верховьям реки Казым и там, у большого озера Нум Тув, навечно остановилась.

Дорогой небесная кошка, ведомая только одной ей понятным чутьем, туда-сюда виляла упругим хвостом. И в этих местах, словно по мановению волшебного мизинца Пал Турама, образовались малые и большие реки с сорами – Пульехан (река Полуи), Миллохсям лор (сор с идолами), Питлор (сор, упавший с неба), Пильех лор (сор дружных людей), Хушкурт (сор с тальниковыми берегами), Ланги вош (сор белки), Куноват лор (Куноватский сор).

С тех далеких пор небесная кошка, так много сотворившая добра, у ханты стала навечно священной. А высокий Ангальский мыс, похожий на вытянутую шею огромного зверя, нарекли самым священным и почитаемым местом жителей Нижнего Приобья, куда ежегодно – и морозной зимой, и знойным летом – съезжаются на оленях и лодках ханты и совершают жертвоприношения. При этом семь раз во все горло кричат в Высокое Небо, бросают в воду монеты. Это – знак благодарности Всесильному Пал Тураму и стодумной-тысячеумной волшебной кошке.

То же самое благодарные люди делали на других каменных мысах, где останавливалась на короткий отдых Священная небесная кошка и оставляла своего окрепшего котенка.

А там, где кошка-мать облюбовала себе вечное поселение, ханты, уже знавшие все о хороших полезных делах, построили из прочных, налившихся соком лиственниц амбар, поставив его на четыре ножки из рогатых корней ствола сосны. После смерти небесной кошки ее похоронили рядом с добротным амбаром в маленьком гробике. А ее изображение вырезали из шията¹ белоствольной березы, по преданию Дочери Небесной Радуги, и поместили в почетном углу выстроенного амбара. В глаза идола-кошки прилепили тягучим осетровым клеем две золотые монеты. А по бокам от нее на продольных шестах повесили и дорогие меха: бархатистых соболей и лисиц-крестовок, белых песцов и пушистых белок, полуводных выдр и лесных росомах. И к этому священному месту, где

¹ Шият – твердый нарост на березе.

покойлось изображение кошки, не могли подходить нечистые женщины и люди других национальностей.

Благодарные ханты всего Среднего Приобья летом и зимой стали приезжать к этому, самому почитаемому, амбару – к месту захоронения Казым-Най (Казымской святой женщины, т.е. кошки) – и делали здесь приношения ей и великому Пал Тураму.

Изумительный амбар за долгие века давно переполнился дорогими мехами, и не стало в нем хватать места для подарков. И признательные люди построили рядом еще шесть отменных амбаров, которые тоже полны мехами, разноцветным сукном, бисером и красивыми платками. А территория вокруг амбаров завалена рогами оленей и лосей, черепами четвероногих зверей. Много скопилось там костей и съедобных птиц – белых лебедей и гогочущих гусей, крикливых уток и важных глухарей. Вокруг костровищ кучами лежат кости деликатесных рыб: жирного осетра и нежной нельмы, горбоносого муксуна и мускулистого щекура. Все, чем богат человек, оставляет он здесь в качестве жертвоприношений и даров Священной кошке.

С той незабвенной поры ханты называли небесную кошку священной женщиной – Казымским Солнцем. И к ней с трепетом и необычайным уважением до сих пор относятся ханты, отдавая тем самым дань уважения ее добрым делам.

Быстроногим волком и быстрокрылым гоголем пролетели века. Добрые люди со временем отлили в далеких южных землях золотую фигуру небесной кошки. После дьявольской революции, когда безбожники начали осквернять священные места, ханты после камлания великого шамана Среднего Приобья, по преданию общавшегося с Всесильным Пал Турамом, по его совету золотую статую Священной кошки утопили в водах широкого и глубокого озера Нум Тув – озеро Верхнего Пал Турама.

Семь раз прокричали приунывшие и опечаленные ханты к небесам Пал Турама, пока исходили на месте затопления из глубин озера журчащие пузыри. Это, сказывали, вырывались наружу, на белый свет, ее последние слова и мысли. Никто сейчас из живущих на приобской земле точно не знает этого тайного места, где в вечном сне в глубинах озера покоится статуя Священной кошки. Доходили слухи, что покоится здесь и статуя Всесильной и божественной Золотой Бабы, породившей жизнь на земле.

На этом долгое сказание о доброй и Священной Казымской кошке – Дочери Небесного Солнца – заканчивается. Где обитают ее духи, кто знает. Может, поблизости, среди нас на грешной земле. Может, в бескрайних далях Седьмого Неба.

Пусть новое время о ее дальнейшей судьбе поведает нам на золотых звенящих струнах священного Солнца, пусть о ее неизвестной тропе жизни расскажет на струнах торсапыла¹ сама Казым Най.

¹ Торсапыл – музыкальный хантыйский инструмент.

ПОРАХ НЁЛ

Когда-то в давние времена жил на еще безымянном тогда мысу смелый охотник по имени Нятама. Быстрыми были его ноги, крепкими руки, – самого сильного лося мог заторопить он в снежную пору, одной стрелой мог сбить летящего гуся, а капканы на зверя ставил так хитро и ловко, что ни осторожной лисе, ни разбойнице-росомахе не удавалось их обойти. Своим хулты пуном – ловушкой для рыб – Нятама не раз вылавливал из Оби больших осетров, а о прочей рыбе и говорить нечего – она сама так и шла к нему в сети.

Всего у Нятама было вдоволь: и запасов съестных, и мехов драгоценных. Одного не хватало удалому охотнику – счастья. Не было у него ни жены, ни невесты. Один он жил, бобылем. Тоска съедала его сердце.

И вот однажды сидел на мысу Нятама, печально глядел на бегущую мимо реку. И вдруг видит парус чьей-то бударки. «Чей это парус?» – подумал охотник.

Когда суденышко подошло к берегу, он увидел, что правит бударкой мужчина, а на корме сидит нарядно одетая молодая девушка.

Внезапно налетел сильный ветер и понес бударку на каменный пережат. словно вставшие на дыбы медведи, вспенились волны, ударил гром, и kloкочущий водоворот в одно мгновение поглотил лодку, только дно ее мелькнуло в ревущих бурунах!

Когда Нятама подбежал к воде, мужчины уже не было видно, а девушка, как-то вынырнув, еще цеплялась руками за борт перевернутой лодки. Охотник спустил свою высокую лиственничную колданку и поспешил ей на помощь.

– Кто ты? – спросил Нятама спасенную девушку.

– Я невеста того человека, который погиб, – ответила она и заплакала. – Он увез меня из селения Порават. Мы собирались с ним пожениться.

– Как твое имя?

– Тутья...

Нятама взял ее, обессиленную, на руки и понес в дом. Развел огонь, дал девушке сухую одежду, напоил горячим чаем, настоящим на брусничных и смородиновых листьях.

– Как ты красива, Тутья, – сказал он. – Никогда прежде не видывал я такой красоты!

Девушка и в самом деле была удивительно хороша... Нежнее первого весеннего цветка была ее кожа, ярче алой зари полыхал на щеках румянец.

На следующий день девушка заболела. Она бредила и стонала, металась в страшном жару. Словно малого ребенка выхаживал ее Нятама: отпаивал травяными отварами, давал ей медвежью желчь, готовил сытную пищу.

Когда Тутья поправилась, Нятама спросил:

– Скажи, Тутья, могла бы ты стать моей женой?

Нелегко было вдове-невесте ответить на этот вопрос. Долго думала она, не одну чашку чая выпил за это время в сильном волнении храбрый охотник. Наконец Тутья сказала:

– Спасибо тебе, Нятама, за это! Ты жизнь мне спас, – разве смею я тебе отказать? Но ведь я любила своего жениха... И не знаю, смогу ли полюбить тебя... Смогу ли принести тебе счастье...

– Но, может, со временем сердце твое сжалится надо мной?

– Разреши мне пойти на берег. Я буду стоять там семь дней и ночей, прощаясь с душой моего жениха. А потом... отвечу тебе согласием. Ты же... всю эту неделю не приближайся ко мне.

Тутья встала у самой воды и устремила свой взор в речную глубь.

Так она провела семь дней и ночей. Солнце и дождь сменяли друг друга, а Тутья стояла не шелохнувшись. Ветры несли на берег песок и мелкую гальку. Всю неделю не пила и не ела девушка, только дождевыми каплями, попадавшими ей на лицо, утоляла иногда свою жажду.

На седьмое утро, решив, что запрет уже кончился, охотник побежал на мыс... И увидел: девушку занесло песком – с правой стороны по самое ухо, с левой – до плеча. Принялся он ее откапывать, а она уже не дышит...

Так и осталась прекрасная Тутья верна своему жениху.

С тех пор и прозвали этот мыс Порах Нёл, что значит «Одноплечий».

И сейчас этот мыс красуется на одном из поворотов могучей реки Обь.

ОСЕТР

Стоял тихий солнечный день. Поверхность воды на Оби словно лоснилась жиром.

Вдруг на середине реки что-то зажурчало, словно тысячи волн во время шторма ударились о высокий крутой берег.

Это, оказывается, огромный осетр, подобно большому острову, поросшему лиственницей, всплыл наверх.

От его всплытия поднялись высокие волны, которые, переливаясь и пенясь, понеслись по реке от одного мыса к другому. Такие большие волны поднял осетр.

Вздыбившиеся волны, ударившись о берег реки, моментально смыли стоявшие у воды большие лодки и маленькие колданки. По берегам Оби словно промчался сильный шквал, крушащий все на своем пути.

– Ха-ха-ха! – засмеялся, хвастаясь своей силой, осетр. – Я на Оби самый сильный. Пластины моей стальной кольчуги самые крепкие. Если к ним прикоснется человеческая рука – вмиг рассекут надвое. А если попадется бревно, то и его моментально надвое распилят. Встретится лодка человека – я ее своей стальной головой в щепки раздолблю и осколки на расстояние семи поворотов реки, семи мысов закину.

– Кто на берегах реки может быть сильнее меня? – хвастаясь, спросил осетр.

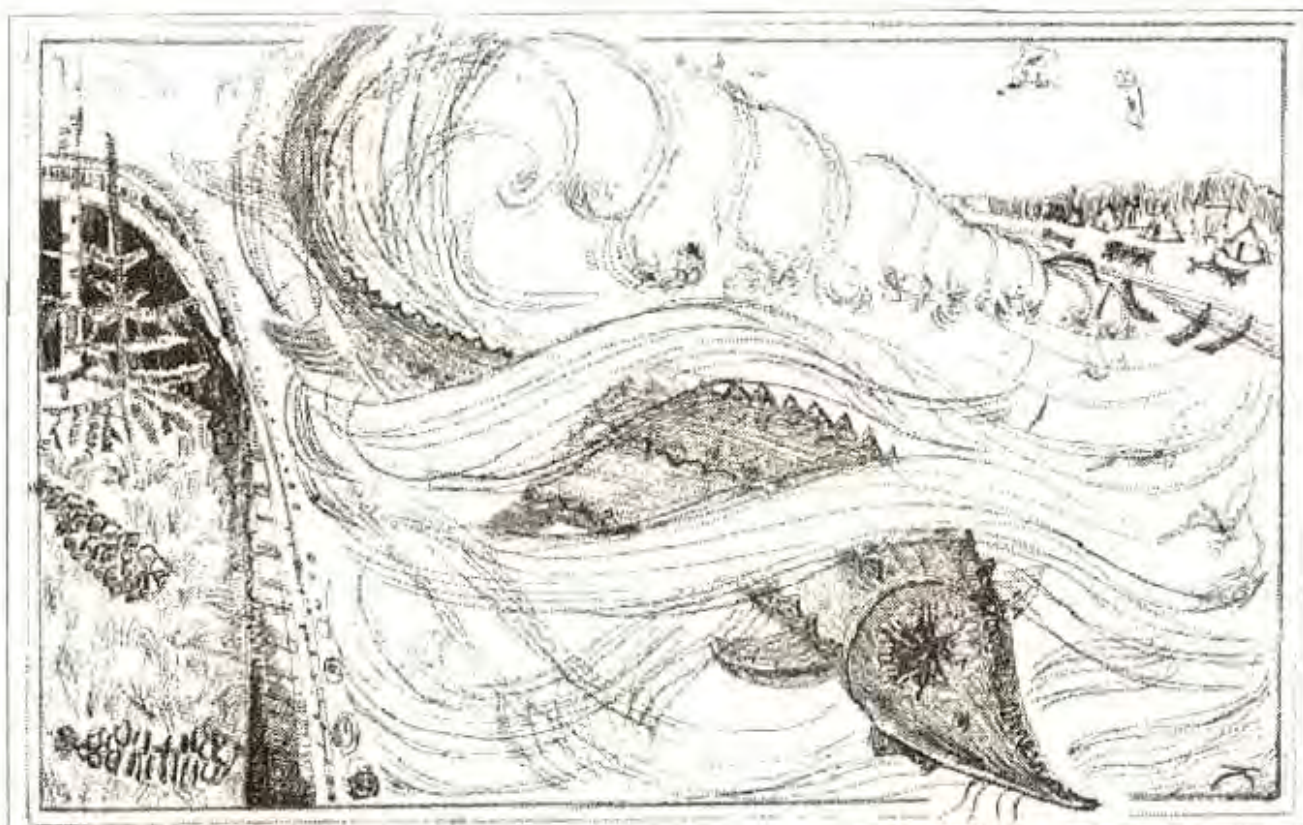
Земля притихла, словно затаила свое дыхание.

Живущие в лесу четвероногие звери, обитающие в лесу двукрылые птицы, услышав такую угрозу, вздрогнули, попрятались и затаили дыхание.

– Ха-ха-ха, – опять похвастался осетр. – Я так и знал. Я – самый сильный. Я – непобедимый!

И осетру пришла в голову мысль: размахнусь-ка я еще раз своим могучим хвостом, ударю-ка я по воде и еще раз переверну мутные и глубокие воды реки.

Он хотел волнами, которые вздыбит своим мощным хвостом, смыть зверей, попрятавшихся в прибрежных лесах, и закинуть их в обскую пучину.

В это время со стороны обской кручи тихо-тихо проговорила маленькая елочка, которая еле-еле показала свою колючую головку из-под мягкого и влажного мха:

– Я сильнее тебя.

– Кто это там еле мямлет? Почему я не вижу тебя? Где ты?

Могучий осетр повыше приподнял свою большую голову над поверхностью воды.

– Я, я, маленькая елочка. Я сильнее тебя, хвастливый осетр.

Оскорбленный осетр не на шутку рассердился. И пришла ему мысль наказать эту глупую елочку, смыть ее волнами и закинуть до устья реки, где та впадает в ледяное море.

Самонадеянный осетр собрал свои силы и намеревался мощным ударом хвоста гребануть воды Оби и прикончить смельчака на берегу. Он так и сделал. Размахнулся могучим хвостом и рванулся в речные глубины.

Так, рассекая плотные струи воды, мчался осетр, оставляя за собой длинные жгуты.

Вскоре осетр слышит – вроде бы он стал легким. Оглянулся: стальные его доспехи, которые веками служили ему верой и правдой, словно кто-то снял с него, и они погрузились в мутные глубины Оби.

Опять рванул воду своим хвостом осетр – но нет уже прежней силы, нет уже тех волн, которые все крушили на своем пути.

Вновь всплыл на поверхность воды осетр и огляделся, – оказывается, он стал величиной с маленький обрубок бревна.

Стыдно стало некогда могучему и всесильному осетру, и он с досады побыстрее погрузился в реку, подальше от глаз зверей, птиц и людей.

Плывя под водой, вдруг почувствовал, что запутался. Это он попался в сеть, сплетенную человеком из жил дерева, из грубых нитей ели. Стал рваться и метаться осетр, но еще сильнее запутался. И, обессилев, заплакал.

А в это время со стороны обской кручи донеслись слабые слова маленькой ели:

– Никогда своей силой не хвастайся, никогда своей мощью не бахвалься.

ПОЧЕМУ ЛЕБЕДИ БЕЛЫЕ

Давно это было. На земле только-только первые четвероногие звери и двукрылые птицы появились...

Собрал в один из весенних дней Вой Турам – Дух Лесных Зверей и Птиц – своих подопечных всех вместе и говорит:

– Хочу каждому из вас отдельный цвет дать. И вам веселей будет, и мне приятней вами любоваться. Ну, говорите, кому какой цвет нужен!

– Мне – черный! – крикнул крепкокрылый горбоносый турпан.

– Мне – серый! – загоготал гусь.

– Мне – все цвета радуги! – закрихтел широконосый соксун.

Крики так и неслись со всех сторон. Волшебный Вой Турам тут же исполнял желание птиц, они на глазах преображались и, радостные, улетали прочь.

Остались только лебедь с лебедихой, имевшие тогда невзрачный бурый цвет.

– Ну, а вы какой хотите? – спросил Вой Турам. – Всех я уже осчастливил, – а вы-то чего молчите?

– Думаем! – дружно ответили лебеди. – Думаем.

– Ну и как – надумали?

– Надумали, Вой Турам. Мы хотим стать белыми. Совсем-совсем белыми!

– Хм... Интересно. Это почему же?

– Потому что мы любим друг друга, не можем один без другого жить. И хотим, чтобы наша любовь была чистая-чистая! Как только что выпавший снег...

– Хм... Ну коль и вправду не можете жить друг без друга, то и переключайтесь меж собой всегда так: «Хо-танг? Хо-танг?», то есть «Где ты? Где ты?» – чтобы, значит, никогда не терять друг друга...

Махнул Вой Турам своей волшебной рукой, и лебеди тут же превратились в белоснежных красавцев.

С тех пор они и кричат всегда «хо-танг, хо-танг», и любят друг друга до самой смерти, и жить друг без друга не могут...

СЕМИКЛЮВЫЙ-СЕМИКРЫЛЫЙ ВОРОН

В семи концах дремучей непроходимой тайги, между семи больших озер, может, тысячу веков назад, а может, и больше – словом, тогда, когда еще случались великие потопы, жили по соседству человек и злой лесной людоед – Менг.

Человек, как мог, занимался своим привычным делом: ловил ловушками-гимками рыбу на реках и озерах, охотился на лесного зверя и птицу, олешек пас...

А Менг только и знал одну свою черную заботу: жрал и жрал оказавшихся в его таежных владениях людей – чаще всего детей, женщин, стариков. Людоед он и есть людоед: запах свежей крови был ему слаще всего на свете, с утра до вечера щекотал он Менгу ноздри, так и манил его на новые злодеяния...

Но и люди, мало-помалу наученные горьким опытом, приспособились оберегаться от страшного людоеда: в тайгу по одному не ходили, стариков, женщин и особенно детей далеко от своих бревенчатых избышек не отпускали.

Хуже пошла охота у злого Менга, все реже и реже удавалось ему схватить человека. А голод не давал ему покоя: так и мечталось людоеду отведать свежей человечины и горячей крови!

Принялся Менг зорить гимки, что выставлял человек на речную и озерную рыбу. С утра пораньше, едва только проглянет волчья заря, приходил он к запорам, где ставил человек свои гимки, и успевал поднимать их раньше хозяина, забрать себе всю добычу.

Ну, однако, быстро приелась людоеду рыба: крови в ней мало, да и та холодная, невкусная.

Решил он тогда взяться за оленей человека. Да только как их поймать? Олень – животное чуткое, не каждому пойдет в руки, и уж тем более Менгу. Да от одного вида этого душегуба, одетого в лохмотья из собачьих шкур, все живое за версту шарахалось, в сумасшедший бег пускалось. А уж коли олени побежали – попробуй догони их!

Задумываться начал Менг не на шутку: как ему дальше-то быть? А уж так хотелось парной свежатины, что язык с утра до вечера так и плясал у него во рту...

И вот что придумал злой людоед: сплел из тальниковой коры толстые веревки, расставил петли на всех оленьих тропах.

Погнал, значит, он оленей в сторону этих самых троп. Повезло людоеду: одного оленя словил, второго, третьего... А потом животные тоже помнили: перестали спасаться от чудища по лесным тропам, где их верная смерть поджидала, уходили теперь в просторные болота, где не росло ни одного деревца, одна только низкая осока...

Как ни погонит Менг стадо – олени сломя голову в свое безопасное место несутся...

Совсем озверел Менг. Смастерил он тугой лиственничный лук, острые стрелы. Но попробуй достань-ка оленя на краю тайги, где дерево от дерева еле глазом просматривается! Разве кого подпустят олени на таком открытом месте, а тем более лютого своего врага?

Сколько ни натягивал Менг лук, какие стрелы ни прикладывал к звенящей тетиве из лосиной кожи, ни одна из них не долетала до животных, падала, словно обессиленная, на полпути до желанной добычи...

Совсем приуныл Менг, ни днем ни ночью не давал ему покоя запах горячей крови... Исхудал Менг, совсем стал подобен сухому дереву, обугленному пожаром.

И тут вспомнил он о своем далеком подземном родственнике – волшебном семиклювом-семикрылом вороне. Не раз слышал Менг от своих родителей, что птица эта черную подземную кровь пьет, а попросишь – принесет ее наверх. А кровь эта такая, что смерть в ней и четырехногим зверям, и двукрылым птицам, и обитателям озер и рек. А поднесешь к ней горячий уголек – кровь эта огнем возьмется лучше самых сухих дров.

«Вот бы чем хорошо строптивых оленей уморить! – размечтался Менг. – Мне тогда бы все олени достались. Как полешки улеглись бы рядом с моими ногами. Ешь тогда только да ешь!»

И опьяненный этой неожиданно пришедшей в голову, но такой удачной мыслью, облизываясь от предвкушения своим длинным языком, заплясал людоед. Сейчас же, сейчас же вызвать подземного ворона! Знал Менг, что ему теперь делать: надо прийти к высокому железному столбу, к которому привязывал он свои жертвы перед тем, как умертвить, и там прокричать три раза подземному духу свою просьбу.

...Только прокричал он у железного, покрытого засохшей человеческой кровью столба в последний раз, как тут же – его крик еще эхом по тайге перекатывался – разверзлась рядом со столбом земля и вылетел оттуда семиклювый-семикрылый ворон.

Волшебная птица поводила-поводила своими длинными и острыми, как отточенная пешня, клювами и прокричала человеческим голосом:

– Ху-лах, ху-лах! Что тебе надо, мой земной родственник, обитающий в Среднем Мире? Какая беда приключилась? Говори скорее. Времени у меня мало...

Выслушав просьбу, семиклювая-семикрылая птица повертела в раздумье своей длинной шеей, сверкнула на Менга глазами:

– Для чего тебе это нужно? Впрочем, дело твое, гляди только, как бы самому худа не вышло...

– Какое там худо, какое худо, мой волшебный дух! Все как следует обмозговал, ты не бойся. Очень уж хочется человеку отомстить.

– Мне бояться нечего, – прокаркал семиклювый-семикрылый. – Исполню твоё желание, раз тебе так сильно хочется. Но и сам смотри, Менг, с подземными силами шулки плохи...

Взмахнул ворон всеми своими семью мощными крылами и полетел. Высоко над тайгой взлетел, выдавил из семи клювов какую-то темную жидкость, подул из всех семи клювов на семь сторон, замахал крылами, и черная подземная кровь рассеялась над тайгой, как черный туман.

– Ху-лах, ху-лах! – прокричала птица, усевшись на вековой широкоплечий кедр. – На расстоянии семи переходов и лес, и воды, и все живущие звери, которые могут ходить, и все двукрылые птицы, которые могут летать, и все холодные рыбы, которые могут плавать, – все теперь в твоей власти!

– И олени тоже?! – радостно вскинулся Менг.

– Конечно, тоже! – ответила птица. – Все сделала, как ты просил, проучила человека, ничего ему не осталось. Ну, мне пора, а ты тут смотри – умный будь. Голову не теряй, худа себе не надей...

Разверзлась опять земля, и семиклювый-семикрылый ворон исчез в глубинах подземного мира.

Чуть не по воздуху летел Менг от привалившего счастья. Бежал он к большому клочковатому болоту, где всякий раз находили спасение преследуемые им олени, да так бежал, что через неширокие болотца и озёрки перепрыгивал, через невысокие кедры и ели перескакивал.

Выбежал наконец на чистое место перед болотом, посмотрел в ту сторону – ни одного оленя не видно!

«Неужели сбежать успели?» – затосковал он, пригляделся – ан нет: то там, то здесь барахтаются олешки, пытаются в судорогах поднять головы, да где там.

– Ох-хо-хо! – семь раз закатился от радости Менг, разинув свою не-

мыслимую глотку. – Спасибо тебе, семиклювый-семикрылый ворон! Наслаждался ты мне дармовой еды, теперь надолго хватит!

Ему бы вспомнить о предостережениях волшебной птицы, да где там, при такой-то алчности! Недолго думая, кинулся Менг на первого повернувшегося оленя. Высосал сначала у еще живого кровь, а потом все мясо съел, вместе с костями.

Заморив первый голод, сбегал Менг в свое жилище – огромный шалаш из толстых ветвистых елей, – позвал на щедрый пир жену и детей.

Набросились они на отравленных семиклювой-семикрылой птицей оленей, как оголодавшие волки, не жуя глотали, кто по два, кто по три оленя в брюхо втолкал, а Менг-отец – тот всех семерых...

До того все нажрались, что от тяжести в животе уже и на ногах стоять не могли, решили тут же, на болоте, передохнуть. Ну, разлеглась вся семейка в редких сухих кочках, жратву переваривает.

Только было начал задремывать Менг-отец, вдруг чувствует: в животе боль страшная, судороги начались, все тело изводит. Посмотрел в испуге по сторонам, а с его женой и детьми то же самое!

Сутки стонало и выло в окрестной тайге, сутки корчило людоедов волшебством добытой жратвы. А через сутки все смолкло.

А тут и человек подоспел на болото, где обычно паслось его стадо. Видит: олени его околели, тут же и Менги передохшие в жутких корчах валяются. Понял человек, что произошло что-то такое, что человеческим разумением не понять, не объяснить.

Взглянул человек на болотную воду, – вся она какой-то масляной пленкой покрыта. Подошел к мертвому оленю, а у того на нежных щерстинках, которыми ноздри выстланы, все те же масляные капельки...

– Вот, наверное, откуда и вся беда, – сказал себе человек. – Отравились, пожалуй, олени этой черной жидкостью... Да только откуда она здесь взялась? Кто принес?

И тут заметил человек, что Менг-отец еще чуть-чуть своим поганым языком пошевеливает. Собрав, наверно, последние силы, выдавил людоед со стоном:

– Это я попросил ее принести... Чтобы тебе отомстить! О, семикрылый-семиклювый ворон, спасай! Умираю... – И с этими словами закатились навечно огромные жадные его глаза.

И только он испустил дух, как раздался где-то в лесу треск и грохот, вылетел оттуда семиклювый-семикрылый ворон, покружил над болотом, уселся на кочку рядом с Менгом.

– Говорил же я, просил же я: умный будь, не теряй голову, с подземными-

ми силами шутки плохи! – прокрипел ворон человеческим голосом. – Видно, придется мне, земля Среднего Мира, теперь помогать тебе. Я сам, чтобы новой беды не вышло, всех отравленных зверей и птиц склюю, всех мертвых Менгов-родственников. – И волшебная птица принялась клевать мертвых людоедов...

А изумленный всем этим человек присел на кочку, чтобы прийти в себя и покурить. Только разжег с помощью трута огонь, только лучину с огнем в болото выбросил, в лужицу с черной жидкостью, и – о семь небес! Вспыхнула вдруг лужица страшным гудящим огнем.

– О, человек! Что ты наделал?! – простила волшебная птица. – Не попасть мне теперь обратно под землю, не пустит меня туда Мать Нижнего Мира. – И семиклювая-семикрылая птица ударилась с горя о землю, превратилась в семь обыкновенных черных воронов...

А когда перестал на болоте бушевать огонь, вернулись сюда вороны, чтобы склевать до костей трупы людоедов и павших оленей.

Вот с тех-то пор, говорят, и стали вороны питаться падалью. И вечно напоминают человеку, чтобы осторожней обращался с той подземной черной жидкостью, не терял бы ума...

ОСТРОВ ШИЯН

В древние времена это было.

Сто раз, может, на этом острове рождались и умирали многовековые деревья: кедр, ель, лиственницы и березы.

Приехал как-то к осени на этот остров, тогда еще безымянный, охотник Ими Хилы срубить толстый кедр и смастерить из него для себя легкую колданку. И вот он пустился по острову. Шагая между деревьями и высматривая для себя подходящий кедр, неожиданно увидел красивую девушку.

Щеки пылали у ней подобно пламени жаркого костра, глаза были темнее поспевшей черной смородины, тонкие губы исходили свежестью утренней румяной зари, на уши были навешаны вместо сережек поспевшие морошки. Все лицо излучало такую красоту, что от долгого взгляда могли ослепнуть глаза. И выглядела она стройней небесной радуги.

Закружилась от такой невиданной красоты голова и сердце Ими Хилы. Забыл он, зачем явился на остров, и увлекся увиденной красавицей Земли и Неба.

Разговорились. Ими Хилы тут же, чтобы она не досталась другому мужчине, предложил ей стать его женой.

Девушка – ее звали Айнэ – ответила:

– Вижу я: смелый ты юноша. В руках крепко держишь топор, тетива лука из лосиной шкуры за плечами тугая. И красотой ты не обижен. Вышла бы я за тебя. Но я каждую осень превращаюсь в лебедицу и улетаю на зиму в теплые края. Через три дня и три ночи за мной прилетит лебедь-отец, сядет на озеро, кликнет три раза, и я вмиг обрасту крыльями и превращусь в птицу.

– Почему? – крепко взял девушку за руки Ими Хилы. – А сможешь не превратиться в птицу? А если я этого не допущу?

– Нельзя, парень, – ответила Айнэ. – Я убитая лебедица. На этот остров ежегодно весной прилетали лебедь и лебедица. Они здесь вили гнездо, откладывали яйца и выводили потомство. Несмолкаемым радостным криком наполнялся летом остров от маленьких лебедят.

Это не понравилось злой ведьме острова Порнэ Ими, которой веселый

крик лебедей мешал спать. Она решила лебедей лишить потомства и убить лебедицу. Выстрелила Порнэ Ими однажды весной своей черной стрелой в лебедицу, и вода озера окрасилась кровью птицы. Долго не хотел улетать лебедь-самец, но страшный вид Порнэ Ими заставил подняться его в небо. Для того чтобы наводить страх на лебедя-самца, Порнэ Ими повесила на толстый сук березы труп лебедицы. Со временем убитая лебедица срослась с деревом, став огромным наростом – шином, похожим на фигуру лебедицы. И эта одеревеневшая лебедица каждый год рождает меня в виде девушки. А осенью лебедь-самец уводит меня с этого острова.

– О, нет! – сказал Ими Хилы, услышав рассказ Айнэ. – Я не допущу, чтобы ты превратилась в лебедицу. Я найду эту злую Порнэ Ими. Я убью ее в честном бою...

– О, Ими Хилы! Это очень трудно. Но я знаю, как это сделать. Мне об этом во сне нашептала добрая фея острова Мошнэ.

– Что нашептала? Расскажи, расскажи! Я все сделаю!

– Надо срубить нарост на березе – отвердевшую фигуру моей умерщвленной матери. И из этого нароста надо смастерить фигуру лебедицы, чтобы была как живая. Тогда прилетит лебедь-самец, подсядет к ней, кликнет три раза и, не услышав ответного крика, щипнет плавающую фигуру за клюв, и та превратится в мать-лебедицу. И счастливая пара, три раза прокружившись над островом, улетит в теплые края. А я тогда навечно останусь человеком и смогу выйти за тебя замуж.

Обрадовался Ими Хилы от этой доброй вести.

Тут же срубил нарост на дереве. И три дня и три ночи, не смыкая глаз, мастерил фигуру лебедицы. Все мастерство приложил к этой работе Ими Хилы, всю теплоту и доброту своего пылкого влюбленного сердца.

И фигура получилась на диво! Как живая!

Ими Хилы спустил ее в воды озера, и она закачалась на ленивых волнах. Издали трудно было отличить ее от живой.

Уставший от долгой, напряженной работы, Ими Хилы на четвертые сутки крепко уснул.

Проснулся к вечеру. Лучи закатного солнца залили гладь небольшого озера, словно настлана была там тысяча белых оленьих шкур.

А над островом, издавая прощальные крики, три раза прокружилась пара лебедей и удалилась к югу.

Ими Хилы, обрадовавшись, что наконец-то девушка станет его женой, кинулся со всех ног к месту их постоянной встречи. Он мчался так быстро, что из-под его пяток вылетал мох, долетавший до вершин стоявших рядом деревьев.

Пробегая около берега озера, он увидел плавающую, вырезанную им фигуру лебедицы.

– Так ты не превратилась в живую лебедицу? – сказал огорченный Ими Хилы. – Значит, зря я столько времени, три дня и три ночи, старался. Значит, обманула меня девушка?

Разозленный Ими Хилы вытащил из-за плеча свой тугой лиственничный лук, положил на тетиву острую стрелу, прицелился и выстрелил.

Стрела угодила прямо в голову, и в тот же миг раздался душераздирающий крик:

– Что ты наделал, Ими Хилы?! Это же я была, Айнэ! Я же хотела в последний раз поплавать по озеру, в последний раз полюбоваться своим чудным отражением. А затем хотела вылезти на берег и расстаться с одеждой птицы, навеки стать твоей верной женой. А сейчас... – И она, уже истекая кровью, еле выговорила: – Повесь меня на ту березу, под которой стоишь, как мать мою...

Повесил Ими Хилы ее на берегу на эту березу.

И на ней с тех пор и вырос опять такой большой шиян-нарост. С этого времени и остров назвали Шиян, что означает нарост на березе.

А Ими Хилы с горя уселся рядом с березой и умер. И где он сидел, вырос многовековый кедр с раскидистыми, искривленными ветвями. И даже сам ствол скрючился. От горя, говорят люди. Мол, сердце Ими Хилы страдает и мучается в сердцевине старого кедра.

СЮНЯНГ ЁХАН

...Давным-давно это было, когда земля на Севере частенько покачивалась, как лодка на волнах, а временами трясло се, как больного человека. И чтобы помочь ей, Пал Турам – Высокое Небо – опустил на землю тяжелые камни, которые опоясали ее надежным каменным поясом – Уральскими горами. С тех пор потекло множество рек, и воды их изобиловали деликатесной рыбой: и важными осетрами, и нежной красавицей нельмой, и горбатым жирнобрюхим муксуном, и мускулистым чиром, и зубастой щукой, и приткими сырками, и пыжьянами, а о скользком налиме и хищном ерше и говорить не приходится. Но среди всех стекавших рек выделялась своими несметными богатствами одна безымянная тогда река, на берегу которой мы сидим.

Рыбы могучей и щедрой Оби заходили в нее на нагул летом и находили спасение от замора холодной, суровой зимой.

Прознав о богатствах реки, люди стали тут же селиться на ее берегах, устанавливали свои чумы, покрытые паласами из бересты, или рубили из крепкой лиственницы добротные избушки. Счастливо зажили ханты: еду на пропитание всегда находили они в живых струях этой безымянной горной реки.

Но несметные дары реки учуял злой и жадный Вес – подводное чудовище, которое и поселилось в одной из самых глубоких и богатых рыбой нерестовых ям, где круглый год насыщало малой и большой живностью свою прожорливую пасть.

Но мало показалось ему тех даров, и ненасытный подводный Вес занялся людоедством: стал нападать на приезжающие к этой яме утлые колданки рыбаков.

Лишь только окажется рядом с ямой какое-нибудь судно, как злой подводный Вес молнией вылетал из воды сажени на две вверх, громко выкрикивал: «Масюнянг! – Я счастливый!» – размахивал своим могучим хвостом и, миг оказавшись рядом, перевортывал лодку или колданку, хватал людей своими цепкими, жесткими пальцами, покрытыми грубой кожей, подносил к своей прожорливой пасти и тут же проглатывал.

Не было покоя даже лютой зимой. Проедет ли человек на быстрой

оленьей упряжке или проскользит на лыжах по замерзшей реке, злой Вес своей крепкой, словно панцирь, головой проламывал лед на расстоянии нескольких бросков аркана, выскакивал из воды, выкрикивал: «Масюнянг! – Я счастливый!» – хватал людей и оленей и тут же отправлял в свою широкую пасть. Слышался вокруг только хруст в его зубах – «мор-мор-мор»...

Приуныли рыбаки и охотники, трудно стало им жить, а злой людоед Вес все больше и больше разбойничал и беспощадно пожирал людей, которых становилось все меньше и меньше на берегах этой безымянной реки.

Собрались однажды седовласые старики вместе и стали думать-гадать, как избавиться от подводного чудища, и придумали.

Собрали они с близлежащих мест десятка три колданок, крепко связали их бортами и усадили туда человеческие чучела, напялив на них старые малицы и ягушки, а внутри установили остро отточенные железные копья. На каждой колданке поместили еще лиственничные луки-самострелы с тугими тетивами.

Подготовив такую грозную флотилию, люди стали дожидаться благоприятной погоды. И как только подул с Урала попутный каменный ветер, пустили люди караван колданок в направлении глубокой ямы, где обитало речное чудовище.

Когда оказался караван у этой ямы, выскочил из-под воды грозный Вес, захохотал во все горло и закричал: «Масюнянг! – Я счастливый! Ох и добычу мне послал Всевышний!»

Мощно размахнувшись упругим хвостом, ударил он по колданкам. В тот же миг самострелы с тугими тетивами выпустили десятки стрел с острыми железными наконечниками, которые вонзились в панцирное тело речного чудовища.

Почувствовав боль, жадный Вес заорал: «Ах, вы еще сопротивляетесь? Вы еще шевелитесь?! Сейчас я вмиг вас утихомирю!» – и стал долбить своими крепкими кулачищами колданки, хватать человеческие чучела и тут же отправлять в свою ненасытную пасть. Хруст и скрежет только и стояли над безымянной рекой.

Долго ли, коротко ли возился людоед с караванами колданок, но вскоре остались на воде только щепки, а жадное чудовище, досыта наевшись, еле-еле, тяжело постанывая, погрузилось в речную пучину. А вскоре вся вода над этим местом окрасилась в алый цвет, а затем семь дней и семь ночей из глубины шли пузыри и наконец исчезли. Это злой людоед Вес, вздохнув последний раз, скрылся навечно в глубокой пучине.

Выловили тогда ханты речное чудовище длинным неводом и, привязав его за семь воротов, выволокли медленно на берег, на эту самую поляну, где мы лежим, натаскали люди тогда сухих дров, обложили чудовище со всех сторон и подожгли. Семь недель, говорят, горел и чадил костер. На его месте осталась огромная куча золы, где после выросла вот эта ветвистая, вся искривленная, словно скорчившаяся от боли, лиственница. Говорят, она с тех самых пор и стоит здесь.

Не стало речного чудовища Веса, и счастливо зажили ханты. А реку с тех пор стали называть Сюнянг Ёхан – Счастливая река, а селенье, где сгорел Вес, – Сюнянг горт, что значит Счастливое селенье...

ВОЙНА ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

Однажды на какой-то окраине земли и воды ногами ходящие звери и крыльями летающие птицы крупно заспорили. Возникла между ними небольшая ссора, которая перешла в открытую войну.

Много времени прошло с тех пор. Может, тысячи человеческих веков позади осталось, может, три тысячи веков с тех пор минуло. Немало деревьев с того времени рождалось и умирало, много раз их ветки и корни превращались в труху.

Точно об этом никто не скажет.

Заварилась вражда следующим образом.

Схватились однажды меж собой тонконогий речной кулик и маленький мышонок. Столкнулись меж собой из-за места, чтобы свить себе гнезда. Весной это было. Тронулся на широкой Оби лед, началось мощное неукротимое половодье, на таловой стороне реки все широкие и узкие протоки через край захлестнуло водой. Низко расположенные луга и на средней высоте находившиеся сухие поляны тоже оказались под толстым слоем воды.

На таловой стороне Оби остался незатопленным только один высокий ехам¹, поросший березняком, куда и пришел, спасаясь от беды, мышонок. В это же время туда подлетела тонконогая и высоконогая птица – речной кулик. И оба начали готовить себе гнезда. Видно, пришла пора кулику откладывать яйца, а мыши – рожать мышат.

Сколько кулик успел натаскать мелкой травы и настелить для гнезда теплого пуха, столько мышь тайком утащила к себе, в свое гнездо, которое высмотрела среди густого тальника. И кулик, и мышь не давали друг другу покоя. Ссора между ними началась.

Только кулик соберется долбануть своим острым, как отточенная пешня, носом мышь, как та вмиг ускользает от него и прячется среди густого тальника или исчезает среди жухлой прошлогодней травы.

Так и возятся они меж собой, так и дерутся. В ссоре незаметно пролетели долгий весенний день и короткая белая ночь. И наконец, в пылу

¹ Ехам – возвышенное место.

яростной борьбы они не заметили, как затоптали отложенные куликом яйца в гнезде и раздавили еще слабых, хилых мышат.

За то время, пока они воевали меж собой, половодье пошло на убыль, и казалось бы, можно было разойтись, – места теперь обоим хватало на лесной и таловой стороне широкой реки. Но они пуще прежнего схватились меж собой, еще злее заспорили.

– Ты голову слишком не задирай, – говорит мышь. – Твой длинный клювик мой старший брат – проворный горноста́й – где-нибудь укоротит, а откушенный кусочек окажется потом в желудке какого-нибудь жителя подводных глубин. Скорее всего, щука с аппетитом проглотит его. А, может быть, откушенный кусочек твоего носика окажется между высоких пружинистых кочек и стгнет в мутной гнилой воде.

– Ты тоже слишком-то не забегай вперед. Очень-то не хвастайся, – отвечает мыши кулик. – Ты что, забыла про мою подругу ворону? В каком-нибудь месте, среди широкой поляны или широкого луга, окажешься, может, через песчаный берег будешь перебегать – она тебя и подкараулит. И ты окажешься в каком-нибудь углу ее широкой, прожорливой пасти.

– Хвастаешься, да еще силой вороны, – передразнила кулика мышь. – Нашел мне птицу, которой хочешь напугать. Да она питается гнилой рыбой и мясом, все отбросы подбирает, а на большее и силы у нее не хватает, тем более ума. Вот если я пожалуюсь моему брату лису, то он уж наверняка где-нибудь любительницу дохлятины ворону подкараулит среди кочек и кустов, и окажется она в его острых зубах.

– Да я смотрю, – огрызнулся кулик, важно вышагивая перед мышонок, – ты слишком далеко заехал. Да еще хитрую, вороватую лису на помощь привлек. Что, думаешь, сильнее длиннохвостой лисы птицы не найдется? Стоит только мне пожаловаться могучему лесному орлу, призвать его на помощь – и неизвестно еще, кто сильнее и храбрее. Уж могучий орел, коль захочет, твою лису в каком-нибудь чистом месте подкараулит и обязательно намертво закогтит. И тогда твою лису до низких и высоких облаков орел взметнет. А затем, если оттуда вниз скинет, то от лисы-плутовки ни костей, ни мяса не останется.

До хрипоты и усталости спорили кулик с мышонок. И наконец, когда уже не могли больше говорить и пошевелить кончиками языков, разошлись в разные стороны. Каждый из них отправился своей дорогой. Мышонок торопился к своим лесным бродячим братьям, и кулик спешил к своим. Придя к сородичам, они стали собирать их в кучу.

И стал мышонок петлять в глухом лесу, пробежал через семь глухих рош, через семь лугов, поросших густой травой, везде выискивая бро-

дячих зверей на двух и четырех ногах. Мышонок стал уговаривать их пойти на птиц большой войной, чтобы отомстить им за их неслыханную дерзость. Мышонок говорил, что со стороны птиц всем им грозит неминуемая смерть, если только они не откликнутся на его просьбу, что все они прокляты птицами на вечные времена.

Кулик тоже торопился от одного озера к другому, перелетал от одного леса у ближнего мыса до другого леса у дальнего мыса. Всех живущих птиц на земле и в тундре, в пустыне и тропиках собирал кулик в кучу и уговаривал их пойти войной на зверей, – мол, те проклинали птиц, готовы всех их перебить и даже сожрать.

После того как заварилась такая каша и неразбериха, после того как разгорелся такой огонь, разве скоро все это погасишь и укротишь?

Все живущие звери, услышав такую неприятную весть, заволновались, у многих сердца ушли в пятки. Да и как не испугаться? Кто жить не хочет, кому жизнь не дорога? Да и кто добровольно желает расстаться с белым светом, где так весело и интересно? И ногами ходячие и прыгающие звери стали собираться вместе. Оповестили всех, чтобы собрались они на большой поляне у кромки священного острова.

А в это время все кулики, которые могли летать, тоже разлетелись в неисчислимые уголки леса, в разные края земли, отдаленные и ближние, чтобы птицы тоже вместе собирались. Летающим птицам, конечно же, легче было организовать, быстрее можно было оповестить друг друга. Да и как не легко, коль они имели крылья? Пока бродячий зверь через одну рощу проходит, крылатый зверь через семь рощ успевал пролететь, тридцать рощ оставлял позади себя. Крылатая живность тоже не на шутку испугалась. Да и как не испугаться: кому жизнь не нужна, кому жизнь не дорога?

Через две-три недели крылатые птицы первыми вместе слетелись в большую стаю.

Остров священный, куда должны были собраться звери лесные, птицы своими голосами огласили. Даже специально сыпали сверху свой помет на священные места зверей, где те устраивали жертвоприношения.

Толстоногие утки уселись у острова и так заполнили воды, что свободного места не осталось. Чирки-трескунцы перелетали с места на место и оглашали своим криком окрестности. Осторожные шилохвосты вытягивали свои длинные шеи, не переставали свистеть свиязи, вовсю галдели чернети и турпаны. Все они кричали, ныряли, взлетали и садились. Между ними, хвастаясь, важно плавали белые лебеди и серые гуси. У кромки острова, на мелководье, вышагивали длинноногие цапли, ко-

торые своими остроносими клювами долбили воздух. Они готовы были вступить в немедленный бой и выклевывать глаза лесным зверям за нанесенные им оскорбления.

А между кочек, разумеется, больше всех шныряли кулики, так и мельтешили перед глазами.

А на острове растущие деревья тоже лесными птицами переполнились. Не оставалось ни одной свободной вершины, где бы ни сидели крылатые звери. Березы и рябины огласились голосами мелких пташек, в этом разноголосье ничего нельзя было разобрать, да и живому существу от такого гама трудно было передвигаться. Такой был сильный шум.

На наиболее высоких и широкоплечих деревьях уселись большие и сильные птицы: разные коршуны и ястребы, совы и вороны. На старых кедрах важно разместились крепкокрылые орлы-великаны. От их тяжести некоторые вершины настолько прогибались, что чуть ли не переламывались.

И наконец, на самой высокой и крепкой лиственнице уселся огромный филин-великан. Если он распускал одно крыло – на две сажени оно уходило, второе крыло тоже на две сажени распускалось. От его тяжести вершина лиственницы, как плечи упругих луков, согнулась. Да! Действительно, такой крылатый зверь силенку имеет. Что только такой крылатый зверь не поднимет и с собой не унесет?

К вечеру звери, которые могли ходить и прыгать, тоже вместе стали собираться.

Первыми, конечно же, сбежались полчища мышат. Вслед за ними торопились к священному острову, вытягиваясь в нитку при прыжках, чернохвостые горностаи и проворные белки с длинными пушистыми хвостами. Хотя белки и приучились жить на деревьях, но теперь им пришлось остаться на земле: каждое дерево было занято птицами.

После этого появились быстроногие зайцы, длиннохвостые лисицы, разбойники-росомахи. Среди деревьев, росших на священном острове, мельтешили многорогие олени и крепконогие лоси. Им-то, конечно, особо бояться было некого, поэтому они без боязни вышли на берег и стали пить воду у кромки острова.

Немного погодя, протяжно воя, появились серые волки. Жадные хищники, увидев столько еды, сразу же воспылали аппетитом, у них потекли слюны, и в глазах загорелся огонь охотничьей страсти. Но, помня о том, какое важное дело собрало всех зверей в кучу, они поумерили свой аппетит и забыли о своей жадности. Только временами они широко и жадно разевали свои пасти, и тогда всю обнажались их острые клыки, которые вмиг готовы были перегрызть кость любого животного.

Собрались, значит, звери, которые могли ходить, бегать и прыгать. Но только их большой разговор никак не клеится, никак не могут прийти к одному решению. Кого-то еще не хватало, какого-то важного зверя.

В это время вдруг раздался грозный рык, от которого, казалось, стоящих деревьев листья и хвоя посыпались.

Из глубоких тайников священного острова, из низкого и высокого тальника шел вразвалку огромный медведь.

Выйдя на берег, он ненадолго встал на задние лапы, затем поднес к бровям одну лапу, потом – другую, оглянулся во все стороны и заговорил глухим, почти рычащим голосом:

– Я-а, что за беда случилась? До меня эту весть быстроногий заяц донес. Сказал, что беда приключилась, что нужно всем бродячим зверям в кучу собраться. – Медведь тихо походил по берегу то в одну, то в другую сторону, затем, увидев лежавшую на берегу толстую лиственницу, неуклюже уселся на ней и дальше повел речь: – Кой, как я смотрю, действительно какая-то беда стряслась...

– Действительно, действительно, – откуда-то снизу запищали мыши.

– Так-так, – погромче запищал горностаи и подбежал поближе к медведю. – Крылатые вороны нас убить и съесть хотят.

– Да какие там вороны! – еще более толстым голосом, вилая своим пушистым хвостом, сказала лисица. – Орлы хотят меня поднять и утащить за тридевять земель, да и коршуны желают этого.

– Ладно, ладно, хватит, – сказал медведь. – Понял я, понял. А то я задумался: почему же все деревья, растущие в лесу, заполнены птицами. Там даже листьев и хвои не видать.

– Точно, точно, – высунув голову из густого багульника, сказал заяц с длинными ушами. – Действительно очень много. – После этого трусливый заяц показал на вершину самого высокого дерева – могучей лиственницы. – Посмотрите, каков филин-великан. А рядом с ним столько коршунов уселось, а чуть дальше орлы уже высматривают свою жертву среди бедных зайцев. – Кой, кой! Слишком большая сила, сильно страшная сила!..

– Невероятная сила, сот хоятпи ляль, – сказала в это время лисица. – Надо хорошо подумать нам, как эту силу одолеть. Коль будем дурака валять, то всех нас без особых усилий одолеют и склюют.

Медведь, услышав такое, со своего места соскочил и приблизился к лисице, легонько погладил ее по голове и сказал:

– Наконец-то первый зверь умную мысль подал. Хорошо-хорошо. На мой взгляд, вы ум свой еще не порастеряли, хотя и у лисиц длинноват

хвост. Поэтому я тебя сейчас посылаю к царю птиц – филину-великану. Так ему скажи, мол, сегодня воевать не будем. Пусть они дожидаются утра.

Лисица, конечно же, размахивая туда-сюда пушистым хвостом, сразу побежала туда, где посередине священного острова, на высоком дереве, сидел филин-великан, у которого глаза так и сверкали огнем, когда он водил ими в разные стороны. Так и высматривает он ближние и дальние места, словно готовясь вступить в немедленный бой.

Затем медведь сказал так:

– Что же делать? Видимо, все же воевать придется, трудно, наверное, отвертеться. Слишком далеко дело зашло. А сейчас каждый бродячий зверь, каждый прыгающий зверь по лесу пусть пройдет, выберет себе место, где будет сражаться. Хорошо все запомните: опасность ожидает вас, прежде всего, сверху, со стороны Высокого Неба.

– Я-то для этого крепкие рога имею, – слегка похвастался крепконогий лось. – Если я острыми рогами поддену какую-нибудь птицу – вряд ли живой останется: к стволу высокой лиственницы шлепнется, к вершине высокой ели отлетит. А коль не отлетит, то об дерево вмиг раздавлю. А если попадет под мои мощные копыта, то так раздроблю на мелкие части, что пыли не соберешь.

– Я в густых кустах укроюсь, – сказал заяц, – просто так коршуну меня не одолеть.

– А мы за ночь тайные норы выроем, – сказали хитрые лисицы. – Если осмелится какой-нибудь орел пожаловать к нам в гости, пусть приходит. Какое-нибудь перышко, думаю, там наверняка потеряет.

– А мы слишком-то пасти прожорливого халея не боимся, – похвастались горностаи. – Очень прятаться не станем. Пусть даже жадные халеи и проглотят нас, пропустят через свою широкую глотку. Но как только халей поднимется чуть – даже на бросок аркана, и выше, мы тут же прогрызем ему желудок.

Так бы, наверное, все бродячие и прыгающие звери до утра болтали и хвастались, если бы медведь не разослал их в разные стороны с нужным заданием.

Когда все большие и малые звери разошлись, медведь, оставшись один, стал бродить по священному острову вразвалку и не торопясь. Там, где сидели на деревьях остроглазые коршуны, крепкрылые орлы и каркающие вороны, медведь почти не останавливался: он понимал, что большой беды во время битвы они не сотворят.

Только когда приблизился к тому дереву, где сидел огромный филин-

великан, медведь остановился и стал его внимательно рассматривать и изучать. В это время к нему подбежала лисица, которую он посылал с важным заданием, и тихо промолвила:

– Согласился филин-великан, согласился филин-великан... До утра согласился обождать.

– Коль согласился – это хорошо, – хрипло сказал медведь. – Ты теперь к своим сородичам беги. Готовьтесь к завтрашнему дню, выспитесь хорошенько, силы наберитесь. Серьезный день предстоит, нелегкий.

Лисица сразу же побежала к своим сородичам.

«Да, действительно филин-великан имеет силенку, – размышлял медведь, оставшись один, и поглядывал вверх, где восседал важно тот. – Коль окажешься в его стальных когтях, то и крепконогий лось не удержится, да и я вряд ли справлюсь с ним. Ведь каковы у него когти: каждый длиной с пядь! А крылья! Каждое размахом выше двух сажений. Это сколько же сможет он зараз поднять и унести с собой? Кой, тяжело, тяжело нам будет тягаться с филином-великаном...»

Когда стемнело, медведь собрал на большое собрание всех зверей, кто мог бегать и прыгать. Звери быстро собрались, и тогда медведь спросил их:

– Ну, и как же вы подготовились к битве? Как мы завтра воевать будем?

Большие и малые звери, перебивая друг друга, враз заговорили, каждый старался показать свой ум и смекалку:

– Я под кустами хорошую корягу обнаружил. Никакие когти коршуна меня там не достанут, – похвастался длинноухий заяц.

– Я у обрыва глубокую нору вырыла, не всякая птица осмелится туда заглянуть, – похвасталась лисица.

– И я тоже вырыл нору, – тут же сказал песец.

– Я под раскидистым могучим кедром тоже себе надежное место подыскал, нелегко меня будет там взять, – сказал хриплым голосом крепконогий лось.

– Мы тоже под каждой травой, под каждой соломинкой себе укрытие подготовили, – пропищали мыши.

– Я...

– Я...

Ответы и крики неслись то с той, то с этой стороны, так сыпались, что если бы был туесок, то не успевал бы, наверное, все это собрать.

Услышав такие ответы, медведь медленно почесал один бок, затем другой и сказал:

– Сородичи мои! Коль так мы все будем прятаться, то кто же воевать будет? Так можно голодным день просидеть, неделю можно отсидеться, но придет время – и надо же выходить из своих укрытий. И тогда вы все окажетесь в когтях птиц. Нет! – резко покачал тут своей огромной головой медведь. – Так дело у нас не получится. Так нельзя поступать. Да к тому же разве можно себя так вести? Каждое наше слово, каждая наша мысль крылатым зверям слышна, крылатыми зверями на ум наматывается. Поглядите: сколько их то там, то здесь сидит.

Еще долго журил своих несмышленных сородичей косолапый медведь, затем умолк. Недолго посидел, задумавшись, и подозвал тихо к себе маленького мышонка. После этого остальным зверям сказал:

– А теперь сколько вы имеете горла кричите во всю мощь, свистите и рычите. Хоть землю себе на спины поднимите, хоть воду на свои плечи взвалите.

После того, как заговорили и закричали звери, зарычали и затрубили, казалось, что небо уселось на землю, а землю и воду на высоту семи небес приподняло.

Крылатые звери, сидевшие поблизости, и крылатые звери, находившиеся поодаль, услышав крик и гвалт, вздрогнули, немедленно расправили свои крылья и почти враз взлетели. Они подумали, что находящиеся на земле бродячие звери задумали начать битву. Летают, летают крылатые звери над островом – но в темноте разве что-нибудь увидишь? Только слышно, как размахивают они крыльями да временами тревожно покрикивают.

А такой шум медведь специально создал. За это время, пока птицы летали и кружились над островом, медведь втихомолку руководителю отряда мышей дал какое-то секретное задание. И конечно, птицы, которые в это время были в воздухе, ничего не могли услышать и были в полном неведении. И звери бродячие и прыгающие тоже ничего пока не знали.

Когда стемнело, длиннохвостые лисицы и песцы забрались в свои вырытые норы, толстолапые росوماхи и крепкозубые волки тоже подались к своим заранее облюбованным местам, крепконогие лоси, на всякий случай, тоже улеглись у стволов раскидистых могучих кедров, где трудно было атаковать их с ходу. Остальные меньшие звери тоже подались к своим укрытиям.

А крылатые птицы, опять усевшись на вершины многочисленных деревьев, досматривая свои короткие и длинные сны, до поры до времени примолкли. А вокруг острова сидевшие на воде многочисленные стаи уток тоже утихли. Среди птиц только глазастая сова не спала, она дежурила и зорко следила за обстановкой, охраняя покой своих сородичей.

А на земле же сот хоятпи ляль – зверь, имеющий силу ста лучников, – не спит, да и семь мышей бодрствуют, готовятся к какому-то важному делу. Им, оказывается, медведь поручил очень серьезное задание.

«Без помощи мышей нам не победить», – сказал тогда медведь руководителю их отряда.

Да и мы тоже поглядим, что же будут делать мыши, да и какое задание дал им медведь, начальник войска бродячих зверей. Да и почему для такого важного задания он выбрал самых слабых зверей из тех, что могут ходить и прыгать?

* * *

Когда наступила полночь, мыши, прячась за низкие и высокие травы, тихо тронулись с места к лиственнице, где уснул царь лесных птиц – филин-великан.

Другие мыши, чтобы отвлечь внимание глазастой совы, стали суетиться на берегу, туда-сюда носиться и пищать. Медведь тоже, словно от бессонницы, медленно вышагивал по берегу, временами заходил в воду и освежал горло свежими струями воды.

Все совы, которые были на дозоре, конечно же, приковались глазами к берегу. Да и как не приковаться, если царь лесных зверей не спит, коль зверь, имеющий силу ста лучников, бродит по берегу. Кто знает, что он задумал? Кто знает, что он выкинет неожиданно? Так что совам надо быть начеку!

А отряд мышей в это время занимался порученным медведем делом. Они незаметно и тихо подошли к стволу толстой лиственницы, затем осторожно и бесшумно стали подниматься по стволу дерева вверх, к вершине, где беззаботно спал царь лесных крылатых зверей филин-великан.

Мыши настолько тихо поднимались, что не упала вниз ни одна хвонка, не шелохнулась ни одна борода на стволе дерева.

Семь мышей, придя к нужному месту, стали тихо и незаметно в семи местах своими маленькими, но острыми зубами прогрызать длинные перья у филина-великана. И прогрызли настолько, что длинные перья еле-еле держались, а при малейшей нагрузке могли сразу отвалиться. Мыши настолько осторожно и тщательно работали зубами, что не упало ни одно маленькое перышко, не свалилось ни одно большое перо. Даже перья у филина-великана толком и не пошевелились. Такая точная, скрупулезная работа была проделана мышами.

Царь лесных птиц, прилетевший с семи краев земли, спал крепким сном, не слышал, как мыши залезали наверх, как они спускались.

Закончив свое нелегкое дело, семь мышей так тихо слезли вниз, что опять не упала ни одна хвоинка, не пошевелилась ни одна борода на дереве.

Отряд мышей пришел к медведю. Рассказали о выполнении задания, и тот только после этого успокоился, сердце и ум у него пришли в порядок. Косолапый медведь всех их лизнул своим теплым языком и велел, чтобы шли отдыхать.

Теперь, конечно, зверь, имеющий силу ста лучников, сразу повеселел, окреп сердцем и духом. Перед тем как улечься спать, медведь еще раз пораскинул мозгами, как завтра начинать битву, затем медленно направился к стволу толстой ели, прилег на бок и ненадолго уснул.

Только разыгралась на востоке волчья заря, медведь проснулся, огляделся и трех горностаев, оказавшихся рядом с ним, послал, чтобы они собрали всех зверей.

Хорошо выспавшиеся и отдохнувшие горностаи рьяно взялись за выполнение поручения. Да и долго ли было им, резвым и проворным, обскákat весь священный остров и передать своим сородичам приказ медведя – царя лесных зверей.

Когда все собрались, медведь сказал:

– Ни один не должен без моего приказа тронуться с этого места. Все маленькие звери пусть в середине сгрудятся, а крупные по внешнему кругу становятся, а под ними спрячутся слабые и беспомощные. Сделаем так, чтобы ни один бродячий и прыгающий зверь не оказался в когтях хищных коршунов и орлов, в клювах ворон и воронов. – Медведь ненадолго замолк, затем, еще пуще прежнего, своим рычащим глухим голосом стал говорить, как будто специально громко, чтобы его хорошо слышали летающие птицы: – Кто может – пусть под волка прячется, кто желает – залезайте под ноги высокого лося, а кто и около меня соберитесь, здесь защиту ищите. Таким путем мы вряд ли так легко окажемся в когтях хищных птиц, тогда нелегко будет им нас одолеть.

– А филин-великан? Как нам быть с всемогущим царем лесных крылатых зверей? Как мне с ним справиться, куда мне от него деться? – спросил робкий, трусливый заяц. – Ведь он же кого угодно из нас поднимет: хоть лося, хоть медведя. Говорят, много таких случаев было...

– Кто знает, – ответил хитровато медведь. – Начнется битва, там будет видно...

В это время птицы после легкого, короткого сна тоже проснулись.

Полетав и опробовав свои крылья перед решающим делом, они уселись неподалеку от своего предводителя – филина-великана. Они слушали и получали указания от своего царя. А затем почти враз все поднялись в воздух. От их крика и гама, казалось, покачнулась земля, всколыхнулась вода. Птицы, которые тучами носились туда-сюда, затмили поднявшееся солнце, почти половину неба забрали они себе.

Так птицы проверяли свои крылья, остроту своих когтей, определяли свою силу, вспоминали приемы нападения на бродячих зверей. Полетав так, они удалились в сторону другого конца острова. А затем, окончательно подготовившись к бою, ринулись дружно туда, где скопились в кучу бродячие звери.

Прожорливые халеи и вороны так и сяк бросались вниз, пытались схватить мышей, горностаев и белок. Ничего у них не получалось: все мелкие звери успели скрыться под защиту песцов, лисиц и росомех.

Коршуны и ястребы, могучие орлы, хотя и не раз наостряли свои когти, но тоже ничего у них не выходило: все лисицы, песцы, зайцы и росомехи успели спрятаться под защиту зубастых волков, крепконогих лосей и всесильного медведя. А те были, конечно же, им не по зубам.

Так и кричат, и визжат птицы на все голоса, но только все без толку: ни одна мышь, ни один горностаев не попал в когти и пасть летающих зверей.

Пока они так возились и суетились, солнце уже высоко поднялось. Обратили тогда свои взоры летающие звери к высокой лиственнице, где важно восседал их царь – всесильный филин-великан, чтобы позвать его на помощь.

Да и понятно, – разве без него, без всесильного богатыря крылатых зверей, какое-нибудь дело сотворится? Одним криком и гамом разве можно победить? Разве у бродячих зверей от этого сердца дрогнут и они сдадутся на милость победителей?

И вот птицы вокруг филина-великана закружились, кричат и говорят что-то на понятном ему птичьему языке. Наконец все носившиеся большие и малые птицы разом как-то разлетелись, словно кто-то невидимым ножом надвое рассек птичью стаю.

В это время всесильный филин-великан свои двухсаженные могучие крылья распростер, глаза его налились огнем, весь он напрягся на вершине высокой лиственницы и сильно оттолкнулся крепкими лапами...

Но ему удалось сделать только два-три взмаха своими мощными широкими крыльями. Внезапно он стал камнем падать вниз, словно его подбили стрелой.

А вокруг него потянулись длинные перья его крыльев, которые ночью были изгрызены мышами и еле держались до сего времени. Отвалившись перья плавно кружились в воздухе.

Вздрыгнула земля от тяжелого удара филина-великана, упавшего с высоты. Шлепнулся он так сильно, что стоявшие поблизости деревья покачнулись, а вода на речке даже взрыбилась.

– Все! – закричал хриплым басом медведь, обрадовавшись тому, что его идея полностью осуществилась.

Птицы, оставшись без предводителя, лишившись всемогущего царя, вмиг попритихли и стали попусту кружиться вокруг острова, не пытаясь больше нападать на бродячих зверей.

– Это другое дело, – засмеялся зверь, имеющий силу ста лучников. – Теперь мы живем. Без всемогущего филина-великана нам птицы ничего не сделают. Поэтому вы, мои сородичи, отправляйтесь к своим норам и домам. Впредь мы так легко крылатым зверям не поддадимся.

С того времени, когда во вспыхнувшей войне звери одержали верх, много веков прошло, а может – и тысячелетий. И зажили впредь все звери и птицы своим умом и стали полагаться только на свою силу и мудрость.

ПРОТОКА СВЯЩЕННОГО ГОРНОСТАЯ

1. КАМЛЕНИЕ

В давние времена на одном из мысов обского берега жили ханты рода Аватты ёх. На расстоянии нескольких бросков аркана от крутого берега начинался сплошной лес. Да такой густой, что ни взгляд, ни нос не пройдет. Всякая дичь водилась в этой непролазной тайге. Хватало и двукрылых птиц, и четвероногих зверей. Ханты-промысловики успешно охотились в щедром лесу на таежного зверя и птиц для своего пропитания.

Но труднее было добывать рыбу в реке. Частые штормы летом и осенью не давали рыбакам на юрких лодчонках выходить на промысел нужной рыбы, а зимой река покрывалась толстым ледяным панцирем, и добыть речной эсам ик (воду-грудь) было еще труднее. Русло Оби, проходившее рядом с хантыйским селеньищем, было глубокое, и нелегко было найти такой длинный шест, чтобы воткнуть его в мягкий грунт реки, и на который можно было бы привязать конец сети.

Трудно порой приходилось роду Аватты ёх.

– А у соседей, что живут в селенье Хаш-горт, легко зимой живется, – не раз говорили шаману Атэл-ики жители рода. – У них селенье находится в устье сора. Зимой он мелеет. Рыбы там вдоволь вылавливают своими гимками. Да и летом рыбачить сподручнее. Сор – все же не река. Спокойнее в нем. Волна меньше. Рыбачить легче. Эх, был бы у нас такой сор. Вот бы счастье нам привалило! Но что поделаешь: вверху – доска, внизу – доска¹.

И старый шаман Атэл-ики, слыша каждый раз такие сетования своих соплеменников, решил покамлать и обратиться с большой просьбой к Турам Аси – Верховному Богу. С восходом солнца Месяца Сбора Ягод он попросил пригнать к Прилыты Сойм (священная речка), где происходили жертвоприношения, семь жирных быков. Закололи оленей. Раз-

¹ То есть наверху доска – это небо, и внизу земля – как доска, и человеку некуда деться меж двух плоскостей, и, стало быть, надо подчиняться судьбе.

вели большой костер. Поставили угощение духам. Семь раз прокричали ханты в сторону Высокого Неба со своей просьбой, а затем шаман, взяв в руки священный топор, уселся у жаркого костра и начал камлать.

*- Высокого Неба самый умный Бог,
Семи небес самый главный Бог,
Прислушайтесь к просьбе слабых людей.
Силы ваши необъятны,
Мысли ваши безграничны,
Прислушайтесь к их повседневной боли,
Которая отложилась во всех уголках их мозгов,
Которая зарубцевалась во всех уголках их сердец.
Подскажите нам, где найти такой сор,
Где рыба и летом бы ходуном ходила,
Где рыба и зимой бы в глубоких ямах отлеживалась,
Где бы безмозглые и хилые ханты
И в штормовую погоду летом ее вылавливали,
И морозной зимою в достатке ее добывали.
Подскажите, всемогущий Бог Семи Небес,
Где нам такой уловистый сор найти?*

Мудрый шаман после этих слов, дав рукой знак замолчать своим сородичам, откинул с головы неблюевую шанку, чтобы, очевидно, лучше слышать слова Всевышнего, надолго умолк и прислушался.

Установилась такая тишина, что можно было услышать даже легкий писк комара за семь шагов от костра, мягкий шум упавшего березового листа в тридцати шагах от костра. Долго слушал шаман. За это время, наверно, не один раз можно было чай вскипятить и котел с рыбой сварить.

И тут неожиданно в небесах раздался страшный грохот, казалось, земля закачалась. Многотысячными стаями птиц пронеслись лохматые тучи в разные стороны. А рядом с селеньем что-то тяжелое и неповоротливое обрушилось на землю.

2. ЯЛАНЬ-ИКИ УПАЛ НА ЗЕМЛЮ

Оглушенные вначале ханты, не шелохнувшись, сидели у костра. Вскоре они стали приходить в себя. Протерев глаза, они оглянулись и увидели, что рядом с берегом селенья образовалось устье широкого сора, которое, очевидно, упало с Высокого Неба. Пенистые волны, подгоняемые ветром с Урала, лихо мчались с устья сора к его далекому истоку.

Ханты селенья, впервые увидев такую загадочную картину, оцепенели в недоумении.

И тут на помощь им поспешил всезнающий седовласый шаман Атэл-ики. Это, оказывается, по его настоятельной просьбе Великий Бог Семи Небес спустил на землю своего посланца Ялань-ики, чтобы помочь людям селенья. Спуститься-то он спустился, да от собственной тяжести увяз на одном из просторных, широких и топких болот вековой тайги. Так и остался стоять: огромная голова в подолах синего неба, а длинные и толстые ноги в земле. И тут вдруг ураган налетел с востока. Ялань-ики зашатался и упал лицом туда, где Обь протекает. От его широкого лба, пухлых щек, вытянутого подбородка образовались вмятины, и они сразу наполнились водами величавой Оби.

И когда ханты наконец пришли окончательно в себя, шаман запричитал:

*– Если подниметесь на крутолобый холм
И взберетесь на высокую ель,
Увидите вы распластавшегося великана.
Два истока в верховье – две ноги,
Расширение берегов – абрис гигантского живота,
Длинные протоки – две вытянутые руки,
Сужение длинного русла – горло,
А голова – священный остров – Ем пухар.
За островом этим протока имеется,
Глубокая протока Священного горностая.
Зверек тот неведомый к вам
Прилетел вместе с самкой на землю
На спине семикрылого орла,
Вслед за спустившимся небесным пришельцем,
Чтобы увидеть своими глазами –
Помог ли слабым хантам Ялань-ики.
Но увидев, что тот свою жизнь испустил,
Остался навечно для полезных дел,
В полюбившейся ему извивающейся протоке,
Священные воды которой богаты рыбой.
Священные леса по ее берегам
Кишат крылатой дичью и четвероногими зверями.
А Священного горностая за его доброе дело,
Сородичи мои, вы должны отблагодарить.
Завтра же поплывите к этой протоке,*

*Завтра же заколите в жертву трех жирных оленей,
И там, быть может, увидим того священного зверька.*

Воцарилась гробовая тишина.

– Кой! – воскликнули затем ханты. – Конечно, поедем. Разве можно отказать в чем-то такому мудрому зверьку. Жирного осетра сварим. Самых жирных оленей принесем в жертву.

3. ВСТРЕЧА СО СВЯЩЕННЫМ ГОРНОСТАЕМ

Ханты селенья тут же заторопились в важную дорогу. Перед выездом проплыли на плавном песке хулты-пуном и поймали почти двухпудового икраного осетра. Заарканили трех белобоких жирных оленей, связали их и погрузили в лодки.

На следующий день рано утром на семи лодках отправились к берегам неизвестной протоки Священного горноста. Длинной была дорога. Не легко было гребцам. Семь раз останавливались на отдых ханты, семь раз закусывали легкой едой – шумахом¹ и сушеным мясом, семь раз спрашивали гребцы о конце дороги, где находится священная протока.

Наконец сидевший в лодке на белой оленьей шкуре шаман неожиданно вскрикнул:

– Это что за зверек плывет перед носом лодки! И черным кончиком хвоста виляет проворно, и усиками шустро водит туда-сюда, и глазки у него какие-то необычные, черные и завораживающие, на нас поглядывают, словно просят следовать за ним! Не Священный ли это горноста? – И, немного подумав, добавил: – Пожалуй, он. Поплывем-ка за ним. А там, где вылезет на берег, костер разведем. А я покамлаю. Обращусь к духам насчет вновь появившегося сора. Разузнаю кое-что о нем.

Ханты так и поступили.

А удивительный и ловкий зверек, мощно загребая лапками, быстро подплывал к выдававшемуся мысу, сплошь заросшему кедром. Обогнув мыс, зверек вылез на зеленый берег, поросший пыреем, и юркнул в кусты тальника.

Семь остроносых лодок уткнулись в песчаный берег, и люди по указанию шамана быстро выгрузили на траву все, что привезли для обряда жертвоприношения.

Вскоре на небольшой лужайке, со всех сторон окруженной раскидистыми плечистыми кедрами и стройными высокими лиственницами, запылали три костра.

¹ Шумах – вяленая рыба.

Закололи трех оленей, и жирное мясо стали варить в трех пузатых закопченных котлах. Рядом пристроили котлы с осетриной. Когда все сварилось, сочное мясо и жирную рыбу разложили в деревянные плоски и дали вначале отведать лесным духам, поставив их неподалеку от костра. А шаман Атэл-ики уселся рядом со стволом толстой раскидистой ели и стал камлать. Долго разговаривал он с духами лесного сора, который неожиданно появился в их краях.

Закончив камлание, шаман поведал своим сородичам:

– Нелегко мне было,
Три раза обращался
К Богу Высокого Неба,
Чтоб раскрыл мне тайну
О вновь появившемся соре,
И подсказал мне Всесильный Бог
Наречь этот сор именем Питлор –
Сором, Унавшим с Неба.
Это, люди, дар бедным хантам селенья,
Бесценный дар их будущим потомкам.
Рыбы в широком сору в достатке плавают.
Зверя в дремучих лесах сора в изобилии водится.
А протоку, что вдается в глухую тайгу
От широких берегов сора Питлор,
Впредь будем называть именем
Священного горностая,
Который нас умело привел сюда...
Священный зверек этот ум и силу
Немалую имеет,
До ста его уголков лес пронизывает.
До трехсот ее уголков воду пронизывает,
А сила духа его сможет
Дно мелкой реки углубить.
Сила духа его сможет
Злой силе дорогу перегородить.
И является горностай посланцем Высокого Бога.
И спустили его с семиподольного Неба,
Чтоб вершил он добрые дела,
Чтобы на грешной земле всегда торжествовали
Вечная людская доброта и честность.

Закончив камлать, уставший шаман отложил в сторону священный топор, и люди уселись рядом с костром отведать обильное кушанье.

Во время трапезы резко заголосили у берега сора жадные халеи. Оглянувшись, ханты увидели, как с десяток прожорливых птиц одна за другой стрелою пикировали вниз и пытались кого-то схватить на воде. Внимательно присмотревшись, тайну необычного птичьего базара первым разгадал шаман Атэл-ики: «Глядите-ка, так это горностаи переплывает протоку. А его горластые халеи пытаются проглотить. Кой! Вот жадюги!»

Халеи орали на все голоса, широко раскрывая свои широкие глотки, и один за другим камнем падали на одинокого горностаю. Но плывущий зверек ловко увертывался от хищной пасти птиц, пытавшихся отправить его в свой ненасытный живот. Халеи беспрестанно наседали со всех сторон, и по всему чувствовалось, что горностаю начал уставать. Движения его становились вялыми, а нырять он не мог, до спасительного же берега далековато еще, расстояние было более полета стрелы.

Ханты уже не сомневались, что горностаю обречен на явную смерть: хищные халеи порою проталкивали через широкую глотку даже сырка внушительных размеров. И такое случалось не раз. И тут старый опытный халей, удачно спикировав, схватил уже обессиленного горностаю за голову и, делая глотательные движения, проглотил.

Люди, душой и сердцем болевшие за горностаю, с горечью вздохнули. А жадный халей, словно торжествуя, стал резко набирать высоту, мотая из стороны в сторону своей длинной и толстой шеей.

И здесь мужчины и женщины были ошарашены необычайной картиной. Высоко взлетевший халей вдруг издал резкий, пронзительный крик и ни с того ни с сего камнем рухнул невдалеке на землю у самой кромки песчаного берега. Удивленные ханты, теряясь в догадках, смотрели на упавшую мертвую птицу. Они еще более изумились, когда увидели, как через разорванный живот халея показалась юркая голова горностаю и вскоре ловкий зверек, полностью вылезший наружу, страхнул с себя грязную жижу внутренностей желудка и резво помчался в сторону густого леса.

– Кой! – только протяжно и сказали изумленные ханты. – Вот это волшебство! Вот это мудрость! Птица погибла, а проворный горностаю на свободе! О, люди! Горностаю поистине священный!

Воздавая дань мудрому зверьку, ханты семь раз прокричали в сторону Высокого Неба, повторяя слова шамана и славя Священного горностаю.

В честь подвига диковинного зверька шаман повелел срубить из молодых лиственниц небольшой амбарчик, размером сажень на сажень и высотой с локоть человека. Пока три умелых таежника рубили нехитрое

строение, шаман, слывший умелым мастером, вырезал из осколков кедра фигурку, похожую на горностаю, которого всего-то видел на расстоянии броска аркана. Зверек словно был вытянут в нитку при стремительном прыжке, и фигура его получилась отменной.

Скульптуру зверька шаман поместил внутри амбарчика, аккуратно установив между ветвистыми рогами одного из заколотых оленей, и сказал при этом: «Рога эти словно солнечные лучи. Ведь Священный горностаю – посланник Высокого Бога. Пусть оттуда ведет важные разговоры с небесными духами».

После этого амбарчик сверху прикрыли лиственничными бревнышками, а спереди оставили небольшую щель, чтобы люди могли взглянуть на изображение своего нового духа.

Повесив на стоявшие рядом деревья рога остальных забитых оленей, ханты три раза поклонились избушке, уселись в свои лодки и отплыли в селенье.

4. ГОРНОСТАЙ И ЯМЫ-ЖИВУНЫ

А горностаю, прогрызший халею голодный желудок, где только и оставалась гниль от разложившейся рыбы, продолжал бежать по берегу сора к его вершине. Надышавшись мертвым запахом, он часто останавливался и отрыгал изо рта в воду проглоченную гниль желудка халея. Эти капли, попадая в струи воды сора, тут же начинали закручиваться жгутом. Словно по мановению волшебной палочки, начинался стремительный водоворот, и в этом месте образовывались глубокие ямы-живуны. Зимой после летнего и осеннего спада воды в сору в этих местах оставались на зиму косяки рыбы: жирные муксуны, горбоносые чирь, прыткие сырки и пыжьяны.

На семи поворотах сора останавливался горностаю рыгать, и здесь тут же появлялись глубокие ямы-живуны.

Счастливы зажили с тех пор люди на берегах этого образовавшегося сора. Летом они перегораживали его запором и в достатке вылавливали деликатесной рыбы, а зимою после спада воды в ямах-живунах в голодную и трудную пору в сетях и гимках тоже ее ловилось вдоволь.

И каждый раз при этом добрые ханты мыслями сердца и души говорили теплые и благодарные слова в адрес благородного и умного горностаю.

Проворный выносливый горностаю, оставляя за собой версту за верстой, поворот за поворотом, почувствовал, что силы стали покидать его.

Священный горноста́й, обессилев, еле добрал до вывороченного ураганом ствола огромной ели, прилег здесь и навечно заснул.

Ханты впоследствии нашли это место, где после невероятного поединка с халеем скончался горноста́й. Они назвали это место протокой Урьёхан – протока Всесильного Духа. И в честь его благородных и полезных дел стали приезжать к берегу Урьёхана и совершать обряды и жертвоприношения. А более всего протока стала местом, где люди клялись в своей честности.

Для этого ханты заранее приезжали в этот священный угол. И не один день дожидались, когда установится на небе семицветная небесная радуга, являвшаяся по преданию дочерью Солнца. И когда она появлялась на небосводе, люди разжигали большой костер и, уставившись на бездонное небо, приговаривали:

*– Глядите, глядите, Вы – отец Высокого Неба,
Перед огненными глазами твоей старшей дочери – Солнца.
И ее дочерью – честной девственной радугой
Клятву приносит человек.
Если он честен,
Пусть спокойно живет
И умрет свободной смертью.
А если в чем-то виновен и не чист,
Как белая шкура Священного горноста́я,
То пусть огненная громовая пуля
Беспощадно его сразит.*

Перед выездом со священного места шаман еще раз основательно покамлал и по окончании сказал:

*– Мудрый горноста́й, Священный горноста́й
Более всего наказывал нам блюсти свою честь,
Не красть добычу у чужого охотника,
Коль увидел глухаря в слопце другого добытчика,
То разумным будь всегда –
Вытащи его из-под ловушки
И повесь на ветку дерева повыше,
Чтобы земные твари его не растерзали.
Не зарыться зимой на лисицу или песца,
Приманенных привадой других охотников, –
Вы затопчете в грязь тогда труд другого человека,
И каждый охотник всегда должен промышлять
В пределах своих отведенных угодий.*

*Ибо честь для охотника превыше всего,
И слово его
Должно быть честным и чистым всегда,
Как белый мех Священного горностая.*

С тех давних пор по совету шамана Атэл-ики люди, приезжавшие к почитаемому амбарчику Священного горностая совершать обряды жертвоприношения, всегда клялись соблюдать обеты верности и честности. А человека, нарушившего эту мудрую традицию, обязательно наказывал Бог и разил его огненной стрелой во время грохотания грома. А иногда усмирял такого негодяя и стальными когтями сот хоятпи ляль (медведь).

5. СВЯЩЕННЫЙ ГОРНОСТАЙ ЕДЕТ НА НАРТЕ

– Кой! – вымолвили в страхе разом испугавшиеся ханты, услышав такие грозные слова от шамана. – Жить нам надо в дальнейшем с умом. Не закидывать язык зазря за семь поворотов реки. Не кичиться своей недюжинной силой и всезнающими мозгами. Священный горностай все видит. И кому нужна такая кара? Ведь об огненных пулях божественного грома все знают. Даже могучую ель, стоявшую на высокой горе, раскромсали те пули на щелки. А хватку и силу сот хоятпи ляль видели не раз. Хребет крепкононого лося ударом лапы зверь переламывал, а в ярости мелкие деревья с корнем вырывал. Кой!..

И решили тогда древние ханты приобского селенья умиловить духов Священного горностая. Смастерили они из обрубка лиственницы небольшое корытце и осторожно уложили туда скелет разложившегося горностая. Обложили скелет со всех сторон болотным мхом, чтобы он не гнил долгие века, а сверху закрыли вторым корытцем. И этот своеобразный гробик в трех местах обмотали прочными кедровыми жилами. Теперь этому гробику не страшны были ни пуржистая зимняя выюга, ни летний грозовой ливень.

По указанию шамана благодарные ханты смастерили легкую охотничью нарту. Полозья изготовили из молодой крепкоствольной ели, а всю остальную конструкцию – из белоствольной березы. И нарта получилась необычной. Она имела два носа: и спереди, и сзади. Это, по словам шамана, нужно было для покоя праха Священного горностая. Чтобы дух его всегда ощущал, что он мчится только вперед, нигде не сворачивая. И в самом деле – в какую бы сторону ни ехала нарта – нос всегда впереди.

И еще шаман Атэл-ики, установив гробик на нарте, произнес:

*– Глядите, Бог-отец Высокого Неба,
Хорошее место отдыха вамному посланцу приготовили.
В этом гробике, как в лодке,
Он может плыть по воде.
В этом гробике, коль приладит ему Бог-отец
Невидимые крылья,
Священный горностаи
Во все края земли может лететь.
Мы, слабосильные ханты,
Все сделали для него,
Чтобы он мог и в нуржистую выюгу,
И в штормовую погоду летом
Вовремя прийти к нам на помощь.
А теперь пусть отдыхает спокойно
И ждет наших обращений.*

6. ГОРНОСТАИ И МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ НА НЕБЕ

Приуныли в ту пору ханты, оставив на нарте прах Священного горностаи. Они полагали, что расстались навечно с мудрым горностаем, который сделал много невероятно полезных дел жителям маленького приобского селенья.

Но однажды к зиме ханты, выйдя из своих приземистых избушек на песчаный берег реки, увидели необычные следы.

– Кой! Кой! – запричитали они. – Какие-то зверьки диковинные оставили следы свои. Никогда такого не видели.

Когда они шли по берегу, неожиданно из-под старой коряги выскочили чернохвостые зверьки и резво помчались от них.

– Так это же горностаи! – разом воскликнули ханты. – Значит, опять появились в наших краях небесные посланцы!..

Их догадки тут же подтвердил шаман Атэл-ики, когда они пришли сообщить ему эту приятную новость. Он, недолго подумав, тут же пояснил, что это, скорее всего, детеныши той самки, которая спускалась с неба. И шаман твердо заверил, что впредь Священному горностаю вечно жить на их щедрой земле.

По случаю такого важного события шаман Атэл-ики повелел поймать жирного, упитанного быка и привести на место жертвоприношения Порилыты Сойм. Заколов оленя, шаман каждому лесному и водному духу поставил отдельную площадку с сочными кусками печени и жирными оле-

ными ребрами. У каждой площадки поставил также берестяные туески с теплой питательной оленьей кровью. Устроившись рядом с угощениями духу Священного горноста, шаман начал камлание.

На этот раз он камлал необычно. Часто устремлял свой взор в сторону Высокого неба, словно что-то там рассматривал и тихо что-то нашептывал себе.

После обильной трапезы шаман попросил односельчан дожидаться вечерней темноты. И когда на небе густо высыпали яркие звезды, шаман Атэл-ики, усевшись рядом с большим жарким костром, вновь уселся за камлание. На этот раз он неоднократно метал свой взгляд в сторону верховья сора Питлор, где находилась священная протока горностаев, и опять же долго не отводил взгляд от необъятного звездного неба. Священный топор вздрагивал в его руках, губы шептали какие-то слова, понятные только ему. Закончив наконец долгое камлание, он сказал:

*– Глядите, люди родного селенья,
На высокое безграничное небо,
Много неведомых миров там имеется,
Много разных духов там обитает.
Но найдите на небе Хусат юш – Млечный Путь.
Это не звезды – а горностаи бегут.
А правее найдите Турам-Мось –
Малую Медведицу.
Это, сородичи мои, дом Священных горностаев,
Куда они приходят на отдых.
А дальше найдите Турам Хус – Полярную звезду,
Которая всегда указывает на Север.
Это, сородичи мои, горностаи-сторож.
Помогает людям найти верное направление.
Спасибо за это, Священный горностаи!
Жить Вам тысячи веков,
Жить Вам семь тысяч веков!..*

С тех далеких пор мудрые и добросовестные ханты из множества имеющих лесных зверей стали почитать Священного горноста. Нельзя было его бить палкой, метать в него смертельные стрелы. И даже сейчас, когда попадает в капкан и оказывается при приходе охотника живым, человек никогда не ударяет его охотничьей лопаточкой. Он аккуратно и осторожно подведет к его голове языкастый капкан. И когда горностаи тронет язычок, капкан захлопывается и душит зверька. Но убивает зверька не рука праведного охотника, а железный капкан, изготовленный рукой человека другой веры.

С тех далеких веков идет такая молва о Священном горностае.

ЗАЛИВ СВЯЩЕННОЙ СОБАКИ

1. ХАНТЫ ПРИБЫВАЮТ В НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗАЛИВ

Долгие века на берегах многоводной Оби жили люди из рода Аватты ёх (Люди, живущие на берегу). Летом они ловили рыбу, зимой охотились на крылатых птиц и таежных зверей.

Но в это холодное лето неожиданно задули сорок штормовых северных ветров, имеющих сто несосчитанных сил, имеющих тысячу несосчитанных сил. Крутолобые волны могучими высоконогими лосями неслись по реке и в страшном гневе разевали свои пенистые пасти.

Третью неделю рыбаки не могли выйти в реку на своих остроносых легких колданках, чтобы спустить под воду свои хулты пун (ловушки) и поймать какую-нибудь живность.

И тогда седовласый шаман – старейшина рода – предложил крепким на руки и ноги хантам подняться на своих колданках за одноплечий мыс Порах Нел, который далеко вдавался в реку, а за ним был залив, где было затишье, и там можно было спокойно, без опасения быть перевернутым на колданке, порыбачить.

Целые сутки вверх против течения надо было на гребнях добираться до этого щедрого на уловы места.

И вот семь колданок, словно выброшенные арканами, юркнули от каменистого берега и подались в нелегкий путь. Ехали почти у кромки берега, где волна была слабее, а в местах сильного прибоя вылезали из колданок и тащили их почти по суше.

Еле-еле переплыли через опасный мыс Ушар Оланг (мыс Дракона), как внезапно засверкала молния, тысячами медвежьих глоток грозно рывкнуло небо, и по его необъятным пределам словно помчались на резвых конях невидимые всадники – гонцы Бога Высокого Неба, издавая оглушающие раскаты грома. Внезапно полил сильный дождь, словно приподняв к себе водную поверхность реки; и грозовые струны будто тальниковыми ветками хлестали по лицу. Вскоре озверело налетевший шаман-ветер ненадолго чуть-чуть поутих. Несмотря на безудержно лившийся дождь, ханты, держась кромки каменистого берега, осмотритель-

но поднимались вверх по разбушевавшейся Оби. Долго ли, коротко ли гребли они широколопастными кедровыми веслами, как внезапно наплыл необузданный снежный туман. Да такой густой, что на расстоянии вытянутой гребли ничего нельзя было разглядеть.

А вскоре люди услышали впереди себя страшный грохот: казалось, содрогнулась земля, опоясанная Каменными горами, падали со стоном на землю крепкоствольные лиственницы и широкоплечие кедры, кряжистые ели и курчавые березы. А из семи углов дремучей тайги донесся жалобный плач и дикий визг обезумевших зверей. Невиданный тяжелый гул три раза перекатывался от горизонта до горизонта и вскоре затих в глухой тайге.

И в это время неукротимые струи воды легко увлекли гребцов на восток, хотя те стремились только на юг, вверх по Оби. Течение было настолько мощным, что лодчонки хантов кружило, как щепки на стремнине реки.

Испугались люди, и им оставалось только молиться Всевышнему Богу:

– О, Высокий Пал Турам – Бог Высокого Неба!

Что с нами случилось сегодня?

В какие неведомые края нас несете?

Вода лишь священная нас окружает.

Туман белоснежный глаза ослепляет.

Того и гляди, нас ненастье сожрет.

О, Сорненг Турам – Бог золотой!

Нас днем и ночью лелеющий,

Неужто и вы потеряли свой разум?!

Мы – пушинки твои, мы песчинки твои

Умоляем: лицом повернитесь к нам

И хотя бы мизинцем в нашу сторону шевельнитесь...

В страхе устремив свой взгляд в сторону Высокого Неба и крепко уцепившись пальцами за тонкие кедровые борта своих колданок, ханты замерли в ожидании потустороннего чуда.

Недолго пришлось им ждать. Видно, Бог Высокого Неба внял просьбам людей, и неведь откуда появившийся туман так же внезапно исчез, а стремительный поток воды успокоился. Тут же выглянуло яркое солнце, протянув к земле тысячи благозвучных струн, и осыпало поверхность воды звонкими серебряными монетами.

– Большое спасибо, Бог Высокого Неба, – непрерывно молясь, громко выговаривал старейшина рода. – Большую вы силу имеете. Спасли от верной смерти слабых и дохлых людишек...

Огляделись ханты, сидевшие в своих колданках, которые были наполовину заполнены водой от прошедшей дивневой грозы, и увидели: их окружали воды какого-то огромного сора, берега которого, затянутые синеватой целеной, едва можно было узреть взглядом. Под струями теплого, уже ослабевшего ветра слегка рябила вода, у берегов на мелководье белой метелью носились стаи халесов и речных чаек, которые непрерывно пикировали в воду, хватая мелкую рыбешку.

По левую сторону от них виднелся залив, глубоко вдававшийся в сушу.

– Наверное, туда подадимся, – сказал шаман, протягивая в сторону пролива свое легкое кормовое весло. – Вдруг опять непутевый пестер рассердится да голову вздыбит и задует на сорок дней. Кой! Сила у Бога Высокого Неба велика! Ничем не укротишь. Там хоть укроемся.

И ханты, дружно налегая на широкие кедровые гребни, заторопились к долгожданному берегу.

2. КАМЛЕНИЕ ШАМАНА НА БЕРЕГУ БЕЗЫМЯННОГО ЗАЛИВА

Проворные колданки хантов, подобно выстреленным стрелам, одна за одной уткнулись в глинистый берег. Кромка залива была усеяна длинностебельным муксунтом, на берегу среди густых тальниковых кустов обильно рос высокий нырей. Берег залива довольно резко возвышался и на расстоянии полета стрелы начиналась дремучая живописная тайга.

Тучи комаров плотной сетью окутали первых пришельцев на берегу безымянного залива.

Ханты тут же, собрав сухой плавник, в избытке валявшийся на берегу, разожгли жаркий костер. И чтобы было побольше едкого дыма, в огонь беспрестанно подкладывали пучки свежей травы. Остроносые, жадные до человеческой крови писклявые разбойники, словно по мановению волшебной палочки, ринулись подальше от людей.

Несколько успокоившись, люди в первую очередь стали осматривать берега залива. Они сразу заметили, как в мелководье и на глубине всюду плескалась мелкая и крупная рыба.

– Кой! – воскликнул шаман. – Помог Бог! Кажется, в добычливое место попали мы. Животы наши голодными не останутся. Залив, по-моему, осчастливит нас. Закиньте-ка невод! А то и голод не утолим, и сердце не успокоится.

И трое человек споро взялись за важное дело. Да и как не взяться?! Же-

лудок постоянно давал о себе знать. А на Оби властвовали сорок северных ветров, и люди давно уже не пробовали свежей питательной рыбы.

Закинули невод, сплетенный из коры тала, длиной, наверное, саженой с пятнадцать. Только стали вытаскивать отяжелевший невод, как рыба тут же заметалась и дружно заплескалась. В мотне невода оказалось добрых два мешка полноценной рыбы, вдоволь нагулявшей за лето жиру. Били по воде упругими хвостами, поднимая серебристые брызги, мускулистые нельмы и жирнобрюхие муксуны, юркие пыжьяны и прыткие сырки, торбоносые щектуры и проворные язи, а о прочей сорной рыбе и говорить не приходилось. Шаман велел отобрать жирную нельму весом, наверное, с пуд. Сняли с нее крупную серебристую чешую, разделали на свежатицу и на трех хуванах – площадках поставили около большого костра.

– Пусть вначале насытятся невидимые нашему глазу духи безымянного залива, – сказал шаман, обводя острым взглядом девственный лес, подступавший к берегам. – А я пока покамлаю, постараюсь, насколько хватит моих слабых сил, вывести у Бога Высокого Неба, как здесь мы оказались и что это за место. Может, он повернется к нам своим лицом?

Шаман уселся с северной стороны костра, взял в руки свой остро отточенный топор и, глядя в бездонную небесную высь, начал камлать. Долго общался он с Богом Высокого Неба и земными духами. За это время, пожалуй, сварился бы полный котел с рыбой. Закончив камлать, он медленно рассказал сородичам то, что удалось ему вывести:

*Может, мы счастливые. Может, бедные.
В заоблачные дали семидверного неба
Своих духов-помощников я посылал.
В семи углах бескрайней земли побывал.
И вот что поведали духи.
Мы оказались в сору Ханты-Ишлярском,
Который образовался сегодня
От падения Ялань-ики¹,
Спускавшегося с подолов Третьего Неба.
Не удержавшись на ногах при приземлении,
Он упал головой в сторону широкой Оби,
Подмяв под себя дремучую тайгу.
Образовавшаяся глубокая вмятина
Вмиг заполнилась мощными водами могучей Оби,
Которые безудержно увлекли нас сюда.*

¹ Ялань-ики – лесной людоед.

Шаман ненадолго замолк, вытащил табакерку, смастеренную из шията – крепкого нароста березы, высыпал в старческую ладонь, сплошь изрезанную линиями, молотого табаку и заложил за нижнюю губу, прикрыв сверху сухими стружками тала. Затем он внимательно обвел взглядом людей, молча сидевших неподалеку от него под раскидистым кедром, и дальше повел речь:

*Имел, сородичи мои, короткий разговор
С повелительницей духов – всесильной Казым Най¹.
Она сжалась над нами
И послала к нам на помощь свою охранницу –
Умную и верную свою собаку.
Что из себя представляет она?
Я хорошо не сумел разглядеть.
Только видел, как, виляя хвостом,
Меж высоких и низких деревьев мелькала.
Что ж, сородичи,ждемся собаки,
Может, средь сотен зверей, кишащих в дикой тайге,
Как-нибудь ее разузнаем.*

После этих слов шаман отложил к стволу толстой и высокой ели свой топор и разрешил приступить к еде.

Ханты с аппетитом покушали свежей нельмы, затем отобрали жирно-спинных икрыных муксунов, сварили полный котел и отведали вкусной рыбы с ароматной и душистой ухой.

3. ПРИХОД СОБАКИ К ЛЮДЯМ

После обильного обеда ханты спали крепким сном на берегу безымянного, но щедрого на дары залива.

И когда на востоке открыла свои алые веки волчья заря², раздался где-то в пазухе тайги отдаленный вой, который, усиливаясь, все приближался.

Первым, услышав протяжный вой, проснулся легкий на сон шаман. Он протер глаза кожаным рукавом малицы, приложил ладонь, сложенную в трубочку, к уху и прислушался. Доносившийся звук походил на вой лесного дикого волка.

– Неужели волки?! – встревожился он, но тут же отмел эту непри-

¹ Казым Най – Казымское солнце.

² Волчья заря – время, когда волк выходит на охоту.

ятную мысль. Волки летом сытые. Не станут подходить к человеку. И тут он резко вскинул руку, встрепенулся, о чем-то, видимо, догадавшись: – Неужели?!

Шаман, как юноша, легко поднялся со своего места, подошел к затухающему костру и подкрепил языки огня, подложив сухого тальника. Он был уверен в своей важной догадке еще и потому, что накануне не видел необычный сон. Будто бы он оказался в верховьях далекого Казыма, где находится идол Священной Кошки – Казым Най. Она уставила свои острые огненные глаза на Север, и яркий луч, подобно солнечному, проложил светлую дорогу через многовековую тысячеверстную тайгу в сторону безымянного залива, где они сейчас находились. В глубокую память шамана четко врезались слова всесильной Казым Най:

*– Беги, что есть силы, моя охранница,
В нитку длиною с сажень вытягивайся,
Усталости в пружинистых лапах не чувствуй,
Голода в легком желудке не ощущай.
И когда лизнет своим языком
Утренняя заря горизонт на востоке,
Оповести людей о своем прибытии.*

Как ни старался прозорливый шаман во сне разглядеть силуэт собаки, но из-за чрезмерно яркого света, исходящего из глаз Казым Най, толком не удалось ему увидеть ее. Только пушистый, как у лисицы, хвост мельтешил перед глазами.

Но все предвидящий шаман, напрягши свои мысли, вычислил: раз зверь воет, то должен быть похож на волка.

Догадки старого шамана оправдались: вскоре на расстоянии громкого разговора на берег небольшого березового мыса трусцой выбежал какой-то похожий на волка зверь и уселся на задние лапы. Он навострил кончики своих ушей и беспрестанно вилял хвостом. Язык, исходявший паром, чуть не вываливался наружу, – видно, зверь долго и сильно бежал.

– Иди, иди ко мне! Не бойся! – ласково заговорил шаман. – Если ты охранница всесильной Казым Най, подходи ко мне. Не трону тебя, приучайся к нам.

Зверь, словно удовив теплые мысли шамана, послушно встал и пуще прежнего завилял упругим хвостом. Недолго постоял, а затем, вертя головой туда-сюда и уставив на человека дружеские выразительные глаза, медленно стал приближаться.

Он вплотную подошел к нему. Шаман потрепал его по загривку и стал ласково гладить по голове. Зверь все больше и больше ластился к человеку. И наконец довольный шаман, окончательно убедившись в правоте своей догадки, громко проговорил: «Спасибо, Бог Высокого Неба! Спасибо, Казым Най, за твою посланницу – собаку. Она навечно будет нашим верным другом!»

Мудрый шаман тут же дал собаке вчерашнюю уху, свежей рыбы. Она, проголодавшись в долгой дороге, с аппетитом принялась за еду. Шаман тем временем разбудил еще крепко спавших своих сородичей, чтобы они тоже полюбовались и познакомились с новым пришельцем. Все они, по примеру шамана, гладили собаку по голове и признательно приговаривали:

*– Ах, ты мудрая посланница Казым Най!
И до чего же ты великолепна!
Ляжешь на землю – свернешься в калачик.
И встанешь – словно лопас¹ с четырьмя ножками.
Ушки твои листьями березы торчат,
Улавливают малейший посторонний шорох.
Носом чувствуешь запах любой шерстинки.
Спасибо тебе, Казым Най, за щедрый подарок.
И в честь тебя назовем залив
Заливом Священной Собаки!..*

4. СОБАКА ПОМОГАЕТ СТЕРЕЧЬ СТАДО

И зажили ханты на берегу Залива Священной Собаки. На новом месте срубили добротные избушки и амбары из отборной ели и лиственницы. Теперь они могли без опасения спать ночью, а в амбарах хранить съестные припасы и вещи домашнего обихода.

Но жизнь не стоит на месте. Она, подобно полноводной Оби, беспрестанно течет. Пролетело белой куропаткой в каждодневных заботах короткое лето, с криками улетающих крепкокрылых лебедей и тогочущих гусей пронеслась прохладная осень. С приходом холодов сор сковало серебристым льдом.

Однажды морозным утром, при восходе солнца, собака тихо заскулила и стала снаружи царапать низкую дверь жилища.

Первым встал со своей теплой постели шаман и тихо вышел из бре-

¹ Лопас – амбар на ножках.

венчатой избушки. Он погладил собаку по голове и спросил: «Что ты хочешь сказать, Священная собака? Что тебя тревожит?»

Взглянув туда, куда уставилась собака, шаман увидел стадо диких оленей.

И, чтобы не вспугнуть этих животных, он тихо разбудил своих сородичей: «Вставайте, друзья! Счастье нам привалило! Невдалеке на мысу Залива Священной Собаки появились дикие олени. Быстрее берите упругие луки и острые стрелы. И на охоту! Может быть, Бог Высокого Неба чем-нибудь одарит нас».

Не успел бы, наверно, человек отпить и чашку чаю, как семеро расторопных воинов-лучников стояли у избушки шамана. По случаю начала такого счастливого дня опытный шаман решил сам возглавить охоту. Заложил он в колчан пять острых стрел, надел через голову упругий лиственничный лук с тетивой из лосиных жил. То же самое проделали остальные сородичи. «Тихо следуйте за мной, – прошептал шаман. – Под ногами пусть ветка сухая не треснет, лист мерзлый пусть не зашуршит».

Только шаман сделал несколько шагов, как собака тут же мягко вцепилась ему в подолы малицы. Он, ласково глядя собаку по голове, освободился от ее острых зубов. Хотел вновь зашагать вперед, как собака опять применила прежний прием. Она, уставившись на шамана, весело вертела хвостом, крутила головой, словно хотела сказать что-то очень важное. Шаман призадумался, озабоченно уставился на собаку и, вероятно что-то сообразив, сказал: «По-моему, друзья, догадливая собака хочет передать какую-то серьезную мысль. Жаль – не может говорить на нашем языке. Но я попробую вызвать духов. Уж они-то какие-нибудь тайны все же сообщат мне».

Наблюдательный старейшина рода велел охотникам ненадолго присесть, пока он будет камлать. Он взял со Священного угла свой остро отточенный топор, подошел за домом к месту жертвоприношений, уселся на низкую нарточку, позвал к себе собаку и, многозначительно уставившись в ее серые глаза, начал камлать.

Камлание прошло быстро, и чайник, пожалуй, не успел бы за это время вскипеть.

Уложив свой ритуальный топор на положенное место и выйдя из избушки, довольный шаман сказал: «Собака сегодня сама организует охоту. Нам, друзья, только надо спрятаться за тальниковые кусты, навести стрелы и ждать».

Ханты, вначале недоумевая, переминались с ноги на ногу, но послушаться шамана не могли.

А умная, обо всем осведомленная собака, виляя своим пушистым хвостом, быстро скрылась за кустами, затянутыми серебристым сверкающим инеем.

Ждать пришлось недолго. Собака с громким заливистым лаем резво выскочила у мыса, где олени спокойно щипали стебли высокой пожухлой травы. Они, впервые увидев такого диковинного зверя, хотели было без оглядки метнуться в противоположную сторону сора, едва видневшуюся в сиреневой дали. Но не тут-то было. Собака, усилив лай, моментально погналась за ними, вскоре повернула их в обратную сторону и погнала туда, где притаились запрятавшиеся лучники. Когда стадо, поднимая облако густой снежной пыли, приблизилось к лучникам на расстояние верного выстрела, тут же просвистели с семи разных мест семь стрел. И семь оленей, сраженные острыми стрелами прямо в сердце, споткнувшись, остались лежать на заснеженном берегу залива. Остальное стадо, ретиво облаиваемое собакой, скрылось за лиственничным мысом. И пока люди усердно разделявали убитых оленей, опять послышался надрывный собачий лай, который все больше и больше становился спокойным и ровным, а затем из-за крутого поворота вновь показались олени. Но теперь они уже не неслись ошалело, как прежде, а бежали трусцой и, поравнявшись со стойбищем, стадо, уже послушное собаке, было потихоньку остановлено ею.

– Кой! – враз заговорили изумленные ханты. – До чего же умна собака! Целое стадо нам подарила! Это же невиданное богатство! Как будто с неба оно свалилось!..

– Я же говорил вам, – вмешался в общий разговор седовласый шаман, прищурив левый глаз и откинув выдровую шапку малицы. – Посланица Казым Най все может. Разве из тысячеверстной дали плохого помощника посылают?! Надо, сородичи, теперь нам научиться окарауливать стадо. А собаке дадим кличку Нопсанг – Умная! Она это имя заслужила.

...Вот так ханты одомашнили стадо диких оленей. Теперь у них на столе постоянно имелось сочное оленьё мясо. Затем оленей приучили к упряжке, и жизнь у жителей Залива Священной Собаки стала еще более полной и счастливой.

5. СОБАКА ПРИУЧАЕТ ЛЮДЕЙ К ОХОТЕ

Люди старинного рода Аватты ёх издавна охотились на боровую дичь, а также на таежных зверьков – пушистых белок, ловких горностаев, хитроумных соболей и полуводных осторожных выдр. Но часто охота за-

канчивалась безуспешно или приносили из лесу одного-двух глухарей и очень редко добывали чутких и осторожных зверей. Но резко все изменилось с приходом Священной собаки.

Однажды утром, когда утренняя зорька только-только заскользила юркой колданкой по кромке небосвода, где-то неподалеку громко залаяла собака. Люди осмотрительно выглянули из приоткрытых дверей своих теплых избушек и увидели, что невдалеке, на открытой поляне, на высокой разлапистой ели, важно восседал черный красавец глухарь. Уже выпал чистый пушистый снежок, слегка подмерзло, и подкрасться к глухарю было непросто: при малейшем шорохе – а это обязательно бы случилось – чуткая на слух птица моментально бы снялась с дерева. Но охотники очень удивились: такой громкий лай издавала взбудораженная собака, а глухарь не улетал и только недоуменно поглядывал вниз на странного и неведомого ему зверя.

Находчивый шаман первым разгадал поведение птицы и, медленно побряхтывая, сказал: «По-моему, собака своим лаем околдовала чуткую птицу, приковала к себе. Кроме лающей собаки, птица никого и не видит, и, наверное, ничего и не слышит».

И он, взяв в руки лук и стрелы, решил на деле проверить свою догадку. Шаман шагал довольно быстро по промерзшему снегу и издавал громкие шорохи, но птица спокойно продолжала сидеть. Приблизившись на расстояние около пяти саженей, шаман натянул тугую тетиву лука, точно прицелился и выстрелил. Пораженная птица тяжелым камнем свалилась на мерзлую землю. Подойдя к сородичам, шаман, расплывшись в улыбке, зататорил:

– Я уже говорил вам, что глухарь околдован! – И, погладив по пушистому загривку Нопсанг, продолжил: – Станет она хорошей помощницей на охоте. Спасибо, Казым Най, за незаменимую помощницу!..

Но еще более обрадовались люди тогда, когда взяли ее с собой в лес, отправившись белковать. Собака, только ей свойственным тонким чутьем, даже при отсутствии следа на снегу, точно находила дерево, где затаивалась в гуще хвойных ветвей при виде охотника проворная белка. И охотникам только оставалось внимательно взглядеться в широкие лапы ели и кедра, где прятался взвизывающийся ветерком ловкий зверек, и точно поразить его меткой стрелой. Теперь уже с полными связками пушистых, с голубым оттенком, белок на поясе возвращались охотники из лесу. «Смышленную собаку подарила нам добрая Казым Най, – приговаривали каждый раз довольные охотники про собаку. – И зрение, и чутье острое. Спасибо тебе, Священная Казымская Кошка!»

С той поры у хантов вешала в амбарах прогибались под тяжестью связок пушистых белок, дорогих мягкошерстных соболей и лисиц-крестовок. А о чернобровых глухарях, дальнзорких тетеревах и шумстреньких рябчиках и говорить не приходилось. Еда и богатство так и потекли в дома жителей Залива Священной Собаки.

6. СОБАКА – СТОРОЖ. ВСТРЕЧА С ХОЗЯИНОМ ТАЙГИ

Но жизнь, подобно горной речке, не течет спокойно. Встречались бурные водовороты и жуткие перекаты, где надо было быть начеку, чтобы не оказаться в беде, а то могла и оборваться бесценная тропа существования, с невероятными усилиями отвоевываемая у неразгаданной природы, имеющей сотни и тысячи тайн.

Люди не могли нарадоваться всезнающей и всюду поспевающей собаке. Она оказалась и незаменимым сторожем, четко знавшим границы своих владений. Приблизится к стойбищу какой-нибудь незванный таежный зверь, особенно разбойница-росомаха, – собака тут как тут. Вмиг соскакивала, громко лаяла, и непрошенный дикий зверь убирался восвояси.

Но однажды, в пуржистую ночь, под утро собака резко залаяла с необычной злостью. Лай доносился со стороны нижнего амбара, который находился под горой, где люди хранили шумах – вяленую рыбу – и связки глухарей и тетеревов. Потревоженная собака не успокаивалась и все сильнее напирала на какого-то пришельца.

Проснувшиеся люди явственно слышали, как собака дерзко наскakивала на какого-то зверя и тут же стремительно отскакивала назад. Такого еще не бывало в их стойбище. Любог случайно забредший зверь при пронзительном лае собаки тут же цепенел и, недолго думая, убирал свои ноги подальше. Но здесь случилось что-то особенное, невероятное и даже страшное.

– Кой! – беспокойно заговорил шаман, поднявшись с постели из теплых оленьих шкур. – Тут, по-моему, что-то серьезное заварилось. Может, собака бывалог лося затропила. А может, с хитрой вороватой росомахой схватилась. Знаю я ее козни. Лапы у ней, хотя и короткие, толстые и мощные. А острые отточенные когти! А крепкие клыки!.. На лося-рогача с дерева проворно прыгает и шею у того вмиг разрывает и перегрызает. Я, думаю, люди, надо бы нам спуститься к нижнему амбару. Посмотреть, какая там беда приключилась. Понапрасну умная собака беспокоить нас не будет. Не станет на мелких зверьков она тратить свои силы и нервы.

Прихватив свои упругие луки и острые стрелы, охотники заторопились к нижнему амбару. Приблизившись к нему на расстояние броска аркана, они увидели, что сколоченная из молодого кедра дверь амбара кем-то грубо выворочена, а возбужденная собака у входа заливалась неистовым лаем. Увидев вовремя подошедшую помощь, она еще более усилила натиск и словно огнем заметалась в разные стороны. И тут охотники поняли все. На свежем снегу заметили огромные следы сот хоятпи ляль – хозяина тайги.

Они и раньше порою встречались с ним в тайге или на берегу, но каждый раз обходили его, а порою медленно и даже вежливо отступали, не решаясь рисковать и вступать с ним в схватку. И при этом с трепетом и волнением приговаривали: «Я-а! Оказывается, мы помешали тебе, апсие-братец. Но ничего-ничего, уходим. Уступаем тебе дорогу и лес. Мы случайно забрели сюда. Ты уж не имей на нас, бестолковых людей, зла».

Ханты уже знали, что медведь – их братец и является предком человека. Он был, по преданию, спущен Всевышним с Седьмого Неба на покачивающейся люльке, которая была закреплена на золотых звенящих цепях. Медведь, по замыслу Бога Высокого Неба, должен был вести себя на земле мирно и спокойно и не тревожить человека. Но он стал нарушать заповедь Всевышнего. Ханты не раз находили в лесу следы схватки сот хоятпи ляль с лесными зверями, где он всегда выходил победителем. Даже многолетние крепкорослые лоси-рогачи уступали ему в силе.

А что было делать им, нечистым слабосильным людям, вооруженным только легкими стрелами и заостренными копьями?!

Нет! Никто бы не принудил хантов на схватку с медведем, имеющим силу ста лучников, если бы даже их семь раз околдовали, если бы даже им семь вечно счастливых дорог предложили и большие богатства преподнесли. Ни за что!

«Мы еще не обезумели, чтобы с хозяином тайги свои силы испытывать, – каждый раз, отнекиваясь, говорили они. – Пусть иногда и худое причинит нам. Значит, ему так хочется, так нужно Богу Высокого Неба».

И на этот раз ханты, быстро поняв, с кем имеют дело, тут же благо-разумно отошли подальше.

А в это время чуткий зверь, наверное, почуяв посторонние запахи и увидев непрошенных гостей, медленно выбрался через узкие двери бревенчатого амбара. Собака тут же, словно искрой костра, отлетела подальше, но продолжала яростно облаивать медведя.

Сот хоятпи ляль не терпел, когда чужие звери или люди зарились на его щедрую добычу – а то, что он находил, по его понятиям, уже навсегда

принадлежало только ему, – и он вразвалку, без всякой боязни двинулся на хантов, видимо, пытаясь отогнать, чтобы не мешали ему наслаждаться сытной едой.

Люди от испуга вначале словно окаменели, приросли к земле и, несколько придя в себя, хотели уже в беспамятстве рвануться прочь от надвигающейся неминуемой смерти, как тут произошел совершенно невероятный случай.

Посланница Казым Най – Священная собака, успевшая уже обойти возбужденного медведя, в стремительном прыжке схватила зверя за заднее лохматое бедро. Хозяин тайги, впервые и неожиданно получив отпор со стороны другого, притом маленького, но злого зверя, вначале был ошеломлен и слегка растерялся. Грозный зверь ненадолго застыл на месте, затем резко повернул голову назад и уставился на собаку, осмелившуюся его беспокоить и даже кусать. Опомнившись, медведь молниеносно развернулся, в бешеном прыжке пытаясь схватить собаку и растерзать. Но не получилось. Собака вовремя разомкнула пасть и успела мгновенно извернуться, едва не угодив под просвистевшую мощную лапу медведя. Разъяренный зверь погнался за собакой, но она оказалась ловчее и не уступала в скорости бега. К тому же Нолсанг проявила невиданную сообразительность – вскоре нырнула в близлежащий густой лес, где медведю трудно было угнаться за ней.

Так и случилось. Лай все удалялся и вскоре исчез в таежных дебрях. А через некоторое время собака, вся вспотевшая, почти мокрая, выбежала из-за прибрежных кустов, весело виляла хвостом и вертела головой.

Беда пронеслась. Но хозяин тайги, увлекшись дармовой едой, еще долго продолжал их беспокоить, и только с неоценимой помощью собаки людям удалось отстоять часть своих съестных припасов, заготовленных на долгую холодную зиму.

7. СОБАКА ОРГАНИЗУЕТ ОХОТУ НА МЕДВЕДЯ

Когда снежный покров в лесу достиг такой глубины, что еле можно было передвигаться по нему без лыж, собака ни с того ни с сего затревожилась. Ранними утрами и поздними вечерами она долго выла, уставившись в сторону леса, а днем то и дело подходила к шаману, аккуратно подавала ему то одну, то другую лапу и нежно ластилась. Затем направлялась в священный угол, где хранился ритуальный топор, которым шаман камлал, и, каждый раз лизнув обух теплым кончиком языка, вновь отиралась у старейшины рода.

Долго ломал голову шаман над неожиданным поведением собаки, пытаясь разузнать ее мысли. И в один из пасмурных дней он, видимо, основательно разгадав непонятные действия посланницы Казым Най, твердо высказал:

– По-моему, люди, собака просит меня покамлать. Она, кажись, что-то важное хочет мне сообщить, потому каждодневно и не дает мне и себе покоя.

Пытливый шаман, недолго думая, взял свой остро отточенный топор, уселся в священном углу дома, где хранились в куранеке¹ идола, подозвал к себе собаку и, уставившись в ее закатывающиеся глаза, начал камлание. Оно, к удивлению сородичей, на этот раз длилось необычно долго. Любопытные ханты, притихнув, сидели на широком тахаре², внимательно слушали и не могли не заметить, что шаман, напевая какую-то таинственную мелодию, не раз возвращался обратно, к началу песни, словно вновь и вновь задавал одни и те же нелегкие вопросы посланнице Казым Най – Священной собаке. Он от сильного нервного напряжения весь вспотел, и ручейки пота, словно мальки рыб, текли по его вискам и дряблым щекам. Порою он надолго замолкал, словно улетал в другой, потусторонний мир.

Наконец измотанный шаман закончил камлание. Заботливо отложил топор в священный угол, тяжело перевел дыхание и с некоторой опаской сказал: «А теперь расскажу песню, которую донесла до моего ума и сердца посланница Казым Най. Нелегкая она. Запутанная. Можно в ней заблудиться, как в глухой тайге, и смерть свою найти. Внимательно выслушайте меня. После вместе примем, может быть, самое трудное в нашей жизни решение. Вот она, эта песня, подсказанная собакой:

*«Что поделаться с вами, безмозглые люди.
Из жалости к вам решила помочь.
Из-за беды, к вам пришедшей, захотела помочь.
И многодумная Обь меня о том попросила.
И наконец, Мать-Солнце Высокого Неба
Меня, как сына своего, уговорила.
Мол, пожалей не дозревших умом хантов.
Расскажи, как одолеть зарвавшегося братца».*

¹ Куранек – сундук, сплетенный из жил кедра.

² Тахар – циновка.

И вот что собака поведала мне.
Нам нужно надеть свои скользкие лыжи,
Обитые камусом из оленьих лап,
Взять с собою надежные меткие стрелы,
Остроконечные копья не забыть прихватить,
Отточенные ножи вложить в чехлы,
Привязанные к широким кожаным поясам.
Забрать топоры со сверкающими лезвиями
И прорунуться в тайгу вслед за мудрой собакой,
Которая точно приведет туда,
Где у входа клубится теплый пар –
К месту зимнего жилища сот хоятти ляль.
Быть там всем осторожными,
Чтобы даже сухой сучок не треснул.
Быть там тихими всем,
Чтобы даже легкого каиля не было.
И поодаль от жилища братца
Тихо-тихо срубить две лиственницы
Длиною каждая в две сажени
И толщиной с пядь взрослого человека.
Из них соорудить надежную крестовину
И закрыть ими вход в жилище мойпара¹,
А поперек проложить еще две лиственницы,
Примерно такой же толщины,
И закрепить их концы прочными веревками
За близстоящие деревья крепкие.
Затем собака залихватским лаем
Разбудит спящего сонного зверя.
И постарается тот вырваться наружу,
Но дверь-то уже окажется запертой.
Нам останется только выдолбить дыру
На потолке жилища мойпара.
И через нее стрелами поражать его,
И сверху надежными копьями поражать его.
Приведя домой сот хоятти ляль,
На семь дней устроить праздник,
Где будем резво плясать и песни петь.

¹ Мойпар – священный зверь (медведь).

*После первой нашей победы над зверем
Он станет более осторожным
И будет побаиваться нас и меньше докучать.*

Ханты Залива Священной Собаки поступили точь-в-точь так, как подсказала им посланница Казым Най. Они, взбодренные песней шамана, обрели некоторое спокойствие и уверенность. Люди стойбища с твердым сердцем впервые тронулись на неизвестную им охоту. И, строго следуя глубоким мыслям Священной собаки, ханты сумели одолеть диковинную силу и удивительный ум сот хоятпи ляль. И здесь впервые во время медвежьего праздника с разными вариациями родилась священная песня о братце. А люди теперь знали, как поступать с медведем, если он начинал надменно и дерзко вести себя.

8. СОБАКА СПАСАЕТ ХОЗЯИНА ОТ НЕСЧАСТЬЯ

Своими разумными поступками собака заслуживала все большее почтение и внимание со стороны приветливых хантов рода Аватты ёх. Люди широко использовали ее неоценимые качества и в домашних делах. О своих удивительных способностях она чаще всего подсказывала сама, очевидно заранее обдумав свои великодушные намерения.

Однажды ханты собрались на рыбалку, погрузили в легкую ездовую нарту нехитрые орудия лова, а сами ненадолго зашли домой попить перед дорогой горячего душистого чаю, настоящего на березовой чаге. Когда вышли из избушки, изящной нарточки на прежнем месте не было. Оказывается, это озорная собака без посторонней помощи залезла в небольшую петлю, которую люди наискосок надевали через плечо на грудь: так удобнее было тащить нарту. Собака поступила точно так же и оттащила нарту по накатанной дороге на расстояние почти двух бросков аркана.

Удивлению хантов не было предела. И сообразительный шаман тут же предложил изготовить в размер собаки сплетенный из травы круг и надевать его на грудь собаки. Оставалось привязать веревку от нарты к кругу, и собака становилась ездовой – могла перевозить доступный ей груз.

Еще одну непредвиденную радость доставила людям Священная собака. Но сметливости у ней хватало и не на такие дела. Легенда, как тажежная протока, имеет много неожиданных поворотов, и не знаешь, что увидишь за следующей излучиной.

Морозной зимой один из хантов отправился осматривать подледные

сети, стоявшие у устья одного из широких и глубоких рукавов сора. Почью мела пуржистая выюга, и дорогу, по которой ходили люди, сплошь замело.

Рыбак решил идти новой дорогой, срезая извивающиеся петли протоки. Но внезапно он провалился в полынью, которую после прошедшей дикой стихии замело ровным снегом. Человек растерялся, оказавшись в темной и холодной пучине. Теплая сухая малица из оленьих шкур вначале удерживала его на плаву. Но она быстро намокла, и рыбак почувствовал, как его все сильнее и сильнее стало затягивать течением под лед. Он тщетно хватался за кромку полыньи, пытаясь взобраться наверх, но неокрепший лед тут же отламывался кусками. Человек, почувствовав страшную опасность, стал громко кричать, звать на помощь. Но разве в многоверстной шири огромного сора и бескрайней тайги крик услышишь?! Только божественное Солнце на небе видело, наверное, попавшего в смертельную опасность рыбака. Но и всесильный властелин Высокого Неба не мог оказать неотложную помощь с такого немислимого человеческого уму расстояния.

Собака, трусившая с нарточкой позади хозяина, жалобно закулила, залаяла и заметалась перед ним. Она, несомненно вмиг оценив обстановку, лихорадочно соображала, как поступить, что предпринять. И умная собака приняла, пожалуй, единственно правильное решение. Она, словно выпущенная стрела, энергично бросилась в холодную полынью, дав возможность утопающему человеку ухватиться за нарту. Но ослабевшего человека уже вместе с нартой стало медленно заносить под лед. Собака долго с силой закидывала на кромку полыньи когтистые лапы, рьяно царапала лед и наконец выбралась наверх. Она, чуть отдышавшись и быстро стряхнув с себя воду, с невероятным усилием все же вытащила человека. А он глубоко дышал и весь дрожал. Всех его оставшихся сил хватило лишь на то, чтобы вскарабкаться на нарту и там, почти потеряв сознание, плашмя растянуться. Холодная вода со звоном стекала с его насквозь промокшей меховой малицы и сотнями струй сверлила слегка затвердевший снег.

Изнемогшая собака, недолго отдохнув, быстро разобралась, что ей делать дальше. Она развернула нарту, теперь уже сильно отяжелевшую, и медленно потащила ее по проложенной дороге обратно к стойбищу.

Трудно передать словами, что испытала измученная собака на этом тяжелом пути, сколько ей пришлось пролить теплого пота и истратить сил и нервов. Не хватит, наверное, пальцев на руках и ногах, чтобы сосчитать остановки, где она подолгу отдыхала и переводила отяжелевшее дыхание.

Из ее пасти связками арканов вываливался сизый пар. И когда показалось долгожданное стойбище, она уже не могла больше тащить непомерную ношу. Собака просто рухнула в снег и стала жалобно скулить и временами, собрав последние силы, издавать слабый, еле слышимый призывный лай.

Но жители стойбища, и в первую очередь прозорливый шаман, заметили попавших в беду человека и собаку и тут же поспешили на помощь к своим вконец измотанным друзьям. Не только человека, уже потерявшего сознание, но и окончательно ослабевшую собаку дотащили на нарте до стойбища. Придя к избушке, озабоченный шаман, наградив теплым взглядом обессиленную собаку, произнес:

– Верно, люди! Лучше и надежнее друга, чем посланница Казым Най, нам не сыскать. – И он три раза отвесил ей низкий поклон.

9. НАСЛЕДНИКИ СОБАКИ

Велика и необъятна сила Бога Высокого Неба! Она рождает все живое на земле, делая природу краше и богаче. Но порою, в периоды гнева, забирает дыхание человека, зверей и рыб, обитающих в бескрайних просторах земли и воды.

Собака совершила невероятно благородный поступок, спасши утопавшего человека, продлив тем самым тропу его жизненных лет, отведенных ему Матерью Темного Дома¹. Но добрый поступок собаки обернулся в этот раз несчастьем для нее самой. Она сильно простудилась, пока барахталась в ледяной воде, спасая человека. К тому же у нее уже слегка отвисал живот, набухали соски, наливавшиеся питательным молоком для кормления будущих щенят. Отчаянные усилия, затраченные ею при перевозке нарты с почти умиравшим человеком, когда она довела себя до полного изнурения, не могли не сказаться на ее здоровье. И впервые собака надолго слегла.

Однажды в Месяц Коротких Дней она уединилась на ночь в небольшом амбарчике, где лежали связки сухого пырея, заготовленные жителями стойбища для плетения тахаров-циновок. И здесь, в глубокой тишине, при отсутствии посторонних любопытных глаз, она приготовила себе теплую постель.

Утром жители стойбища, проснувшись, не увидели своей верной подруги. Обычно она просыпалась раньше всех и оповещала лаем о своем присутствии. И сегодня жители были немало удивлены этому.

¹ Мать Темного Дома – судьба.

Они окликнули собаку: «Нопсанг! Нопсанг!» Но в ответ донесся слабый, хриплый лай, и она не примчалась радостно и шаловливо, как бывало прежде, к своим хозяевам. Прислушавшись внимательней, они уловили в соседнем амбарчике обилие еле слышимых тонких поскуливаний.

Люди заглянули в амбарчик, срубленный из отборной ели, и поняли: собака ошенилась. Она подарила людям семь слабых слепых щенят разной масти. Все они, беспомощные, присосались к соскам больной матери и, безудержно пища на все голоса, высасывали питательное молоко.

– Кой, люди! – воскликнул шаман, почесывая от удивления затылок. – Бог Высокого Неба и всесильная Казым Най опять нас щедро одарили. Наше бедное, затерянное стойбище пополнилось семью новыми помощниками...

И по примеру шамана люди три раза отвесили поклоны дремучему, кишасшему зверьми лесу, животворной щедрой воде сора и, наконец, семь раз поклонились в южную сторону, где в дебрях Казымской тайги нашла свой последний покой священная Казым Най – Дочь Всесильного Бога Высокого Неба.

Недели через две у щенят прорезались глаза, они быстро окрепли и стали резво играть и крутиться около матери, которая все больше хирела, хотя ханты кормили ее самой лучшей едой: свежей жирной лосятиной и вареной рыбой с ароматным бульоном. Собака едва притрагивалась к подаваемой пище, отрывала небольшие куски мяса и делала лишь несколько глотков бульона из котла, обожженного из глины. Затем, жалобно глядя своими тускнеющими глазами на людей, медленно отходила от еды и ложилась, свернувшись калачиком, в углу амбарчика.

И наступил день, когда собака перестала принимать пищу. С каждым днем силы покидали ее, шерсть на ней обвисла, опали когда-то торчком стоявшие уши, по бокам живота начали выступать ребра. Она уже не могла, как раньше, легко скрутить свой хвост колесом, размахивать им и весело вертеть головой.

В один из дней Месяца Весеннего Наста¹, когда солнце на западе уселось на лесных рогах, собака, к удивлению людей, стала необычно громко лаять и сильно скулить, словно кого-то к себе подзывала.

Обрадовались ханты, подумав, что собака пошла на поправку, и поспешили к амбарчику. Но, придя туда, увидели, что она уж отдавала Белому Свету свои последние силы. Собака положила свою голову на низ-

¹ Месяц Весеннего Наста – март.

кий порог, между челюстей у ней просачивалась наружу какая-то мутная нечистая пахучая слизь. Ее болезненные усталые глаза готовы были вот-вот закрыться навечно.

– Я-а! – тихо произнес тут шаман, опустив свою лохматую голову. – Плохая пора наступает, мерзкая. Дыханье собаки Бог Нижнего Мира вот-вот заберет. Я вижу, она хочет передать какие-то свои важные последние мысли. Да и видите, как она умоляюще смотрит на меня. Попробую, люди, покамлать, поговорить с ней, глядя в ее глаза. Постараюсь выведать ее предсмертные думы.

Шаман легкими шагами заторопился к своей избушке, взял свой остро отточенный топор в священном углу, вновь пришел к амбару, быстро уселся у порога на теплые подошвы малицы, сложив ноги крест-накрест, взял лезвие топора в левую руку, а черенок – в правую и, уставившись в глаза собаки, начал камлание.

Шаман то открывал, то закрывал свои тяжелые веки, словно задавал вопросы собаке, а та в это время тоже смыкала глаза, будто обдумывая важный ответ. И когда последние холодные лучи весеннего солнца скрылись за осетровоспинными отрогами Каменных гор, собака резко вздрогнула, вытянула ослабевшие ноги и навечно закрыла глаза.

– Си! Все! – тяжело вздохнув, тихо сказал шаман. – Забрали духи дыханьице нашего верного друга. – И он три раза низко отвесил ей поклонны, а затем продолжил: – А теперь послушайте, что успела передать мне перед уходом в Нижний Мир посланница Казым Най:

*«Люди стойбища Залива Священной Собаки.
Может, хорошо среди вас жила, может, плохо.
Пришла пора – и я улетила
В далекую Землю моих предков.
Только ум свой, которым была одарена
Великой повелительницей – священной Казым Най,
Старалась вам без остатка передать.
И слабые силы, что были во мне,
С лихвой подарила вам.
Лишь бы на этой грешной земле
Легче жилось вам,
И трона вашего бытия на щедрой земле,
И след вашей жизни средь животворной воды
И сегодня, и завтра, и в будущем не обрывались.
А для этого верных друзей всегда имейте.
Я же, бедная, чем могла вас поддержать?»*

*Для дальнейшей тропы вашей трудной жизни
Оставляю семь своих маленьких несмышленышей.
Берегите их и охраняйте –
Они вам всегда нужную помощь
В тяжелую пору бескорыстно окажут.
Меня схороните у устья таежной речки,
Что впадает в священный залив.
В гробик из плах крепкоствольной лиственницы
Меня завтра же уложите с хорошими мыслями.
Подстелите под меня сухой седой ягель.
А сверху укройте мягкими лапами кедра.
А что делать дальше – додумайтесь сами».
С этими прощальными словами
Прервала свою короткую речь со мной
Священная собака – посланница Казым Най...*

Ханты сполна выполнили последнее завещание собаки, переданное им седовласым шаманом. Срубили стройную молодую лиственницу, острыми топорами обтесали плахи, сделали гробик, куда могло бы уместиться тело умершей собаки. Постелили на дно гробика сухой ягель, а сверху бездыханное тело накрыли зелеными лапами кедра. Закрыли крышкой, которую крепко стянули с гробом кедровыми жилами. Выбрали в устье таежной речки небольшую полянку и зарыли гробик в землю рядом со стволом толстой разлапистой ели. Головой уложили на Север. «Так надо, – посоветовал шаман. – Она примчалась к нам с юга, с верховий далекого Казыма, где обитает всеильная Казым Най – Священная Кошка. Так пусть в том мире она дальше продолжит свой путь на Север. Пусть и людям других земель и вод помощь окажет. А как не окажет? Сила ее велика! Границы ее ума не узрешь. А теперь пусть навечно покоится в постели, которую сама заказала».

Ханты у могилы Священной собаки закололи жирного белого оленя и горячей кровью окропили могилу со всех сторон, чтобы ее могли пригубить духи леса и полноводного сора. Затем люди, уставившись в Высокое Небо, прокричали семь раз, а шаман при этом громко повторял:

*– Смотри, смотри, Бог Высокого Неба,
Мы ее хорошо уложили.
Мы ее тепло проводили,
Так что готова она для дальнейшей,
Только тебе известной волшебной дороги.*

После этого люди по просьбе шамана повернулись к югу, откуда при-

бежала Священная собака, и тоже прокричали семь раз, а шаман при этом причитал:

– Гляди, гляди, священная Казым Най,
Твою посланницу к жизни иной хорошо подготовили,
Хотя мы и виноваты в скорой смерти,
Но обиды на нее никогда не имели.
Тело ее бездыханное в священной земле лежит
Рядом с Заливом Священной Собаки,
Навек нареченным и названным в честь нее.
А дух ее на семи крыльях улетел в неизвестную даль,
И поселился в далекой Полярной звезде,
Что ночью сияет над нами,
И будет вечно бежать на Север,
Указывая людям правильную дорогу.

Закончив причитания, шаман три раза отвесил поклоны в южную сторону далекой земли, где обитает дух Казым Най, Священной Кошки, подарившей людям на все времена своего верного друга.

После погребальных ритуалов ханты пришли к стойбищу. За поминальным ужином шаман сказал: «Нужно, сородичи, рядом с могилой Священной собаки выстроить амбарчик на четырех ножках. В течение семи дней вырежем из дерева молодого кедра скульптуру Священной собаки и поместим ее в амбарчик. И люди с окрестных мест будут подарки туда приносить».

С тех далеких пор вот уже много веков стоит на берегах Залива Священной Собаки этот амбарчик, срубленный из отборной лиственницы. Он давно уже переполнился дорогими мехами пушистого соболя, лисы, чернохвостых горностаев, белоснежных песцов. Многие поколения людей приезжали сюда и устраивали жертвоприношения в честь всемогущей Казым Най и ее посланницы – Священной собаки. Славу о ней разносят буйные ветры, гуляющие по бескрайней тайге и тундре, в честь нее играет душевные мелодии на своих золоченых струнах божественное Солнце на Высоком Небе, в память о ней ярко светит ночами сияющая Полярная звезда, указывая людям верную дорогу...

ОСТРОВ СЕМИ МЕДВЕДЕЙ

Легенда

В далекие времена это было. Жил в Шум-югане один старик. Звали его Порака. Было у него семь дочерей. Слава об их необыкновенной красоте шла далеко по Оби.

Сам Месяц небесный хотел им понравиться и изо всех сил надувал свои медные щеки, чтобы ночью было девушкам посветлее.

Само Солнце сияло на небе, словно пожар, чтобы днем им было тепло.

А быстрый Ветер так и посвистывал над сором, чтобы привлечь внимание красавиц.

И вот однажды Месяц, Солнце и Ветер посватались к девушкам. Но Порака не согласился ни одну из них отдать им в жены. Тогда они рассердились на упрямого старика и решили ему отомстить.

Как-то семь сестриц отправились в лес нарезать бересты. Нагрузили полную лодку и стали грести в сторону дома. Тут-то Ветер их и подстерг. Налетел с неба, как ястреб, и давай раскачивать лодку. Солнце стало ему помогать – взяло и скрылось за тучами. До самой ночи боролись девушки с Ветром. Уже совсем почти до берега добрались, где их поджидал отец, а здесь Месяц возьми и спрячься за облаками. Ничего не видя, девушки снова на стремнину выгребли. Лодка их перевернулась, и черная путина поглотила красавиц.

Метался по берегу Порака, слыша крики дочерей, но не смог им помочь, – ведь он тоже ничего не мог разглядеть в кромешной мгле!

Когда на следующий день встала над Шум-юганом разноцветная радуга, старик поклялся:

– Ты, мать-природа, не пожалела моих дочерей, прекрасных, как разноцветные полосы радуги! Я тоже не пожалею тебя! Вот мой острый охотничий нож – сёхар. Сейчас я поеду на остров и убью семь самых сильных озверелых медведей! Не успокоюсь, пока не принесу их в жертву моему горю! Только тогда Верховный бог Нум Турам ослабит узлы аркана, стиснувшие мое сердце! Только тогда Мултаха-Ики (Главный дух дома) снимет с моих плеч тяжелый камень!

Старик сел в лодку, причалил к острову и крикнул:

– А ну, медведи! Выходите!

И эхо семь раз прокатилось по глухим окрестным лесам.

Затрещали вскоре кусты, содрогнулась земля от поступи мощных лап, и из чащобы один за другим вышли семь огромных медведей.

И так велико было горе старика, что он уложил их своим ножом-сёхаром одного за другим – каждого с первого удара!

– Злые и добрые духи! – крикнул старик. – Слышите меня? Я сдержал свою клятву!

И тут Порака, обессиленный, рухнул на землю в своей одежде из оленьей замши среди семи поверженных медведей и испустил свое последнее дыхание.

С тех пор этот остров называется островом Семи Медведей.

КАК ЗЕМЛЮ ВЫЛОВИЛИ

Многие тысячелетия тому назад это было.

В те незапамятные времена, когда земля еще под солнцем не лежала, всюду кругом огромное бескрайнее туманное море парило.

Много веков так широкое море переливалось своими голубыми волнами под яркими разноцветными лучами жаркого солнца.

И вот однажды в соленое море две крепкокрылые гагары прилетели с далекой высокой звезды. Переглянулись меж собой длинношеие гагары и нырнули в воду. А в ту далекую пору земля глубоко лежала в синем море под водой.

Страшно глубоко нырнули крепкожилистые гагары. Долго, очень долго плыли они, наконец, начав задыхаться, еле-еле всплыли. Набрав полную грудь свежего воздуха, нырнули второй раз. Но опять не хватило дыхания. И снова они всплыли подышать. Больше прежнего набрали воздуха. В дыхательном пузыре свободного места не осталось, даже бы песчинка не уместилась там. После этого они третий раз нырнули в воду. На этот раз они все же доплыли до земли.

Полные две горсти схватили земли и задом наперед всплыли наверх. Мокрый кусочек земли, взятый из глубокого дна моря, они на плавающий лед положили.

От того, что гагары долго без дыхания находились под водой, у них из клювов струей потекла теплая кровь. Много ее вылилось. От этой крови цветной пар поднялся к небу и встал между высоким солнцем и бледной луной. Этот необычный пар удивленные ханты называли очень образно: «Неба прекрасного дерево клятвы».

Прошли века, и люди стали клясться в верности этому дереву, то есть семицветной небесной радуге.

А остроносые выносливые гагары в то далекое время этой густой кровью замарали свои грудки. И от этой чистой крови грудки гагар окрасились в красный цвет. А кусочек земли, положенный на льдину, стал все больше расширяться и увеличиваться до необычных размеров.

Вскоре на этой родившейся земле появились леса и луга, завели свою радостную жизнь четвероногие звери и двукрылые птицы.

А человек, пришедший на эту прекрасную землю, приручил много диких оленей, на многочисленных озерах и реках стал вылавливать добрую деликатесную рыбу, в зеленых хвойных и лиственных лесах начал собирать разные ягоды и впрок заготавливать кедровые орехи.

И с тех давних пор земля и человек не мыслят друг без друга своей жизни.

ОЛЕНЬ И СОЛНЦЕ

Легенда

В далекие времена это было. Землю, которую недавно выловила в океанской пучине крепкокрылая гагара, постоянно трясло, как лодку во время сильного шторма. Трудно было жить лесным зверям и водным обитателям, нелегко приходилось и людям.

Решил тогда всесильный Бог Высокого Неба успокоить землю и со своих необъятных трех подол, со своих объемистых семи подол спустить на землю тяжелые камни.

Три дня и три ночи с тяжелым грохотом падали грузные громоздкие камни-глыбы на землю, а затем еще неделю, словно огромные неповоротливые Менги-великаны, ворочались они. При обвале камней беспрерывно сверкала молния, кромсая небо тысячами острых огненных сабель.

Наконец Солнце исчезло. И кромешная тьма, словно гигантскими крыльями черного глухаря, опустилась на землю, закрыв и звезды, и яркое солнце. Звери, обуянные страхом, забегали во все стороны и издавали душераздирающие крики. Притихли и испугавшиеся люди селенья Питлор, которые на Святом Мысу совершали обряд жертвоприношения всезнающим духам Священной Земли и Великой Воды.

Языки жаркого костра словно захлопнуло капканом, и горячие угли начали тлеть и медленно угасать.

Пересилив испуг, ханты в темноте в один голос обратились к шаману: «Кой! Что случилось?! Неужто конец свету?! Может, в чем-то мы провинились? Может, мало угощений воздали великому Богу Неба и Земли?! Пусть поможет всезнающий старик! Пусть покамляет!»

Шаман нащупал в темноте и взял в руки острый топор, который находился рядом с ним на священной семикопыльной нарте. Поклонившись вначале в сторону дремучего леса, затем в сторону вод широкого сора Питлор и отвесив поклоны почти потухшему костру, седобородый шаман начал камлать. Тишина воцарилась на Священном Мысу. Люди замерли. Необычная темень, еле слышные слова шамана, смысл которых почти не доходил до ума притихших людей, только усиливали страх. Закончив тайный отрезок разговора, который с потусторонними духами

тихо вел, шаман, очевидно сумевший вступить с ними в хороший контакт, продолжал уже более громко. Слова его, меткие и образные, как волны во время усиливающегося шторма, накатывались на их слух, миготом доходя до ума и сердца. Особенно там, где обращался он к своему верному, надежному помощнику и спасителю – северному оленю:

– О, олень наш благородный,
Много раз спасал нас в жизни.
Через снежные сугробы
И смертельную пургу
Приводил ты нарту к чуму
И хозяина спасал,
А порою уводил ты
От зубов смертельных волчьих.
А сейчас тебе придется
Ношу новую принять.
Но для этого придется
Вновь тебе призвать на помощь
Дух небесный твой всесильный,
Что спасал не раз от бед.
И тебя мы очень просим
Побывать в краях далеких,
Сотни рек, а может, тысячи,
Знай – придется переплыть,
В небе облачные кучи
Как березовые роицы,
Должен смело ты пронзить,
И ветвистыми рогами
Их, как будто хлопья снега,
На семи просторах неба
И в краях семи бездонных
Вправо-влево разметать.
Путь же будет твой нелегким:
Опасайся грозных стрел, –
Ядовитой страшной смерти,
Та, что в судороги ноги,
Словно корни кедра, скрутит,
Та, что в судороги сердце
Вечно доброе сведет.
Но ты должен одолеть все

*И доставить людям Солнце,
Что приносит только Радость
И всегда им дарит Счастье.
А теперь... скорее в путь,
А не то – подохнут люди,
Разорвутся их сердца,
И трона исчезнет жизни.*

И тут же на небосклоне, раскидывая пушистый снег, появился рогатый олень, тысячи веков являющийся верным помощником человека, не испугавшийся таких грозных слов шамана.

У него по упитанным бокам вмиг на ходу выросли широкие золоченые крылья, которые постоянно искрились, словно от них исходил непрерывный густой звездопад.

Три раза сделав круг над сидевшими на земле замороженными людьми, быстроногий олень пустился в нелегкий опасный путь.

Резвее быстрокрылого дикого гуся, резвее звонкокрылого гоголя полетел по синему небосводу рогатый олень. Заряды снега из-под копыт пуль вылетали в разные стороны, облако снежной пыли окутало его. И тут же на мчащегося оленя со всех сторон тучами понеслись острые стрелы, выпущенные кем-то из упругих луков... Они, ударяясь о мускулистое тело оленя, издавали несмолкаемый хриплый звон и крошились на куски. Эти мелкие обломки, словно бесчисленными табунами птиц, падали на землю.

А олень, будто не ощущая ядовитых стрел, легко и быстро летел к намеченной цели. Он порою касался щелкающими копытами поверхности воды встречавшихся стремительных рек и широких морей, поднимая при этом серебристые брызги; иногда, как пушинки, сметал гребни заснеженных гор, отбрасывая их на расстояние семи дневных переходов.

Так и мчится резвый олень, так и несется по бескрайним просторам!..

Однажды рано утром он увидел огромное море, которое пылало невиданным огнем. Языки пламени вздымались ввысь на расстояние семи бросков аркана, взлетали на высоту семи полетов соревнующейся стрелы.

Вскоре между огромным небом и вдалеке оставшейся маленькой землей увидел чудный остров, окаймленный искрящейся синевой. Могучий олень проскочил через огненное пламя и вступил на новую планету. И он сразу почувствовал, что под ногами твердая неизведанная земля.

Олень отряхнулся и решил перевести дыхание. Клубы теплого сизого пара, словно белоснежными человечками, вылетали изо рта. Язык, как тяжело нагруженный рыбой сачок, далеко свисал вниз. Немного успокоившись,

он огляделся. И тут увидел, как из белой березовой рощи выходит молодой, крепко сложенный юноша. Он был одет в богатую неблюевую малицу, на голове ушастая горностаевая шапка, на ногах богато разузоренные кисы. На широком кожаном поясе свисали медвежьи и волчьи клыки. Юноша ответил ему поклон, вежливо улыбнулся и спрашивает оленя:

*– О, олень – земли посланец,
Из краев слегка далеких,
Где хватает разной пищи,
Где кругом в достатке ягель,
И оленьих пастбищ много,
Как на небе разных звезд.
Что замучило тебя,
И пуститься в путь опасный
Из земли метелей вечных
И далекой даже в мыслях?
Был в дороге, может, месяц,
А возможно, даже три.*

Белобокий олень к этому времени уже пришел в себя, помотал головой с ветвистыми рогами в разные стороны, семь раз переступил с ноги на ногу, гордо уставился на молодого красавца юношу, лицо которого исходило словно сиянием полной луны, и ответил:

*– Человек мне неизвестный
Из неведомых краев,
Где всегда сверкает солнце,
Небо звездное сияет,
Будто тысячами глаз,
Небо синее блистает,
Словно сотнями озер,
Где всю жизнь пирует лето
И неведомы морозы,
Белый снег, холодный лед.
Здесь не знаете вы голод,
Вечный страх, земную смерть.
А пришел я с важной просьбой,
От людей земных и грешных.
Тех, кто в ужасе смертельном
Пребывает в этот час.
В темень край их погрузился,
И вокруг них – только ночь,*

*Как на дне глубоком моря,
Ведь они, мой друг бесценный,
И не рыбы, и не звери,
Те, кто могут плыть в потемках,
Добывать себе еду.
Если помощь не доставлю –
Ждет их медленная смерть.
Станет край тогда безлюдным,
Ледяным, безмолвным вечно.
А для этого мне нужно
Только солнце, Счастье-Солнце.
За волшебным этим Чудом
Прибыл с дальних мест сюда.*

Внимательно выслушал юноша-красавец, являвшийся, как он объяснил, первым дозорным при подходе к третьему подолу Высокого Неба, и поведал быстроногему оленю довольно неприятную весть. Оказывается, небесное Светило скрылось из людских глаз на землю по причине вспыхнувшей войны между Солнцем – дочерью Всесильного Бога и Месяцем, удалым женихом, прибывшим из других далеких миров свататься к красавице – Солнцу. Невеста – Солнце согласилась выйти замуж. Но поставила условие, чтобы Месяц семь дней обождал, пока она не растопит весь снег и лед, лежавшие на земле. Ей хотелось полностью завершить свои добрые дела, чтобы во всех уголках земли цвели и благоухали цветы и везде на все голоса пели веселые птицы. Но гордому Месяцу не понравился такой ответ. Он не мог ждать. Резко развернулся и перед тем, как уйти в другие миры в поисках другой, более сговорчивой подруги жизни, решил наказать, на его взгляд, высокомерную невесту. Он надумал пойти на Солнце войной. Натянул он тогда тысячи и тысячи своих боевых упругих луков и выпустил тьму стрел в сторону Солнца. Стрелы, налитые сильным ядом, издавая пронзительный свист, с невиданной скоростью понеслись в сторону Солнца. Выпущенных стрел было столько, что вмиг затмили лицо Солнца. Увидел такую жуткую картину великий Бог-Отец Высокого Неба и встревожился не на шутку. И он решил наказать такого дерзкого и неумеренного жениха. «Пусть он воюет в своих владениях, – рассердился Бог-Отец, – Пусть у себя порядки наводит. И для себя остальные боевые стрелы побережет».

Уселся он поудобнее и направил острый сердитый взгляд на стрелы, летевшие со стороны взбесившегося Месяца. Глаза его стали такими злыми, излучаемый ими свет был столь ярким и горячим, что стрелы тут же плавились и испарялись, как капли воды в большую жару.

Но Бог-Отец Высокого Неба, вспомнив тут, что недавно появившуюся землю все еще качает, а порою трясет, решил не расплавлять летевшие стрелы полностью, а обломки разбросать по ее широкой груди. И эти осколки стрел, как тяжелые камни, и посыпались недалеко от Святого Мыса, где ханты совершали обряд жертвоприношения.

Так разгневанный Бог-Отец Высокого Неба укротил в то далекое время не в меру горячий и воинственный пыл Месяца. А в отместку за нарушенный покой в его необъятных владениях так сильно подул на невразумительного и назойливого Месяца, что мощной, громящей, все сметающей на своем пути струей воздуха того отбросило на несколько подолов неба ниже Солнца. И с тех давних пор поверженный Месяц одиноко пасется на небе, излучая ночью слабый, холодный свет. Это, сказывали древние ханты, – наказание Бога Высокого Неба.

А Солнце, после такого неприветливого визита Месяца, который своим несуразным поведением оскорбил небесное Светило и весь Небесный Мир, подальше удалилось от этих мест, чтобы не тревожили его впредь подобные невежливые ухажеры. И конечно же, его живительные лучи не доходили теперь до Земли, и на нее спустилась вечная темень и холод.

Рассказав о таком кратковременном и бескровном небесном сражении, юноша – дозорный воин на границе третьего подола Неба – закончил так:

*– Пролетишь еще семь дней ты,
Семь дозорных в небе встретишь.
Это радуги взметнутся
Семицветной красотой,
То – дозоры Солнца в Небе:
Вмиг тебя насквозь пронизуют.
Как песчинки, твои мысли
В голове твоей разложат,
До последней капли в сердце
Чувства все твои изучат
И узнают, нет ли в мыслях
У тебя опасных планов,
Тех, что новою войною
Смогут вновь пойти на Солнце.
Ну а коль ты добр и честен,
Не таишь коварных мыслей,
Ты дойдешь к границам Солнца
И придеешь к тому, кто щедро*

*Дарит жизнь земле холодной,
Людям всем на ней живущим, –
И лесным зверям, и птицам,
Рыбам рек глубоководных,
Волнам рек, деревьям леса,
Даже камням на горах.
И о том, как это сделать,
Чтобы Солнце вновь вернулось
На твою родную Землю,
Все сполна тебе подскажет
На одной из гор высоких,
Во владеньях Солнца-Чуда,
Седовласый мудрый старец.
Он сидит в просторном доме,
Из лучей сплетенном Солнца, –
Золотых ресниц Светилы.
Коль понравишься ты старцу,
То, быть может, повернется
Он к тебе и, ради жизни
На земле твоей далекой,
Согласится подарить вновь
Солнце жизни, Солнце-счастье,
Чтоб несло на землю снова
Воздух, пищу и тепло.*

Внимательно выслушав речь первого дозорного, охранявшего границы третьего подола Неба, быстроногий олень заторопился в дорогу. Он постукал копытами о землю, словно стряхивая с них лишнюю грязь, прилипшую во время долгого и нелегкого пути, три раза повертел головой влево, затем семь раз повертел вправо, напряг свои упругие мускулистые мышцы, гордо вскинул красивые рога и быстрее полета соревнующейся стрелы, быстрее стремительно летящего к добыче ястреба понесся вдаль.

Мчался так быстро, что звон от взмахов его мощных крыльев раскачивал облака на расстоянии семи верст и словно шумел прибой волн на расстоянии семидесяти дневных переходов.

Струи же воздуха между ветвистыми рогами проносились ураганным ветром, и казалось, что там вовсю воет и бесится пуржистая вьюга. Клубы пара, выдыхаемые белобоким оленем, стаями горластых халеев разлетались в стороны, а вслед за быстроногим священным животным тянулся длинный шлейф облака на расстоянии семи поворотов реки.

«Цок-цок-цок», – отстукивали его широкие копыта, «шов-шов-шов», – издавали звонкий журчащий свист его ветвистые рога. Как и сказывал первый дозорный, охранявший границы третьего подола Неба, вскоре в сиреневой дали показалась белоснежная вершина высокой горы, плечи которой были обложены богатыми связками белых пушистых песцов.

На самой вершине горы красовался красивый огромный дом, сооруженный из изящных ледяных сосул и сверкающих лучей солнца, которые пели всеми своими переливающимися гранями.

Войдя через широко открытые двери в необычный дом, быстроногий олень резко остановился, увидев седовласого старика, сидевшего на высокой семикопыльной нарте, смастеренной из ледяных сосул. Тысячелетний, может, стотысячелетний старик спросил:

*– Дух небесный, дух-спаситель,
Из мудрейших – самый мудрый,
Из быстрееших – самый быстрый,
Кто тебя в такие дали
До семи подолов Солнца
Из земли сюда направил,
И с каким заданьем прибыл?
Ведь сюда – в места святые,
Путь не каждому доступен,
Где небесного Светилы
Обитает самый главный
Всех советников владыка –
Седовласый старец Лух¹.*

Быстроногий олень слушал мудрые слова небесного владыки и ощущал, как дрожь начинает пробирать все клетки его могучего тела, словно невидимые силы пронизывали его крепкое сердце и клетки мозга. Он почувствовал, что силы начинают покидать его, но, стряхнув с себя нахлынувшую слабость, приободрился, обрел прежнюю уверенность и твердо сказал:

*– О, небесного Светилы
Всех советников владыка!
Я примчался с важной просьбой
От людей земных и грешных.
Тех, кто в ужасе смертельном
Пребывает в этот час.
В темень край их погрузился,*

¹ Лух – главный небесным дух.

И вокруг них только ночь,
Как на дне глубоком моря.
Но они, владыка Солнца,
И не рыбы, и не звери,
Те, кто могут плыть в потемках,
И тропу дальнейшей жизни
Могут на земле вести.
Не доставлю помощь им я –
Ждут мученья их и смерть,
Станет край тогда безлюдным,
Ледяным, безмолвным вечно.
Для спасения их жизни
Нужно Солнце, Счастье-Солнце!
И прошу я Вас, владыка,
Подарите людям Солнце,
Кто Земле приносит Счастье –
Воздух, пищу и тепло,
И еще – всего бесценней –
Человеческую жизнь!..

Всесильный владыка небесного Светилы надолго задумался, медленно вытащил из объемистого кармана горностаевого халата золоченую табакерку, поднес к волосатым ноздрям и принюхался. Насладившись крепкими запахами табака, он уставился в сторону быстрого оленя с широкими крыльями по бокам и несколько нехотя, словно мог доставить неудовольствие собеседнику, сказал:

– Дух небесный, дух-спаситель,
Из мудрейших самый мудрый,
Из быстрейших самый быстрый,
Коль пришел с далекой дали
И с такой огромной просьбой,
Что ж, пожалуй, помогу.
Но хочу одно добавить,
И тебя оно коснется:
Распрощаешься навеки
Ты с небесными духами,
Станешь ты земным оленем,
Прирученным человеком,
И придется опасаться
На просторах снежной тундры

*И в глухой тайги чащобах
Вечно страшного врага –
Волка жадного клыков,
И всегда остерегайся
Ядовитых страшных стрел.
Знаю: трудно ты воспримешь
Весть нерадостную эту,
И, чтоб боль твою облегчить,
Впредь страдания уменьшить,
Образ твой навеки в небе
Ун Мось хотна¹ отразится,
Там же, где помет оставил
Ты в последний раз в пути, –
Ай Мось Хот² сооружу.
В этом домике уютном
Горностая духи впредь
Приходить на отдых будут,
И священным станет место.*

Здесь всесильный владыка небесного Светилы уверенно приподнял руку и сказал: «Си! Тыяса! – Все! Возродись!»

И тут на северном небосклоне неба появилась яркая Большая Медведица, удивительно похожая на стремительно несущегося и вытянувшегося в ловком прыжке оленя, а неподалеку возникло скопление звезд – Малая Медведица.

После этого владыка-старец расправил руку и сказал на прощание:

*– На, земных людей помощник,
Солнце, вот оно, возьми!..*

В это время у священной нарты внезапно очнулся долго камлавший шаман – и видит перед собой огромное пастбище, где пасется большое стадо оленей. Упитанные олени разгребали копытами снег и жевали питательный серебристый ягель.

Ханты обрадовались привалившемуся счастью, приручили оленей, и в дальнейшем они стали верными помощниками и друзьями. А на высоком небосклоне вновь ярко светило появившееся лучезарное Солнце, щедро лившее на землю свои живительные лучи, приносявшие людям радость. Огромное счастье.

¹ Ун Мось Хот – Большая Медведица.

² Ай Мось Хот – Малая Медведица.

Легенда о лесном орле

Многие сотни тысяч лет назад происходило это. Согласно легенде хантов земля только-только образовалась. А до этого кругом, куда ни взгляни, плескалось огромное необъятное море. И вот в ту далекую пору остроносая долгоныряющая гагара, нырнув в глубины моря, вынесла своим клювом кусочек земли, размером, наверное, с ноготок... И этот кусочек земли, словно по мановению волшебной палочки, стал мгновенно разрастаться до невообразимых размеров. Появился лес с разными деревьями – хвойными и лиственными – каменные горы Урала с многочисленными отрогами, в глубокой пазухе леса стали раздаваться крики четвероногих и двуногих зверей и птиц. Образовались глубоководные и мелководные реки и озера. И тогда новая жизнь зародилась на земле. Двукрылые птицы в гнездах стали разводить своих птенчиков, а четвероногие звери – в своих норах – детенышей. Птицы населяли многочисленные берега живительных рек и озер, а звери в просторах тайги находили для проживания своего вида заветные уголки.

Но не все было спокойно на земле и воде. Между птицами и зверями началась борьба за лучшие места обитания. Каждый из них хотел обжить себе уголок получше и побогаче, чтобы можно было уютно проживать и в достатке обеспечить себя обильной пищей.

И, разумеется, из-за этого между двукрылыми птицами и четвероногими зверями вспыхивали большие и маленькие стычки, порою переходившие в непредсказуемые войны; а все это ничего хорошего не сулило только что образовавшейся земле. Зло порождало зло, а жить в добре и согласии они еще не научились.

Все это видел великий Турам (Бог), находившийся на высоте семи подолов неба, на высоте тридцати подолов бескрайней небесной выси.

До этого всемогущий Турам уже спустил на золоченой вместительной люльке с помощью сверкающих цепей небесного Светила (Солнца) на землю Сот Хоятпи Ляль (Зверя, имеющего силу ста воинов-лучников) – стожильного и тысячежильного могучего медведя, чтобы он навел порядок среди споривших зверей и птиц. Надо было утихомирить их. А что же оставалось делать Великому Тураму? Ведь постоянные споры и

войны между ними ни к чему хорошему не смогли бы привести. И могучий медведь навел порядок на земле среди лесных зверей и животных.

Но никак не могли уговориться птицы. Здесь уже возможностей могучего медведя не хватало: поди-ка попробуй урезонить летающих птиц.

И здесь всемогущий и многоумный Турам решил призвать на помощь Сываса – Лесного орла, имеющего размах крыльев, пожалуй, в семь саженей и который мог успокоить в тайге любую лесную птицу.

Шевельнул тогда указательным пальцем правой руки всевышний Турам, и тут же около него уселся могучий Орел. Турам повернулся в его сторону и заговорил:

*- О, послушай, мой помощник –
Зло творится на земле,
Сотни тысяч птиц под нами
Все к согласью не приходят.
От зари и до зари
Только меж собой и спорят.
Каждый хочет норовить
Больше для себя урвать.
Если будет так и дальше,
Меж собой передерутся,
И себя переклюют.
О, крылатый мой помощник,
Птиц земных сильнее всех!
Полети-ка ты на землю,
Их слегка утихомирь.
Суд решай над ними сам.
Птиц разной там хватает
И среди птиц, и среди зверей.
Только – лишь прошу тебя я,
Ты хозяина тайги (медведя)
Никогда не тревожь:
Он порядок свой наводит
Среди зверей всех непослушных.
А теперь – давай-ка в путь!..*

И могучий орел тут же взлетел, семь раз покружился над золотым дворцом Великого Турама, затем сложил крылья и стал камнем падать на землю с высоты семи подолов неба, с высоты тридцати подолов небесной выси.

Долго падал он. За это время, пожалуй, семь раз сменялись зори на земле, а возможно, семьдесят раз яркое утро сменяло темную ночь.

На высоте, наверное, семисот бросков аркана от земли, на расстоянии семидесяти полетов стрелы, выпущенной из упругого лука, орел расправил крылья. И тут же мощные струи воздуха, ударившись о широкие расправленные крылья орла, издали такой шум, что казалось в семи подолах неба прогремел гром, звуки которого перекачивались от горизонта к горизонту. Затем могучая птица стала плавно спускаться на землю. Увидев невиданного доселе огромного орла, все птицы в лесу попритихли и каждый спрятался, как мог. А сидевшие в реках и озерах утки дружно взлетели и подались подальше от приближавшегося к земле лесного орла. Невиданный страх навел лесной орел и на четвероногих зверей: трусливых зайцев, длиннохвостых лисиц, жадных зубастых волков, поедавших ягель оленей и даже мощных крепконогих и рогатых лосей.

Только хозяин тайги – медведь, тоже впервые увидев орла-гиганта, не испугался и, ненадолго уставившись глазами-звездами вверх, продолжал поедать добытого им жирного оленя. Но все же он издал грозный рык, и казалось, что при этом попадали листья с деревьев.

Орел же, плавно приземлившись на галечный мыс, огляделся, повел своими сверкающими глазами по сторонам и неожиданно заговорил человеческим языком:

– Я – великий повелитель
Среди птиц всех на земле.
И послал меня Всевышний
Навести у вас порядок.
Потому что меж собою
Вы никак не сговоритесь.
У меня же силы хватит,
Чтобы вас утихомирить.
Я бегущего оленя
С лету справлюсь закогтить,
Клювом острым, как пегинею
Череп с ходу раздолбить.
У меня такая сила.
У меня такая хватка:
Если только я решусь,
Что тяжелого лося
Закогтив, взлететь смогу.
И, подняв на высоту
Гор Полярного Урала,
Скинуть так лося на землю,

*Что останутся лишь кости,
Переломанные кости.
Мне ж останется лишь только
Мясо лакомое съесть.
Силе все моей подвластно,
Моцью всех я одолею.
И запомните все звери –
А о птицах речи нет –
Я в лесу лишь повелитель,
Я хозяин и в воде!*

Хозяин тайги-медведь, услышав такие до невозможности, на его взгляд, хвастливые слова лесного орла, вначале слегка встревожился, затем встал на задние лапы, чтобы издалека лучше разглядеть небесного пришельца. Медведь, закрыв передними широкими лапами солнечные лучи, которые слепили глаза, начал изучать орла и тут же подумал:

*До чего же он наглец
И болтун к тому ж великий.
Ведь меня Всесильный Турам
Тоже к людям опустил,
На семи цепях стозвонных,
Чтобы я навел порядок
Среди птиц и средь зверей,
Только лишь людей не трогать.
Но такого хвастовства
Я средь птиц и средь зверей
Никогда еще не слышал,
И сдается мне, что где-то
Мы померяемся силой,
На земле святой и чистой
Болтунов быть не должно.*

После этих мыслей медведь закончил пиршество у убитого оленя и улегся на густой мох отдохнуть после сытной трапезы.

Долго ли коротко ли спал медведь, но вскоре был разбужен необычным гомоном речных чаек, халеев, которые беспрестанно крутились у талового берега широкого сора. Внимательней приглядевшись, медведь понял, что халеи крутятся над сетями, которые были выставлены хантами. В сеть, очевидно, запуталась какая-то большая рыба, которую халеи, усевшись рядом у одного из колов ловушки, беспрестанно клевали. Это, конечно же, была попавшая в сеть огромная двухпудовая щука, которая

делала мощные движения мускулистым хвостом, поднимая при этом мощную мириаду серебристых брызг.

И тут же медведь увидел, как ширококрылый орел взлетел с галечной косы в сторону резвившейся стаи халеев над сетью.

Приблизившись к сети, примерно на высоте, куда могла долетать остроконечная стрела, орел прекратил полет, прицелился острыми глазами к плескавшейся в сетях огромной щуке, затем резко сложил крылья, наострил когти на двух мощных лапах и стал камнем падать в сторону добычи. Приблизившись к щуке на расстояние вытянутой руки, он сделал мощный удар лапами, и острые стальные когти впились в тело хищной щуки. Затем он вновь замахал своими крепкими размашистыми крыльями и почти без всякого напряжения поднял щуку вместе с сетью, которая надежно запутала в свои многочисленные ячейки подводного хищника. Недолго пролетев, орел уселся на прежнее место.

– Да-а, – подумал про себя хозяин тайги, следя за полетом птицы. – Силу-то орел действительно имеет немалую. Вон, даже одинокий кедр, куда запутался болтавшийся конец сети, вырвал вместе с корнями. А корни-то у кедра ой-ой! Они на несколько моих длинных прыжков стелются по земле. Пожалуй, нелегко придется мне, коль вступлю когда-нибудь с ним в схватку. И...

И мысли медведя тут прервал крепконогий лось, который выбежал из тальникового мыса, находившегося неподалеку от него и направлявшегося в сторону глинистого берега сора. Рогач, раскидывая комки мягкой глины из-под копыт, подошел к берегу и стал переплывать сор.

Хозяин тайги, конечно же, не мог упустить такую удачу. К тому же, уже почти с неделю он не пробовал сочного свежего мяса и питался в основном различными лесными ягодами.

Медведь резво соскочил и длинными прыжками, почти в три сажени, помчался к берегу. Придя к берегу, он с ходу ринулся в студёные струи сора – а время близилось в зиме – и, мощно загребая передними и задними лапами, погнался за лосем, которому до противоположного берега оставалось не более трех-четырех бросков аркана.

Лось, увидев плывущего за ним хозяина тайги, прибавил скорость, но так же поступил и преследователь.

Только рогач коснулся своими длинными ногами дна, почти находясь у кромки берега, и готов был торжествовать победу, – ибо знал, что в скорости вряд ли уступит своему извечному врагу – как в это время медведь, сделав мощный прыжок, оказался на его спине. Хозяину тайги не стоило особого труда перегрызть шею лося и повалить его на землю. И

победитель тут же приступил к обильной трапезе почти у самого обрывистого берега сора. В первую очередь медведь распорол живот и стал с аппетитом пить теплую питательную кровь лося, а затем приступил к внутренностям живота.

Все это, конечно, не мог не видеть орел, сидевший на вершине раскидистого кедра, который под его тяжестью прогнулся наполовину до земли. И орел подумал:

*О, великая удача!
Бог послал такое счастье,
Здесь еды, наверно, хватит
Мне на целую неделю.
Только надо поначалу
Мне расправиться с медведем.*

И могучий орел, резко оттолкнувшись могучими лапами, замахал крыльями. Конечно, в нем заговорил неудержимый инстинкт хищника, который он не смог подавить. Орел совсем забыл мудрое наставление Всесильного Турама, который неоднократно наставлял ему, чтобы не трогать зверя, имеющего силу ста лучников-воинов. Ведь медведь тоже, чуть раньше, был спущен Турамом на землю.

Но жадность и хищный инстинкт перебороли в нем доброе наставление Всевышнего. Зло взяло в нем верх над добром. А мы посмотрим, что будет дальше.

Увлечшись едой, хозяин тайги не сразу расслышал, как над ним что-то, словно широкими лопастями, разрывает воздух. Мигом взглянув наверх, медведь тут же увидел, как огромный орел, сложив крылья и молнией рассекая воздух, обрушивается на него. Нацеленные на него острые когти, словно отточенные копья, поначалу на миг ошеломили его. Но он, тут же переборов нахлынувший страх, так же моментально пришел в себя, резко перевернулся на спину и вытянул свои лапы с не менее острыми, чем у орла, когтями и приготовился к схватке.

Медведь прекрасно и вмиг понял, что орла интересует в первую очередь не туша убитого им лося, а его самого. Зверь, имеющий силу ста лучников-воинов, сообразил сразу, что если воздушный разбойник запустит свои когти в тушу лося, то ему ничего не стоило бы вмиг расправиться с непрошеным «гостем».

И когда когти орла оказались на высоте воткнутого хорея, медведь, напрягшись, стремительно вспрыгнул и нанес передними лапами молниеносный удар по вытянутым лапам разбойника. Он тут же оторвал правую лапу орла, а его самого откинул подальше от себя. На расстояние

пяти-шести сажений. Орел, не ожидавший такого исхода, повалился на землю, взглянул на медведя сверкающими глазами и, издав громкий хлопок, тут же мощно взмахнул размашистыми крыльями и взмыл вверх. Только падали капли горячей крови из правой лапы, которую медведь оторвал у него.

Острая боль пронзила тело орла, и его осенила внезапная мысль: «Надо расправиться с озверелым медведем... И как я не догадался. Надо накинуть на него вырванную мною сеть. Медведь запутается в ней. И я тогда, я тогда... Все же у меня вторая лапа цела, да и невиданную силу клюва еще в ход не пускал. Уж он-то обязательно раздолбит медвежий череп.

Утвердившись в этой мысли, орел подлетел к Галечной косе, схватил лежавшую там сеть и вновь полетел к своему обидчику. На этот раз орел действовал осмотрительней. Он долго маневрировал над медведем и, выбрав удобный момент, накинул широкостенную сеть, сплетенную из жил крепких кедровых корней, на медведя.

Хозяин тайги вначале оторопел и стал в суматохе метаться туда-сюда, и тем самым он все больше, как рыба, запутывался в сплетенную умным человеком сеть. Порядочно устав, медведь, глубоко вздохнув, присел на глинистой грунт, который был им разрыт настолько, будто прошло здесь тысячное стадо оленей. Хозяин тайги стал лихорадочно соображать, что делать дальше. Тем более, что в этот момент, оглядевшись по сторонам, увидел на галечной косе грозного орла, который то и дело вытягивал свою шею, длиною, пожалуй, с пастушеский хорей, и не сводил взгляда с него. И тут у него созрела внезапная мысль: «Что же я делаю? Зачем мне метаться туда-сюда, как глупому зайцу. Я еще больше запутаюсь. Этого, наверное, и дожидается лесной орел. Для чего же Великий Турам дал хваткие когти?»

И он, выбрав в запутавшейся сети наиболее уязвимое место, стал двумя могучими лапами, сила удара которых переламинала хребет самого могучего лося, разрывать сеть. Медведь теперь уже не суетился, ибо понял, что это еще больше опутает его. И хозяин тайги, умело сведя лапы в одну точку, резко и во всю свою мощь раздвинул их. Тут же образовалась небольшая прореха, но вылезти через нее еще было невозможно. Повторил этот опробованный прием несколько раз, и спасительный выход был готов. Но в это время он увидел, что лесной орел опять закружил над ним. И медведь решил мысленно: «Обману я его. Пусть подумает, что я все еще в путах. А сам вылезу и притаюсь. А он пусть подумает, что я лежу бездыханным. А когда орел спикирует на меня, сделаю резкий

прыжок и оторву стальные смертельные когти второй, левой лапы».

Медведь решил действовать так, как замыслил. Он, притворившись мертвым, краешком правого глаза зорко следил за пикирующим орлом. И когда тот оказался на высоте воткнутого хорея, медведь, собрав все свои силы, оскалил свою пасть, сделал молниеносный прыжок и обоими могучими лапами схватил когти левой лапы орла, вмиг крутанулся, и мудро задуманный им план точь-в-точь осуществился.

Орел, издав громкий клекот, резко замахал широкими крыльями и взмыл вверх.

Медведь от большой удачи и огромной злости на обнаглевшего хищника тут же стал разгрызать своими острыми клыками левую лапу орла с пятью стальными когтями и приговаривал про себя:

*– Будешь знать, небесный хищник,
Что нельзя такую наглость
Средь зверей и птиц иметь.
Я твои распутал мысли.
Как следы лесного зайца,
Захотевшего спать.
Ты же зарился не только
На меня. За то, что ловко
Повалил я рогача,
Ты позарился, запомни –
На дешевую добычу,
На добычу, для которой
Ты и даже ноготка
Сил своих ты не потратил.
Ну и главное, конечно:
Навести хотел ты страху
На лесных зверей и птиц,
Показать хотел ты силу,
И тем самым на земле
Стать жестоким властелином
Для лесных зверей и птиц,
И, быть может, Человека.
А теперь – лесной орел,
Будешь, видно, поумнее,
И, конечно, осторожней...*

Расправившись с оторванной лапой орла со стальными когтями, которые он специально тщательно и со злостью пережевывал своими мощными

клыками, медведь облизнулся, и приступил кушать мясо лоса, которого он добыл своим честным трудом.

А теперь посмотрим, что же стало с нашим коварным лесным орлом? Он, конечно, был очень раздосадован: ведь он остался без своего основного и страшного оружия – стальных когтей, которые могли вонзиться не только в теплое тело любого живого зверя или птицы, но даже и в дерево.

Теперь ему оставалось полагаться только на грозный клюв. Но он же был дан ему всевышним только для поедания пищи. И бедняге оставалось только одно: искать кем-то добытого зверя или птицу. А это уже значительно осложняло его дальнейшую тропу жизни.

Но хвастливый орел и здесь нашел выход. Он часто, плавно паря высоко над землей, почти в облачной выси, не раз и не дважды видел, как ханты рано поутру шли на охоту по берегу сора осматривать свои петли и слопцы, настороженные на боровую дичь. Видел и то, что домой охотники возвращались с тяжелой ношей на плечах – со связками глухарей и тетеревов. Зоркий глаз хищного орла, конечно же, даже с такой высоты не мог не заметить, что охотники вынимали добычу с выставленных ими ловушек. И эти места он хорошо запомнил. Да и как не запомнить, коль он с подоблачной выси видел пробегающего по земле не только зайца или лисицу, но даже и юркого горноста, и прыткого мышонка. От его острого зрения не ускользнуло и то, где охотники порою прячут добытую дичь, когда ее попадалось в ловушки столько, что они не могли на своих плечах дотащить до дому. И теперь он пищей был обеспечен в достатке. Охотники, осматривая свои ловушки, частенько не досчитывались многих глухарей и тетеревов, а порою в тайниках, где временно оставляли добытую дичь, находили только кучу разбросанных на десятки сажень перьев. Озадаченными оставались охотники и в лесу, где выставляли петли на оленей и лосей. Здесь зачастую находили только облизанные копыта и кости лесного животного.

Все это, конечно, не мог не видеть Всевышний Турам, и он был страшно возмущен разбойничьими повадками лесного орла. Турам видел и то, как ханты после осмотра ловушек тоже приходили в большую ярость. Не зная, как бороться с воздушным разбойником, они в один из дней занялись жертвоприношением. Выловив самого жирного белобокого оленя, люди пришли к священному мысу. Заколов оленя и поставив чашки со свежим оленьим мясом, чтобы угостить духов земли и воды, ханты уселись вокруг костра и семь раз прокричали в бескрайние просторы Высокого Неба, приговаривая:

О, родной Великий Турам,
Самый умный, самый сильный,
Власть имеешь ты большую
На Земле да и на Небе.
Помогите, очень просим,
Хоть бы краешками глаз
Вы на нас взглянули сверху.
Здесь лесной Орел покоя
Не дает ни днем, ни ночью.
Всю добычу отбирает,
Нам лишь кости остаются.
Коль продолжится так дальше,
Все мы с голоду помрем.
О, родной великий Турам!
Обращаемся лишь к Вам,
Больше некому помочь.
Поглядите: наши слезы
Ручейками уж текут
Посмотрите, вскоре сами,
Каждый день недоедая,
Превратимся мы в тростинки.
Помогите, очень просим,
Лишь на Вас одна надежда,
Только в Вас одно спасенье.

Жалко стало Великому Тураму несчастных хантов – ведь они действительно без еды могли протянуть руки и ноги. И он решил помочь, заговорив:

– О, лесной орел могучий,
Я послал тебя на землю,
Чтобы птиц всех успокоить,
Мир и счастье подарить.
Ты занялся же разбоем,
Горе людям лишь несешь.
Я терпел тебя все время,
Но терпению конец
Наконец-то наступил,
Укрощаю твои силы,
Станешь ты совсем другим.

И тогда шевельнул указательными пальцами левой руки Великий Турам, и произошло невероятное.

Грозный лесной орел, наводивший страх на все живое, моментально уменьшился в размере, может, в тридцать раз, может, в семьдесят раз, и он стал птицей обыкновенных размеров, каким является на сегодняшний день. И что удивительно, рядом с орлом появилась и орлиха.

Ханты, увидев такое чудное превращение с лесным орлом, до самого заката солнца молились Великому Тураму, и говорят еще семь дней приносили они жертвоприношения ему, который избавил их от жадного и грозного всесильного и безжалостного воздушного разбойника. Не зря ханты в старину говорили: «Земле приносящие зло всегда исчезают, как ветер».

Люди, наблюдавшие за тем, как некогда могучий орел превратился в маленького орла и орлиху, тоже была немало удивлены. И они посчитали, что это возможно только священной птице, обладающей необыкновенным волшебством.

С тех далеких пор древние ханты стали почитать орла как священную птицу, и поэтому они никогда не стреляют в него стрелами из упругих луков, а сейчас и из ружей.

И орел тоже перестал трогать добычу в ловушках человека. И стали они жить да поживать. Еще ни разу не случилось, чтобы хант разорял орлиные гнезда. Территория, прилегающая к дереву, где орел свил гнездо, считается священной. А в древние времена ханты приезжали на это место и устраивали пышные жертвоприношения. Да продлится их дружба на долгие века.

Поездка за семикосой

В бору лиственничном,
Над обрывом стоящим,
Люди не век и не два проживают.
И средь них пребывает
Человек интересный
В собачьем обличье¹,
Не кобелем – а хитроватою сучкою
В деревне ее все называют.
На задней окраине города
Есть избушка, вечно закрытая
И никогда не отапливается.
Здесь проживает Духов Стокрылых
В борьбе Одолевший²,
Который в период вторжения духов
Ни косточки от них,
Ни шерстинки не оставил.
А прозвище достойное дали ему
За то, что в схватке со звездами
Он стрелами своими острыми
Почти половину поразил их,
А остальные удалились подальше.
И старшим из всех живущих –
Второй в той избушке –
Тьму Звезд Поражающий³,
Который всегда за первым ходил.
У ворот, открывавшихся в южную сторону,
Был всегда начеку

¹ Главный герой легенды.

² Имя героя легенды.

³ Герой легенды.

Богатых Домов охраняющий Дух¹,
Года вековые согнули его,
Как листья осоки от капель дождя,
Кривой сучковатый он посох носил, –
Десять людей его б не подняли.
Он посохом своим, коль размахнется,
Людей и животных, деревья стоящие
До высоты травинки стоптанной –
Всех валил наповал.
Третьим по знатности в доме являлся
Верши Речной Нога Высокая²,
Или точнее – охранник реки.
За окраиной города вьется речушка,
Пожалуй, не шире узкой колданки,
Речушка сбегает с сопки покатою,
Вместе с семьёю быстротечными речками.
На склоне же сопки
Четыре есть бора,
Еловые и кедровые все.
Ведьма речная здесь часто охотилась,
Петлями юрких белок ловила.
Когда же с охоты Верша возвращался,
Пять елей на плечи
Могучие взваливал,
На площади города сбрасывал их,
Чтоб жители города печи топили,
За это хвалили его повсеместно.
В городе этих мужей именитых
По делам замыкал Обозревающий Землю³,
Дрова по домам он ловко растаскивал,
Сжималась тогда в три изгиба спина.
Стрелы его, словно семь валунов,
Человека валили на землю,
Словно трухлявое дерево.
Кто же такой –

¹ Герой легенды.

² Герой манды.

³ Герой легенды.

Тьму Звезд Поражающий?
Бывало не раз
С Обозревающим Землю
Шли за болото, где звери и птицы водились.
И если они там находились,
То от острой стрелы
Обозревающего Землю
Ни одна птица еще не уходила.
Падали вниз лесиной подкошенной,
Падали словно бурей сломленные.
Тьму Звезд Поражающий
Был метким стрелком,
От стрел его падали вороги страшные,
Словно падающим камнем с высокой горы.
Напротив избышки древнего старца
Жил-проживал сыночек необычный,
Он чаши остатки облизывал все,
Все крохи на дне туесков подбирал.
Вот и живем в городишке у бора,
Не очень людьми населенном,
Где в каждой избышке очаг не затухает,
Где в каждой избышке
Сказки по вечерам льются.
Вот так и проживают люди в городишке,
Что богатством своим не слывет.
Всякую птицу мало-мальски жуют.
Лето настанет – рать многолюдная
Из Семиречья лодками едет.
И даже зимою холодной, суровой –
Рати движение не смолкает.
А сами же жители города
Никому проходящим обид не наносят.
Сеча кровавая кому нужна,
Коль пищу в достатке пока имеем?
Слышно, как чаша ударилась об пол,
Со звоном ручья – это песни начало,
Со звоном волны – это сказки начало.
Но оба начала имеют конец.
Песни начало и сказки начало

Мы осторожно разматывать будем,
Чтобы узнать все дела горожан,
Тех, кто в неведомых водах шатался,
Слух меж людей веревкой тянулся, –
Где-то, мол, город железный есть,
Хорошо защищенный и неприступный,
Семь воинов-братьев его охраняют.
Зоркость их глаз, скажу, превеликая –
Глыбы камней зрели насквозь.
Средь жителей города в люльке качалась
Девочка чернокошая,
Косы которой вмещались в две нарты.
Покинула вскоре последнюю люльку.
Только услышал я вести такие –
Все, что варилось, в горло не лезло,
Сердцем, душою витал лишь у ней,
Косы которой вмещались в две нарты,
Косы ее не вмещались и в лодку.
Кроме песни начала,
Кроме песни конца,
Есть середина.
Сплю я однажды –
Полночь была.
Робкие глазки едва различаю, –
И вижу – в избушке уже светло.
Опираясь на пальцы-костяшки,
Что на кочки похожи,
Я поднимаюсь,
Дверь скрипучую шириною в две нарты
Едва открываю
И выхожу в длинные темные сени,
На стенку холодную одну натыкаюсь,
На стенку шершавую другую натыкаюсь!
Туда и сюда бросало меня,
И, обессилев, вернулся обратно.
Взглянул я на полог и ужаснулся –
Дух, облизавший моей чашки остатки,
Дух, подобравший в туесочке все крохи,
В мой полог облезлый как-то залез,

Который измызган и грязен был,
Пятипалую ногу он из полога высунул.
«Ой же ты, сын собачий!
В пологе, потом пролитанном,
Как-ты посмел храпеть?» –
Так, про себя ругаясь, подумал я.
Засучив рукава, стою, ошалелый,
Вижу семь сундуков
Под семью замками, –
Саблю, осоки острее хватаю,
Мышью ночью к нему подхожу,
И острою саблей, – как комарика с носа,
Незваного пришельца сильно кольнул.
За пятипалые ноги схватив незванца,
Ловко его через голову кинул, –
В воздухе трижды он кувыркнулся
И еле на ноги встал.
На меня он острейшую саблю наставил,
Слегка заикаясь, я ему говорю:
– Дух, облизавший моей чаши остатки,
Дух, подобравший в туесочке все крохи,
Слушай меня во все острые уши!
Ты, поевший зверей и зверюшек немало,
Ты, поевший рыб и рыбешек,
Хочешь меня свежатиной съесть?
Тут саблю острейшую опустил невольно
И так я продолжил речь свою:
– Брат мой,
Пребывающий в обличье собачьем,
Слушай!
Пока пребывал я
В песнях сна удивительного,
Сечь какая, не слышать ли, была?
Дух, облизавший моей чаши остатки,
Дух, подобравший туесочка все крохи,
Слушай!
Коль что-то случится,
На помощь придут гусиными стаями,
На помощь придут утиными стаями.

Только промолвил я эти слова, —
След его словно простыл.
Только лишь слышал,
Как скрипнула дверь.
А хруст на снегу,
На морозном снегу,
Тяжелым скрипом вдаль удалялся.
И в это же время
Слышу я шум —
Быстрокрылой стаяй утиной
Все быстрее и быстрее приближался.
Это крикливые Духи мимо промчались.
И вдруг Женщина-Дух —
Жилища Хранительница,
С тайной постели,
Где-то с крыши,
Медленно сходит ко мне.
Тесемки ягушки связала узлом,
Мусор и сор к порогу смела.
Слух мой острейший,
Слышащий шелест травы
И мелких листьев дерева,
Шум уловил, еще находившийся
За дальними тучами где-то.
Этот шум нарастал,
Подобно стае налетающих гусей.
Шум ветром пронесся, и вскоре
Снова поднялся галдеж отдаленный.
Мяса кусочек не успел разжевать, —
Скрипучую дверь мою
Настежь открыли.
Скрипучую дверь из плахи еловой,
Скрипучую дверь из плахи сосновой
Сабли острейшей открыли концом.
И в это время плечи широкие,
Широкая грудь в дверях показались.
— Брат мой,
Приобретший обличье собачье,
Обличье не кобеля,

Сучки-собачки,
Слушай!
Спереди город я исходил,
Заднюю окраину еще посетил...
Там, где обильное было застолье, –
Там пищей пальцы свои не испачкал.
Там, где обильное мясо стояло,
Запах дразнящий нюхал лишь я, –
Только это успел промолвить –
Тенью неожиданно тут же исчез.
По морозному снегу
Хруст шагов удалился...
Вдруг земля сотряслась
От неведомой тяжести.
Как вступит ногой –
Здоровенная вмятина.
На саблю сверкающую упрется –
Та в землю уходит.
Выдохнет воздух –
Лишь поземка летит.
– Кто раньше сюда подошел? –
услышал его вещанье:
что же я вижу?
Отцом моим Верхним
Ниспосланный холод согнул всех,
Посохами словно кривыми.
Разве неведома дверь –
Та дверь,
Что из плахи еловой,
Та дверь,
Что из плахи сосновой?
Не знает разве того,
Кто пестрой собачки обличье имеет?
Долго ль еду слюною мочил,
Дверь моя настежь опять распахнулась,
Сабли острейшим концом распахнули...
Плечи широкие,
Широкая грудь
В дверях показались...

Взгляд мой не смог измерить его,
Взгляд мой не выдержал,
Обуянный страхом.
Еле входили плечи пришельца
В двери мои, что нарты навьюченной
Были не уже.
В дверях он показался
Ледохода затором.
Все же протиснулся в двери
Мои широченные,
И стал он в доме вертеться,
Вертеться, крутиться,
Будто показывал все мышцы тела.
Я, обуянный страхом немалым,
За ним наблюдаю:
Если на плечо шестеро встанут,
Встанут с тяжелыми доспехами –
С луками и острыми стрелами, –
Верхние подола не будут заметны,
Лукоподобные локти
Не будут заметны.
Лыжи его шире десяти половиц,
И выше обрыва,
Над которым бор лиственничный
Многими веками шумит.
Сухостоем трещат половицы,
Словно шатаемые мощною бурей.
Тело свое, когда садится,
Изгибает словно жердина,
А плечи навешаны, словно
Шкурами тысяч соболей.
Только успел он сесть
На почетное место гостей,
Вновь дверь всю распахнулась настежь,
Распахнули ее сабли острейшим концом.
Был тот пришелец –
Тьму Звезд Поражающий.
Он садится возле того –
Возле грудастого пришельца.

Он тело свое, садясь,
Изгибает, словно жердина,
Навешанная шкурами тысяч соболей.
Вскоре опять распахнулись двери,
Открыли сабли острейшим концом.
В дверях не проходили могучие плечи.
Двинет плечами –
Шаткою кочкою качается дом.
Ползком он еле протиснулся в дом.
На ноги, с сажень в обхват, встал,
Шапка из шкурок стерляжьих
Касалась конька крыши,
Довольно высокой избушки конька.
Если за спину семеро встанут,
Подолы одежды,
Рукава всех одежд –
Не будут заметны.
Он садится возле того,
Кого называют Тьму Звезд Поражающим,
Все трое уселись.
Все были похожие лицами.
Четвертым в жилище пожаловал тот,
Кого называют
Богатых Домов Охраняющим Духом.
На гостей посмотреть
Мужчины гурьбой ко мне потянулись.
Поиссарики ноги порог моего дома,
Будто топориком его обтесали.
В жилище народу,
Как в верше речной, рыбой полной.
Пять туесов, полных до краев,
Кушанья было –
Но никто не наелся.
Семь полных котлов сварил мяса –
Никто не наелся.
Мяса сырого, мерзлой рыбы –
Все за одно... (т.е. не хватило).
Младшие вдруг расшумелись что-то.
Двадцатизубые старцы к ним обращаются:

– Разве для смеха
Сюда всех собрали?
Будьте спокойны в доме священном!
Тот, кого звали
Тьму Звезд Поражающим,
Вот что сказал:
– Ты, обретший обличье собачье,
Обретший обличье сучки-собачки,
Слушай!
Какую ты думу имеешь?
Может быть,
Хочешь куда-то увлечь?
Какую ты думу имеешь?
Выскажи нам,
Помощь окажем.
– Брат мой,
Тьму Звезд Поражающий,
Слушай!
Если бы думу имел,
Чтоб увлечь вас,
Сюда не явился бы.
– Может быть, где-то
Войны приближение слышишь?
Может, о черноокой слыхивал где-то?
Затем двадцатизубые старцы
Рты пооткрыли:
– Если какая-то есть чернокосая,
Для жизни дальнейшей –
Стоящее дело.
Тот, кого называют
Тьму Звезд Поражающим,
Так продолжает:
– Ты, имеющий обличье собачье,
Слушай!
Если до слуха твоего доносилась
Молва вездесущая,
Не таи, не храни!
Не мне за нее выкуп давать.
Не мне за нее заранее делиться!

Коль мало невесты,
Две невесты возьму!
«У Семиречья,
У елового бора,
Возле тропинок нехоженных,
У лиственничного бора
Семеро братьев живут.
Их называют
Кости Началом.
Камни глазами видят насквозь.
В люльке одной, из черемухи сделанной,
Все они были.
Последней в той люльке
Была чернокосая.
Коль косу ее на лодку грузили –
Лодка мала,
Другая нужна.
Коль косу ее на нарту грузили –
Нарты мало, другая нужна».
Тот, кого звали
Тьму Звезд Поражающим,
Голову с косичками вниз опустил.
С опущенной он просидел головой
Времени столько,
За которое мясо в котле бы сварилось.
«Ты, имеющий обличье собачье,
Не кобеля –
Сучки-собачки,
Слушай!
Хитрость ты ведаешь братьев?
Могут много устроить препятствий!
Слушай да помни!
Запомни дорогу туда!
Реку, кишашую рыбой,
Реку, живностью полную,
Реку,
Пока осетры поднимаются,
Всю до конца проплывите.
Там попадете в речку,

Лэвом которую все называют,
У речки этой мыс высоченный,
Дремучий бор над мысом стоит,
В бору там – горящий костер,
Старец седой
Весь с лебедем схож,
Минуете место, где старец живет,
Опять попадаете на речку ту,
На речку ту, живностью полную,
Там осетры на икромет плывут,
Там, где река та раздвинет пределы,
Леса там кончаются,
Далее море там плещется.
То море в неделю должны одолеть,
Море проехав, заедете в речку.
Она неширокая,
Где разве лишь лодка едва протиснется,
В верховьях той речки
Найдете трех братьев,
Коиx непросто победить-одолеть.
Но прежде, чем вы к ним доберетесь,
Встретятся вам:
Ста Сомов Чернобрюхих
Родители встретятся,
Ста Сомов Чернобрюхих
Встретите деда.
На дереве семисаженном
Стокрылого духа узрете гнездо.
С Чернобрюхими схватки
Немалые будут.
Их одолев,
По речке к холму доберетесь,
Откуда семь речек, путь начиная,
К разным пределам свои струи несут,
За холмом Семиречья
Есть древо высокое,
Пожалуй, саженой в семь высотой.
Птицеподобного Духа Стокрылого
Есть там большое гнездо.

У холма Семиречья боры дремучие.
Четыре – из лиственниц стройных,
Четыре – еловые.
Там-то и будет тот город Суставов,
Что охраняют семь братьев,
Именуемые Кости Началом.
Вот ведь куда вам
За невестою ехать!»
«Ты, кого называют
Тьму Звезд Поражающим,
Слушай!
Даже тот шов, что сухожильем оленьим скреплен,
Толщиною в два пальца
Не вечно останется швом!»
Тот, кого называют
Тьму Звезд Поражающим,
Голову с косичкой вновь опускает.
Времени столько сидел,
Что во многих котлах бы
Мясо сварилось на много гостей.
Тут поднимает проворно он голову,
Хватает полено, ножик берет,
Что хранился в ножнах,
Грани четыре в полене том сделал,
На грани одной сделал надрез –
Главный надрез,
Священный надрез –
Личный тот знак, подтверждающий знак,
Что ехать готов он.
«Ты, кого называют
Вершей Речной,
Пойдешь ли со мной?»
«Ты, кого называют
Тьму Звезд Поражающим, слушай!
За невестою ехать приму я участие!
Не просто посватать!
С битвой нелегкой к ней придется пробиться.
Участь какую готовишь ты тем,
Кто слаб и немощен?

Если увидим, что не будет успеха,
Ты, отступая, слабейших с собой бери.
С теми один я померяюсь силой.
Все деревья в бору лиственничном,
Все деревья в еловом бору
Вырву с корнями.
И будут они мне оружием,
Ими я битву до конца доведу.
Тамгой священной решимость скреплю».
Далее знак свой священный поставил
Трехсотпятидесятый
Завершением всем тамгам.
Моя тамга там была.
Тот, кого называют
Тьму Звезд Поражающим,
Так заключает:
«Ладно!
Ты, кто имеет обличье собачье,
Слушай!
За невестою ехать, стрелою владеющей,
За невестою ехать, луком владеющей,
Время поспеет, время подойдет,
Когда тихие дни придут весны,
Тогда уже лодки широкие, большущие,
Длиною в две доски сращенные,
На воду спустим, днища их смочим
Водою священной.
Тогда мы в сторону моря двинемся,
Когда тронется рыба против течения,
Двинется рыба густым косяком.
На нерест заторопится, кормиться пойдет».
После сих слов, подол отряхая,
После сих слов, рукава отряхая,
С места легко вскочил.
На ноги вслед вскочили другие.
В сторону ту, где сундуки тяжеленные,
Семь сундуков с вещами священными,
Повернулись разом лицом,
Скинув уборы свои головные,

Поклоны трехкратно молча творят,
Молча трехкратно просят удачи.
После поклонов и просьб троекратных
Все удалились.
Жилище осталось, как верша пустая.
Мешкотные дни
Мешкотной весной
Проходят своей чередой.
Пока те мешкотные дни проходили,
Слухи доходят:
Двое – тот, кого называют
Духом Стокрылых в борьбе Одолевшим,
И тот, кого называют
Тьму Звезд Поражающим, –
Будто у Трехсотпятидесятого
За плохие проделки
Кишки все повынули.
Веревки из них прочнейшие свили.
На части веревку разрезали ту,
Которые потом послужили –
Одни для крючков,
Железной кувалдой — другие.
Днище все лодок железом обили,
Листами железными толщиной в два пальца.
Слухи о сборах далеких идут,
Слухи доходят до тех,
Кто меня посещает.
Слухи доносят: у берегов, мол,
Вода появилась.
Мол, с юга дальнего
Чаяк несметные стаи,
Несметные стаи гусей
Тянутся к морю.
Мол, лед на широкой реке
Многотысячным стадом тронулся к морю.
Где льдина касалась крутых берегов,
Целые глыбы на берег бросало,
На нельмы похожими были те глыбы,
Будто из нельм штабеля понаставлены

Ступенчато по всему берегу.
Где льдины касались коренных берегов,
Громадные глыбы на суше лежат.
Наворочены горы –
Как будто из снулых осетров.
Вскоре вскрылась река.
На воду походную лодку спустили,
Днище священной водой смочили.
Лодки доброю живности полные,
К дальнему походу готовые.
После всей этой походной возни
Дверь моя настежь вовсю распахнулась,
Сабли острейшим концом распахнули.
Вваливается тот,
Чаши остатки облизывал кто,
«Ты, имеющий облик собачий,
Слушай счастливую весть!
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Велел передать:
Сватать невесту приспела пора!
Скорей-ка собирайся!»
После сих слов сдвинул я в сторону
Идола священного, на коленях лежавшего,
Он облачен был в шкуры собольи,
Быстро начал напяливать обувь,
Что из облинявших сделана шкур.
В обувь просторную ногу просунул –
Ни в пальцах не жмет,
Ни в пятках не жмет.
Хапнул шапчонку из шкуры оленя,
Мягкая шапчонка
В ладони моей уместилась.
Ремнем, отороченным собольими шкурами,
Себя обтянул.
В чаше хранился пепел священный
От шкурок священных.
Полную горсть того пепла я взял
И посыпал всю голову.
Саблю затем беру пятерней,

Саблю, отражавшую обиды зловещие,
В сторону ту, где семь сундуков,
Словно пушинку откинул.
Поклон троекратный молча творю,
Троекратную удачу прошу у святых,
Вот что своим сундукам говорю:
«Если когда-нибудь вернусь невредимым
С владений я тех,
Кого называют Кости Началом,
Вам в жертву отдам семь оленей-быков,
Семь серебрястых чаш,
Мясом все полные, вам я поставлю.
Если оттуда живым не вернусь,
Душа посетит вас».
К обрыву крутому,
Со ста ступенями вниз,
Куда поднимался, откуда спускался
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
Я подхожу.
Там, у обрыва, тесные толпы
Людей шевелились.
Слышу оттуда голос мужской:
– Эй, уезжающий!
Плечи, что могут лодку вместить,
Сделай пониже!
Мы чуточку взглянем, каков из себя?
Оттуда другие слышны голоса:
– Эй, уезжающий!
Оголи-ка то место, на чем ты сидишь!
Толпы мужчин отошли чуть в сторонку.
Женщины валом валят теперь.
Доносятся ныне их голоса:
– Эй, уезжающий!
Плечи, что могут лодку вместить,
Сделай пониже!
Мы чуточку взглянем, какой из себя!
Эй, уезжающий!
Снимай-ка предмет, под которым тело скрываешь,
Покажи-ка предмет деторождающий.

Посмотрим-оценим, каков из себя!
У бабенок иных косы такие,
Если их косы на нарты грузить,
Нарты одной маловато окажется.
Если те косы на лодки грузить,
Лодки одной маловато окажется.
Робкие мысли мои шевелятся:
«Ехать куда-то...
Сватать невесту откуда невесть!
Вот ведь какие невесты стоят?!»
Двинуться к лодкам хотел уже было, –
Бац! – мои ноги прилипли к земле. –
«Ты, имеющий облик собачий,
Ты, имеющий обличье сучки-собачки,
Медлишь зачем?
Коль чернокосая, тебя заморозившая,
В этой толпе,
Зачем заставляешь собираться в дорогу?
Счастья какого при помощи нас
Себе добываешь?»
Только слова те, слова заклинанья
До меня долетели,
Пятипалые ноги отклеились вдруг.
Лодки, груженные скарбом и роскошью,
Отошли уж от берега,
Настолько они отошли и отплыли, .
Что четыре шеста не хватит, чтоб их подтянуть.
Подол подобрал, рукава засучив,
Как белка с еловой на еловую лапу,
В лодку махнул:
Пряменько в лодку прыжок мой
Забросил меня.
Разом все весла свои потянули,
С криком все весла свои потянули,
Крик означал тот начало похода,
Крик означал тот
Важного дела начало.
Крик наш до неба дошел и вернулся,
Пугливые звери в лесу схоронились,

На небе крылатые все разлетелись.
Крик наш под воду уходил и вернулся.
Рыба пугливая, подводная тварь
Под корни подводных лесов схоронилась.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Стал опытным кормчим,
Пнем столетним словно сидел на корме.
Слова он мудрейшие спутникам верным
С кормы подает:
«Силу и мощь сохранившие,
Слушайте!
Коль окунаете весла в водицу,
Тяните потише.
Пятипалые ноги о выступ уприте,
Опору создав, колени сгибая и разгибая.
Весла тяните, тяните потише!
Средь голых просторов
Сломаете весла, от которых путь наш зависит,
Запомните крепко:
Город невесты предстанет тогда,
Когда горы гниющих костей человеческих
Останутся сзади.
За спинами нашими будут»
Едем неделю, едем другую...
Реку проехали, рыбой кишачую,
Реку проехали, живностью полную.
В речку черноводную,
Лэвом именуемую,
Лодочки въехали наши.
Ловим рыбешек на уху и свежатину.
Вот перед нами мыс открывается.
Бор лиственничный красуется там,
Бора хозяин – седой старина,
Лебедя белее весеннего.
Смотрим: тот старец на мостик взобрался,
На мостик высокий.
Старческим взглядом дали обводит –
Нет ли откуда тревоги какой,
Не идет ли откуда зловещая рать.

Грудь свою старец сюда повернул –
Бор лиственничный за ней видать.
Спину тот старец сюда повернул –
За спиною укрылся весь бор лиственничный.
Нас он увидел, голос донесся:
«Мимо кручи со ступеньками вниз,
Мимо бора дремучего кто проплывает?
Зимой ли холодной,
Богатой обилием снега,
Зимой ли морозной,
Богатой метелями-выюгами,
Не того ли здесь нарта прошла,
Кого называют
Духов Стокрылых в борьбе Одолевшим?
Если вы те, кто зимой проезжал,
Слушайте!
Если и ты,
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
Рядом со всеми,
Слушай!
В гости отведать, что в амбарах осталось,
В гости отведать,
Что в котлах сохранилось,
Почему не пойдете, мимо плывете?»
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Отвечает так:
«Старец, лебеди ты подобный,
Старец, пене подобный,
Слушай!
Времечко будет отведать и то,
Что осталось в амбарах твоих,
И то, что осталось в котлах!
А сейчас пожелай нам
Всех благ и удачи.
Сопутствуй сердечно благим намерениям!»
На реку, рыбой кишашую,
На реку, живностью полную,
Вновь попадаем.
Едем ночами, днями все едем,

Не приставаая к берегам комариным.
Только тогда притыкаемся к ним,
Когда заставляет желудок урчащий
Котлы приготовить с мясом жирнущим.
А так мы едим, едим всухомятку
Только лишь в лодках,
Путь продолжающих, не знающих отдыха.
Обозревающих дали –
Дозорных честнейших –
Все время меняем, чтоб на посту
Не смели вздремнуть.
Море открылось.
Пустынное море.
Берег весь голый.
Нет леса шумящего.
За семь ночей и столько же дней
Моря просторы сполна одолели.
На речку наткнулись.
Речка виляла, извивалась так круто,
Что едешь и едешь –
До прежнего места, где костер оживляли,
Рукою подать.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
К Трехсотпятидесятому
Так обращается:
«Трехсотпятидесятый, на берег сойди».
Железных канатов концы подают.
Трехсотпятидесятый в бечевую пошел.
В речке чудовищ кишело кишмя –
Чудовища – Сомы (налимы)
Разом людей с лодками вместе
Тут же в желудках готовы упрятать.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
Видя чудовищ несметное племя,
Кричит быстроногому, по берегу шедшему:
«К берегу лодки тани-ка скорее!»
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Берет свой топор,
Топор свой острейший, отточенный,

Которым бы мог оленя – быка
Жизни лишить ударом одним.
Тьму Звезд Поражающий
Последовал тоже примеру старшего.
Верша Речная последовал тем,
Кто топором вооружился.
Дерево ищут, ищут такое –
Веку равнялся бы возраст его.
Дерево нашлось! Нашлася лесина!
Трое все встали вокруг той лесины –
Измерить хотели:
Руки троих не смогли обхватить.
Начали двое рубить ту лесину.
Рубят отсюда, рубят оттуда –
Дерево – скала
Скалою стоит.
Верша Речная топором здоровенным
Трижды отсюда, трижды оттуда –
Глыбою рухнуло
Дерево столетнее.
Древа вершину пальцы покуда хватили,
Рукой отломил.
Комель на плечи себе он взвалил.
Двое вершину понесли на плечах.
Могучего дерева ствол тяжелейший
Прутиком кажется им.
К лодке то дерево втроем потащили,
Такое же дерево еще повалили.
К лодкам же бревна
Мертвецки приладили,
Их обтянули канатом железным.
Трехсотпятидесятый
Вновь в бечевую пошел.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Вдруг шариться начал.
Вытащил крюк.
И вновь вытащил второй крюк.
«Тьму Звезд Поражающий,
Слушай сюда!

Рыбой речною, рыбой, что водится
На лугу заливном,
Тебе вот дарю!»
Сызнова начал что-то искать.
Кувалду чугунную тут извлекает,
Вместе с кувалдой нашелся и крюк.
«Тьму Звезд Поражающий,
Слушай сюда!
Этим крюком зацепляй под водой
Чудовищ – Сомов пузатых.
Кувалдою этой им башку размозжи.
Подмогою будут все спутники наши.
Только сначала ловите крюками
Отца тех чудовищ,
Если он станет нашей добычей,
Следом и деда чудовищ ловите,
Детей их не трогайте только!»
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Первым опасную начал охоту.
Вдруг закричал он:
«Ближе ко мне, ближе скорее!
Первый родитель Сомов безобразных
На крюк мой попался,
Рвется и мечется,
Хочет под воду живым утащить!»
Тьму Звезд Поражающий
К нему подскочил.
Лодка бортом зачерпнула довольно,
В лодке воды по колено уж было.
«Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
Слушай!
Пока ты держи попавшего на крюк,
Я ж прыгну на берег.
На сушу доставлю каната конец.
Коль не удастся доставить канат,
Коль на воду плюхнусь –
Добрая пища зловещим Сомам».
Сабли острейшим согнулся концом,
Прутиком гибким тут выпрямляется –

Птицею там, на суше, уже...
С трехсотпятидесятым,
Что на суше стоял, тянут канат,
Канат растянулся, стал толщиной
Всего лишь в два пальца.
Верша Речная, что в лодке подсобником был,
Выволок голову чудовища страшного
Из-под темной воды.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Кричит-заливается:
«Эй, трехсотпятидесятый,
Тяни посильнее!
Сейчас на кукан чудовище взденем!»
Трехсотпятидесятый,
Тьму Звезд Поражающий тянут канат,
Тянут чудовище страшное, тяжелое.
Шажочек один –
Меньше шажочка чирка.
Шажочек другой –
Меньше шажочка трясогузки вертявой.
Прет ли течение бурное так
Иль валунами зловещие Сомы лежат?
Вода от напора пошла лебедями.
Третьим на помощь на сушу махнул
Верша Речная.
Прыгнул он с лодки,
Одною ногою на сушу попал,
Другая – осталась в воде.
Трехсотпятидесятый за шиворот хватъ!
На сушу того!
По четыре и по пять чудовища мечутся,
Головы высунут, пасти раскроют.
Оплошность любую они караулят.
За ногу Вершу едва не схватили.
С берега тянут и лодку,
И чудище тянут,
Что Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
на крюк зацепил...
Тянут те трое, тянут-потянут.

Ложатся поникшей травой –
А лодка – ни с места!
Может, на мель куда наскочила?
Глубину измеряли – весла не хватает.
Вновь голова чудовища вышла.
Тут не зевнули – железным канатом
Сполна обмотали.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Кувалду чугунную схватил пятерней,
Тьму Звезд Поражающий
Вторую кувалду... Разом кувалды
Когда опустились,
Сотряслась как будто просторов суща.
Верша Речная на помощь явился.
Кувалда его скалой монолитной
Обрушилась тут.
Дыра на башке Чудовища – Сома
Зияла такая,
будто несметные стрелы в куче прошли.
Чудовище всплыло –
Два поворота всплывшая туша
Сполна захватила.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Кричит во всю мочь:
«Трехсотпятидесятый,
Явись-ка сюда!
Чудовище надо на сушу вытащить».
Когда же ту тушу
Вытаскивать стали,
Воды быстротечной лодкой черпнули.
Путь Обозревающий воду вычерпывал.
Ноги немели, черпая воду,
Спина разболелась.
Тьму Звезд Поражающий опять говорит:
«Это, кажись, родитель – отец,
Поищем-ка деда, деда чудовищ,
Детишек нахальных не троньте пока».
Крюком тяжеленным начал водить.
Вдруг закричал он:

«Скорее сюда!»
Помощники тут подоспели проворные.
Крюками тремя зацепили злодея.
Рвется и мечется под водою злодей,
Чудовище лодку вот-вот опрокинет.
«Трехсотпятидесятый,
Сделай петлю на кукане!»
У Верши Речной слезы пошли.
Слезы от страха пошли.
«В брюхе чудовища окажемся все!
Давай-ка на сушу отсюда махну,
Каната железного доставлю конец!»
Вытирая слезинки, прутиком гибким
Оттолкнулся от лодки.
Нога пятипалая на суше одна.
Пятка другой на воде оказалась.
Трехсотпятидесятый
За шиворот еле успел оттащить.
Тянут-потянут – лодка ни с места.
Верша Речная на помощь пустился.
Он со слезами прыгал, как тот.
На сушу нога пятипалая встала,
Пятка другой на воде оказалась.
Трехсотпятидесятый и тут подоспел.
Дети чудовищ, рты раскрывая,
На мгновенье отстали.
Сома башка над водой оказалась.
Кувалды чугунные момент уловили!
Мертвое тело всплыло бревном.
Туша громадная на три изгиба
Речушки легла.
«Трехсотпятидесятый, поди-ка сюда!
Тушу поверженного на сушу потянем.
Даль Обозревающий,
Путь Указующий,
Поставь-ка котлы,
С мясом жирнейшим поставь-ка котлы!»
Пока бушевали котлы над огнем,
Слышали все, как

Чудовища дети удалялись по речке,
Горько рыдая.
Когда же котлы от костров поднимали,
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Повелел для себя в отдельную чашу
Его долю налить.
Чашу отдельную подали ему.
К обрыву подходит.
Чашу дымящую у края ставит.
Берет он топор, топор здоровенный.
И начал свою шаманскую песню.
«Сомов чернобрюхих,
Послушай-ка, царь!
Когда же густые олени стада
К устью проложат кочевье свое,
Полстада вели оторваться от прочих.
К морю потянутся стада быстроногие.
По четыре и пять вели оторваться,
От стада отстать у мыса,
Поросшего густым тальником, пусть остаются.
У мыса крутого от стада вели
По десять, по двадцать
Отставать, отрываться.
Ныне живущим, потомкам далеким
Поминки свершать, жертву богам своим приносить
Олени нужны.
На дары и на свадьбы
Олени понадобятся».
Как только шаманский иссяк монолог,
Стада потянулись живой вереницей,
Туда потянулись, куда им указан
Путь надлежащий нужными силами.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Рот двадцатизубый так раскрывает:
«Распорите-ка брюхи,
Брюхи чудовищ!»
Трехсотпятидесятый первым поднялся,
Чудовищу кишки вынимали мотками,
Их поразвесили по вешалам.

Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Голосом птичьим тихонько пропел:
«Слушайте те, кто сватом собрался!
Ваше уменье, ваша сноровка
Сумеют ли ныне невесту достать?
Идите! Вон город,
Где невесту вам брать...»
Четверо сватов пустились в путь.
Где низиною шли, с головой сокрывались,
Где сопками шли,
Там пятки сверкали.
У подступа к городу
Бор лиственничный утрюмо шумел.
Голы деревья –
Одни лишь стволы.
Гляжу: дозорный стоит на площадке.
Шестеро младших залезли потом.
Спину земли необъятной
Взором обводят.
Спину воды необъятной
Взором обводят.
Вижу: рты раскрывают,
О чем-то беседуют,
Длинную речь пространно ведут.
Короткую речь недолго ведут.
Слышу их говор.
Старшему младший, слышать, говорит:
«Падал я в сон.
Сна песен премного пропел.
Вижу во сне:
Нас шестеро только осталось.
К чернобрюхому сому приходим, кричим.
Никто не откликается!»
Старший в ответ:
«Мелешь ты чушь языком,
Сабля была бы, что острее травы,
Языка бы лишился давно!»
Четвертый промолвил:
«Поубавь-ка горячность!

После дневной богатой трапезы
Сна песен премного я тоже пропел. Слушайте!
Вот что мне снилось:
У Семиречья холм высоченный.
Дерево там, на макушке его
Крылатого Духа гнездо поместилось.
В той колыбели птенчика два.
Кто-то их клювы давно отрубил.
Нас четверо только осталось.
Из лука тугого стрела полетела,
В левую трудь вонзилась мою.
От страха проснулся».
«Кей! Сукины дети собачьи!
Была бы тут сабля,
Языков бы своих вы лишились!»
Пятый промолвил:
«Напрасно ты делаешь вид,
На очищенный чайник похожий!
Сна песен премного
И я ведь пропел.
Вижу во сне:
Нас двое лишь только осталось.
В дом подошли, где Менги собирались.
Шума и веселья не сочится оттуда.
В дом мы вошли,
Все Менги, что буйно
Веселье справляли,
Лосями – быками лежат на полу.
Мертвые все.
Я испугался. На этом проснулся».
Старший промолвил:
«Сюда ведь дорога закрыта:
На страже страшнейшие
Сомы сидят.
В снежную зиму в неведомых землях
Слухи ползли:
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
С братьями вместе куда-то ходил.
Если осмелится в наши владенья

Нечесанные волосы с безумной башкой,
Будут дожди проливные
Мыть-обмывать,
Ветры стосильные сушить их,
Будут веками для него.
В бору лиственничном
Есть древо одно –
Оно для него – несмысленыша.
У чаек пролетных,
У уток пролетных
Череп тот будет всегда на виду».
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Дальнейшее действие так выражает:
«Ну что же!
У всех на головушке волосы.
Если все волосы в нарту сложите,
Составится целый обоз.
От слов, что коварнейший нес,
В наших сердечках ответ накопился».
Трое отважных ринулись в город.
Я тоже за ними ринулся было –
Мои пятипалые ноги
Будто к валуну пристегнули:
Вижу – в собачью шерсть запутались ноги.
Бросился наземь,
катаюсь-валяюсь.
Вдруг превращаюсь в сучку-собачку,
От голода тощую.
Во вражеский город вбегаю собачкой.
Средь улиц широких на землю кидаюсь
Лапками кверху.
Мало ли кобелей,
много ли их,
Нюхают, лижут меня.
Вскоре они покидают меня.
Знатнейших жилище
Из ста различишь.
Я к этому дому. В длинные сени вхожу.
Там нахожу я длиннющий канат,

Свитый из прочных еловых корней.
По следу прислуги юркнул в жилище.
Как только проник я в жилище,
Старший из братьев
К сундукам подбегает, саблю хватает...
Чайками младшие тут загалдели:
«Что, брат, с тобою стряслось?»
Неужто вздумал всех в жертву принести?»
Пыл скоротечный пропал у него,
Саблю на место, остывши, отнес.
Я – сучка-собачка – забралась в постель,
Где гости обычно сидят.
Саблю второй тут хватает сердито,
Смерть надо мною обвалом висит.
Громоподобный смех поднимают.
Стыдят его родичи.
Гневом съдаемый кличет служанку:
«Сучку-собачку подай-ка сюда!
Как же посмела осквернить ту постель,
Где именитые гости сидят?
Сучку-собачку подай-ка сюда!
На три куска я ее разложу,
На три паечка ее разделю!»
«Кой! Сучек-собачек
Впервые ли видишь?
Сколько таких по улицам бродит!»
Поймали меня за густой мой загривок –
На улицу швырнули.
Падая там, взвизгнул от боли.
Нюхом острейшим чую отсюда:
Что-то служанка варит-готовит,
Варево в чаши раскладывает.
Слышу, она говорит господам:
«В городе собственном жили-пожили,
Тревоги не зная.
Рать никакая сюда не являлась.
Полные чаши жирного мяса
Жрете вы вдоволь,
Жрите и ныне!»

Слышу: массивная скрипнула дверь,
Выходит она.
С чашей по улице только пошла,
Я соскочил, вперед забежал,
Под ноги лег лапками кверху.
Ее пятипалые ноги споткнулись,
Шкурой оленьей она растянулась.
Чаши горячей большая часть
На нее опрокинулась.
Сучек-собачек и кобелей свора,
За мясом гоняясь,
Грызлась жестоко, жестко дралась.
Среди грызни и драки
Только кусочек достался лишь мне.
На четвереньках среди грызни и драки
Ползала она.
Проворством она не страдала, видать:
Два мяса кусочка достались ей.
«Кей! – это она на меня так кричит, –
Я покажу тебе, чертов скелет!
Погоди же! Будешь закускою там,
Где жертву приносят богам!»
После сих слов удалилась она.
В дом удалилась, куда двадцать девиц
Ежедневно приходят,
Куда двадцать женщин
Ежедневно приходят.
Когда в длинные сени входила она,
Оглянулась назад: нет ли меня.
Только она скрылась в сенях,
Прыг я за нею.
Ногу одну занесла за порог,
Ногу другую – еще не успела.
За пятку ее хватаю проворно.
Шкурами диких лосей-одногодок
На полу распласталась.
Всех смех разразил!
Смех разразился, птичьему шуму подобный,
В жилище, посещаемом

Женского пола народом,
Ныне девицы сидели –
Не было женщин.
«Что случилось с тобою,
Хозяйка жилища?»
«То, что случилось,
За зубами держите!
Из каких-то земель,
Из каких-то краев
Парень явился в обличье собачьем.
Чуть было в жертву богам не спесли.
Чашу горячую, полную мяса,
Что вам я несла,
Он опрокинул, бросившись под ноги.
Сучек-собачек и кобелей свора
Все растащила.
Мяса кусочек достался тому,
Два кусочка достались мне.
Отныне он будет любимцем моим!»
Одна языкастая так говорила:
«Что было – то было.
Только не смей за него выходить!»
«Давайте-ка спать,
Ранными птичками рано соскочим».
Девицы заснули.
Пташкой весенней запела одна:
«Если ты вправду в собачьем обличии,
Шепотом листьев,
Веточек шумом
Откликнись-ка мне!»
Тут я вскочил.
Теми котлами, ведрами теми,
Что в сенях длиннющих стояли,
Начал греметь.
Двери, покуда ходят все девы,
Вдруг отворились.
Стройная травушка,
Стройный тростник –
Вот ведь какая выходит ко мне!

Эта невидаль, заглядение это
Вещую речь мне такую подносит:
«Ты, кто принял обличье собачье,
Явись-ка ты парнем пригожим,
В обличье явись человечьем!»
За угол я побежал поскорей.
На животе там и на спине катаюсь.
На пятипалые ноги я встал,
Явился с улыбкой.
«Заходи-ка скорее,
Наши яства отведай!»
«Не яства чужие отведать и кушать
Сюда я явился!
Если ты хитрость какую таишь,
Ту хитрость, скажу, узнать я готов».
«Семеро братьев...
Хитростей семь у них скрывается.
Их хитрость никто не смог одолеть.
Вряд ли их хитрость тебе одолеть.
С неба пределов ратью ходили,
Менги ходили – с позором ушли.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Пришел или нет?»
«Не окажись его рядом,
Разве бы смели явиться сюда!»
«Тьму Звезд Поражающий
С вами иль нет?»
«Если его не оказалось с нами,
Разве бы смели явиться сюда!»
«Слухи доходят: будто бы есть
Богатых Домов Охраняющий Дух.
С вами ли он?»
«С нами он всюду!»
«Есть ли тут с вами
Верши Речной Высокая Нога?»
«Нам, птенчикам голым,
Зачем бы соваться!
Коль стрелы иссякнут,
Он вырвет с корнями деревья из бора,

Комель с корнями обрушит направо.
Макушку с ветвями налево обрушит.
Будет он бить
Налево-направо –
Травкою кошеной недруги лягут».
«Чудовища есть – Чернобрюхие Сомы».
«Солнце их сушит,
Ветер их сушит.
Кишки их развешаны по вешалам».
«Это не все!
На холме Семиречья
Бор лиственничный,
Бор есть еловый,
В датах железных сто Менгов живут.
Дерево там в семь саженой есть.
На макушке – гнезда.
Духу Стокрылому все доверяю.
Вот испытанье ему!»
«Это и все?»
«Нет! Не уходи-ка!»
В дом забегает, где двадцать девиц.
Недолго была там, снова выходит.
Нож затолкала в просторный рукав.
«Ну, пошли-ка!»
В жилище пришли.
На крышу подняться она повелела.
Вижу: там стрелы и луки лежат.
Лук из березы, береста не снята,
Кора не снята.
Все стрелы, все луки
Ей я подал.
Лук и стрелы в руках повертела,
Видно лишала их волшебства.
«Ладно, слезай-ка!»
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Тут оказался.
«Ты, пребывающий в обличье собачьем,
Поведай, какие тайны доступны тебе,
Доступны от той,

Что невестою будет тебе!»
«Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
У Семиречья есть Духа гнездо.
Два птенчика в нем,
Должен гнездо ты свалить и разрушить,
Птенчиков Духа жизни лишить.
Вот что исполнить должен сейчас».
Тьму Звезд Поражающий
К богу Всевышнему так обращается:
«Всевышний ты наш, добрейший отец,
Спусти-ка с небес густейший туман,
Спасителем будет, избавит он нас
От стрел, поражающих камни насквозь».
Всевышний послушал.
Спустился туман, густейший туман.
«Только смотрите, – вещает всевышний, –
В тумане друг друга стрелой не заденьте,
В тумане друг другу
Башку не снесите!»
Один из воинственных братьев-суставов
В тумане кричит:
«Полгорода с землею сровняли.
Кто же так мог?!»
«Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
Видно, явился из неведомых земель.
Голову, что ли,
С косичкою хочет у нас здесь сложить?!
Вон дерево есть
В бору лиственничном,
Куда я повешу башку отсеченную.
Обмоют головушку дожди проливные,
Ветры головушку будут сушить.
Чайки пролетные, утки пролетные
На головушку эту поглядывать будут».
Услышав хвастливые те изречения,
Тьму Звезд Поражающий вот что решает:
«Духов Стокрылых в борьбе Одолевший,
Слушай меня!
В давнее время отец мой грудастый

Здесь был повержен,
На дереве труп его
Дожди обмывали,
На дереве труп его
Ветры сушили.
Время настало!
Суставы на дереве пусть повисят!
Чайки пролетные,
Утки пролетные,
Осенью поздней мимо летя,
Ранней весною мимо летя,
Поглядывают пусть».
Старший из Суставов воинственных,
Слышно, кричит:
«Тьму Звезд Поражающий
Подходи-ка поближе!»
Цели кровавой стрелы
Суставов не достигают.
От натяжения луки ломались.
От натяжения рвалась тетива.
Старший из Суставов воинственных,
Слышно, ругается:
«Эта девица, коей вздумалось замуж,
Нас продала!»
В густейшем тумане суматоха сплошная.
Нельзя разобраться –
Кто дубасит кого.
Богатых Домов Охраняющему Духу
По широченной лопатке крепко досталось,
Затрещали на теле косточки все.
Слезы пошли морозящим дождем.
Тут оказался Верша Речная.
Древо с корнями откуда-то вырвал.
Он в кучу Суставов проник незаметно.
Древо с корнями обрушит налево.
Древо с корнями обрушит направо.
Суставов воинственных
Вздрогнула храбрость.
В панике ноги мелькают у них.

Старшему из Суставов воинственных
По спине широченной
От Верши досталось,
Косточки все песочком посыпались,
Лопнула кожа шкурой изгнившей.
В панике начали Суставы воинственные
От нас удирать.
Мы стали преследовать их.
Не позабыли невесту, нам помогавшую.
Драли Суставы в сторону ту,
Где обитали Сомы чернобрюхие,
Думали, видно, те помощь окажут.
А Сомы чернобрюхие сном мертвым почили.
Слезы Суставов ручьем потекли.
Как-то случайно от своих отделился.
Суставы за мной, за одним погнались.
Стрелы острейшие меня настигают,
Кончики их в мое тело воткнулись.
От боли зловещей,
Словно небесный огонь,
Искры из глаз полетели,
Из глаз полетели моих.
Старшой из Суставов меня настигает.
Я саблю поставил.
Громадную тушей лося
Наземь он падает.
До Семиречья не успел добежать.
Шестой из Суставов меня настигает.
Я саблю подставил –
Тушей оленя наземь он падает.
Вот уж гнездо Крылатого Духа,
Вот оно рядом –
Пятый Сустав меня настигает.
Я саблю подставил.
Тушею важенки наземь он падает.
Четыре Сустава –
Кости Начала –
Меня настигают.
Когда холм Семиречья

Пробежал, отступая,
Сустава четвертого оставил я труп.
Тех, остальных,
Другие покончили...
Сомов двух зловещих,
Что на суше лежали,
Погрузили мы в лодку.
Спины их выше бортов возвышались.
Выше на столько они возвышались,
Что бегущего парня не видно бы было.
Выше на столько они возвышались,
Что бегущую деву не видно бы было.
Невесту, нашу желанную,
Нам помогавшую,
Взяли с собой.
Лодки, богатством до бортов нагруженные,
Домой повели.
Светлых ночей ехали семь,
Столько же дней ехали светлых.
Ехали морем. Его одолели.
Вышли на речку, где старца встречали.
Старца седого, с лебедем схожего.
Вышли на речку, где старец осматривал
Землю богатую,
Ныне пристали, пристали к нему.
С берега тащат сомов здоровенных,
Тащат в подарок старцу седому.
Духов Стокрылых в борьбе Одолевший
Так извещает:
«Старец седой, белый, как лебедь,
Слушай теперь!
Я же тебе говорил, проезжая:
Без благотворного дара
Остатки амбаров твоих,
Остатки котлов твоих
Не буду я есть.
Вон, видишь Сомов?
То – подарок тебе!»
Вдоволь у старца погостили, поели.

Далее путь недалек уж остался.
Вот и тот мыс, где наши жилища.
Лодки груженные скарбом, богатством
Все разгрузили.
Лабазы-амбары, наполнив добром,
Заперли все на замки тяжеленные.
Духам моим, оберегавшим меня
От неудачи, семь оленей в жертву принес.
Святым своим верным,
Оберегавшим меня, семь чаш поставил.
Серебряных чаш,
Наполненных мясом жирнейшим.
От прутика тонкого тонкое лыко,
От дерева толстого толстое лыко
Туда положил.
Духов своих, личных святых –
Всех угостил.
Всех угостив, я в полог залез,
Что повесила та,
За которую съездили все...
За невестой, кроме радуги небесной,
За невестой всех звезд красивей.

Сказки народа ханты

ЧЕЛОВЕК РОСТОМ С МИЗИНЕЦ

Жил-был Человек ростом с мизинец. Так его и звали. Жили с ним два брата и старшая сестра. Большую часть своего времени он проводил с авкой¹. Ох и ухаживал он за ним, ох и холил!

Однажды братья позвали его в море бить зверя.

Человек ростом с мизинец запряг своего авку и еще двух хоров. Братья, не дождавшись его, вскочили в свои нарты и умчались. Когда уехали братья, он зашел домой надеть теплые кисы – легкую меховую обувь – и попить на дорогу горячего чая.

У сестры его на среднем пальце золотое кольцо было.

– Брат, – говорит она, – поменяемся кольцами. Может, когда-нибудь тебе драться придется. Кости твои еще не окрепли, мышцы еще не налились силой. Уезжавшие в море редко домой возвращались. Много опасностей тебя там ждет. Через кольца мы будем друг друга помнить.

Кольцами обменялись. Человек ростом с мизинец помчался на нарте дорогой старших братьев.

Долго ли, коротко ли ехал – к морской косе выехал. Огляделся и видит: слева женщина стоит, навесившая на уши вместо серег ягоды спелой морошки.

– Человек ростом с мизинец! – говорит она. – Здравствуй! В плохую сторону путь держишь. Кости еще не окрепли, мышцы еще силой не налились. Ездившие туда в беду попадали, многие обратно не возвращались. Что бы тебе дать?

На среднем пальце у нее переливалось золотое кольцо.

– Обменяемся кольцами, – говорит женщина и протягивает ему свое кольцо. – Когда-нибудь тебе кулаками драться придется. Долго ли, коротко ли проеъдишь, если останешься жив, не забудь меня, наведайся.

Только успела она сказать это, как тут же исчезла, только голая земля под ногами лежит.

Тронулся он дальше. Выехал на берег моря. Братья его уже на льду охотятся, тюленей добывают.

Человек ростом с мизинец дальше братьев в море поехал и стал тоже

¹ Авка – прирученный олень.

охотиться. Добыл одного тюленя. Но тут вдруг такой туман опустился, что не видать вытянутой руки.

Хотел он разделать тюленя, но подумал: «Вдруг братья уже домой собрались. К ним поеду».

Бросил тюленя на нарту и направился в ту сторону, где братья охотились. Подъехал, а там только следы нарт и остались. И тут заметил он, что льдину от берега оторвало и в открытое море гонит. Когда рассеялся туман, он едва лес на берегу разглядел через широкую полосу воды.

Человек ростом с мизинец распряг авку и говорит ему:

– Ты хотя бы весть братьям и сестре отнеси. Умру так умру. Долго ли, коротко ли здесь пробуду, вернусь, если живым останусь.

Авка прыгнул в воду и, отплыв на расстояние броска аркана, вернулся обратно. Положил голову на кромку льда и говорит:

– Вода теплом сильно отдает. Садись ко мне на спину: умрем, так пусть вместе. Вода теплая, не замерзнем.

Человек ростом с мизинец поцеловал авку и отпустил. Олень отплыл на расстояние броска аркана и опять вернулся. Голову положил на кромку льда и говорит:

– От чистого сердца прошу тебя. Садись ко мне на спину. Умрем, так пусть вместе умрем.

Опять отпустил он авку. Отплыл олень на расстояние полета стрелы и вновь вернулся. По грудь в воде плавает и говорит:

– Умрем, так пусть вместе умрем. Зачем тебе мучиться?

– Нет! – отвечает Человек ростом с мизинец. – Не доплыть нам вдвоем до берега. Между землей и водой ты обессилеешь. Лучше уж ты один плыви, отнеси домой весточку.

Авка развернулся и, рассекая грудью воду, поплыл к берегу, который виднелся тоненькой ниточкой. Вскоре олень исчез, словно растворился в воде.

Остался Человек ростом с мизинец в открытом море без еды и воды. Пришлось заколоть двух оставшихся ездовых оленей. Прошло время, кончилось мясо. Человек и добытого им тюленя съел. Начались голодные дни. Не одну ночь и не один день провел он без воды и пищи. А льдина, на которой он находился, с каждым днем становилась все меньше и меньше. Вскоре совсем маленькой стала – наверно, десяток оленей едва поместится.

Однажды в полусне слышит он, что кто-то шепчет ему в ухо: «Человек ростом с мизинец, вставай. Два корабля приближаются. Если от них отстанешь, других кораблей больше не будет».

Он, испугавшись, вскочил, огляделся – кораблей нигде не видать. «Откуда ночью быть кораблям?» – подумал он и снова улегся спать.

Вскоре опять кто-то в ухо шепчет: «Человек ростом с мизинец, вставай! Опять два корабля приближаются. Если от них отстанешь, кораблей больше не будет».

Вскочил он, огляделся по сторонам и опять ничего не заметил. «Темной ночью откуда быть кораблям?» – подумал и снова лег на нарту.

Чуть было уже не заснул, как слышит: «Если и от этих кораблей отстанешь, ни один больше не проплывет здесь».

Человек ростом с мизинец опять вскочил. На востоке уже утренняя заря разгоралась. Оттуда и выплыли два корабля.

«А что, если, – подумал он, – отойти на край льдины, разбежаться и прыгнуть на идущий корабль? Умру так умру – что больше делать?»

Так он и поступил. Собрал все свои силы, разбежался, прыгнул и пальцами еле-еле ухватился за смолистый борт второго корабля. Саженой триста, наверное, пролетел по воздуху. Поднялся на корабль, зашел в каюту. В каюте одна только женщина сидит. Она его накормила, напоила чаем. Разве жалко еды пришедшему человеку?

Долго ли коротко ли так прожили, но однажды утром смотрит Человек ростом с мизинец, — а у женщины голова вдруг стала большой и лохматой, словно на ней распушились снопы.

— Зачем на меня сердишься? — сказал Человек ростом с мизинец. — Что ты задумала? Неужели убить меня хочешь?! Сколько мы ехали, сколько мы жили, никогда такого не было.

— Ты ведь не знаешь, — отвечает женщина, — где ты находишься. Это ведь корабли морских уток — чернети. Напереди идущем корабле их царевна плывет. До нее слух дошел, будто бы я сына родила. Она к нам собирается — тебя посмотреть. Скоро здесь будет. Чернети свяжут тебя... Что мне с тобой делать?

Скоро скрипнула дверь, распахнулась. Человек ростом с мизинец случайно в распахнутую дверь направил палец с золотым кольцом. И царевна чернетей тут же упала. «Кольцо-то волшебное!» — обрадовался он и вытянул палец с кольцом в сторону впереди идущего корабля. Тот сразу же вспыхнул. Царевна чернетей присмирела и вскоре уснула крепким сном.

А женщина ему говорит:

— Если бы ты волшебства не имел — схватили бы тебя чернети и съели. Пока мы ехали, не один человек смерть свою так находил, не одного человека чернети так погубили.

Долго ли, коротко ли так ехали — кто знает. День рождавшийся рождался, день засыпавший — засыпал. Настал штиль. Нигде земли не видеть, кругом вода, покуда глаз хватает.

Однажды Человек ростом с мизинец вышел на палубу. Рядом с кораблем плыла большая коряга, словно дом огромный. Подумал тут: «Этот корабль меня в землю чертей везет. Неизвестно еще, что меня там ожидает. Край родной далеко позади остался. Что мне в их краях делать? Если прыгну на эту корягу, может, ветром меня к берегу моря прибьет. Если разбегусь, допрыгну до нее».

Человек ростом с мизинец собрал все свои силы, сжался, словно пружина, разбежался и прыгнул.

Стало носить корягу по всему морю. Откуда подует ветер, туда и несет. Вот уже с месяц прошло, наверное. За это время во рту кусочка еды не было.

Вскоре слышит сквозь сон — к берегу его прибило. Он открыл глаза и вылез. На песке, заметенном снегом, видит следы то ли человека, то ли черта. Следы размером с хуван, наверно. Неподалеку из лесу на берег ложбина спускается, в ней ручей течет. Рядом куча дров лежит.

Человек ростом с мизинец совсем обессилел, еле ногами передвигает. «Что делать ослабевшему человеку? – думает он. – Лучше уж умереть в этой куче дров. Залезу меж щелей и спокорно умру, хоть кости на месте останутся, птицы прожорливые не растащат».

Он отыскал узкую щель в дровяной куче, залез в нее и впал в забытие.

На утренней заре услышал он шум и треск: кто-то ехал за дровами. Показалась оленья упряжка и завернула к куче дров. За первой нартой подошла вторая. Приехали на нартах двое женщин.

Человек ростом с мизинец думает: «Если отстану от этих нарт, то я здесь наверняка умру. Как бы мне залезть на нарту?»

Женщины стали загружать нарты дровами. Когда дров осталось совсем мало, увидели его.

– Что лежит?!

– Куль! Черт! Людоед!

Одна женщина, крича и плача, вскочила на нарту, дернула вожжу. Другая не успела как следует завязать дрова, растерялась и, не зная, что делать, закричала:

– Черт! Черт меня вот-вот сожрет! Кой-кой! Едят меня!

Человек ростом с мизинец думает: «Если соберусь с силами, залезу на эту нарту, может, и не умру еще. Здесь останусь – наверняка погибну».

Он потихоньку подполз и вскарабкался на нарту. Женщина пуще прежнего заголосила. В беспамятстве плюхнулась на нарту, просвистела хоресом и погнала оленей. Так гнала, что упряжные чуть из кожи не вылезли. К чумам подъехала и, бросив оккел – вожжи, кинулась домой.

Из чума слышались голоса.

– Ты что так кричишь?

– Черта увидела! В нарту уселся!

– В нарте сидит? Дайте мне костяную колотушку. Я пойду посмотрю.

Вышел мужик на улицу, подошел к нарте. Схватил Человека ростом с мизинец за тесемку малицы, приподнял.

– Когда-то, – говорит мужик, – он человеком был. А теперь – один скелет, одна тень осталась. Далеко от нас живут низкорослые ханты. Из тех краев этот человек к нам попал. Заблудился он.

Мужик обернулся к дочери и сказал:

– Если он вновь станет человеком, считай, что мужа себе нашла. В твоих он руках. Ухаживай за ним.

Место ему в чуме приготовили, постелили новую циновку и белую оленью шкуру.

Что с волшебным человеком случится? Конечно, он выздоровел. Опять стал лозким и сильным. Из пяти неблюсовых шкурок сшили ему малицу, кисты с семью полосками узоров смастерили.

В один из дней тесть его в дорогу засобирался.

– Сегодня я тоже, – сказал Человек ростом с мизинец, – стадо пасти пойду. Когда-то и я оленей пас.

Приехали на пастбище.

– В этой земле, – говорит тесть, – когда пасешь стадо, понапрасну не броди. К моему изголовью не приближайся: я сильно пугаюсь во сне.

Тесть в теплой малице разлегся на нарте и захранел. Человек ростом с мизинец, забыв совет тестя, думает: «Посмотрю-ка я, что у него в изголовье имеется».

К изголовью тестя потихоньку подкрался, видит – там железная трость на лосиной шкуре лежит.

«До чего хорошая трость! Не взять ли мне ее в руки?» – думает он.

Только хотел ухватиться за трость, как тесть вздрогнул и тут же проснулся.

– Я же наказывал, – сказал тесть, – не подходить к моему изголовью. Путлив я во сне. И трость мою не бери.

Человек ростом с мизинец отпрянул в сторону и как ни в чем не бывало зашагал дальше. Стал он бродить по пастбищу и сторожить стадо. Утром они вернулись в чум.

Вечером Человек ростом с мизинец один собрался на пастбище. Тесть ему говорит:

– Земля эта опасная, понапрасну вокруг стада не броди. Утром вернись обратно. За пастбищем мыс далеко в море выдается. Не ходи туда. Там много людей погибло. Уж очень коварный этот мыс. Упадешь – нам и костей твоих не собрать.

Человек ростом с мизинец разве послушается? Когда рассвело, он обошел стадо и стал бродить вокруг, осматривая местность. И в самом деле, далеко в море выдавался мыс. Крутым и обрывистым был.

Кое-где земля вся вытоптана, кровью человеческой залита. Наверно, много раз здесь люди сражались. Но наш человек никого не увидел. Вернулся домой, поел и лег спать. На следующее утро он и говорит тестю:

– Я тоже свою землю имел, я тоже свою воду имел. Родину свою видел во сне. Она, оказывается, недалеко.

Тесть, слушая его, опустил голову. Сидел так, пока трубку не выкурил, а затем сказал:

– Человек разве останется в той земле, где нашел женщину?

Родину свою, какой бы ни была, разве забудет? До твоей земли не слишком далеко: лето и зиму на оленях надо проехать. Только твой путь нелегко. Ты, конечно, дороги не знаешь. До границ твоей земли, так и быть, тебя проводят.

Перед отъездом устроил тесть проводы. Ели-пили на славу!

Когда закончился пир, Человек ростом с мизинец вышел на улицу. Около чума стояло наготове тридцать запряженных нарт. Стали собираться в дорогу. Вещи жены едва уместились на тридцати нартах. Старший сын тестя ехал с ними проводником. Тесть сказал на прощанье:

– Зять мой, пока не скроются чумы, ты назад не оглядывайся.

Но Человек ростом с мизинец разве послушается? Еще не скрылись чумы из виду, он оглянулся назад и увидел: стадо, тянувшееся за ними, собаки разогнали. «Ладно, мне и этого хватит, чтобы безбедно прожить», – подумал он.

Впереди едет старший сын тестя, дорогу показывает. Провожая, тесть наказывал быть осторожными, попусту не останавливаться, переночевав, сразу дальше ехать. «Места опасные, – предостерегал он. – Убить могут».

Так они и едут. Переночуют – и снова в путь. Кончилось летом, и, когда наступила зима, проводник их говорит:

– Дом мой далеко позади остался. Может, дома беда какая-нибудь приключилась, пока я здесь. До границ твоей земли доехали. Дальше сами езжайте. В разных чумах не останавливайтесь. Места опасные. Убить вас могут, если надолго задержитесь.

Человек ростом с мизинец дальше поехал один со своей женой.

Миновала зима. Настала середина лета. Однажды показались чумы. Остановились у одного, вокруг которого стояло с десяток распряженных нарт. В чуме пир шел. Все были пьяны. Люди из чума высыпали на улицу. В гости зовут. Помогли упряжку распрячь. А их стадо смешалось с оленями стойбища.

Оказалось, что эти люди – слуги царя-батюшки, стада царевы пасут. А сегодня они день рождения царя праздновали. Посадили они гостей за стол и стали угощать. Жена нашему человеку на ухо шепчет:

– Сильно много не пей. Кто знает, что у этих людей на уме?

Но разве можно за здоровье царя-батюшки не пить?

Минула неделя, вторая. На третьей неделе Человек ростом с мизинец потерял сознание. Не помнит, то ли сверху, то ли снизу небо проплыло.

Когда он очнулся, почувствовал страшный холод. «Почему я так мерз-

ну?» – подумал он. Захотел сесть, да не смог. Живот будто огнем обожгло. Поднес руку, пощупал. Живот, оказалось, кто-то вспорол и все внутренности на землю выбросил. Человек ростом с мизинец, преодолевая боль, их обратно сложил. Послунявил пальцы и провел ими по животу. Раны как не бывало. Даже следа не осталось. Огляделся вокруг. Оказывается, его в костер бросали, весь он золой вымазан. Смотрит – ни чумов, ни людей не видать. Один в зимнем лесу. Одежда на нем почти вся сторела, остались только изодранные штаны.

Встал на ноги. Куда ни пойдет – везде пустота, нигде ни души. Куда идти? И он пошел куда глаза глядят, куда ноги несут. Долго ли, коротко ли так шел – и вот вышел на огромное высохшее болото. Видит: посредине болота бежит резвый олень. Пригляделся получше – узнал своего авку. Окликнул его. Авка, узнав хозяина, подбежал. Человек ростом с мизинец смотрит – ошейник весь поистерся, выцвел. На шее обрывки веревок болтаются. Авка положил голову на плечо хозяина и говорит:

– Пеший скоро ли доберешься до родного порога? Садись ко мне на спину.

Человек ростом с мизинец сел авке на спину. Долго ли, коротко ли ехал – дом родной оказался. Братья и сестра на прежнем месте живут. Он постучался в дверь и попросил, чтобы ему подали одежду. Одевшись, зашел в дом. Потом рассказал им о своих приключениях.

Дома и стены, и воздух помогают. Скоро Человек ростом с мизинец совсем здоровым стал, крепким, как прежде. Поправившись, взял с собой лук и полный колчан стрел, уселся на своего авку и отправился врагов искать, которые чуть его не убили. Выследил их в густом лесу, на опушке среди семи холмов. Темной ночью всех перебил. Возвратился домой.

В это время до царя весть дошла: мол, есть Человек ростом с мизинец, никто его одолеть не может – он слуг царя перебил, чуть царевну чернотей не умертвил.

И шлет царь наказ Человеку ростом с мизинец прибыть к нему.

Куда деваться, коль царь велит? Явился к нему.

– Царь-батюшка, зачем меня звал?

– Как зачем? – говорит царь. – Тайна одна неразгаданная есть. Кого ни просил, никто мою просьбу не выполнил. Если ты и в самом деле волшебник – раскрой мне эту тайну.

– Что за тайна?

– Тайна такая. Посредине моря остров вращается. Если тот остров мне не доставишь – не сносить тебе головы.

Что поделать: коль царь послал, надо идти. Отправился за город. Уви-

дел тропинку и пошел по ней. Вышел на песчаную косу моря. Осмотрелся и видит: слева стоит седобородый старик.

– Человек ростом с мизинец, внучек мой! – говорит он. – Куда идешь? Каким зверем, какой рыбой тебя занесло сюда?

– Да вот, дедушка, шел-шел и пришел сюда.

– К плохому месту путь держишь. Многие сюда приходили, но никто еще вращающийся остров взять не смог. Простым людям остров разве под силу? Только из жалости к тебе раскрою секрет. Тропинка тебя к берегу моря выведет. Покажется вращающийся остров. Он так крутится, что глазам не видно. Вращаясь, остров к берегу подойдет. Когда он окажется напротив тебя, быстрее шагай к нему – он в это время остановится ненадолго. А ты не зевай, хоть топором, хоть ножом отколи от острова кусочек. Этот кусочек в зале у царя на пол брось, и он превратится в остров, а пол до колен водой зальет. Вот и вся тайна.

Только сказал старик это, как тут же исчез, словно никогда и не было. Человек ростом с мизинец зашагал дальше. Пришел на берег моря. Действительно, посредине моря остров вращается. Да так, что сразу и не заметишь. Вот остров приблизился к берегу, остановился. Человек ростом с мизинец по воде побежал и стал острым ножом кусок откалывать. Так и сяк пытается, но ничего не выходит. Рубаха и брюки от пота к телу прилипли, пока отколол все-таки. Положил человек осколок в карман, и остров вновь завращался. И сейчас, наверное, вращается. А Человек ростом с мизинец прежней дорогой отправился к царю-батюшке.

Царь к его приходу собрал столько людей, сколько могло влезть в залу его дворца.

– Ну что? Принес ли мне остров?

– Принес.

– Раз принес – покажи народу. Пусть люди посмотрят.

Человек ростом с мизинец вышел на середину зала и бросил осколок на пол. Пока он возвращался на место, пол водой залило до самых колен. Осколок превратился в остров и завертелся. А народ смотрит на это чудо и глаз оторвать не может. Наконец царь сказал:

– Хватит! Останови остров. Надоело смотреть.

Человек ростом с мизинец шагнул на середину зала, взял вращающийся островок, опять превратившийся в осколок, и засунул в карман. Нет острова, нет воды.

– Ну как? – обратился он к царю. – Еще какую тайну имеешь?

– Какую еще тайну имею... – задумался царь. – А вот какую...

В какой-то земле, говорят, трехплечистый железный лук есть. Если

этот железный лук не принесешь, то шею твою на бревно, как соломинку, перерубят. Если ты волшебник – доставь мне этот лук.

Слово царское разве преступишь? Опять Человек ростом с мизинец тронулся в путь. Пошел по прежней тропинке. Видит – стоит старик с бородой, поседевший, как ягель. Спрашивает его старик:

– Человек ростом с мизинец! Какой рыбой, какой птицей занесло тебя в эти края? Кости твои еще не окрепли, мышцы еще силой не налились. К плохому месту путь держишь. Сколько сюда людей не ходило, лук железный никому еще не удавалось достать.

– Меня царь послал. Если не принесу ему этот лук, голову мне отрубят.

– Что поделать? Из жалости к тебе раскрою секрет. Слушай. Пойдешь по этой тропе дальше. Когда коса позади останется, увидишь обвалившуюся кручу. Там, наверху, железный лук стоит, тремя плечами в землю вошел. От какого-нибудь плеча отломи кусочек. Вот и весь секрет.

Только старик сказал это, как тут же исчез, будто и не было.

Человек ростом с мизинец дальше пошел. Подошел к обвалившейся круче. Увидел наверху трехплечистый железный лук. Вот он стал рвать то одно, то другое плечо, но лук никак не поддается. По лицу пот ручьями бежит, от рубахи пар валит. Наконец отломил кусочек. Засунул его в карман и поспешил обратно.

А царь больше прежнего людей созвал. Камешку негде упасть.

– Ну как? Принес или не принес? – спросил царь.

– Принес.

– Покажи тогда. Пусть народ полюбуется.

Человек ростом с мизинец вышел на середину зала, вытащил из кармана кусок лука и бросил на пол. Сразу же на полу вода появилась, поднялась до колен. Потом вода будто вскипела, взбурлила. Это там нельма и осетры заплескались. Смотрит народ на это чудо, насмотреться не может. Вот царь, не выдержав, говорит:

– Просто смотреть – какой толк?! Свежую рыбу надо поймать.

Царь зашагал по воде, поймал с трудом нельму. Человек ростом с мизинец ту рыбу взял и сказал людям:

– Он тощую, еле живую рыбу поймал.

Стыдно стало царю. Разозлился он и говорит Человеку ростом с мизинец:

– Завтра с тридцатью солдатами на корабле отправишься в путь. В сторону востока. Сколько кораблей ни посылал, ни один обратно не возвращался. В той стороне, говорят, растет железная береза, охраняющая

живую воду. Если эту железную березу мне не доставишь, не посадишь под моим окном, берегись тогда. Твою шею на бревне, как соломинку, рассекут.

Опять пришлось собираться в дорогу.

Наступил новый день. Корабль уже стоял наготове, покачиваясь на волнах. Тридцать солдат на палубе дожидаются. Человек ростом с мизинец пришел на корабль, и они отправились в путь.

Долго ли, коротко ли плыли – семь морей осталось позади. И вот показалось огромное черное море. Вода в море плескалась и кипела. Посредине моря – страшный водоворот. Огромные льдины, наскакивая, так и затягивают под воду. У водоворота корабль остановило, завертело на месте. Человек ростом с мизинец приказал стать на якорь. Корабль сразу перестало кружить. Человек ростом с мизинец тогда зашел в каюту, положил ладони на голову и крепко заснул.

А льдины на море все тянуло и тянуло под воду.

Человек ростом с мизинец, проспав три дня, проснулся и стал одеваться. Надел на себя специально приготовленную одежду, вышел из каюты и сказал:

– Долго ли, коротко ли прохожу – не знаю. Ждите меня здесь.

Без меня никуда не уезжайте.

Затем он по якорному канату спустился под воду. Дошел до дна. Огляделся. Неподалеку увидел город, построенный из льда. Город большой, конца и края не видно. Посредине города – трехэтажный ледяной дворец. «Наверное, там хозяйка подземного царства живет», – решил он и направился ко дворцу.

– Человек ростом с мизинец! – сказала хозяйка. – Как добрался сюда? По воде или по земле?

– Меня царь послал. Вот я и явился.

Царевна спустилась вниз, провела его во дворец. Сколько дверей прошел – не сосчитать. Невнимательный человек обратную дорогу и не найдет. Царевна накормила, напоила его.

– Скоро ли водоворот в море прекратишь? – спрашивает наш человек царевну.

– То не от меня зависит, – отвечает она. – Я еще три лета и три зимы буду затягивать льды под воду. Отца моего надо спросить. Только он может водоворот остановить. Мои мальчики тебя проводят. Когда приедешь к отцу, не забудь их погладить по голове и поцеловать, а затем отпусти...

Вот Человек ростом с мизинец уселся на ледяную нарту. Мальчики

прошли сквозь стену дворца и помчали его. Человек слышит только, как вода за ушами журчит да свистит ветер. Так быстро он едет. Приехали вскоре. В дом вошли. Там старик сидит в горностаевой шубе.

– Внучата мои, – сказал он, – что за весть доставили?

– Человека к тебе привезли. Какую новость имеет, какой разговор, он сам расскажет.

– Человек ростом с мизинец, – обратился к нему старик, – здравствуй! Какое горячее дело тебя сюда привело? И на чем добрался ты в эту землю?

Человек ростом с мизинец погладил по голове мальчиков, поцеловал их и отпустил. Затем сказал старику:

– Где-то в этих землях железная береза растет. За ней царь отправил меня. А корабль мой в море водоворот задержал. Скоро ли водоворот остановишь?

– Да-а. Кости у тебя еще не окрепли, мышцы еще не налились силой. Из жалости к тебе, наверное, прекращу водоворот. На три дня. Успеешь за три дня обернуться – значит, вернешься. Не успеешь – значит, погибнешь.

Старик приподнял одну полу шубы – из священного угла вылетели стаи птиц. Приподнял другую полу – выплыли косяки рыб. Запахнул шубу – и птицы, и рыбы исчезли.

– Нелегкое дело тебе предстоит. У меня, может, эту березу и сумеешь выкрасть. Только одолеешь ли зверей лютых? Железную березу семь свирепых обезьян с семи сторон охраняют. У каждой – острая сабля. Идущий с неба – не ускользнет от них. Идущий по земле – не ускользнет от них. Идущий с воды – не ускользнет от них. Может, у семи свирепых обезьян березу ту чудом утащишь. Но кроме них дерево морское чудовище сторожит. Спина у него в острых зубцах – и дерево, и железо надвое разрезают. Как ускользнуть от этого чудовища – сам не знаю. Вот сколько опасностей тебя поджидает...

И тут же со стороны священного угла прежние мальчишки появились. Старик сказал на прощанье:

– Ты мою дочь, царевну морскую, когда уходить будешь, поцелуй. Она волшебство имеет. Трудно тебе придется, вспомни о ней, она поможет тебе.

Человек ростом с мизинец поблагодарил старика. Сел на ледяную нарту. И опять, как прежде, за ушами только вода журчит и свистит ветер. Прибыл он вскоре к царевне. Встал с нарти и поцеловал ее.

– Если вспомню тебя, – сказал он, – пусть твоя помощь рядом со мной окажется.

Погостив у царевны, Человек ростом с мизинец в путь тронулся. Всплыл и поднялся на свой корабль. На море водоворот исчез уже и дул свежий попутный ветер.

Корабль поплыл дальше. Долго ли плыли, коротко ли – и вот показалась береза. Вокруг березы сидят семь обезьян и стерегут ее. Каждая в руках острую саблю держит.

«Если моя сказка дальше пойдет, – подумал Человек ростом с мизинец, – пусть они как сидят, так и уснут».

Корабль пристал к берегу. Тридцать солдат построили мост. Человек ростом с мизинец на берег вышел. Обезьяны как сидели, так и уснули.

– Принесите скорее пилы, – сказал он солдатам. – Спилите железную березу.

Солдаты взялись за работу. Семь пил пришлось заменить, семь раз пришлось их подтачивать. Наконец спилили березу.

– Солдаты! – сказал Человек ростом с мизинец. – На корабль тащите эту березу, поставьте ее вместо паруса.

Тридцать солдат так и сяк пытаются поднять березу, но не могут.

– Ий-я, эй-я! – усмехнулся Человек ростом с мизинец. – Хлеба, наверное, мало ели. Время идет! Поторопитесь-ка!

Опять натужились солдаты, семь потов их прошибло, но никак не могут поднять железную березу.

Тогда Человек ростом с мизинец подошел к березе, приподнял и закинул ее на плечо, понес на корабль и установил на корабле вместо паруса.

Подняли паруса, и корабль поплыл назад. А семь обезьян так и остались спать крепким сном.

На море не было водоворота, и опять дул попутный свежий ветер. Оставались позади моря, вокруг корабля хохотали и пенились волны. Однажды посредине моря вдруг разверзлась вода. Выплыло огромное морское чудовище и погналось за кораблем. Спина его вся была покрыта стальными зубьями. Чудовище, словно аркан, тянулось к кораблю, вот-вот проглотит.

Человек ростом с мизинец вышел на палубу и уставился на морское чудовище. «Хотя и съешь ты меня, – подумал он, – разве насытишься? Так, пожирая людей, ты ведь беззубым станешь. Если не хочешь этого – поверни обратно».

Прошло немного времени, и чудовище, словно подслушав его мысли, повернуло назад.

А корабль, поднимая серебристые брызги, вспенивая воду, спешил

домой. Вблизи царской столицы, огибая мыс, наскочил корабль на подводный камень и раскололся надвое. Все тридцать солдат утонули. Только Человек ростом с мизинец в живых остался.

Человек ростом с мизинец взял железную березу, сошел с ней на берег и посадил на высоком голом мысу. Затем явился к царю.

– Ну как? Привез или нет железную березу? – спросил царь.

– Привезти-то привез. Только несчастье случилось. Корабль потерпел крушение. Все тридцать солдат утонули.

– А береза где? Где береза?

– Береза вон, из окна виднеется. На мысу стоит.

– Хорошо. Не беда, что тридцать солдат утонули. Главное – береза доставлена. Только почему там посадил? Я же говорил тебе: посадить березу под моим окном. Иди и посади ее здесь!

Человек ростом с мизинец отправился к мысу, вырвал березу, принес и посадил под царским окошком.

– Ну как, царь-батюшка, – говорит Человек ростом с мизинец, – еще какую тайну имеешь?

– Тайну какую... Сейчас принесут бочку, положат тебя внутрь, заколотят крепко, просверлят в ней дыры и сбросят тебя в море. Попробуй-ка вернуться обратно?!

Как сказал царь, так и сделали. Выбросили Человека ростом с мизинец в бурное море. Закачавшись на волнах, он сразу же вспомнил о своем волшебном кольце. Направил кольцо на дырочки в бочке, и их вмиг затянуло.

Долго ли, коротко ли носило его по морю – вот слышит он: прибило его к берегу. Человек ростом с мизинец напрягся, стукнул кулаками по бочке, и та рассыпалась. Он вышел на берег и увидел вдалеке столицу царя, окутанную синей дымкой.

И опять Человек ростом с мизинец явился к царю:

– Ну как, царь-батюшка, еще какая тайна есть у тебя?

Царь долго смотрел на него, будто глазам своим не верил. Потом сказал:

– Есть у меня еще одна неразгаданная тайна. Береза, что ты принес, чудо имеет: день наступит – корнями растет, ночь наступит – корнями растет. Да и распускается корнями в землю.

Человек ростом с мизинец снял с себя выдровую шапку-ушанку и рассмеялся:

– Если мудрости и ума, царь-батюшка, не имеешь, то пусть тебя в бочку посадят и сбросят в море. И попробуй вернуться обратно!

Сказал царь:

– Не делай этого. Коль денег надо – дам тебе денег, коль оленей хочешь – бери, сколько надобно.

– Не надо мне ни денег, ни оленей.

– Что же тебе надо?

– Ничего мне не надо, царь-батюшка, кроме свободы! Отпусти меня.

– Дам я тебе свободу в обмен на твою мудрость.

– Это не моя мудрость, царь-батюшка. Это мудрость народа. Вот у него и проси.

Вернулся Человек ростом с мизинец в свои родные края, к братьям своим и сестре. Говорят, женился он на красавице с сережками из ярко-спелой морошки. Я думаю, и сейчас еще они живут-поживают.

МЛАДШИЙ СЫН ЦАРЯ

1

Давным-давно в далекой неведомой земле жил и правил один царь. Много веков прошло с тех пор. За это время немало рождалось и умирали людей, немало появлялось на свет и погибало лесных зверей и обитателей подводных жилищ.

Большими богатствами владел царь и имел могучее войско. Когда собирал свою рать, то воинов стояло больше, чем в лесу деревьев и звезд на небе.

Состарился царь, от полученной раны во время походов захромал на одну ногу и стал плохо слышать одним ухом. Подобно голове лесного орла, поседел, подобно засохшим к осени стеблям соломы, ослабели его ноги.

Было у царя три сына. Старшего звали Опунем, среднего – Калосем, самый младший звался Таветом. Сыновья его с детства имели страсть к охоте. Ладони их правых рук словно приросли к лиственничным лукам, а пальцы левой руки не отнимались от тугой тетивы.

Однажды братья на охоте ранили семигодовалого лося-рогача и стали преследовать его. Коротким оказался для них осенний день. Переночевав в лесу, утром вновь поскакали на своих резвых конях по следу.

И вот вышли на широкую поляну и видят: растерзанный лось лежит на земле, а рядом с ним устроили трапезу медведица с двумя медвежатами.

Старшие братья Тавета тут же схватились за упругие луки, приложили к тетивам острые стрелы и стали прицеливаться в медведицу.

– Стойте, братовья! – крикнул тут неожиданно Тавет, соскочив с лошади и встав перед ними. – Что вы делаете?! Что же станет с медвежатами? Зазря помрут в лесу несмышленные малыши!..

Видя, что братья не обращают внимания на его уговоры, он громко вскрикнул:

– О, Священная медведица! О, сот хоятпи ляль! Убегайте скорей-скорей со своими малышами. Вы на волоске от смерти!.. – И, обернув-

шись к братьям и подставив грудь, добавил: – Бессердечные!.. Вы лучше меня убейте...

Медведица, услышав человеческий крик, недовольно рывкнула и шмыгнула с детенышами в густой кедровник.

Старшие братья, огорченные неслыханной дерзкой выходкой Тавета, плюнули на землю и, презрительно взглянув на него, враз заговорили:

– Безмозглый! Никогда больше не возьмем на охоту. Не только ноги, дыхания твоего и мыслей не будет с нами.

Братья от злости стегнули плетью своих резвых коней и помчались домой.

Тавет уселся на замшелый пенек рядом с каурой лошадью и задумался.

Долго ли, коротко ли сидел, как вдруг услышал: неподалеку что-то затрещало. Оглянулся и видит: из-за высокой лохматой ели вышла старая медведица, встала на задние лапы, вырвала у себя один клык и положила его на ствол поваленной лиственницы. После этого она опять встала на дыбы и, на прощанье помахав лапами, пустилась в дремучий лес.

«Что это означает?» – подумал Тавет и, подобно тонущей в глубокой реке сети, погрузился в свои мысли.

Но природа семь таинств и семь непредвиденных мудростей имеет... Произошло неожиданное. Лес словно расступился, и по мягкой ковровой дорожке из оленьих шкур подошла к нему стройная лесная фея Мошнэ. Она была в шубе из горностаевого меха, в шапке-совике из соболя, на ногах переливались красотой узорчатые кисы в семь полос. Фея остановилась шагах в семи от него, прислонилась к белокорой стройной березе и звонким голосом сказала:

– Ты настоящий юноша. Я слышала твои добрые слова. В знак благодарности медведица отдала тебе один клык. Если будет когда-нибудь тяжело в твоей жизни, вспомни о нем. И нужные мысли быстрокрылым коршуном прилетят в твою голову. Знай: клык волшебный!..

В это время раздался недалеко грозный рев медведицы, Тавет вскочил и оглянулся. Мошнэ как не бывало. Только солнце своими теплыми лучами арканило верхушки деревьев и все быстрее разгоняло свою золотую нарту.

Тавет не спеша направился к поваленной лиственнице. Взял клык медведицы и, внимательно разглядывая, повертел в руках. Затем вытащил из чехла сёхар (нож с узким лезвием), просверлил на кончике клыка дыру и надежно привязал его кожаной тесемкой к широкому ремню. Постояв недолго, Тавет задумчиво направился к лошади, ловко вскочил на ее широкую спину и поскакал домой.

С этого времени он, пускаясь то ли в короткую, то ли в дальнюю дорогу, не расставался с привязанным к ремню волшебным клыком медведицы.

Однажды, когда солнце, звонко подтачивая своими лучами-оселками день, поднялось на высоту с пастушеский хорей над дальним синеющим лесом, хромоногий и одноухий царь созвал к себе своих сыновей.

Сидя на постели из росомашьих шкур, отогнув одно ушко своей выдровой шапки, царь острым взглядом уставился на сыновей и издали повел разговор, словно спускался с вершины огромного сора, огибая один выдававшийся мыс за другим.

– Долгую жизнь я прожил, – начал он разговор с сыновьями. – Много земель к своим владениям присоединил. Огромным стало мое царство. В одном краю снег глубокий лежит, а в другом – дожди льют. Здесь пурга зубоскалит, а там вода в реках и озерах лоснится жиром. Изучил я свои обширные владения. Не знаю лишь мест, что к северу лежат от моего царства. Сколько ни снаряжал кораблей, ни один не возвращался, никто вестей не приносил. Может, уезжавшие со счастьем там обрuchались, а может, смерть находили. Возможно, солнце и месяц только и видели их оборвавшийся след. Напоследок вас хочу отправить в эту сторону. Речь мою слышит священный огонь. Его глазами клянусь. Кто возвратится с вестями из этих краев таинственных, царство свое ему отдам.

Старшие сыновья, услышав такое от отца, заволновались, словно пишились разума, и глаза у них вспыхнули огнем. Сыновья проворными белками подпрыгнули к отцу и враз заговорили:

– О, наш умный отец и всесильный царь! Наши острые стрелы и плечистые луки давно покрылись пылью, а в ножнах ржавеют лезвия сабель. Высокохотимый царь, мы оба готовы ехать хоть сейчас...

Сыновья поправили на поясе ремни, пощупали рукояти ножей из бивня мамонта, опустили вниз свои головы, словно лесные орлы перед взлетом, затем резко взметнули вверх свои курчавые копны волос.

Царь, держа в руках золотую трубку и накладывая в нее табак из кисета, сказал:

– Хорошо. Пусть едет вначале старший брат Опунь. А мы пожелаем ему удачной дороги и будем ждать от него добрых вестей.

Старший брат Опунь тут же побежал на свой корабль и стал в спешке давать распоряжения команде, чтобы подготовить судно к скорому отплытию.

Уже на второй день двухмачтовый корабль Опуня вместе с отборными тридцатью воинами поднял свои паруса и отправился в путь.

Царь стал дожидаться возвращения сына. Пять раз рождался на небе месяц, выводки утят уже поднялись на крыло и улетели в теплые края, а от Опуня не было вестей. словно иссякшее дыхание догоревшего костра, навечно потерялся он.

Недолго думая, царь шлет в дорогу среднего сына. Тот также в спешке собрался и с семьюдесятью отборными воинами отправился на своем корабле в путь.

Долго ли, коротко ли ждал царь – нет вестей и от среднего сына. За это время вода рождалась и умирала, река покрывалась льдом и очищалась от него. Средний сын Калой, словно ветер утихший, исчез, словно лед растаявший – растворился.

4

И вот однажды утром, когда солнце начало своей широкой ладонью гладить еще сонную грудь земли, одноухий и хромоногий царь позвал к себе младшего сына. Состарился царь за время ожидания своих сыновей. Голова его стала ягелю подобной, а на лбу, словно связки арканов, лежали извилистые морщины.

Царь, прихрамывая на одну ногу, ходил по мягким коврам из оленьей шкуры, а затем, уставившись на сына, сказал:

– Три недели мысли бурлят в моей голове, три недели покоя не знаю. И сам я высох, как почерневшая чага на стволе березы. Нет вестей от среднего сына. Может, счастье нашел в дороге, может, след его давно затерялся. За это время, пока жду, даже мышь добежала бы обратно. Силы покидают меня. Ноги и руки высохли, как осенний стебель травы. Да и тревога о будущем моего царства покоя не дает. Но только я не привык останавливаться на полпути. Начатое дело надо завершить, как тынзян собрать в руки. Только тогда мрачные мысли уберут в голове моей свои перегородки и покинут меня. Потому, сынок, собирайся в дорогу и ступай вслед за братьями. Может, счастье найдешь, может, смерть найдешь. Но только знаю: нелегко будет тебе.

Сказав это, стал набивать табаком свою золотую трубку и, повернув здоровое ухо к сыну, стал дожидаться ответа.

Тавет потер друг о друга свои замшевые разукрашенные чувячки, бросил взгляд на летнее солнце, поправил лук за плечами и медленно заговорил:

– Разве смогу я переступить через слово отца, высокочтимого царя. Только нужно мне три дня на размышление. После этого приду и скажу, что мне потребуется в дорогу.

– Быть по-твоему, – ответил царь.

Три дня и три ночи думал Тавет, а в последний вечер, ложась спать, вспомнил о волшебном клыке медведицы. Он тут же положил его себе под подушку, сказав при этом:

– Плохо ли, хорошо ли посплю, но навей мне добрые мысли.

Утром Тавет явился к отцу и говорит:

– Я многое обдумал, отец. Нелегкой мне представляется дорога. Мне потребуется на дорогу тридцать бочонков вина, тридцать бочонков пороха, много бревен и досок, сто отборных воинов. Я сам их отберу. Чтобы каждый знал и плотничье, и столярное дело.

Выслушав просьбу младшего сына, царь тут же дал приказ своим слугам немедленно все исполнить.

И вот младший сын царя стал готовиться в дорогу. Все, что просил он, было отпущено ему. Младший сын царя лично отобрал сто воинов. Все сильные и крепкие, как плечистые кедры. Каждый воин может и плотничать, и столярничать, знает толк и в кузнечном деле.

Через неделю приготовления были закончены. Настал час, и отборные воины по команде погрузились на корабль.

Царь поцеловал младшего сына, обнял и благословил в дорогу. С двухмачтового корабля по случаю отплытия трижды прогрехотали залпы пушек, и ветром надутые паруса легко понесли судно по пенящимся волнам. Забурлила вода, и побежали волны от корабля, словно разбегались в разные стороны стаи белых песцов.

5

Долго ли, коротко ли плыли, а через семь недель пути в дали моря над самой поверхностью воды показалось огненное пламя. В каюту царевича вбежали три воина.

– Беда, царевич! – закричали враз они. – Море горит впереди. Надо немедленно повернуть обратно...

Царевич натянул на себя богатую малицу и вышел на палубу. Козырьком приложил ладонь ко лбу. Посмотрел в сторону появившегося на море огня и сказал:

– Это не море горит. Это глаза морского чудовища из-под воды сверкают...

Действительно, из глубины моря вырывались огненные струи и пере-скакивали по волнам.

– Верно, – вздохнули воины, от страха сгрудившиеся на палубе.

А чудовище так и водило под водой своими глазами в разные стороны. Вода мощными струями порожистых рек стекала в пасть морского чудовища, а плывущие плоты и лодки исчезали в этой пучине.

– Нет у нас назад дороги, – заговорил царевич, обращаясь к своим воинам. – Заходите в свои каюты, запирайте двери и ждите моего голоса.

Корабль, словно щепку, болтая в разные стороны, неудержимо втягивало в огромную пасть морского чудовища. И когда судно, увлекаемое водоворотом, проходило по горлу чудовища, слышно было, как оно коснулось своими мачтами чего-то твердого, и донесся глухой треск.

И двухмачтовый корабль очутился в огромном темном желудке морского чудовища. Не стало ни солнца, ни луны, ни звезд на небе. Только доносился какой-то протяжный и еле слышимый стон.

Когда по команде царевича воины зажгли лучины, то в тусклом свете увидели вокруг себя обломки кораблей, лодок и человеческие кости. А совсем неподалеку Тавет приметил разузоренные, еще не истлевшие кисты своих старших братьев. Тревогой наполнилось сердце Тавета, и дрожь охватила его.

«Повремени, страх! – сказал царевич, успокаивая себя. – Кто сказал, что конец пути, когда жив еще повелитель Семи Небес?»

В это время к нему подскочили три человека, настолько исхудавшие, что остались только кости и кожа. Окружили они царевича и были готовы вот-вот сожрать его.

Преодолев страх, царевич сказал:

– Погодите! Не ешьте меня. Сколько вам надо пищи, я с избытком дам. – И крикнул громко: – Эй, повара! Принесите самой лучшей еды, принесите в самой лучшей посуде.

Не успел бы никто и закурить, как повара вынесли на тарелках и блюдах разную еду: куски жирных нельм, икру осетра, вкусных рябчиков и сладкую княженику.

Голодные пришельцы принялись за еду, а накушавшись, улеглись отдыхать в просмоленной лодке.

Пусть они спят. Наше дело – сказку дальше вести.

Царевич стал внимательно смотреть вокруг. Желудок морского чудовища напоминал огромную пещеру. Ни глазом обозреть, ни мыслями понять.

Долго ли, коротко ли смотрел он по сторонам, но вдруг почувствовал, как гнилой тяжелый туман стал врываться в ноздри. Тавет встревожился и сказал воинам:

– С тех пор, как очутились здесь, выкурили не одну трубку, не один

шаг сделали. Только не родилась у нас еще ни одна умная мысль. Коль останемся здесь, погибнем все без еды и воды. А еще раньше, пожалуй, задохнемся от вони. Надо выбраться отсюда. Просверлить желудок – не найдем такого сверла. Прорубить желудок – не имеем такого топора. Пропилить желудок – тоже не сможем. Надо что-то другое придумать.

Долго стоял царевич, задумавшись. В голове своей словно метал тынзяны, чтобы поймать нужную мысль. И тут он вспомнил о волшебном клыке медведицы. Подержал его в руке и сразу же почувствовал, как свежие силы и мудрые мысли вливаются в него.

Тавет резко обернулся к воинам и командовал:

– Зарядите пушку. Насыпьте в ствол семь бочонков пороха. Затем все зайдите в каюты. Заткните уши утлапом (вата из тала), крепко закройте двери и ожидайте мой голос.

Воины вмиг исполнили приказ царевича. Оставшись один, Тавет тоже заткнул уши утлапом, а поверх ушей натянул оленью замшу и приклеил к коже осетровым клеем. И стало тихо-тихо, как под язычком настороженного капкана. Затем царевич крепко привязал себя за мачту, зажег фитиль и поднес к пушке. И в тот же миг словно земля раскололась надвое, а небо обрушилось с грохотом вниз. Все, кто мог слышать, все, кто мог видеть, тут же оглохли и потеряли сознание.

Долго ли, коротко ли шло время – неизвестно. Первым пришел в себя царевич. Чуть-чуть раскрыв свои веки, Тавет почувствовал, как жжет глаза огнем, словно тычутся в них раскаленные стрелы, разомкнув веки пошире, царевич огляделся. На небе ярко сияло солнце, за бортом слышался плеск волн. Приподнялся и видит: корабль вовсю мчит по безбрежному морю.

Тавет стал окликать своих воинов, стучаться в двери и будить их. Вскоре дружина собралась на палубе, и они дальше стали держать свой путь.

Трижды радуга вставала на небе, трижды полоса дождей прошла, когда вдали, будто спина корявого осетра, появилась полоска земли. Царевич приказал держать курс к берегу. Когда приблизились к берегу на расстояние разговора, сбросили тяжелый четырехлапый якорь.

С тридцатью воинами на трех лодках поплыла дружина царевича к берегу. Доплыли до галечного берега и видят: в густой лиственный и хвойный лес ведет истоптанная дорога шириною с пастушеский хорей. От долгой ходьбы дорога врезалась в землю почти в человеческий рост. На песчаном берегу, возле большого камня, четко отпечатались огромные следы какого-то неизвестного чудовища. Шаг рослого воина свободно помещался в этой ступне.

Воины окружили царевича и в страхе озирались по сторонам. Тавет осмотрел кем-то вывороченные и разбросанные в разные стороны столетние толстые лиственницы, скомандовал:

– Вмиг все в лодки! Доставьте тридцать бочонков вина. Торопитесь! Чтобы взмах одной гребли был там, а другой – здесь!

Воины быстро уселись в лодки и дружно налегли на гребни. Исполнили все, что приказывал царевич. Выгрузив тридцать бочонков вина на берег, царевич приказал взять с собой семь из них и неотступно следовать за ним.

Каждый воин, держа наготове лук и стрелы, так бесшумно ступал, что только лучи солнца звенели в туго натянутых тетивах из лосиных жил. Миновали три холма-увала, и открылась перед ними широкая поляна. Грудами лежали кругом обглоданные человеческие кости, а на цветах и траве алела разбрызганная человеческая кровь. У кромки леса стоял крепкий дом, высотой выше плечистого кедра. Дом не имел окон, только поскрипывала полураскрытая дверь шириной в три человеческих маха. Неподалеку от дома меж двух толстых бревен лежала длинная тяжелая дубина весом не менее семи пудов.

Лица воинов вмиг побледнели, а их пальцы приложились к тетивам луков. Они уставились на царевича и готовы были сорваться с места и без оглядки бежать к спасительному берегу.

Но в это время в глубине дремучего леса раздался глухой свист, земля затряслась, а большие и малые деревья закачались в разные стороны. То ли черт, то ли страшный великан приближался к дому.

Воины по команде царевича ввалились в дом. Вслед за ними переступил высокий порог страшный Мек (лесной людоед). Из его правого ободранного кармана штанов, сшитых из лосиных шкур, торчало лосиное бедро, с которого все еще стекала кровь. Мек был толстый, как раскидистый кедр, и рослый, как высокая лиственница.

– Ха-ха-ха! – захохотал во всю глотку Мек. – Сколько еды свалилось. Сколько горячей крови!.. – Великан залился смехом и заговорил:

– Я чудовища морского
Самый крепкий, первый сын,
И в краях далеких этих
Всемогущий я один.

Могучий Мек схватил за шиворот трех воинов, поднес их ко рту, и они тут же исчезли в его ненасытной пасти. Слышен был только хруст костей во рту.

Воины царевича, словно мыши, испугавшиеся кота, попрятались за

его спиной. У царевича тоже задрожали колени, но, вспомнив о волшебном клыке медведицы, он тут же схватился за него рукой и сделал три шага вперед. Мек неожиданно притих. А Тавет заговорил:

*– О, могучий великан,
Знаю: все тебе подвластно,
И леса, и океан,
Даже солнце в небе ясном.
Мы-то что – сухие сиружки...
Только я тебе привез
Угощения получше:
Вот они, взгляни под нос...*

Удивленный Мек взглянул под ноги и увидел семь тридцатилитровых бочонков с вином. Он тут же схватил один из них, легким щелчком среднего пальца выбил дно и поднес ко рту. «Буль-буль-буль» – только и слышался плеск льющейся огненной жидкости.

– Кой-кой! – обрадовался Мек. – До чего вкусна водица. И внутри тепло, и в голове весело. – Вслед за этим великан залпом выпил и опорожнил остальные шесть бочонков.

Людоед облизнулся, помотал лохматой головой, и от шестеста его длинных волос свист пронесся по дому. В зрачках великана появился необычный блеск, и глаза его округлились, как две связки арканов. Людоед пытался петь, но язык его, подобно засохшему хвосту налима, еле ворочался. Мек ослаб в коленях и стал покачиваться в разные стороны, а вскоре подрубленным деревом рухнул на землю поперек широкой двери, закрыв своим телом выход. Людоед подложил под голову толстое бревно и так сильно захрапел, будто доносились отдаленные раскаты грома, а воздух, выдыхаемый из широких ноздрей, вырывался порывами ветра.

«Что же делать? Как же быть? – задумался царевич. – Оставаться здесь нельзя. Но и как перелезть через тело страшного людоеда? Как высокий сугроб лежит... Вдруг великан проснется в это время... Тогда не миновать беды...»

Царевич взглянул вверх и увидел на крыше дыру для дыма от костра. До потолка было сажень семь.

«Только как туда добраться? – подумал Тавет. – Нет же у нас крыльев...»

В голове царевича забурили мысли, словно рыба в неводе. Поразмыслив, он взмахнул правой рукой и громким шепотом сказал:

– Отвяжите тетивы с луков. Свяжите их вместе и сплетите веревку. Быстро работайте. Чтобы пальцев ваших не было видно.

Не успел бы никто, наверное, выкурить трубку, как веревка была сплетена. Связками аркана собрал царевич веревку и метнул на выступающий конец перекладины в отверстие крыши. Затянув потуже петлю, царевич сказал:

– Глядите, как я поднимусь, и следуйте за мной.

Проворной белкой взобрался царевич по веревке до отверстия на потолке, а вслед за ним поднялись остальные воины. Цепляясь за выступы бревен, они вмиг спустились с крыши на землю. Словно созревшими шишками кедра при ударе, посыпались воины вниз и по команде Тавета понеслись на берег.

Придя на берег, немедленно столкнули высоконосые лодки и, усевшись по двое, налегли на широколопастные гребни. Дружно загребли лопасти гребей, и три лодки заскользили к кораблю. Не успели пристать лодки, а на корабле по указанию царевича уже вытащили якорь и подняли паруса.

Едва успел корабль отплыть на расстояние не более тридцати бросков аркана, как в дремучем лесу прогремел гром и раскололась земля.

Делая шаги длиною с семь прыжков резвого оленя, на берег моря из леса вывалился страшный Мек и залился радостным смехом, увидев обильную еду. Людоед застыл на месте, раскрутил над головой тяжелую длинную семипудовую дубину и с криком запустил в сторону корабля. Так быстро летела дубина, что потерялась из глаз, только слышался свист разрезаемого воздуха.

Но не рассчитал свой бросок людоед: тяжелая смертельная дубина пронеслась на сажень выше бортов корабля и срезала мачты и паруса. Всех, кто находился поблизости, снесло с палубы. Еще больше расшвырпел злой Мек и стал вырывать лиственницы с корнями и с силой швырять в сторону корабля. Но они не долетали. Потерявший рассудок людоед рванулся в море, но, пройдя шагов тридцать, очутился по горло в морской соленой воде и остановился, как заякоренный. Разгневанный Мек несколько раз ударил кулачищами по воде и, по-звериному рыча, побрел к берегу.

– Наелся?! – сказал царевич и, повернувшись к воинам, приказал: – Якорь в воду! Все, кто живы, беритесь за топоры, пилы и рубанки. Все на ремонт корабля!

Каждый воин мастер на все руки: знает столярное и плотницкое дело. Лучше прежних смастерили из крепкой лиственницы надежные мачты и на них водрузили новые паруса.

А с берега доносился смех и голос людоеда:

– Ха-ха-ха! Дорога ваша не найдет конца! Уж от пасти-то моего отца – морского подводного чудовища – никто еще не ускользал!.. Ха-ха-ха! Никто не уходил!

В ответ на это царевич подумал: «Пусть, пусть немного еще поболтает. Скоро горло ослабнет у него».

Когда закончили ремонт корабля, Тавет приказал воинам, чтобы они выковали четыре тяжелых замка.

Нашлись в дружине и мастера по железу. И вскоре на корабле застучали, как в кузнице. Не успел бы, пожалуй, вскипеть чайник, как четыре тяжелых железных замка, весом каждый с пуд, лежали у ног царевича.

– Молодцы, кузнецы! – похвалил Тавет. – А теперь пора паруса поднимать. К берегу пристанем. Голос людоеда утих.

Недолго проехав, острый нос корабля врезался в песчаное дно. Царевич и воины видят: весь берег усеян пустыми бочонками из-под вина, а Мек, прислонившись к огромному камню, крепко уснул. Людоед издавал такой храп, что от струй воздуха, выдыхаемых через широкие ноздри, качались ветки и вершины стоявших неподалеку лиственниц и елей.

По команде царевича воины вышли на берег и первым делом людоеду руки и ноги заковали в железные цепи, навесив и надежно защелкнув четыре пудовых замка.

– Пусть теперь хохочет и дерет свое горло, – сказал царевич. – А мы его пока погрузим на корабль. В столицу отвезем.

Воины царевича ухватились со всех сторон за людоеда, напрягли все свои силы, но не смогли даже приподнять его. Тогда воины соорудили крепкий мост и, привязав канаты к людоеду в трех местах, тремя воротами закатали его на палубу корабля. Судно сразу же осело в воде на три пяди и один палец.

Перед тем как отплыть, семь раз пальнули из носовой корабельной пушки, и там, где пролежала врезавшаяся в землю широкая тропа Мека, осталась развороченная земля.

«Так тебе, людоед, – сказал царевич. – Пусть духа твоего на земле не останется».

6

И вот вновь надулись паруса, и двухмачтовый корабль, разрезая надвое высоколобые волны, заскользил по морю домой. За высоким бортом бесчисленными связками арканов разлетались серебристые брызги.

Долго ли, коротко ли ехали, как вдруг задрожал корабль, будто уда-

рился корпусом о плывущие встречные льдины. Воины выскочили на палубу и поняли, что это проснулся людоед и стал дергаться всем своим телом. И в эту, и в другую сторону пытается повернуться Мек, но пушковые тяжелые замки крепко держат его. Поняв свою беспомощность и безвыходность положения, Мек стал слезно упрашивать царевича, чтобы тот отпустил его, что он перестанет заниматься людоедством и навечно забросит свои злые дела. Царевич сказал:

– Нет, Мек. В столицу вначале тебя доставлю. Отцу покажу. И поступлю так, как он прикажет.

Услышав такой ответ, Мек опустил голову, из глаз мутными ручьями потекли слезы.

После многих штормовых дней и ночей, трижды пройдя через полосу туманов, увидели в дали моря неизвестный причудливый остров.

– Что за остров? – сказал царевичу капитан. – Сколько раз проезжал здесь, он ни разу не попадался на глаза.

Тавет приказал подойти к острову и стать на якорь. На трех лодках с оставшимися у него воинами пристал царевич к берегу, вышел на берег и видит: на острове нет ни одного деревца и весь он каменный. Воины переглядывались меж собой, а царевич, осмотрев кромку берега, сказал:

– Это, воины, не остров, а оторванная челюсть подводного морского чудовища. Это от выстрела нашей пушки разнесло челюсть морского чудовища на части. Один из осколков и лежит здесь.

Приглядевшись, воины увидели огромные крепкие зубы, намертво приросшие к огромной челюсти. Между мощными зубами со свистом проносились порывы ветра.

Царевич пригладил на голове курчавые волосы и задумался: «Как же быть с машиной такой? Где найти такую пилу, чтобы отпилить кусок челюсти? Обязательно нужно отпилить и доставить его в столицу. Иначе никто не поверит, что расправился с морским чудовищем».

Тавет стал обходить челюсть морского чудовища. За это время, пока огибал ее, можно было бы закинуть длинный стрелевой невод и вытащить на берег.

Придя к своим воинам, царевич приказал вытащить на берег семь бочонков пороху и уложить их между двумя зубами челюсти. Воины точно исполнили приказ царевича. Затем из корабельной пушки дали залп по этому месту, и мощный взрыв прогрехотал по каменному острову, подняв клубы черного дыма.

Когда дым рассеялся, то увидели, что взрывом порохового заряда два

зуба разнесло на несколько осколков. Выбрав самый маленький осколок, воины царевича ухватились со всех сторон и попытались поднять, но он даже не пошевелился. Опять пришлось строить мост, и, захватив осколок тросами, тремя воротами выволокли его на палубу корабля. От тяжести осколка корабль осел на три пяди и два пальца.

Злой Мек, взглянув на зуб своего отца, совсем приуныл, а слезы пуще прежнего потекли мутными потоками.

— Все! Дело завершено! — сказал царевич, когда подняли паруса. — Теперь свободным станет море для плавания. Ни для корабля, ни для лодки не будет зацепок.

И двухмачтовый корабль на всех парусах лебедем поплыл по пенящимся волнам к родному берегу.

Семь недель минуло, семь раз полоса ветров прошла, и в сиреневой дали показалась столица. Семь мощных залпов дали корабельные пушки, и семью залпами приветствовали их орудия с крепостных стен города.

Как муравейник зашевелилась столица, и народ повалил на пристань.

Царь, хромающий на одну ногу и слышащий одним ухом, на белом коне, в сопровождении семидесяти всадников, явился на берег.

Царевич Тавет в сопровождении своих воинов предстал перед отцом и говорит:

— Высокочтимый отец! Во многих неизведанных землях я побывал. Много раз месяц рождался и умирал. Не одна смерть поджидала меня в дороге. Но я выполнил твое задание. Виновники гибели старших братьев и других твоих людей — на корабле! Я привез злого людоеда и осколок зуба морского чудовища. Что делать с ними — твоя воля, отец.

Царь крепко обнял и поцеловал сына, затем поднялся на корабль и стал разглядывать людоеда и осколок зуба подводного морского чудовища. Как дно котла, почернело лицо старого царя, глаза налились кровью.

Недолго так постояв, царь обернулся к воинам и грозно повелел:

— Злого людоеда тремя железными цепями прикуйте к осколку челюсти подводного чудовища. Вывезите подальше и бросьте на дно морское. Так спокойней будет...

С этого дня старый, одряхлевший царь управление своим государством передал младшему сыну Тавету. И стал Тавет жить и царствовать. Говорят, добрая молва о нем за семь морей и земель распространилась и до сих пор живет в памяти народа.

ИМИ ХИЛЫ И ЛЕСНОЙ ЛЮДОЕД ЯЛАНЬ-ИКИ

Жил Ими Хилы со своей бабушкой.

Бабушка занималась домашними делами, чашки и котлы в чистоте держала, вовремя готовила пищу, занималась заготовкой дров, следила, чтобы всегда в доме имелась вода. В общем, весь дом держался на ее старческих плечах.

Ими Хилы промышлял лесного зверя и добывал ценную рыбу на многочисленных протоках Оби, в таловых и лесных озерах и сорах.

Однажды Ими Хилы, пройдя через семь труднопроходимых чащ и через семь широких, еле охватываемых глазом широких прогалин, ища пушистую белку и проворного соболя, к месту стоянки прибыл. Еле-еле добрал, уже лыжи на ногах поднимать не мог.

Стемнело. Только звезды на небе сверкали, а внизу белый снег поблескивал.

Ими Хилы нарубил дров, разложил жаркий костер. Добытых белок при свете костра освеживал, а мясо пустил в котел.

Но не успел он даже как следует насладиться табаком, заложенным за нижнюю губу, как маленький походный котелок уже задымил, нежное беличье мясо сварилось. Ими Хилы несколько раз льем – деревянным черпаком – поворошил мясо и снял котелок с костра. Долго ли нужно нежному беличьему мясу вариться?

Вытащил он мясо, разложив на широкой березовой коре, а затем все это поставил невдалеке от себя, чтобы угостить лесных духов.

Пусть они пока угощаются. Какое нам дело до этого?

Не пришлось долго дожидаться: много ли времени нужно, чтобы в зимний мороз остудилась еда. Разложенную еду он поближе к костру приладил и приготовился кушать.

Только он отломал первую ножку от белки и стал подносить ко рту, как услышал со стороны леса какой-то необычный грохот.

Слышно было, как маленькие деревья трескали, большие с тяжелым шумом валились на землю. Временами доносился дикий свист и громкий хохот.

Прошло немного времени, и из ночной темноты и глухого леса, легко раздвинув две рядом стоявшие ели, вывалился лесной лохматый людоед Ялань-ики.

Голову свою он выше высоких лиственниц носил, а плечи, которыми он мощно пошевеливал, были вровень с могучими елями.

Ими Хилы, приготовившийся аппетитно покушать, онемел, словно его приковали. От страха он выронил кусок мяса, а о котле с жирным бульоном совсем забыл.

Почувствовав вкусный запах беличьего мяса, Ялань-ики засмеялся широко, как прожорливый халей, разинул пасть. Смех его, подобно раскатам отдаленного грома, прокатился по лесу, подобно свисту дикого ветра пронесся в близких и отдаленных борах.

Ялань-ики вмиг разбросал снег около костра, раскидав его ногами, и тяжело грохнулся на землю.

Земля от этого словно содрогнулась и покачнулась. А одежда его, грубо сшитая из шкур многих оленей и лосей и во многих местах изорвавшаяся, так и затрепетала при этом, словно от порывов ветра.

Усевшись на землю, тут же схватил котелок, и куски мяса один за другим исчезли в его огромной пасти. Только звуки «мор-мор-мор» слыша-

лись вокруг. Ни мяса не осталось, ни косточек не осталось. Словно мяса и не варили в котле.

Покушав и явно не насытившись, Ялань-ики облизнул свои грязные грубые пальцы и сказал:

– Кой, кой! И до чего же мало мяса сварил, и другой еды нет. Ни в животе не почувствовал, ни в сердце не ощутил.

И тут Ялань-ики злыми жадными глазами поглядел на Ими Хилы и своим ненасытным языком облизнул мясистые, жирные губы.

Ими Хилы от этого взгляда слегка вздрогнул.

«Кой! – подумал он. – Не сожрет ли меня и не проглотит ли, как халей беспомощного утенка? Сто мужчин сожравший людоед, сто женщин и детей проглотивший людоед разве знает меру? Разве знает он жалость к человеку? Надо бы еще чем-нибудь, наверное, накормить людоеда, не то...»

Подумав так, Ими Хилы почувствовал, как какая-то неведомая сила подняла его на ноги. Соскочив, он схватил свой деревянный сонгхеп – лопаточку – и тут же ею разрыл спрятанную под снегом более сытную еду. Еле-еле он поднял тяжелое лосиное бедро и приволок поближе к костру.

– Кушай! – сказал он людоеду. – Здесь, по-моему, мяса для желудка хватит! Хоть вари, хоть кушай в сыром виде. Твое дело.

– Да что с ним возиться, – засмеялся от удовольствия Ялань-ики. – Еще варить его да время тратить. Сырым скушаю.

Тут людоед вытащил из своего чехла, висевшего на железном ремне, большой нож, длиной, наверное, с человеческий локоть, повертел нож туда-сюда: остро наточенное лезвие так и засверкало в отблесках костра.

Затем он схватил бедро лося и поднес поближе к костру, предварительно подержав на одной руке, словно определял, много ли весит бедро.

Потом Ялань-ики вмиг подтянул лежавшее поодаль бревно и, положив на него лосиное бедро, стал строгать мерзлое мясо крупными стружками.

Величиной с полено, наверное, была каждая стружка, отлетавшая из-под его ножа. Прошло немного времени, и мяса на бедре не осталось. Людоед вначале разбил крепкую бедренную кость, вынул лакомый костный мозг и с аппетитом скушал его.

Расправившись с мозгом, людоед стал жадно кушать нарезанное мясо. Куски так и летели в рот, слышно было только, как хрустели мерзлые стружки на его мощных зубах.

Ими Хилы не успел насладиться молотым табаком, заложенным за нижнюю губу, как от лосиного бедра ничего не осталось, кроме осколков кости. После этого, видит Ими Хилы, тот вроде слегка успокоился. Хотя людоед и был в просторной малице, но даже и через нее Ими Хилы увидел, как у Ялань-ики надулся живот от такой обильной еды.

В это время Ялань-ики, словно угадав мысли Ими Хилы и посасывая от удовольствия то один, то другой палец, сказал:

– Сейчас-то, кажется, слегка почувствовал, что покушал. После такой сытной еды, пожалуй, можно и немного отдохнуть. Только я вначале до речки пройду, жажду утолю. От твоего чайничка вряд ли напьюсь. А ты, пока я хожу, место для отдыха приготовь, постель сооруди.

Сказав это, людоед, побряхтывая, встал и по глубокому снегу побрел в сторону лесной извилистой речки, протекавшей неподалеку от них.

Ими Хилы тут же принялся за постель.

От близости стоявших елей и кедров нарубил широкие лапы и густо настелил их на снег.

Для себя-то долго ли было ему приготовить постель: набросал несколько еловых и кедровых лап – и достаточно. А для людоеда – пожалуй, шириной в две оленьи нарты сделал он теплую постель.

Перед сном Ими Хилы разложил большой костер, наложил поперек костра толстые бревна, чтобы дольше горели.

Для людоеда он поверх хвойных лап настелил еще лосиную шкуру, а вторую оставил тому для накрывания сверху.

Вернулся Ялань-ики, взглянул на приготовленную постель и сказал:

– Кой, кой! Спать в таком пышном теплом месте одно удовольствие. В такой постели весь вспотеешь, от жары, пожалуй, умрешь.

– Зачем до этого доводить себя, – ответил Ими Хилы. – Чтобы слишком не потеть, можно ремень с себя снять. Да и ночью железный ремень во время сна мешать станет, когда будешь поворачиваться с боку на бок.

Ялань-ики, недолго думая, снял с пояса железный ремень и небрежно кинул под себя в постель.

Только железный ремень упал вниз, Ими Хилы тут же незаметно схватил его, втянул внутрь малицы и обкрутил его вокруг себя. Затем, чтобы случайно он не упал, надежно привязал его к своему кожаному ремню.

А зачем так сделал Ими Хилы, не будем пока говорить. Сказка еще долго продлится, дойдем потихоньку до этого места.

Сытый и довольный Ялань-ики, забыв о своем ремне, тут же приготовился спать. На сон, видно, потянуло его.

Вскоре Ими Хилы слышит – он был все время начеку, – людоед начал крепко похрапывать. На поворотах двух-трех протоков храп его, наверное, слышен был.

Ими Хилы, хотя и тянуло спать, постоянно отгонял сон. Сознание свое не теряет, бодрствует. Только Ялань-ики пошевелится, он сразу же открывает глаза: каждый звук людоеда чутко улавливает.

Однажды, вроде даже уснув ненадолго, слышит: людоед что-то стал искать. Шевелится, царапается, что-то под собой ощупывает.

– Что ты ищешь? Что-нибудь потерял? – словно ни о чем не зная, спрашивает Ими Хилы, хотя и догадался, о чем затревожился людоед и что он стал искать.

– Да где-то потерял свою табакерку, – ответил Ялань-ики, – хотя и положил-то я ее рядом с собой.

Ими Хилы без промедления уселся и тут же увидел табакерку, сделанную из бивня мамонта, и сказал:

– Так вон же лежит табакерка. На тебя посматривает, словно ищет тебя.

– И верно, – ответил людоед. – Кой! Совсем глаза испортились: не увидеть такой большой предмет.

Ялань-ики взял табакерку, положил за нижнюю губу горсть табаку, повернулся на другой бок и дальше стал спать.

Долго ли, коротко ли спал, слышит Ими Хилы, что людоед опять стал царапаться и искать что-то в темноте, под еловыми и кедровыми лапами начал рыться.

– Что ты ищешь? Что-то опять потерял?

– Конечно, конечно, потерял, – ответил людоед. – Где-то потерял утлап¹. Никак не могу найти.

Ими Хилы уселся и около изголовья увидел большую связку утлапа.

– Да вот же утлап, – сказал Ими Хилы. – У изголовья лежит, твою голову чуть ли не гладит.

– И верно, – ответил Ялань-ики. – Кой! Что с моими глазами? Не вижу то, что лежит рядом со мной.

После этого людоед опять перевернулся на другой бок и стал храпеть. Но прошло совсем немного времени, как Ими Хилы слышит, что тот опять что-то стал искать. Пуще прежнего.

– Что ты опять потерял? – спросил его Ими Хилы.

– Что, что?! – сердито ответил людоед. – Ремень железный где-то за-

¹ Утлап – стружки из тала, которые кладут вместе с табаком за нижнюю губу.

терялся. Вот что! Что-то стало холодать. Неплохо было бы ремнем затянуться.

Тут Ими Хиды встал и стал усиленно искать под настеленным лапником ремень. Большие и маленькие лапы туда-сюда разбросал, перевернул их несколько раз, но не нашел ремня.

– Кой! Куда же подевался, – сказал с досадой Ими Хилы и почесал на виске волосы. Немного помолчав, он вдруг, словно о чем-то догадавшись, вскрикнул: – Наверное, собака моя начудила опять.

Наверное, она куда-то утащила ремень. Она мастерица на такие проделки. Порой рукавицу и шапку мою так далеко унесет, что после еле отыскиваю.

Ими Хилы, почесывая голову, постоял неподвижно и наконец сказал людоеду:

– Только сейчас ночью, в темноте, где мы ремень отыщем? Как рассветет, найдем. Куда ремень денется? Это же не мелкая хвоинка – найдется.

– И верно, – согласился Ялань-ики и вскоре нехотя лег спать.

После такого тревожного разговора сон у Ими Хилы еще больше полегчал. Не до сна ему теперь было. Сон стал легок, как у дикого гуся на утренней зорьке. Ими Хилы тихо, ничем не привлекая внимания, железный ремень людоеда еще надежнее обкрутил вокруг себя и привязал веревкой к своему ремню. Да и как иначе? Коль упадет с пояса ремень – беда навалится и нагрянет. Неизвестно тогда, что произойдет и случится.

Ими Хилы так, бодрствуя, глаз не сводит с людоеда, следит за каждым его движением.

Как только показалась на востоке волчья заря¹, Ялань-ики тут же соскочил с места.

– Кой! Кажется, я замерз, – сказал он. – Мороз немного кусается. Да и в желудке, кажется, холодит. Наверное, от съеденного мерзлого мяса. По-моему, настала пора о горячей пище подумать.

Ялань-ики туда-сюда прохаживается, своими большими кистями, сшитыми из лосиной шкуры, снег в разные стороны разбрасывает, лежащие внизу еловые и кедровые ветки тормозит и переворачивает. Долго ли, коротко ли он так возился, наконец сказал:

– Кой, кой! Нет ремня. И куда же он подевался?! От отца оставшийся железный ремень! Без него я словно без рук остался и ног лишился. Беда-то какая!..

– Да где-то лежит, наверное, – ответил Ими Хилы, пытаясь успокоить его, и тоже начал с ним рьяно искать ремень.

¹ Волчья заря – время, когда волк уходит с охоты.

– Куда же подевался? Снежинку и хвоинку заметишь, а ремня-то как не увидишь, – тут Ими Хилы поводил глазами туда-сюда и сказал: – Ты пока побудь здесь. Около собаки пошарю. Она почему-то подальше от меня лежит, у ствола ели. Она, пожалуй, что-то и натворила. Конечно, натворила, раз близко к хозяину не подходит.

Ими Хилы потихоньку в сторону собаки двинулся.

Собака, виляя хвостом, только засемила к нему, как он, сделав злобным свое лицо, сердито посмотрел на нее. Чуткая к настроению хозяина, собака тут же почувствовала недоброе и, не дойдя несколько шагов до Ими Хилы, присела неподалеку, недоуменно глядя на него.

Тут Ими Хилы, скрывшись за толстую ель и подойдя вплотную к собаке, схватил ее за загривок и стал сильно дергать животное туда-сюда.

Собака, с визгом вырвавшись от него, отпрянула подальше. А Ими Хилы, помимо всего, схватил лежавший неподалеку сухой еловый сук и огрел им животное. Безвинная собака пуще прежнего завизжала.

– Уй, ворюга! – закричал Ими Хилы. – Научилась чужие ремни приворовывать!

Собака, понапрасну обиженная хозяином, теперь разве близко подойдет к нему? Тем более когда рядом с хозяином соседствует такой страшный людоед.

И она легла в снег на расстоянии нескольких бросков аркана, куда нельзя было добросить никакой предмет.

– Собака-жулик! – выругался Ими Хилы, возвратясь к людоеду. – Я уже с вечера почувствовал: все дело в ней. Только она смогла куда-нибудь ремень припрятать. Из-за этого, конечно, чувствуя вину, не идет близко, подальше отсиживается. – Ими Хилы скинул с головы шапку от малицы, почесал волосы и сказал с сожалением: – Вот жулик! Да еще палец мой прикусила! Кой, кой! Где теперь ремень найдешь? У ствола какой ели, в глубине какого сугроба зарыла ремень – найди! Сколько в лесу таких стволов, сколько таких сугробов! Поди сосчитай! Может, за ночь через столько глухих рощ пробежала, через столько таящих речек прошла. Сосчитай! Определи! Потому утром она, бешеная, усталой выглядела, вспотевшая вся, словно ее водой облили.

Ими Хилы так и стоял с опущенной головой и наконец к костру приблизился. Начавшие потухать угли вновь оживил, раздул огонь, чайник повесил над костром. Когда разгорелся костер, он спросил Ялань-ики:

– Может быть, опять мороженое мясо принести? У меня жирная грудинка лоса сохранилась. Другой едой, конечно же, вряд ли ты насытишься.

– Хватит, довольно сырого мяса, – грубо ответил Ялань-ики. – От вчерашнего ужина все еще живот болит, желудок весь холодит. От такой еды, того и гляди, скоро желудок в лед превратится. – Ялань-ики стал еще злее и жадными глазами поглядывал на человека. Глаза его, казалось, от человеческого мяса так и горели огнем, и он сказал: – Хватит, пожалуй. Не вечно же сырое и мерзлое мясо кушать? Надо где-то горячий кусочек раздобыть.

Сказав так, людоед наклонился и схватил лежавшие у костра куски вяленой рыбы и сушеного мяса и тут же вмиг проглотил еду. «Мор-мор-мор» – только и скрипело в его зубах.

Затем он схватил еще не вскипевший пузатый чайник и поднес горловину ко рту. Только и слышно было, как булькала вода. Опорожнив чайник, людоед бросил его подальше от себя.

– Только несколько капелек воды, и всего... – недовольно сказал людоед. – Ни тепла чай не дал, ни силы не прибавил. – Затем он посмотрел в разные стороны и дальше заговорил: – Пожалуй, натяни-ка свои лыжи. Горячую пищу и теплое мясо пойдем искать. Может быть, какое-нибудь бродячее животное подвернется. Может быть, какую-нибудь летающую птицу достанем. А коль повезет, может, и дикий олень навстречу выскочит. Только ты не бери свой лук и стрелы с собой. Придем в мой дом, я какой-нибудь лук для тебя отыщу. И стрела какая-нибудь отыщется.

Сказав так, он взял из рук Ими Хилы лук, ударил его о свое колено и осколки бросил в костер.

– Шагай за мной! – почти приказал людоед и пустился по дороге, по которой вчера пришел вечером.

Ялань-ики, широко вышагивая, невысокие ели, как прутьики, к земле прижимал, на пути встречавшиеся рядом стоящие кедры легко раздвигал жилистыми руками и широкими плечами. За ним только снежная пыль клубилась.

Ими Хилы, еле поспевая за людоедом, следовал на своих легких лыжах, обитых оленьим камусом. Оглянется временами назад и видит: собака его на расстоянии, видном глазу, плетется.

«Собачка моя! – пожалел ее Ими Хилы. – Зря тебя обидел. Собачка моя!.. Ты уж не злился на меня. Что мне оставалось делать?! Жизнь для нас тоже не лишняя. Коль тебя бы не было, моя собачка, разве Ялань-ики поверил бы мне насчет железного ремня? Не будь тебя – не шагать бы мне сейчас здесь», – при этом Ими Хилы теплым взглядом еще раз взглянул на собаку и незаметно махнул рукой, как бы давая понять: следуй за мной, быть может, понадобишься.

Собака, словно угадав мысли хозяина, завиляла хвостом и резвее побежала за ним. А как же иначе: животное, выращенное в доме и имевшее хозяина, разве скоро забудет его?

Так и шагают они, так и плетется Ими Хилы за людоедом.

Прошел он через семь дремучих чащ, через семь широких, как открытая тундра, прогалин. Ялань-ики почти не чувствовал под собой глубокий снег: за ним, словно после оленьих упряжек, оставалась широкая борозда. Подобно осеннему туману, над Ялань-ики поднимался и стелился пар, а капли пота с раскрасневшего его лица сосульками втыкались в зернистый снег.

Ими Хилы тоже порядком устал, весь вспотел, словно в воде плавал.

Долго ли, коротко ли шагали они, вскоре дремучий лес расступился.

Вышли на широкую прогалину, которая была такая большая, что ближний край разговором не охватишь, а дальний край глазами не узрешь.

Ими Хилы остановился ненадолго и внимательно огляделся. Взгляд его наткнулся на большой железный столб, стоявший на середине прогалины. Еще не приблизились к этому столбу, а Ими Хилы уже почувствовал, как все у него внутри похолодело.

Ялань-ики оглянулся назад и сказал:

– Что ж, недалеко осталось идти нам. Скоро до моих ловушек дойдем. Ха-ха-ха! – дерзко засмеялся при этом он, широко раскрыв рот и обнажив свои большие кривые и острые зубы. – Вот-вот будем там.

После этого людоед, словно в предчувствии приятного, легко зашагал вперед, будто нисколько не устал.

Так и шагают они, так и приближаются к железному столбу. Еще издали Ими Хилы видит: по обе стороны от дороги на снегу разбрызганы капли крови, местами человеческие кости лежат.

У Ими Хилы сразу же дрогнуло сердце. Ненадолго остановился он, поправил на поясе волшебный медвежий клык и подумал:

– Я-а¹, священный клык, имеющий невиданную силу и безграничную мощь, коль остался в тебе волосок мысли, пошли мне немного силы и ума. Я-то что – одна дохлятина. Откуда мне взять силы, откуда мне взять ума...

И тут Ими Хилы чувствует, как сразу же окрепли его суставы, мышцы, особенно в коленях, да и сердце сразу несколько успокоилось. Его правую руку словно кто-то поманил, и она сама потянулась вовнутрь малицы, к железному ремню людоеда.

¹ Я-а – обращение.

«Постой-ка, — подумал он. — Не в железном ли ремне тайна заключена? Не скрыта ли здесь какая-то мудрость?»

Придя к такой мысли, он резко выдернул руку из рукава малицы. Кто знает: может, людоед догадается, что он прячет что-то в пазухе малицы.

Ялань-ики не успел оглянуться назад, как он уже выдернул руку из малицы и еще быстрее зашагал за людоедом.

— Иди, иди! Поторапливайся! — нагло засмеялся Ялань-ики. — Сейчас немного осталось. Железный столб рядом.

Теперь уже Ими Хилы с помощью волшебного священного медвежьего клыка понимал, что ему придется делать и предпринять. Он, скрытно от людоеда, в пазухе малицы железный ремень для нужного дела приготовил.

Вот они подошли к проржавевшему железному столбу, который, пожалуй, был выше самой высокой ели.

Основание столба, на высоте вытянутой руки, было обрызгано человеческой кровью. А вокруг него валялись обглоданные человеческие ребра и головы. Ими Хилы сразу понял: здесь не один человек, не один зверь смерть свою нашел. И конечно, не один год, не один месяц широкая тропа к железному столбу торилась. Тропа настолько прорезалась, что оленья нарта в нее свободно бы уместилась. И сколько, наверное, здесь крови и слез пролилось. Кто это узнает?

Только еле видимый человеческому глазу отдаленный синеватый лес мог бы об этом поведать, лишь бегущие над головой облака могли бы обо всем этом рассказать. Только мать-солнце в высоком голубом небе являлось свидетелем злодеяний людоеда. Но как до него доберешься, какая сила закинет тебя в подолы его семи золотых краев, какое волшебство донесет тебя к его семи дорогам?

О страшных делах людоеда мог бы рассказать месяц на небе. Но только в его высоконосую нарту, загруженную дорогими вещами, кто тебя поднимет?

Снег вокруг железного столба был истоптан, словно проходило здесь огромное стадо оленей.

Ими Хилы, с опаской поглядывая по сторонам, невольно поежился от страха. Да и чье сердце не вздрогнет, когда приходишь на место, залитое человеческой кровью и усеянное костями мужчин, женщин и детей.

Ялань-ики, погладив ладонью железный столб, ненадолго о чем-то задумался, прошелся вокруг него и затем, обратившись к Ими Хилы, сказал:

— Я-а, что ж, Ими Хилы. Перед тем как отправиться на промысел лес-

ного зверя, перед тем как тронуться на лов речной рыбы – померяемся вначале силой. Я посмотрю: можно или нельзя брать тебя на охоту – добывать бродячего и летающего зверя.

– А как же померяемся? – спросил его Ими Хилы, хотя он уже догадался, когда людоед взял в руки ремень, сплетенный из травы.

Ялань-ики недолго переключивал ремень из одной руки в другую, словно определял его на прочность, а затем сказал:

– Ты, Ими Хилы, к столбу железному вплотную пристройся. Я тебя соломенным ремнем туда привяжу. Коль порвешь этот ремень – значит, победил. Коль не хватит силы – тогда пеняй на себя. Такого дохлого слабака я с собой брать на охоту не намерен. Кому нужен такой человек, кто камешек поднять не может, кто соломинку разорвать не в состоянии.

Что же оставалось делать?

Ими Хилы потихоньку пристроился к железному столбу. Как только он встал на указанное место, людоед его на уровне груди привязал к столбу соломенным ремнем.

Ими Хилы, собрав силы, резко дернулся – и ремень разорвался на части.

Ялань-ики под снегом вырыл второй ремень, тоже сплетенный из соломы, только немного толще первого, и опять привязал Ими Хилы к железному столбу.

Ими Хилы вновь напряг свои силы, подался вперед, и опять ремень разорвался.

Лицо у людоеда вмиг передернулось, и тут он сказал:

– Я-а! Ты, оказывается, слишком силен. Под снегом, кажется, лежит ремень, сплетенный из таловой коры. Этим ремнем попробую тебя привязать. Коль опять одолеешь – что поделаешь? – после этого меня попробуй привязать.

Ялань-ики вмиг раскидал снег и под затвердевшим зернистым настом нашел ремень, сплетенный из коры тала.

Повертев в руках найденный толстый ремень, он третий раз привязал к столбу человека.

Как только привязали его к столбу, Ими Хилы сразу почувствовал, что этот ремень намного прочнее тех, и мелькнула тревожная мысль: а вдруг не сумеет одолеть?

«А куда деваться? – подумал он про себя. – На небе пол и на земле пол. Коль одолею – мое счастье. Коль не одолею – здесь, наверное, меня и прищелкнет, как маленького комарика».

Подумав так, незаметно для Ялань-ики пощупал в пазухе священный

медвежий клык и в мыслях сказал ему: «Здесь, наверное, меня и скрутят. Какой силой одолеть такой толстый и прочный ремень?»

Подумав так, Ими Хилы почувствовал, как его мышцы вдруг стали наливаться силой и сразу окрепли колени и руки.

Ими Хилы глубоко вздохнул и резко рванулся грудью вперед. Быть может, он крепко рванулся вперед, быть может, слабо – только сплетенный из коры тала толстый ремень разорвался на мелкие куски.

Ялань-ики, увидев это, слегка побледнел и недоуменно покачал своей лохматой головой. Только его жадные глаза необычно расширились, стали словно гореть огнем, будто в предчувствии чего-то важного.

– Что поделаешь? – охрипшим голосом как-то неестественно засмеялся Ялань-ики. – Теперь моя очередь. Вон лежащий внизу ремень, сплетенный из коры тала, завяжи на мою грудь. Коль и я эти ремни одолею, что-нибудь еще сообразим. Как-нибудь по-другому силы наши померяем. Дело разве только в ремнях и железном столбе?

И тогда Ялань-ики медленно и с трудом пристроился к железному столбу. Людоед был чуть-чуть тоньше столба.

Ими Хилы, сделав вид, будто он выбирает из связки нужный ремень, потихоньку подался за спину людоеда. И после этого сказал:

– Кой! До чего же ты толстый! Одного ремня, пожалуй, для того чтобы охватить тебя, и не хватит. Придется, наверное, два ремня вместе срастить.

– Сращивай, сращивай, – несколько недовольно сказал Ялань-ики. – Только побыстрее. А то устал уже стоять.

– Все-все, заканчиваю, – сказал Ими Хилы, – заканчиваю...

А в это время Ими Хилы, торопясь, выдернул из-за пазухи железный ремень Ялань-ики. Да так быстро извлек, что человек моргнуть, пожалуй, не успел бы. Заранее подготовленное дело разве много времени займет?

Взяв в руки прочный ремень, почти не дыша и не издавая металлического звука, чтобы не догадался людоед, он тут же защелкнул на замок железный ремень о железный столб. Лишь когда защелкнул сзади ремень на замок, людоед догадался, в чем дело. И он сразу же молниеносным движением метнул руки назад, чтобы добраться до замка и размокнуть железный ремень. Но не тут-то было. Пальцы людоеда на целую пядь не дотягивались до замка ремня. Стал тут людоед царапаться и пальцами рвать железный ремень, но все без толку.

Рванулся тогда Ялань-ики, только слегка вздрогнул тяжелый железный столб. Напрягся и второй раз рванулся людоед – и опять железный столб не поддался.

Железный столб, им же приготовленный для смерти и крови честных людей, разве свалится сразу?

И стал тут Ялань-ики рваться и метаться. Отдохнет недолго и опять, пуще прежнего, начинает дергаться. Ручьи пота уже потекли по его лицу, словно плыли по реке колданки, груженные рыбой, а дышал он так сильно, что выдыхаемый пар вылетал словно стаи белых куропаток.

Изрядно измотавшись и устав, Ялань-ики стал умолять Ими Хилы:

– Послушай, Ими Хилы. Послушай, внучек. Отпусти, пожалуйста, меня. Сколько тебе нужно дорогих соболиных шкур – отдам тебе, сколько попросишь шкур лисиц-крестовок – выделю. Я тебя всего озолочу. Глазами Священного Солнца, глазами Высокого Месяца клянусь тебе. Все отдам тебе. И ты, став богатым, потеряешь заботу о еде и одежде. Отваливаемое мной богатство – не в одну нарту погрузишь. Все, что потребуешь, получишь. Только отпусти меня, разомкни ремень...

Ими Хилы, стоя неподалеку от него, подумав довольно долго, сказал:

– Очень ты умеешь умолять и заговаривать людей. Но ты пока немного постой здесь. Чуток отдохни тут. А я посмотрю, что мне делать дальше. Немного еще подумаю, что предпринять. Может, потом и отпущу тебя.

Услышав такие слова, Ялань-ики утихомирился. Стал спокойным, как столб, и тихим, как утонувший камень. Даже дыхания не было слышно, только слышались гулкие удары его сердца.

Тогда Ими Хилы подошел к нему сзади, взял лежавшие на земле веревки, сплетенные из таловой коры, и под видом того, что собирается разомкнуть ремень, еще крепче затянул концы, чтобы никогда они не разомкнулись от сотрясения и дерганья.

«Не то, – подумал он, – Ялань-ики после станет сильно дергаться, да еще разомкнет концы железного ремня. Долго ли этому случиться? А теперь можно быть спокойным. Если только выдержит ремень – вряд ли скоро уйдет с этого места людоед».

– Ну, как? Скоро? – раздался нетерпеливый голос умоляющего людоеда. – Когда разомкнешь концы ремня?

– Закончил, закончил уже, – засмеявшись, сказал Ими Хилы, подойдя к нему спереди вплотную, и добавил: – Я еще не сошел с ума, чтобы тебя выпустить на волю. Сколько человек ты лишил жизни, сколько семей осиротил? И еще тебя, такого дикого зверя, отпустить?!

Ими Хилы обошел вокруг людоеда, снова проверил, надежно ли привязал концы железного ремня, и после этого сказал:

– Все, Ялань-ики, хватит тебе человеческую кровь сосать и честных

людей мучить. Впредь тебя пусть солнце своим жарким языком лижет да ветер острыми зубами кусает. Пусть тебя холодный снег освежает да ливневые потоки лицо твое умывают. После этого, может быть, в тайге, имеющей сто пазух, в реке, имеющей сто желудков, спокойнее станет. Меньше там будет слышен твой дикий крик. Это, Ялань-ики, мое последнее слово...

Ими Хилы поправил на поясе свой кожаный ремень и, перед тем как зашагать домой, взглянул на людоеда. У того из глаз, словно половодьем, текли слезы...

Когда удалился подальше, Ими Хилы окликнул своего верного друга. Собака, все еще остерегаясь его, боялась сразу близко подойти к нему. Но услышав необычно ласковый голос хозяина, животное, виляя своим пушистым хвостом, подбежало к Ими Хилы.

Ими Хилы ласково погладил пса по голове, по носу, потрепал загривок и сказал:

– Спасибо тебе, пес, подобный амбару с четырьмя ножками!

Спасибо тебе, пес, похожий на калачик. Сердце твое действительно доброе. Ты – настоящий волшебник. Очень умно у злого людоеда его железный ремень «запрятал», – и он засмеялся при этом, поцеловал пса в морду и добавил: – Не сердись, священное животное, за то, что обидел тебя и наговорил лишнее. Что оставалось делать мне? Без твоей помощи разве смог бы я одолеть злого людоеда?

Ими Хилы после разговора с собакой поправил ремни на своих лыжах и заторопился в сторону своего дома. Перед ним бежал радостный пес, подобно оленьей гриве, раздуваемой ветром, метался из стороны в сторону.

Пройдя через семь глухих рощ, через семь широких протоков и прогалов, он пришел к месту своей стоянки. Собрал свои вещи, добычу и вскипятил чай, сдобрив березовой чагой.

Попив душистого чаю, стал не спеша собираться домой. Под раскидистым кедром достал связку белок, трех добытых лисиц-крестовок и положил все это в кожаный мешок. Затем откопал оставшуюся лосиную грудинку и положил в кожаный мешок. Все это аккуратно уложил в свою легкую нарточку, прикрыв сверху рогожей, сплетенной из соломы. Взял затем деревянный сонгхеп – лопаточку – и тронулся к дому.

А дома бабушка уже дожидалась его. Чай и глухариный суп готовыми стояли на ратхаре¹.

¹ Ратхар – место в доме, где готовят пищу.

Ими Хилы плотно покушал, рассказал, как охотился, что видел. Долгий разговор имел, целый вечер на это ушел.

Только не рассказал он бабушке насчет Ялань-ики, словно не был на волоске от смерти.

Но это его дело.

Нам же сказку надо дальше вести.

И стал Ими Хилы с бабушкой вновь жить и поживать. В ближайших реках и озерах свои орудия лова просматривает, крупную щуку и печенистого налима целыми мешками домой приносит. Не только себе хватает, но и соседям достается. На берегу проток, где обильно рос мелкий тал, он выставлял петли на куропаток и тоже редко пустым приходил домой.

Природа щедра была к нему. Да и много ли надо было – лишь бы животные были сытыми да сердца голодом не исходили.

Жили так, наверное, месяц, время к весне повернулось.

Однажды утром Ими Хилы бабушке так говорит:

– Я, наверное, в тайгу в последний раз нынче подамся. В нескольких местах я приманку на зверя оставил, – соврал он. – Может быть, где-нибудь какая-нибудь лисица или россомаха приучилась к приваде. Долго не буду в тайге. Если нет зверя, сразу же лыжи поверну обратно.

Бабушка хотя и догадывалась, что внук говорит не от чистого сердца, вроде бы что-то не договаривает, тем не менее углубляться в замысел внука не стала. Она только расспросила, в какую сторону собирается на охоту внук, и тут же дала согласие.

Ими Хилы подготовил нарту. Все, что нужно было, погрузил, для видимости захватил несколько капканов,

И, взяв в руку легкую деревянную лопаточку, он с верным спутником – собакой подался в многодумную и щедрую тайгу.

Не раз бывавший в лесу, пес отлично знал дорогу, хотя и в некоторых местах от прошедших буранов лыжную тропу полностью замело.

Лыжи, сделанные из отборного кедра, легко скользят по снегу, словно по рыбьей слизи. По сторонам низкие ели и молодые березки только и мелькают.

И вот Ими Хилы пришел к тому месту, где обычно останавливался на ночлег. Чай вскипятил, покушал, отдохнув немного, подкрепившись вяленым муксуном и кусочками оленьего жира, направился той дорогой, куда уходил в тот раз с людоедом. Хотя с того времени прошли снежные бураны, но широкую и глубокую тропу, проложенную людоедом, до сих пор не замело.

Пройдя через семь глухих рощ, через семь широких протоков и прогалов, опять вышел на чистое открытое место.

До края леса, находящегося вблизи, человеческий крик не дойдет, а дальний край леса – глазами не охватишь.

Ими Хилы, выйдя на чистое место, остановился и внимательно огляделся. Смотрит, смотрит – только никак не может увидеть стоявший здесь железный столб.

Ими Хилы протер глаза и стал еще зорче осматривать окрестность. Уже глаза заболели от напряжения, но опять нигде ничего не заметил. Только лежала сплошная, сверкающая на солнце белая пелена снега, да временами еле просматривались высоколобые сугробы, которые похожи были на связки оленьих шкур.

– Те!¹ – сказал удивленно он и откинул выдровую шапку на малице. – Куда подевался такой огромный столб?

Постоял он немного, заложил за нижнюю губу молотого табаку и тронулся туда, где стоял железный столб. На всякий случай проверил, на месте ли тутой лиственничный лук, не выпали ли случайно по дороге боевые стрелы.

Пришел к тому месту, где стоял железный столб. Там вся земля была истоптана и выворочена. А снег от долгого стояния людоеда в лед превратился: видно, много там пролилось поту, немало усилий было потрачено людоедом.

Выворотив железный столб, Ялань-ики поплелся, наверное, к своему жилищу. Он так тяжело шел, что оставлял за собой широкий след, словно прошла тяжело нагруженная нарта. Шел-шел людоед и останавливался, немного отдыхал и опять дальше тащился.

По оставляемому следу Ими Хилы понял, что людоед еле-еле шагал к дому, что силы его уже были на исходе. А в некоторых местах на снегу оставались капли крови. Видно, Ялань-ики, пока дергался и рвался, истер до крови свои руки и грудь. В двух местах долго отсиживался людоед, там даже место под ним в лед превратилось, и кажется, недолго он спал там.

Ими Хилы, внимательно высматривая и выясняя, идет и идет по следу.

Миновал несколько перевалов, прошел через три глухие чащи, перешел три протоки с крутыми берегами и наконец приблизился к густому высокому лесу. Чаща была настолько густой, что нос не пролезет и взгляд не пройдет.

¹ Те! – восклицание.

И вот у него собака стала поскуливать, хвост поджала. «Наверняка, что-то учуяла», – подумал он.

Ими Хилы подозвал собаку поближе, погладил ее по голове и дал понять, чтобы понапрасну не лаяла. Затем он вытащил из-за спины свой тугой лиственничный лук и взял в руки несколько острых боевых стрел. Стал прислушиваться.

Вскоре он услышал чей-то тяжелый стон, предсмертные вздохи, словно кто-то умирал.

Ими Хилы огляделся по сторонам и стал потихоньку и осторожно приближаться к доносившемуся стону. Сделает несколько шагов – остановится, внимательно присмотрится и опять дальше двигается.

А лук и стрелы уже наготове держит.

Так, потихоньку подкрадываясь, увидел за высокими деревьями бревенчатый огромный дом, рядом с ним заметил лопаesy-амбары на ножках.

Ими Хилы долго глядел, но никто из дому не выходил. Только стон Ялань-ики доносился – теперь уже охотник не сомневался в этом – да временами раздавалась злая ругань жены.

Ими Хилы осторожно, прячась за амбары, подкрался поближе и залез незаметно на крышу дома по высокой лестнице, сколоченной из молодой, крепкой лиственницы, и стал прислушиваться.

Теперь четко было слышно каждое слово. Ялань-ики так громко сто-нал, что сотрясались стены бревенчатого дома, а звук, кажется, прорывался через щели пазов.

Вот, слышит, людоед умоляет жену:

– Я-а, ты уж как-нибудь отомкни за спиной замок на железном ремне. Вот-вот умру, вот-вот сгину. Последнее дыхание лишь во мне осталось. Кожа моя огнем горит, и внутренность огнем пылает.

Ремнем железным грудь мою скоро насквозь прорежет. Помоги, жена.

В это время доносится уставший голос жены:

– Да что я могу поделать с железным ремнем, изготовленным рукой мужчины? Концы ремня так припаяны друг к другу, что ничем их не разомкнешь. Да и нет у меня такой подпилки, чем можно было бы подпилить ремень. Чем я могу разомкнуть его?!

– Ты уж как-нибудь отомкни, жена, – снова умоляет он. – Вот-вот умру. Только дыхание во мне осталось, – опять жалуется он.

А жена пуще прежнего огрызается в ответ:

– Да что я поделаю! Не надо было искать человеческой крови. Сколько раз тебе об этом говорила! В тайге разве зверя и птицы мало?!

– Э-э-э-эй! – доносится только в ответ. – Помоги, помоги хоть чем-нибудь...

Слушая этот разговор и стоны, Ими Хилы рядом с сехалом¹ сделал пошире дыру и видит: на полу, устеленном лосиными шкурами, вместе с вывороченным железным столбом лежит людоед. Лицо Ялань-ики сильно осунулось, глаза чуть ли не вываливаются наружу. Рядом с ним сидят его жена и двое его маленьких сыновей.

Вот сквозь стон людоед произнес:

– Что поделаешь, жена, раз ты не можешь справиться с железным ремнем. Слушай тогда. На вершине этой протоки где-то проживает мой старший брат. Хотя и далеко – но что поделаешь? До него два-три дня надо добираться. Если бы он объявился – какой разговор! Был бы я спасен. Его рука крепка. Что ему такой ремень?

Может, жена, сходишь к нему?

Услышав такой разговор и поняв, чем все это может обернуться, и видя, как жена людоеда засобиравалась в дорогу, Ими Хилы взял в руки свой тугой лиственничный лук и положил на тетиву из лосиных жил острую стрелу. Сильно натянул, тщательно прицелился и выпустил первую стрелу.

Только свист, как от сильного ветра, остался. Выпущенная стрела точно угодила в горло людоеда.

Ялань-ики даже вскрикнуть не успел. Увидев это, жена его от неожиданности обмерла, застыла на месте и стояла с разинутым ртом.

Ими Хилы положил на тетиву вторую стрелу и прицелился в горло жены людоеда. И опять стрела точно поразила цель. Она, как подкошенная травинка, рухнула на пол. И в это же время горячая кровь, заливая пол, выплеснулась у нее из горла. А дети людоеда после этого давай плакать и плакать, весь дом огласился их криком.

Ими Хилы еще два раза прицелился, и крик вмиг и навсегда замолк в доме людоеда.

– Все! – сказал Ими Хилы. – Разбойничье гнездо уничтожено!

Ими Хилы после этого закинул на плечо лук и спустился по лестнице вниз. Открыл тяжелую дверь, сколоченную из грубых лиственничных бревен, и видит: большие и маленькие людоеды навечно растянули свои ноги на полу. А пол настолько залило, что кровь вот-вот выльется за порог.

– Давно вас так надо было, – сказал Ими Хилы. – По вашей смерти стоящие в лесу деревья свои головы не опустят, бегущие по небу обла-

¹ Сехал – чувал в доме, откуда выходил дым от костра.

ка слезы не пролиют. Все! Попробуйте двинуться дальше, попробуйте вновь творить зло!

Ими Хилы закрыл наглухо дверь и двинулся в сторону амбаров, тоже сколоченных из крепкой лиственницы.

Открыл дверцы первого: внутренность амбара была набита связками соболей, их мех так и переливался на солнце.

Открыл дверцу второго амбара и увидел, что он заполнен связками пушистых белок. А от белых песцов, лежавших на полу, словно белело снегом.

Открыл третий амбар – и тот тоже набит всякой всячиной. Там находились дорогие кисы и малицы. Их было столько, что прогибались вешала, на которых были разложены вещи. Целое селение можно было одеть этой одеждой.

Четвертый амбар был заполнен женскими вещами. Здесь находились разужоренные дорогие ягушки¹ и кисы.

В остальных трех находилось лосиное и оленье мясо, а также мешки с нежной нельмой и жирным осетром. Амбары до самых дверей были набиты снедью.

Целое состояние обнаружил Ими Хилы! Невиданное богатство!

«Кой, кой, – думает Ими Хилы. – Сколько же здесь безвинных людей нашли свою смерть, пока это богатство сюда перекочевало? Видно, не один день, не один год оно в эти амбары стекало. Сколько черных дел из-за этого натворил людоед, сколько крови человеческой выпил?.. Где теперь эти погубленные жизни найдешь, каким волшебством этих людей к жизни вернешь?..»

«Куда мне столько богатства? – думает он дальше. – Куда мне столько счастья? Пусть это достанется бедным людям, пусть это богатство поможет бедствующим. Когда им трудно станет, я буду на помощь приходить».

Придя к этой мысли, Ими Хилы накрепко завязал двери амбаров и зашагал к дому людоеда.

«А с этим гнездом, с этим домом что сделать? – остановился он. – Так оставить – тоже плохо. И глазам смотреть мешает, а сердцу грусть и печаль навеивает. Да и свежий лес и чистую воду своим запахом отравлять станет. Может...»

Подумав об этом, он двинулся в сторону дровяника и весь дом обложил со всех сторон сухими дровами. Затем принес три связки сухой бересты и куски ее затолкал между дровами.

¹ Ягушка – женская одежда из оленьей шкуры мехом внутрь и наружу.

Затем с помощью трута зажег бересту, и вскоре вспыхнул большой, невиданный костер. Все горело и трещало, словно бесились там в беспамятстве черти.

Прошло немного времени, и огонь охватил весь дом, словно намертво затянуло его железной петлей аркана.

Ими Хилы стоял поодаль и с удовольствием наблюдал за бушующим пожаром. Ему казалось, что в пламени костра туда-сюда метались тени людоедов, искали тщетно выхода и, не найдя, погибали в адском огне.

Вскоре от жилища людоеда остались только пепел и зола. Да и как иначе – силе священного огня разве может что-либо противостоять?

– Все! – сказал Ими Хилы. – Кто творил зло – пусть хоть живой, пусть хоть мертвый – после смерти все равно его огнем опалит.

Затем Ими Хилы повернулся к истоку большого священного сора, вытекающего из семи озер, и громко прокричал:

– Послушайте, живущие в семи протоках, слушайте, люди, живущие в семи сорах! Пропал Ялань-ики, не стало людоеда, уничтожил его. – После этого он поочередно повернулся в четыре стороны и, отвесив поклоны, дальше повел разговор: – С восьми сторон дующий ветер в восемь углов этот разговор донеси, в каждую щель эту весть передай. Пусть пляшет и радуется народ!

Закончив суд над лесным людоедом, Ими Хилы надел лыжи, взял в руки легкую, смастеренную из березы, лопаточку и попылил к дому. Перед ним только собака, подняв хвост калачиком, клубилась.

Навстречу Ими Хилы, словно за совершенный им подвиг, кланялся дремучий лес, белый снег будто стелил скатерть-дорожку, облака на небе, кажется, протягивали ему свои широкие ладони.

После этого Ими Хилы и дальше стал со своей бабушкой жить-поживать. По разговорам, он в дальнейшем много помощи оказал бедным людям. Все богатство, что досталось ему от людоеда, он раздал им.

Жизнь не одного поколения людей он облегчил, не одного поколения людей тропу жизни дальше продолжил...

ЛЮДОЕДКА ПОРНЭ И ХИЛЫ

I

Жил Хилы со своей бабушкой в озерном краю. Хилы каждый день на промысел ходил: в ближних сорах и протоках выставленными сетями добывал жирнобрюхих муксунов, а гимками ловил пузатых печенистых налимов да крупных хищных щук. А за озером, которое находилось неподалеку от дома, добывал себе водоплавающей дичи столько, сколько надо было им на еду. Куда им много: зачем лесную и водную дичь зря изводить.

Бабушка же занималась каждый день хозяйственными делами: солила и вялила рыбу, на ближних и дальних ложбинах и болотцах собирала сладкую морошку и голубику, ежедневно приносила туески, наполненные дарами леса.

Для того чтобы прожить, еды им хватало. В достатке имели необходимую одежду и обувь. Временами, садясь в лодку, отправлялись они за дровами: на берегах соров и реки много имелось плавника и разного сухостоя, особенно тала.

Так и жили они. В доме рыба не кончалась и мяса хватало.

Однажды, к осени, бабушка заметила, что внук Хилы стал каким-то скучным, рассеянным и молчаливым. И аппетит пропал у него. Если раньше за каждое дело брался с охотой и старательно выполнял, то теперь его словно подменили: стал вялым и тихим, будто потерял интерес к жизни.

И вот однажды настало утро, и бабушка внуку Хилы говорит:

– Я смотрю, Хилы, и вижу: скоро ты свою голову до высоты травы опустишь. Может быть, ты заболел, внучек?

– Нет, бабушка. Не болею я. Не в этом дело. Сердце зовет меня в дальние места. Вчера, когда бродил у ближних озер, я очень хорошо слышал, как вовсю галдели там утки и гуси.

– И где же галдели? – спросила бабушка.

– За священным мысом, где находится большое озеро, куда не пускаешь меня охотиться. Там полно всякой пернатой дичи, землю и воду они

своим криком и гамом чуть до небес не поднимают. Этот несмолкаемый шум до сих пор в моих ушах стоит.

Бабушка, словно впервые услышав такую важную весть, глазами приковалась к внуку, поправила на голове платок с разноцветными кистями и сказала:

– Там-то, конечно, внучек, дичи много. Но только, слышала я, на этом озере опасности таятся. Многие, кто охотились там, домой не возвращались. Очень осторожным надо быть в этих местах.

– Да я что – маленький? – ответил тотчас внук Хилы. – И мясо мое, и мышцы окрепли, стали прочными, как жилы лося. Да и голова моя, пожалуй, скоро поседеет. Да и к тому же какую-то дичь, какого-то зверя я все же добывал. Да и рыбы немало прошло через мои руки. Не забыл я охотничьи и рыбацкие навыки. Туда, где опасность таится и беда меня поджидает, зачем я зазря свою голову затолкаю?

– Что же с тобой поделаешь, Хилы, – согласилась с его доводами бабушка. – Сходи к этому озеру. Только осторожным будь: мысли свои в кармане не забудь, ум в движения рук и ног не передавай, не раствори там. И еще – далеко упавшую стрелу не ищи и не подбирай. Стрела – куда денется? Придешь домой – сколько угодно подобных и даже лучше сможешь смастерить.

Хилы сразу же стал готовиться на охоту. Взял широкоплечий лук с тугой тетивой, в колчан положил самые лучшие и меткие стрелы, которые не раз и не два разили летящую птицу в глаз, а бегущего зверя пронзали в сердце. Напялил на голову неблюевую шапку, надел легкую малицу, натянул на ноги чувячки, завязался широким кожаным ремнем, куда были навешаны клыки медведя и волка. Вскоре тронулся в путь.

Дошел до священного мыса, за которым располагалось большое и глубокое озеро. Там действительно было полно дичи. Жирные гуси не переставали гоготать, только и раскачивали в разные стороны свои длинные шеи. А насчет уток – и разговору нет: вся поверхность воды была усеяна ими.

Между высокими кочками и одинокими кустами, где ползком, а где и низко нагнувшись, приблизился Хилы на верный выстрел. У отдельно стоявшего густого тальникового куста Хилы остановился и взял в руки упругий листовенничный лук.

Прислушался: сердце вовсю стучит, даже руки вздрагивают. Да и как не трястись: ведь столько гусей и уток, да на таком близком расстоянии, он видит впервые.

Хилы положил на тетиву первую стрелу, натянул тугую тетиву, сде-

ланную из крепкой лосиной жилы, и она со свистом унеслась. Стрела летела-летела, но, дойдя до первых гусей и уток, вдруг резко взмыла вверх, словно от какой-то посторонней неведомой силы и, пролетев над головами птиц, не задев ни одну из них, оставила под собой высокий пырей и мелкие кусты и воткнулась в толстый столб, который стоял на другой стороне озера. Так сильно ударилась, что столб слегка задрожал.

«Сильно, наверное, вверх взял, – подумал Хилы. – А может быть, стрела попала в струю ветра».

Хилы взял вторую стрелу, положил на тугую тетиву, еще лучше прицелился, взял чуть пониже, чтобы опять не взмыла вверх. Затаив дыхание, еще сильнее натянул лук, и засвистела вторая стрела.

Стрела летела-летела, но только дошла до первых гусей, как опять от какой-то неведомой силы резко взмыла вверх, затем промчалась над головами птиц, не задела ни одну из них, прошла над высоким пыреем и отдельными кустами – и опять воткнулась в тот же толстый столб.

Утки и гуси, видимо от чего-то слегка испугавшись, насторожились и еще сильнее заголосили. Вот-вот поднимутся на крыло.

«Кой! – подумал Хилы. – Видно, опять слишком зависил. Да ветра вроде не было. А может, все дело в стреле? Вероятно, пока они лежали дома, разохлись и искривились?»

Хилы приготовил третью стрелу. На этот раз торопился: вдруг улетят гуси и утки? Опять положил стрелу на тугую тетиву, так сильно натянул широкоплечий лиственничный лук, что казалось – вот-вот поломается. И третья стрела полетела, оставив еще более сильный свист.

Стрела летела-летела, но, дойдя до первых гусей, резко отчего-то взмыла вверх, словно от какой-то неведомой силы, затем пронеслась над головами гусей и уток, не задев ни одну из них, промчалась над высоким пыреем и отдельно стоящими кустами и опять воткнулась в столб.

Оставшись без стрел, надежных помощников охоты, он, рассердившись, резко встал на ноги. Увидев его, сидевшие на озере гуси и утки вмиг взмыли вверх. Словно всю окрестность подняли они наверх своим криком и гамом, закрыв почти наполовину своими телами синее небо. Крича и гогоча, жирные гуси и утки потянулись к югу, а некоторые подались в сторону таловой стороны реки, где в обмелевших протоках имелся для них обильный корм.

– Тьфу! – плюнул на землю Хилы. – Не человек я. Тем более – не охотник. В гусей, которые сидели на расстоянии броска аркана, и не попасть! Их можно было рукой поймать. Тьфу! А может, глаза мои плохими стали, зоркость свою потеряли? А может, все дело в стрелах, хотя я их умело мастерил. Для жирных уток и гусей специально готовил!

И Хилы, помня наставления бабушки, хотел уже зашагать в сторону дома, но вдруг остановился:

– погоди-ка! Как же я стрелы-то оставлю?! Ведь я их отсюда вижу, добро бы потерял. Пойду и возьму их, тогда и легче будет узнать – плохие они или нет. Да к тому же – столько труда затратил на их изготовление! Жалко работу...

Человек, собиравшийся тронуться домой, зашагал в сторону столба, куда воткнулись его стрелы. Да и на другой стороне озера особо высоких кочек не было, поэтому шагать было легко, да и грунт был не очень топкий.

Подошел он к стоящему толстому столбу и видит: в него, оказывается, немало стрел втыкалось. Чистого места на нем не осталось. Столб от долгого стояния уже порядком поседел, немало дождей его осеждало, не раз продувало хлесткими ветрами. И был настолько толстый, что не каждый человек смог бы его обхватить.

Хилы обошел столб, внимательно пригляделся, затем ухватился за первую стрелу, которая была пониже. Вначале ухватился одной правой рукой. Тянет, тянет – никак выдернуть стрелу не может. Взялся другой рукой. И опять пуще прежнего напрягся, но стрела вновь не поддается. Решил он отдохнуть.

Хотел он отнять руки от стрелы, но никак не может. Оказывается, руки к стреле словно волшебной силой притянуто, прилипли накрепко. Да и стрела, как железо, отвердела: не гнется, не ломается.

«Кой! – думает он. – В чем же дело? Какая здесь мудрость? Наверное, лучше ногами упрусь, тогда уж наверняка выдерну».

Подумав так, он уперся одной ногой об столб – опять не может выдернуть. Другую ногу приставил – тоже не помогает.

«Кой! – встревожился Хилы. – Смерть, пожалуй, настигла меня. Какой силой, каким духом освобожусь отсюда? Какой отец и добрая мать придут ко мне на помощь, чтобы выволить меня из плена? Так, очевидно, здесь и сгину. Здесь меня и обветрит, стану седым, как ягель. Да и прожорливые птицы, конечно, меня здесь съедят, выклюют прежде всего мои глаза».

Размышляя об этом, слышит, что где-то кто-то, словно прожорливым жадным халеем, рассмеялся. И так громко, что, кажется, небольшим громом прокатился этот смех по округе.

Хилы обернулся и видит: с той стороны широкого сора, среди высоких и низких талов, спешит к нему людоедка Порнэ. Она так торопилась к нему, что вслед за ней кусты свистели, прогибаясь в дугу.

– Ха-ха-ха! – звонко смеялась людоедка Порнэ. – Попался в мой капкан Хилы, бабушкин внук. Слишком уж сильно тебя умным считают, очень уже мудрым нарекли. От пасти морского чудовища сумел ускользнуть, от лесного людоеда Ялань-ики избавился. Уж от меня, от волшебного моего столба – вряд ли убежишь. Ха-ха-ха! В моем желудке и в желудках моих детей давно не было человеческого мяса, соскучились мы по нему. Ха-ха-ха!

Людоедка Порнэ сильно торопилась, так и рвала через высохший сор. Из-под ее широких пяток комки глины словно стаи тетеревов вылетали. Людоедка, вовсю размахивая своей длинной палкой, глубоко втыкала ее в землю, резко вытаскивала и далеко забрасывала вперед.

И вот подошла она к нему и скинула со спины увесистый мешок, тяжело грохнувшийся на землю. «Кой! – удивился Хилы. – Мешок-то из свинца отлит».

– Все! – смеясь и обнажая в широком рту свои большие зубы, сказала людоедка. – Рыбалка твоя и охотничий промысел, пожалуй, закончились. Теперь в другом месте станешь промыслять. В наших желудках. Ха-ха-ха!

У людоедки Порнэ изорванные, сшитые из лосиной шкуры лохмотья ягушки так и развевались в разные стороны. На голове включенная шапка-ушанка, сшитая из шкуры росوماхи, съехала набекрень. На ногах были у нее тоборы¹, которые от долгой ходьбы стоптались набок.

Хилы взглянул в страшное лицо людоедки, и сердце его поневоле вздрогнуло. Порнэ своим длинным носом, похожим на хвост сороки, так и водила в разные стороны. Глаза ее, словно прорубь, исходящая парами тумана, веяли затхлой сыростью. А лицо, грозное и морщинистое, было сплошь затянуто веснушками. Любому человеку и живому существу страшно было на нее глядеть. У слабонервного сердце от одного ее вида могло бы разорваться на части.

Недолго постояв рядом с Хилы, людоедка три раза своим сучковатым шестом ударила по сосновому толстому столбу, и Хилы, словно по волшебному мановению, вместе со стрелами свалился вниз. Только стук от удара о землю был слышен.

Тогда Порнэ небрежно схватила его за шиворот и грубо сунула в тяжелый свинцовый мешок. Затем медной проволокой затянула мешок и закинула его за свою широкую спину. Потом взяла в руки сучковатый шест и тронулась дорогой, по которой пришла.

¹ Тоборы – кисы из оленьего или лосиного меха.

«Кой! – задумался Хилы, находясь в темном свинцовом мешке. – Влип я, крепко влип. Кто теперь знает, куда меня притащат. Кто догадается, в чьи руки меня передадут. Может быть, мучительные боли там испытаю, возможно, и смерть себе найду».

Лежа на дне жесткого свинцового мешка, Хилы слышит, как людоедка проходит по глинистому берегу, порою еле вытаскивая ноги. «Сях-сях-сях» – слышно, как вязнут в глине ее толстые ноги. «Сях-сях-сях» – так и булькает жижистый грунт.

«Кой! – задумался Хилы и встревожился. – Коль так буду без дела отлеживаться на дне мешка, действительно в беду попаду, смерть себе найду. Надо что-то предпринимать».

В это время он вспомнил о своем поясе, где в чехле находился его сехар – остро наточенный узкий стальной нож.

«Безмозглый! – выругал он себя. – Столько времени сидеть без дела, когда имею нужный инструмент».

Хилы стал шарить за поясом, нашел деревянный чехол, ощупал сделанную из бивня мамонта рукоять ножа и вытащил его. В темноте осторожно потрогал лезвие, словно хотел убедиться еще раз в его надежности и крепости, и стал прилаживаться к работе.

Точно определил место, где находится дно мешка, чтобы ненароком потом не задеть спину злой людоедки, и стал сверлить дыру. Ножик, который был не раз закален на огне и остужен в ледяной воде, – разве сможет встретить какую-нибудь преграду? Что удержит его стальное острие? Уж никак не мягкий свинец, из которого выкован мешок Порнэ.

Недолго он сверлил, вскоре острие ножа вышло наружу. Затем он осторожно расширил дыру, чтобы мог свободно пролезть человек. После этого тихо затолкал свой нож обратно в чехол. Слегка успокоившись, Хилы обождал, когда Порнэ подойдет к низким и густым кустам тальника. И тогда, собрав в своих жилистых и послушных ногах и руках все силы, осторожно выпрыгнул на землю.

Обождал, когда людоедка отойдет подальше и скроется. Затем легко соскочил и побежал в сторону большого озера. Пришел к толстому обветренному столбу, подобрал лежащие на земле стрелы, засунул их в колчан и заторопился домой.

Когда пришел домой, соврав, сказал бабушке:

– Кой, кой! Застря я целый день таскался, только насквозь вымочился, весь измотался и проголодался. А на озере, что лежит за священным мысом, сегодня не было ни одной утки, ни одного гуся. Все куда-то сегодня улетели.

– Что поделаешь, внучек, – ответила на это бабушка, поглядывая на него исподлюбья. – Видимо, настала пора перелетным птицам пуститься в теплые края. Хотя я и сегодня видела большую стаю гусей, которая скрылась в сторону таловой Оби. Ну, бог с ними, покрасовались, и ладно: мало ли откуда могли залететь к нам. Сегодня птицы здесь носятся, а завтра совершенно в других краях окажутся. Их разве привяжешь на одно место?

После этого случая Хилы стал промышлять дичь в своих прежних любимых местах.

Пусть пока там охотится. Это его дело.

А мы же заглянем, как людоедка Порнэ дальше свой путь продолжила, с тех пор как Хилы выпрыгнул из ее свинцового мешка. Людоедка, конечно, момент выпрыгивания человека даже не ощутила. Да и как может она почувствовать такую, как пушинка, тяжесть. Как она шагала, так и продолжала дуть своей дорогой. Большие и малые кусты тала меж ног оставляла, а высокие деревья в сторону отметала своими мощными руками. У нее что – разве силы для этого не хватит?

Долго ли, коротко ли шагала она, наконец вышла к дому, построенному из отборных бревен лиственницы. Дом высотой был с плечистый столетний кедр, сенки были свиты из толстых прутьев тала и ольхи.

Людоедка Порнэ открыла двери, сколоченные из обтесанных досок сосны, и тяжело ступила домой. Трое ее сыновей и четверо дочерей моментально соскочили с места, окружили мать со всех сторон и загладели:

– Ну, мама, что принесла нам? Ну, мама, что сегодня добыла, чем сегодня угостишь нас? Наши сердца всю еду просят, а желудки давно без пищи умирают.

– Чуть погодите, чуть обождите, детки мои, – сказала им мать. – Я не зря бродила. Может быть, какой-нибудь кусочек горячего мяса и капельку теплой человеческой крови доставила вам. Разве когда-нибудь я свой мешок приносила домой пустым?

Людоедка Порнэ только-только успела скинуть с плеч тяжелый свинцовый мешок, как ее дети тут же подхватили его и вмиг подтащили к железной печи, которая жарко горела, разбрасывая золотые искры. Старший сын людоедки Порнэ тут же сноровисто развязал мешок и стал вытряхивать его содержимое. А старшая дочь людоедки в это время уже поставила на печь большой котел, залив до половины водой.

Ну, ладно, пусть она греет воду в котле. Какое нам дело до нее?

Старший сын людоедки вытряхивает и вытряхивает мешок, чуть на куски не рвет, весь уже вспотел. Ему остальные братья и сестры помогают, суетятся, бегают в ожидании еды – и вдруг все они в один голос закричали:

– Мама, мама! Мешок твой пустой! Никакого там человека нет.

– Как нет! – сказала удивленная людоедка Порнэ, снимая свою рваную ягушку. – Получше посмотрите!

Дети ее общарили внутри мешка каждый уголок и каждую извилину, но все равно ничего не нашли.

В это время к ним придвинулась людоедка Порнэ, схватила свинцовый мешок и перевернула дном вверх. Вместо того чтобы увидеть человека, она узрела на дне мешка большую зияющую дыру. Любой из ее детей смог бы протиснуться через нее.

– Вот ловкач! – рассердилась, скрипя крепкими зубами, людоедка и стала проклинять Хилы: – Вот ты где нашел спасительную тропу! Вот прыра! Но ничего. На следующий раз такую тропу не найдешь. Все равно попадешься мне в руки!

Таким образом, в этот вечер людоедка Порнэ со своими детьми так и не отведала человеческого мяса, а теплая кровь так и не пощекотала кончики их языков.

2

А в это время Хилы так и продолжает жить с бабушкой. В последний раз просмотрев гимку, стоявшую в нерестовой яме горной реки, поймал большую нельму и жирного осетра, а о прочих рыбах и говорить не приходилось: ее всегда хватало. А когда просматривал ловушки в лесу, то и тайга была к нему щедра: связки глухарей он еле дотаскивал до дому.

Хотя Хилы в достатке добывал всякую рыбу и нужную птицу, но его все же как-то беспрестанно тянуло и тянуло отведать жирных осенних уток и гусей.

В последний раз, когда ходил в лес, за священным мысом, где находилось большое озеро, пуще прежнего слышался гогот гусей и крики уток, набравших жир перед отлетом в дальние южные края. От крика птиц казалось, что земля и вода подняты были наверх, в небеса. Такой крик и там стоял, словно закатали там большую свадьбу и вовсю пели и плясали.

«Может быть, опять на это озеро податься? – думает Хилы. – Теперь я к тому же лучшие стрелы смастерил, – убеждал он себя. – Каждая на расстоянии трех бросков аркана дерево до сердцевины пронзит, на расстоянии четырех бросков аркана стоящий хорей¹ на щепки разнесет. Такая стрела разве полетит в сторону?»

¹ Хорей – шест длиной около 4 м для управления упряжкой оленей.

Придя к этой мысли, Хилы опять стал дожидаться и думать, как об этом сказать бабушке.

Да и бабушка тоже разве глаз не имеет? Видит она, что внук Хилы опять отчего-то загрустил и стал невесел. Она решила не откладывать дело в глубокий сундук. Когда настало очередное утро, во время завтрака, подав на стол вкусный питательный шумак – вяленый сырок – и полную чашку сладкой черной смородины, нехотя спросила его:

– Я смотрю, Хилы, ты опять голову до пупка опустил. Может быть, ты заболел? Сегодня здоров, а завтра, глядишь, руки и ноги поднять не сможешь.

Хилы, давно дожидаясь этого важного разговора, сразу же ответил:

– Нет, бабушка. Не болею я. Я совершенно здоров. При глазах Высокого Неба, при глазах Священного Солнца говорю об этом. Только вчера, когда возвращался с охоты, мысли мои опять к тому большому озеру устремились. И сердце мне покоя не дает. Днем из-за этого я на месте усидеть не могу, а ночью – сон не идет. Вчера я слышал, как на озере, что расположено за священным мысом, опять всю гоготали гуси и резвились, крича на все голоса, утки. Их криком и гамом словно землю и воду на небеса подняло. Этот гам до сих пор в моих ушах стоит.

Бабушка, услышав такие слова, как и в тот раз, приковалась к нему умными старческими глазами, словно хотела выведать, мол, что ты там, внук, нашел таинственного. Но, очевидно, спросить об этом не решилась, язык к такому разговору не повернулся. И она медленно, языком усталого человека, слегка прищурившись, сказала:

– Раз слышал, значит, гусей там много. Только слыхала я, что это озеро в себе опасности таит. Многие, кто охотился там, домой не возвращались. Говорят, что людей, которые потерялись около этого таинственного озера, можно было бы в семь нарт и семь лодок погрузить. Но что подделаешь, внук? Коль лыжи заскользили, коль лодка тронулась – кто сразу возвращает их обратно? Только, Хилы, осторожным будь, обдумывай каждый свой шаг. Семь раз обдумай перед тем, как завязать какой-нибудь важный узел.

– Да я разве маленький! – тут же ответил Хилы. – И мясо, и мышцы мои давно окрепли, в одни жилы превратились. В голове не однажды шквальный ветер свистел и жаркий пожар воспламенялся. Какую-нибудь рыбешку, летающую птицу и бродячего зверя домой приносил. Да и не одну дорогу до конца доводил. Секреты промысла на воде и в тайге еще не позабыл. Да и в места, где мне грозит опасность, зачем зря голову свою буду всовывать?

– Так-то так, Хилы, – согласилась бабушка. – Чем тебя удержать и привязать, когда имеешь здоровые ноги и руки? Сходи на это озеро. Только осторожным будь: пусть руки и ноги не заменят твой ум¹. И еще, внук. Если выстрелил стрелу и упала около берегов, не пытайся ее искать. Стрела куда денется? Придешь домой – настрой себе столько, сколько душе угодно. Разве не найдешь подходящего дерева для стрелы? В священном и щедром лесу деревьев пока хватает. Для одной стрелы, думаю, отыщешь.

Хилы сразу же стал собираться на охоту. Снял со стены свой широкоплечий лук, взял новые, смастеренные им стрелы, которые сделал из прямой и молодой сосны. Накинул на голову шанку-ушанку из неблюя, надернул на себя тонкую малицу, поистершуюся почти до кожи, и надел замшевые чувячки, перетянулся широким кожаным поясом, куда были навешаны клыки медведя и волка. Затем тронулся на охоту.

Шел так быстро, что еле видно было, как легко ходили его руки и ноги.

Пришел к священному мысу, за которым находилось большое озеро, и видит, что гусей и уток больше, чем в прошлый раз. От гогота гусей чуть уши не глохнут. Они свои гордые шеи то дугой изгибают, то уставляют высоким хореем. А насчет уток и говорить не приходится: камню среди них негде было бы упасть.

Хилы стал подкрадываться. Теперь он уже решил приблизиться на верный выстрел. Среди отдельно стоявших кустов, высоких и низких пружинистых кочек, поросших колющей осокой, он полз все ближе и ближе. И вот оказался у довольно плотного тальникового кустика. Слышит, как гуси словно перед его носом кричат и плавают, как они погружают головы в мелкую илистую воду в поисках корма, издавая при этом звонкое журчанье.

Хилы тихо и осторожно уселся, перевел дыхание, бесшумно снял со спины свой тугой лиственничный лук и первую стрелу приложил к тугой тетиве. Находясь совсем рядом с гусями, он весь от предстоящей радости трясся и сердце его чуть ли не выпрыгивало из груди наружу. Хилы сильно натянул тетиву, выбрал гуся, который находился к нему поближе. В середину шеи прицелился, чтобы стрела вновь не пролетела сверху. И вот она звонко просвистела.

Стрела, раскалывающая на щепки лыжи, расщепляющая на куски стоящий воткнутый хорей, только приблизилась к сидевшему гусю и опять

¹ Чтобы ум не перешел с головы к рукам и ногам.

от какой-то неведомой силы резко взмыла вверх и, пролетев над головами гусей и уток, оставив под собой высокий пырей и одинокие кусты тальника, ударилась в толстый столб, который стоял на другой стороне озера, и застряла там.

«Видимо, вновь слишком завысил, – подумал Хилы. – Да еще, очевидно, очень торопился, как следует не прицелился. Из-за этого, кажется, стрела виляла хвостом».

Хилы достал вторую стрелу и положил на упругую тетиву, прицелился, взял еще пониже, сильно натянул пружинистые плечи лука, так что тот чуть не разломался, – и просвистела вторая стрела.

Стрела летела-летела, уже готова была пронзить шею первого сидевшего гуся, как резко взмыла вверх, словно кто-то специально подтолкнул ее острый наконечник снизу. Затем, пролетев над головами сидевших гусей и уток, над высоким пыреем и одинокими кустами тальника, – опять ударилась и вонзилась в толстый столб, который стоял на другой стороне озера.

«Кой! – подумал он. – Что с моими стрелами случилось? Кто их околдовал, кто их проклял? Разве не грешно: среди бела дня не попасть в гусей, сидящих перед носом и которых можно чуть ли не схватить рукой! А может, все дело в стрелах? Пока лежали они, рассохлись и искривились».

Думая так, Хилы взял третью стрелу. Попридержал в руке, словно хотел определить: кривая она или нет. Внимательно присмотревшись, понял, что стрела отличная.

Затем, не торопясь, положил ее к тугой тетиве, сплетенной из лосиных жил. Немного отдохнул, успокоил сердце, задержал дыхание и опять сильно натянул свой упругий листовенный лук. Чуть-чуть не треснули плечи у лука – и третья стрела помчалась к цели. Так быстро понеслась она, что травы и ветки, находившиеся поблизости, слегка закачались.

Стрела летела-летела, уже готова была вонзиться в шею гуся, как резко, словно от какой-то неведомой таинственной силы, взмыла вверх, пролетела над сидящими гусями и утками, никого из них не задев и оставив под собой низкие и высокие травы и одиноко стоящие кусты, опять с шумом воткнулась в толстый столб.

От гулко-го удара стрелы о столб мирно жировавшие утки и гуси перепугались, моментально взмыли вверх, подняли невообразимый шум, казалось, небо и воду утащили на своих крыльях. Стаи гусей и уток, закрыв собою полнеба, скрылись в южную сторону. Часть подалась на таловую сторону реки, где было в обилии разного корма.

Оставшись без средств охоты, незадачливый охотник, злой и сердитый на весь белый свет, вскочил с места. Только глазами проводил стаи уток и гусей, скрывшихся в сиреневой дали.

– Тьфу, – резко выплюнул он. – Не человек я. Не охотник я! Не попасть в столько уток и гусей, в которых можно было любой лежавшей палкой попасть, не грешно ли это?!

Хилы ходил туда-сюда среди высоких пружинистых кочек и размышлял:

– Может, руки мои ослабли, может, глаза мои потеряли зоркость? А возможно, все дело в стрелах? Хотя перед выходом на охоту я ими поставленные для меты широкую лыжину и воткнутый хорей с первого раза в щепки раздробил и разнес. Тьфу! – от злости и негодования он вытащил из-за нижней губы табачную жвачку и сердито отбросил подальше.

Затем он, помня слова и наставления бабушки, зашагал к дому. Но, пройдя с десяток шагов, остановился:

– Погоди-ка, – тихо сказал он себе, – как можно оставить такие стрелы?! Жалко бросать их. Да и стоят они перед моими глазами, будто сердце мое рвет на части. Если бы потерялись – другое дело, другой разговор. Чай, как-нибудь достану на сей раз. Сегодня я в рукавицах буду вытаскивать их, – враз сообразил он и тут же достал из-за пояса свои кожаные рукавицы, сшитые из оленьих лап. – Ведь рукавицы же – не мои руки, они не прилипнут к столбу. Тогда и опасности для меня не будет, и дело склеится, – обрадовался он.

Придя к этой неожиданной мысли, Хилы торопливо зашагал к столбу, стоявшему на другой стороне озера. На сей раз ноги его повеселели, вышагивал легко и свободно, словно не было высоких и низких кочек, не попадались топкие места, где можно было увязнуть в глинистой жиже.

Подойдя к столбу, обошел его, сел на замшелый пенек, заложил за нижнюю губу молотый табак. Теперь ему куда торопиться, когда он понял волшебство и тайну столба. Недолго отдохнув, снял с пояса свои поношенные рукавицы, аккуратно надел их и взялся за стрелу, которая воткнулась ниже всех.

Сначала ухватился правой рукой за стрелу. Тащит-тащит, но никак не может выдернуть стрелу. Провозясь так довольно долго, взялся за нее второй рукой.

«Теперь-то что мне бояться, – подумал он, – коль рукавицы притянет к столбу – брошу их. Разве рукавицы одни? Если надо – бабушка новые сошьет. Лучше этих».

И опять он, напрягшись, стал тянуть стрелу двумя руками, так и сяк пытается ее расшевелить и раскачать, но вновь ничего не получается. Немного отдохнул и с новой энергией принялся за дело.

Когда окончательно обессилел и хотел разомкнуть пальцы – тут же понял: это ему не удастся. Ладони через рукавицы притянуло к стреле, которая не гнулась и не ломалась.

Рассердившись и выйдя из себя, он потерял над собой контроль, и правая нога как бы сама собой уперлась о столб. И ее в тот же миг притянуло. Напрягшись, уже почти автоматически вторую ногу подставил, и ее постигла та же участь. Как и в тот раз, прилип он руками к стреле, а ногами – к волшебному столбу. А стрела по чьему-то волшебному мановению стала настолько крепкой, что даже от человеческой тяжести не прогибается и не ломается.

«Кой! – подумал он. – Опять попал в беду! Вновь меня перехитрили!»

Не успел Хилы подумать так, как на луговой стороне широкого сора нахально захохотала людоедка Порнэ. Как прожорливый халей при виде сытной добычи, заливалась она радостным смехом.

Хилы взглянул на таловый берег сора и увидел, как через нижние и высокие тальники пробирается и торопится к нему страшная людоедка.

– Ха-ха-ха, – пуще прежнего ржала она. – Теперь-то, Хилы, от моих рук не ускользнешь! Лучшее орудие лова для тебя захватила. Ха-ха-ха. От морского чудовища, моего отца, сумел увильнуть, Ялань-ики, лесного людоеда, обхитрил, а от меня не убежишь. Захлопнулся над тобой капкан. Хотя тебя самым умным и мудрым называют люди. Ха-ха-ха! Я теперь проверю и испытаю твою мудрость и волшебство. Давно мои зубы человеческого мяса не пробовали, давно мой язык теплой крови не ощущал.

Людоедка Порнэ так и торопится, так и несется через высохший к осени сор. Из-под пяток ее комья грязи так и вылетают, словно стремительные стрелы, а длинностебельный муксутун¹, путающийся в ее ногах, связками аркана отлетает подальше.

Людоедка широко размахивала своим сучковатым тяжелым шестом, глубоко втыкала его в землю, а за спиной у ней был виден мешок, намного объемистей, чем в тот раз.

Подошла она к Хилы. Скинула с плеч мешок, сделанный из медных листов. Затем против движения Солнца прошла четыре раза вокруг столба и ударила своим шестом три раза по нему, и Хилы вместе со стрелами рухнул вниз.

¹ Муксутун – водная трава.

Людоедка схватила его за шиворот, приподняла до уровня глаза и громко засмеялась: и у ней широко обнажились острые и почерневшие грязные зубы. Она ржала и временами щелкала зубами. Выдавлив зло, она сказала:

– Все, Хилы! Промысел твой на рыбу, промысел твой на зверей и птиц закончился. Теперь в другом, более удобном месте станешь промыслять. Кипящий котел в моем доме тоже, как гуси и утки, гоготать и свистеть будет. Ха-ха-ха!.. – словно в ширину устья сора раскрыла она свой широкий рот.

Закончив говорить, она еще выше приподняла Хилы на руках и пуще прежнего заржала хриплым голосом:

– Хорошо, хорошо! Кажется, еще тяжелее стал. Еще успел набрать жирку. Суп питательней станет. Ха-ха-ха!..

Затем людоедка Порнэ с силой втокнула его в медный мешок: только звонкий стук внутри раздался. После этого мешок затянула железной проволокой, закинула груз за спину и, довольная, зашагала к дому.

«Кой, – думает Хилы, оказавшись на дне медного мешка. – Опять в беду попал. Тьфу ты! Да и кто знал, что через рукавицы притянет меня к столбу? Если бы догадывался, разве пошел бы на такой рискованный шаг? Разве стрел я не видел!»

Хилы слышит, как под подошвами людоедки хлупает глина, и после каждого ее шага все больше волнуется он.

«Кой! – вдруг передернулся он. – Сколько еще можно мне размышлять – мысли свои, подобно сети, из одного конца в другой конец перебирать? Коль так буду отлеживаться, то точно в беду попаду. И как сказала людоедка, буду лежать в горячем котле и издавать оттуда гогот и свист. Надо что-то делать!»

Как и в тот раз, вспомнил про свой узкий сехар – ножик с узким лезвием. Особо не шевелясь, чтобы людоедка не догадалась о его намерениях, Хилы потихоньку добрался до спасительного ножа.

Но и людоедка на этот раз стала умнее. Идет-идет она и останавливается, скидывает на землю мешок, заглядывает вовнутрь: на месте ли Хилы. И вот однажды, когда людоедка закинула за плечо медный мешок, Хилы стал быстро действовать: сверлить дно мешка. Ножик, не раз закаленный на огне, не раз остуженный в ледяной воде, большую силу имел. Разве медный мешок его удержит?!

Недолго он сверлил и нужных размеров дыру сделал. Взглянув оттуда, Хилы видит, что людоедка пробирается сквозь густой кустарник тала и ольхи.

Хилы подобрал под себя ноги, напрягся – и, как проворная белка, выскочил из медного мешка.

Обождал, пока Порнэ отойдет подальше, затем резво соскочил и двинулся своей дорогой.

«Кой! – подумал он. – Успел еще как-то». – Чуть подальше, кажется, крыша дома людоедки проглядывалась.

А Хилы торопился к большому озеру, к толстому волшебному столбу. Придя туда, захватил лежавшие на земле стрелы, подправил за плечом свой лук и тронулся к дому.

Придя домой, бабушке сказал:

– Кой, кой, бабушка! Беда одна, не везет мне. Сегодня вновь впустую шатался, зря вымочился в траве и выпачкался в глине. На озере ни одного гуся, ни одной утки не было, – опять соврал он. – Даже маленького чирка не заметил, турухтаны и те куда-то подевались. Уж они-то всегда стаями носились.

– Что поделаешь, внук, – ответила бабушка, еще подозрительнее взглянув на него исподлобья. – Гуси и утки, видимо, покинули это место. Да и время отлета в теплые края приближается. – Затем, словно для того чтобы вести нить разговора дальше, добавила: – Я-то здесь к вечеру большую стаю гусей видела. Она в таловую сторону подалась. Видимо, большое озеро за священным мысом гуси в стороне оставили, не завернули туда. Ну ладно, внук, в этом нет беды. Сегодня дичи не добыл, завтра добудешь. Священная земля и священная вода богатствами своими пока не обеднели.

И Хилы стал жить по-прежнему. В старых местах стал проверять свои слопцы на глухарей и тетеревов, ежедневно просматривал выставленные в нерестовой реке гимки.

Ну ладно, пусть он себе живет.

А мы же поглядим, как людоедка Порнэ свою остальную дорогу к дому прошла.

Когда Хилы выпрыгнул из медного мешка, людоедка, конечно же, не почувствовала этого. Таща на себе такую большую ношу, разве ощутишь облегчение, если весь Хилы по сравнению с тяжелым мешком – как пушинка.

Подошла она к своему дому. Радостная людоедка специально сильно втыкала в землю свой сучковатый посох, чтобы заранее услышали ее дети. Но дети не выскочили на улицу. Тогда она отшвырнула посох в сторону и зашла домой. Только она закрыла за собой массивную дверь, сколоченную из толстых досок, как трое ее сыновей и четверо дочерей соскочили со своих мест, облепили мать и в один голос закричали:

– Мама, мама, что нам принесла?! Мама, мама, что добыла сегодня?! Сердца наши еды просят, и желудок нам покоя не дает. Без пищи скоро умрем.

– Обождите, обождите чуток, детки, – ответила она. – Сегодня, кажись, пустой не пришла. Какой-нибудь теплый кусок мяса отведаете, какую-нибудь капельку горячей крови выпьете.

Услышав такие слова, дети ее на весь дом стали кричать, прыгать и галдеть. Они хватались за полы ее ягушки и рвали туда-сюда. И со всех сторон только и доносится:

– Мне жирный кусочек от носа.

– Мне человеческие уши.

– Мне печень.

– Мне костный мозг...

Людоедка Порнэ скинула с плеч тяжелый медный мешок на пол и сказала:

– Немного успокойтесь, детки. Всем хватит еды. Теперь, когда добыча в руках находится, – чего бояться нам? Все в нашем желудке окажется!

Пока одна дочь развязывала медный мешок, другая уже поставила на железную печку большой котел, залив его водой, а третья выбежала на улицу за дровами.

Ну ладно, пусть печь топится и огонь горит. Не наши же дрова горят?

Когда дети людоедки развязали мешок, старший сын, чуть не плача, закричал:

– Мама, мама! Пусто в твоем мешке! Никакого человека там нет!

– Как нет?! – сказала Порнэ, снимая свою ягушку и бросив ее на циновку, сплетенную из грубой соломы. – Как нет?! Посмотрите получше. Перед приходом домой он в мешке сидел. Только показалась крыша дома, я специально останавливалась. Посмотрела – Хилы на месте был. За это время где мог скрыться, куда мог исчезнуть? Полететь – крыльев нет у него. Уплыть куда-нибудь – воды не было рядом.

Людоедка Порнэ подошла к двери, схватила мешок, подтянула поближе к печке, раскрыла его, заглянула вовнутрь и даже засунула туда свои костлявые пальцы. Затем перевернула мешок дном наверх. Она увидела огромную дыру, через которую свободно пролез человек.

– Вот пройдоха! – почесав резко грубые, растрепанные волосы, закричала людоедка, оставшаяся ни с чем. – Опять ускользнул Хилы. Вот пройдоха! Но ничего. На следующий раз он не найдет тропу, чтобы ускользнуть. Ни по воде, ни по суше не уйдет! Все равно Хилы окажется в моих руках! Обязательно будет в моих зубах...

А вокруг нее дети, оставшиеся тоже ни с чем, стояли понутив головы, молчали и тихо чесали затылки.

Таким образом, и в этот вечер людоедка Порнэ вместе со своими детьми не отведали человеческого мяса и теплой крови. И легли спать без сытного ужина.

Только жиденский чай попили...

3

А Хилы по-прежнему со своей бабушкой живет. Удами у устья сора неплохо ловил жирных печенистых налимов, а петлями, умело выставленными им в ближнем лесу, каждый день добывал краснобровых глухарей и осторожных тетеревов.

А осень все сильнее дышала холодами, иней по утрам опутывал землю своей серебряной бородой. Птицы, улетающие в теплые края, с прощальными криками потянулись на юг.

Хилы, сумевшего в предыдущие два раза ускользнуть от людоедки, – а в последний раз еле ноги унес, – опять потянуло к глубокому озеру, что лежало за священным мысом. В последний раз, когда возвращался с охоты, хорошо слышал, как там вовсю, как никогда, галдели гуси и утки, словно только они являлись хозяевами этой воды, земли и неба. Стоял такой крик, будто там проходила медвежья пляска.

Долго стоял на одном месте Хилы. Человек, добывавший не одного гуся, человек, приносивший домой не одну утку, разве удержится на одном месте? Опять сердце не дает ему покоя.

«Может быть, сходить в последний раз на это озеро, – размышлял он. – Да и на этот раз какие только стрелы я не смастерил! Глядеть на них жаль. А как метко попадают они в цель! Одну стрелу, попавшую в цель, другая сзади прямо в паз раскалывает. Каждая стрела даже на толщину волосинки в сторону не отклоняется. Да и теперь-то я с ума не сойду. Новый прием стрельбы изберу. Уток и гусей с другого берега буду стрелять. Со стороны, где стоит толстый столб. Вот тогда-то столб останется ни с чем... Обхитрю тебя, шельма!..»

Придя к такой мысли, Хилы дома потихоньку в дорогу стал готовить-ся. Только не знал, как об этом бабушке сказать.

Но бабушка тоже глаза и уши имеет: не одного ребенка она вырастила и выходила. Сразу догадалась, почему Хилы загрустил и стал невеселый. Утром, за завтраком, взясь с мясистым глухариним крылом, она спросила:

– Я гляжу, внук, ты голову опять повесил. Скоро до колен опустишь ее. Может быть, заболел? Долго ли заболеть. Сегодня здоров, не чувствуешь, как руки и ноги ходят, а завтра – пальцами не сможешь пошевелить.

Хилы, давно дожидавшийся начала такого разговора, сразу же ответил:

– Не болею я, бабушка. Я весь здоров. Только меня опять манит туда, где за священным мысом большое озеро находится. Сердце не дает мне покоя. Кушать из-за этого не могу, сон потерял. Вчера, когда возвращался с охоты, на этом озере всю утки и гуси кричали и гоготали. Одна стая не успеет сесть на озеро, как другая подлетает. Видимо, перед отлетом на юг гуси жиру набрать торопятся.

Бабушка, услышав такие слова, опять приковалась надолго к нему глазами, словно хотела выяснить: что же там внук ищет, что он там нашел? И при этом каждый раз пустым домой возвращается.

Хотя и хотела бабушка спросить его об этом, но, как и в те два раза, сдержалась и тропу разговора повела в другую сторону:

– Дичи-то, конечно, там много. Только от людей я слышала и ночью об этом же во сне видела, что озеро это опасности таит. Я так и сак пыталась во сне разузнать про имеющиеся тайны, но не смогла. Какая-то женщина, не показавшая лица, вдруг напугала меня, и я проснулась. Помоему, коль эту тайну во сне не разгадала, значит, оно имеет злых духов и чертей.

– Каких там чертей, бабушка?! – тут же ответил Хилы. – Откуда им там быть? Если бы что-то там имелось, то я разве столько раз домой приходил бы целым и невредимым?

– Так-то так, Хилы. Все же осторожным будь. Осторожность для доброй и счастливой дороги вреда не наделает.

– Да я разве, бабушка, маленький: леса и чащобы проходил, через многие воды широких рек и глубоких озер переваливал. Там, может, тоже разные черти были и, возможно, какое-то колдовство имели. К тому же я зачем понапрасну на опасное место голову свою подставляю. Что, жить мне не хочется? Да я и ногами на гиблое место не наступлю, и руками к смертельной струне не притронусь...

– Так-то так, Хилы, – согласилась бабушка, взглянув в сторону красного священного угла, словно советуясь со своими невидимыми духами и выпрашивая у них для внука хорошей и доброй дороги. Затем резко взглянула в сторону внука и дальше продолжила разговор: – Что поделаешь, внук? Сходи к озеру. Оленей, запряженных в дорогу, не распрягают.

Нарту, снаряженную священными вещами, на полпути не разгружают. Только, внук, внимательным будь. Чтобы сердце и ум не подчинились рукам или ногам. Чтобы не смогли они увести тебя на безрассудный шаг. И еще. Выстреленную стрелу, коль она упала на берегу озера, не ищи и не подбирай. Разве стрел не хватает? Домой придешь – сколько тебе нужно, заново смастеришь...

Хилы, кивнув головой, сразу стал собираться в дорогу.

Малицу свою, истершуюся до кожи, надел на себя. Натянул на ноги замшевые чувячки, завязался широким поясом, на котором были навешаны медвежьи и волчьи клыки. Прихватил с собой небольшой оселок. Взял три стрелы, закинул на плечо тугой широкоплечий лук и тронулся в путь.

Шел так быстро, что не слышал, как ходят ноги и двигаются руки.

Придя на озеро, увидел, что там полно гусей и уток. Их было столько, что, кинув аркан, можно было поймать живую, летающую дичь. А если метнуть палку, то она, ударившись о живую стенку уток и гусей, сразу остановилась бы на месте. Утки и гуси так кричали и гоготали, что их гам за семью холмами был слышен, в истоках отдаленных семи речек.

Сегодня Хилы с другой стороны озера стал подкрадываться, а стоящий на берегу толстый сосновый столб за своей спиной оставил.

«Вот так-то, волшебный столб! Утру тебе сегодня нос. Поплюю на тебя, посрамлю перед священным лесом и животворной водой. Да и всеильное Солнце и Высокое Небо пусть посмеются над тобой, как я тебя ловко перехитрил», – с удовлетворением подумал Хилы. Немного отдохнув, начал приближаться на верный выстрел.

Между высокими и низкими кочками так и ползет он, руки в кровь осокой порезал. Еле-еле подполз к отдельно росшему кусту у берега озера. Здесь опять немного передохнул. Хорошо слышит, как гуси и утки перед его носом плавают, погружают клювы в воду за питательным кормом. «Буль-буль-буль» – только и слышится.

Хилы потихоньку и осторожно взял с плеча упругий лиственничный лук и положил на тетиву, сплетенную из крепких жил лося, первую стрелу. Затаив дыхание, натянул до отказа тугую тетиву и прицелился в сидящих гусей, примерно в середину шеи, и первая стрела полетела.

Стрела, раскалывавшая сзади паз первой, чуть-чуть не вонзилась в шею гуся, но в это время отчего-то, словно от таинственной невидимой силы, круто взмыла вверх, домчалась до середины озера, затем, резко развернувшись, полетела в обратную сторону и воткнулась в толстый столб, стоявший на берегу за его спиной.

«Скорее всего, слабо натянул тетиву лука, – подумал он. – К тому же, видимо, стрела попала под порывы ветра, поэтому ее так и развернуло».

Хилы положил на тетиву вторую стрелу. Теперь он с учетом порыва ветра взял намного правее и опять запустил. Стрела так быстро вылетела, что от свиста шелохнулись трава и листья на кустах тала.

Стрела, точно попадавшая в цель и разившая летевшую птицу в глаз, донеслась до первого гуся, как вдруг, будто от какой-то волшебной силы, взмыла вверх и от середины озера круто развернулась, полетела обратно и опять угодила в толстый столб. Ударилась о столб так крепко, что далеко был слышен грохот, и в разные стороны полетели щепки.

Гуси и утки от этого резкого стука, конечно же, приподняли шеи, оглянулись в разные стороны, а некоторые чуть было уже не взмыли.

«Кой, – с горечью подумал он. – Что стало с моими стрелами? Кто их околдовал, кто их проклял? Не грешно ли – не попасть в дичь, которая сидит на таком расстоянии, что можно схватить рукой! А может, пока стрелы лежали, ссохлись и искривились?»

Думая так, Хилы последнюю стрелу вытащил, предварительно внимательно разглядел: не стянуло ли ее в сторону. Повертел в руках и опытным глазом определил, что со стрелой вроде бы все нормально.

Затем осторожно положил ее на тетиву и пуще прежнего натянул тугой лиственничный лук. Сильно волновался Хилы перед тем, как выпустить последнюю стрелу. Чувствовал, как бьется его сердце и дрожит тело. А он все натягивал и натягивал тугую тетиву – плечи лука изогнулись в дугу. Вот-вот треснут и разломаются. Прицелился в гуся, который сидел ближе всех, и запустил третью стрелу. От ее полета только свист остался, а мелкую траву и отдельные ветки зашевелило.

Стрела, которая разила бегущего зверя в сердце, чуть-чуть было не угодила в голову гуся. Но вдруг, словно от какой-то неведомой таинственной силы, резко взмыла вверх, пронеслась над головами гусей и уток, долетела до середины озера, затем вновь, словно по волшебству, развернулась, помчалась в обратную сторону и шлепнулась о толстый столб. Ударилась так сильно, что столб задрожал и щепки рассыпались в разные стороны.

От стука стрелы сидевшие утки и гуси перепугались и дружно, с криком, взмыли вверх. Почти все небо затянуло стаями испуганной дичи. Гуси и утки, издавая невообразимый гам, подались в таловую сторону реки и постепенно скрылись. От крика птиц он чуть не оглох.

Охотник, оставшись без стрел, сразу приуныл, плюнул от злости и встал. Долго-долго смотрел он вслед улетевшим стаям, словно разматы-

вал за ними аркан. Но только какое счастье этим он добудет: ни желудку не даст сытости, ни уму не принесет радости.

«Тьфу! – ударил он луком по кусту тальника. – Не человек я! Не охотник я! Столько гусей и уток сидело, да на таком расстоянии, что руками можно было поймать их. И промазать... Не грешно ли это? – Чтобы снять огорчение с сердца, он вышагивал туда-сюда среди высоких и низких кочек и думал: – Может, действительно совсем состарился. Глаза потеряли зоркость, потому плохо и прицеливался. Может, руки ослабли и не смогли как следует натянуть тетиву лука. Тьфу!» – рассердился Хилы и, еще раз плюнув на траву, выбросил из-за нижней губы слежавшуюся табачную жвачку.

Затем он, помня сказанные бабушкой слова и советы, не забыв предыдущие случаи, когда он чуть не нашел себе смерть, зашагал домой. Уже прошел половину пути, как вдруг резко остановился:

«Кой, неужели я с такими стрелами расстанусь? Разве можно их оставлять? Если так буду жить, то я ничего не добуду, ничего не накоплю. К тому же зачем мне опять прилипать к толстому столбу? Да и надо как-то все равно эту тайну разгадать. По-моему, волшебство столба заключено в сучковатом шесте, который имеется у людоедки Порнэ. В самом деле – только ударит она им по столбу, как стрелы мои сыплются вниз, и я вместе с ними падаю на землю. Может быть, каким-нибудь образом этот волшебный шест в моих руках окажется?! Возможно, если быть осторожным, сегодня я не прилипну вовсе. Возьму – и по стрелам ударю своим луком. Зачем мне столба руками касаться, коль опасно это. – Так, стоя на одном месте, Хилы тер себе виски и наконец сказал: – Да и если вновь попадусь, может, и живым останусь. За предыдущие два раза ничего же со мной не случилось. И на третий раз, коль на небе есть бог, жизнь свою сохраню».

Думая так, Хилы вдруг резко развернулся и направился к священному мысу, за которым находилось большое озеро. Еще быстрее шагал, чем раньше, рук и ног своих не чувствовал.

Подошел к толстому столбу, обошел его три раза, уселся и положил под нижнюю губу молотого табаку.

Затем потихоньку и осторожно взял в правую руку широкоплечий лук, собрался с силами, размахнулся со всего плеча и ударил в нижнюю стрелу. Только задел стрелы, как его сразу же притянуло туда, а вслед за этим к луку притянуло его руки. Возится, возится Хилы, дергает изо всех сил лук, но никак не может от него оторвать руку. Вдруг почувствовал: вроде лук отрывается, и он ухватился второй рукой. И в тот же миг вторую руку накрепко притянуло к столбу.

Пуще прежнего, подобно необученному дикому оленю, впервые попавшему в аркан, стал дергаться он. Выбившись из сил, Хилы в забытьи уперся в столб одной ногой, затем другой, и обе они прилипли к столбу. И так он висит: руки не шевелятся, ноги не двигаются. Без помощи другого человека вряд ли он освободится.

«Кой! — думает он. — Опять в беду попал!»

Не успел он подумать так, как раздался дикий голос людоедки Порнэ. Такой заливистый, горластый и нахальный. Не то что раньше. Смех людоедки, наверное, на расстоянии трех мысов сора был слышен, на расстоянии семи далеких озер эхом перекачивался.

Хилы взглянул на другой берег сора и увидел: среди высоких и низких талов, перешагивая через низкие кусты, к нему спешила людоедка Порнэ.

— Ха-ха-ха, — смеялась и ржала она, оглашая своим криком и смехом окрестности. — Ха-ха-ха! От морского чудовища — моего отца ускользнул, лесного людоеда Ялань-ики сумел обхитрить, а у меня все же, кажется, застрял. Хотя тебя люди самым умным и мудрым считают. Теперь я твою мудрость и ум в горячем котле испытаю, а затем в желудке моем и детишек проверю. Ха-ха-ха! И так уже два раза обманывал их и меня подводил. Теперь-то ты на надежном замке. Давно мои зубы вкусного человеческого мяса не пробовали, а детки теплой крови языком не лизали.

Людоедка Порнэ так и спешила через широкий высохший сор. Вязкие комки глины так и вылетали из-под ее пяток, связками аркана путался под ее ногами муксутун и издавал монотонный звон. Она держала в руках волшебный сучковатый шест, широко размахивала им, глубоко втыкала в землю. На спине тащила уже какой-то другой мешок, отличный от предыдущих, по всему виду, значительно тяжелее, так как это чувствовалось по ее походке.

Вот людоедка подошла к нему, скинула с плеча тяжелый мешок. На сей раз он был зеленый. Людоедка четыре раза обошла толстый столб против хода солнца, затем три раза ударила по нему своим волшебным шестом. Хилы свалился на землю, вслед за ним посыпались и стрелы.

Людоедка Порнэ схватила его за шиворот, приподняла высоко, потрясла и сказала, хвастаясь:

— Все, Хилы! Рыбалка твоя и охота кончились навечно. Теперь в другом месте станешь промышлять. Кипящий котел немного похож на маленькое озеро, внутренность желудка слегка на дремучий темный лес смахивает. Сколько твоей душе угодно охотиться там, никто тебе

мешать не будет. Ха-ха-а! – широко, как устье протоки, раскрыла свою пасть Порнэ.

После, сказав с издевкой, что он стал еще тяжелее прежнего, силой швырнула его в железный мешок. Только тяжелый стук раздался, а Хилы показалось, что у него все руки и ноги полопались, костей целых не осталось.

Людоедка Порнэ затянула проволокой железный мешок, подняла его и закинула за плечо, сказав при этом:

– Хороша добыча, чувствуется тяжесть! Вкусный суп сварится! Наконец-то желудок наполнится.

Порнэ взяла в руку волшебный сучковатый шест и тронулась в обратный путь. Быстро шагала она, и слышно было, как Хилы ударялся временами о стенки железного мешка.

«Кой, – думает опять Хилы, находясь в темном мешке. – Плохо дело, в большую беду попал – не ожидает ли меня смерть?»

Затем вспомнил, как и в предыдущие разы, о своем спасителе-ноже и сразу же нащупал чехол. Сжав рукоять, выдернул остро наточенный ножик. Времени на сей раз у него в обрез. Железный мешок – это не свинцовый и не медный. Еще неизвестно – одолеет или нет крепкое железо его секар – узко отточенный нож, который был не на одном огне закален и не на одной ледяной воде охлажден.

Взяв в руки ножик, он принялся за знакомое дело.

Хотя на этот раз людоедка Порнэ и имела надежный железный мешок, все же она временами останавливалась и заглядывала внутрь: там или нет Хилы. Убедившись в его сохранности, еще быстрее шла к дому. В это время Хилы, разумеется, притворялся мертвым, прятал свой ножик и не шевелился.

И только людоедка начинала шагать дальше, как он с еще большим рвением принимался за свою нелегкую работу. Плохо поддавался железный мешок. Не один раз Хилы подтачивал оселком иступившийся кончик ножа, и все равно дело продвигалось очень медленно. Только кончик ножа вышел у него наружу, как услышал, что острие отломилось.

Он тут же взялся затачивать новое острие. Точа кончик ножа, слышал, как людоедка пробирается сквозь заросли тала и кусты ольхи. Заточив кончик ножа, вновь принялся за работу. Он уже весь вспотел. Когда в отверстие пролезал кулак, Хилы услышал, что Порнэ замедлила шаги. Взглянул через дыру вниз и видит: лежат внизу щепки, валяются человеческие и разных животных кости. Людоедка сделала еще несколько шагов, и за ней проскрипела массивная тяжелая дверь.

Только людоедка Порнэ оказалась в доме, как с разных сторон раздались крики:

– Мама, мама, что принесла, что добыла?

– Немного погодите, детки, не торопите. Сегодня-то уж точно без добычи не пришла. Хотя и долго шагала, хоть и до смерти устала – мешок, по-моему, не пустой.

И людоедка Порнэ тяжело скинула со своего плеча железный мешок, и от гулкого удара пол затрясся, даже вздрогнули толстые бревенчатые стены.

Радостные дети людоедки, услышав такую приятную весть, стали кричать и плясать. К железной печке с трудом подтащили железный мешок и, еще не открыв его, стали выкрикивать:

– Мне жирный нос.

– Мне уши.

– Мне жирную грудину.

– Мне мозги...

– Немного успокойтесь, – прикрикнула на детей людоедка. – Всем хватит покушать. Теперь-то что? Коль добыча в наших руках – разве уйдет?

Когда развязали железный мешок, людоедка с детьми видят: Хилы сидит на дне мешка и смеется, глядя им в глаза.

Порнэ, увидев такое, была ошеломлена, растерялась, даже сердце словно вздрогнуло, слова у ней застряли в горле, и наконец сказала:

– Ты почему смеешься, Хилы? Чему радуешься? Что, перед смертью своей в последний раз храбришься?

– Почему в последний раз, – ответил Хилы. – Ты очень уж торопишься. Слишком быстро свой котел на печи не разогревай. Ты только подумай: как я попался в твои руки. Целый месяц за гусями охотился на большом озере за священным мысом. Три раза приходил на озеро и не убил ни одного гуся, даже утенок в руки не достался. И все это время я с бабушкой жил почти впроголодь. И все из-за твоего колдовства. Петли, которые стояли в лесу, тоже ничего не добывали. Удоды, что выставлял на реке, тоже ничего не вылавливали, дно лодки каждый раз пустым было. Целый месяц почти на одной воде жил, временами только кушал шумух – вяленый сырок. И то он в последнюю неделю кончился. И от такой еды за это время у меня только кости остались, почти одна тень. Сама подумай: если бы у меня была еда, разве бы я пришел на то место в третий раз, где мне грозила явная смерть и откуда два раза едва уносил свои ноги? Поэтому, Порнэ, у меня один скелет остался, одна кожа сухая. Мясо мое вкус не имеет, жира не имеет.

– Это, пожалуй, точно, – согласилась Порнэ. – Коль был бы ты с едой –

рыбой и мясом, то вряд ли ты испытывал бы свою судьбу. Мало-мальски умный человек так не поступил бы.

– Вот именно, Порнэ. Именно так. – И Хилы дальше продолжил мысли людоедки: – А пустые кости – какой толк варить: ни силы не прибавят, ни ума не добавят. Вы вначале меня накормите как следует, чтобы я упитанным и жирным стал. Только после этого можно будет есть меня, только тогда вы узнаете вкус человеческого мяса. Тогда и кушать с аппетитом станете, да и какой-то толк для себя получите.

– И точно так, – согласилась людоедка. – Не будем мы тебя сразу варить. Но мы тебя привяжем железной цепью, чтобы ты никуда не убежал. По-другому нельзя – удерешь. Я хорошо изучила тебя.

Сказав так, Порнэ выдернула его из железного мешка, затем вытащила из его чехла находившийся там его сехар – узкий ножик и закинула его на дальнюю полку, куда не могла достать его рука.

С этого дня стали откармливать Хилы самой лучшей едой. Ставили на стол ему жирного осетра и нежную нельму, деликатесного рябчика и жирную грудину оленя. Каждый день давали по большой ложке рыбьего жира и даже временами преподносили питательную осетровую икру. Иногда, садясь кушать, людоедка со стола своих детей отбирала кусок пожирнее и подносила Хилы, и каждый раз она приговаривала:

– Ничего, детки, потерпите. Зато он быстрее поправится. Все равно потом это нам сторицей вернется, нам же его придется кушать, в наших желудках он окажется.

Никогда Хилы не кушал столько разной еды. Порнэ, имевшая волшебный шест, разве еду не могла достать? Любые зверь и птица были доступны ей. Не могли ускользнуть от нее ни олени, ни крепконогие лоси, ни жирные гуси, ни маленькие турухтаны, мясо которых было особенно нежным. А о ягодах разных и говорить не приходилось: ими были переполнены амбары людоедки.

Конечно, от такой сытной и питательной пищи Хилы не мог не поправиться. Только его всегда держали на виду, не позволяли прикасаться к ненужным ему вещам. На улицу, по своим надобностям, тоже ходил в сопровождении людоедки. Так прошел, наверное, месяц. Протоки и реки к этому времени заковало льдом, а на землю лег пушистый снег.

Однажды, когда наступило утро, Порнэ велела поставить большой котел на железную печь, затем жарко затопила ее и говорит Хилы:

– Пожалуй, хватит тебя кормить. Твои щеки уже от жира трясутся, костей твоих не нащупаешь. Стал совсем круглым, еле ворочаешься. Настала пора тебя съесть и твоим мясом полакомиться.

Хилы, услышав такой разговор, не только не испугался, а наоборот, улыбаясь, взглянул на людоедку.

– Ты почему смеешься? – удивленно спросила его Порнэ. – Что, разве перед смертью храбришься?

– Да как не смеяться, – ответил Хилы. – Я-то, конечно, понравился, и даже очень хорошо. Только как меня варить будете, с помощью чего? Ведь вы, пока меня откармливали, никуда не отходили. За это время все свои дрова сожгли: и на улице, и дома. Остались дрова только на одну растопку. А ты разве не знаешь, что мое мясо стало очень твердым, а в некоторых местах только одни жилы. А такое мясо не скоро сварится – пусть даже печь затопишь три-четыре раза. Поэтому перед тем, как меня опустите в котел, надо запастись дровами, чтобы я как следует проварился. Лишь тогда мое мясо вкус наберет, и тогда для вас будет какой-нибудь толк.

– И точно, – ответила, согласившись с ним, людоедка. – Я тоже о дровах забыла. Действительно, последние дровишки сегодня утром все в печку железную втолкала. Думала: после того как покушаю, сразу силы наберусь и за дровами схожу. Кой! И точно, пока тебя караулили, не смогли ни разу сходить за дровами, все запасы сожгли. А дети тоже ленивы на это дело. Дальше своего дома не пойдут. – Людоедка Порнэ жадными глазами взглянула на Хилы, прощлась по нему, облизнула губы в предвкушении вкусной еды и сказала:

– Да, дрова понадобятся.

– Конечно, понадобятся, – сказал Хилы. – Без сухих дров вам меня никогда не сварить, – он слегка закашлялся и дальше повел нить разговора: – Меня вы тоже с собой возьмите. Сама подумай: пока я сидел на одном месте и спал – кровь моя застоялась, и мясо пропиталось неприятным запахом. Невкусным стало оно. И если я перед тем, как убьете меня, пошевелюсь, поработаю, то все мое тело освежится чистой питательной кровью и плохой запах моментально смоется со всех моих мышц. Вот тогда-то действительно меня приятно будет кушать. Просто объедитесь тогда!..

– И точно, – сразу же согласилась людоедка. – Ты мне станешь помогать. А детей своих я дома оставляю, все равно они будут мешаться и путаться под ногами.

И людоедка Порнэ стала сразу же одевать Хилы для дороги. Дала ему теплые кисты, неблюевую малицу. И все новое, ни разу не ношенное.

Одевшись, вышли на улицу. Она взяла довольно вместительную нарту, имевшую семь ножек, привязала на нос веревку и конец закрутила

в правую руку, а на другую – намотала конец цепи, на которой был привязан Хилы. Затем они двинулись к лесу.

Ну, ладно, пусть они шагают. До леса расстояние порядочное, ближний край леса еле виднеется. Пока они добираются до леса, раскрою вам секрет, о чем в это время думал Хилы.

Он очень долго размышлял, каким путем заманить людоедку за дровами в лес. Последнюю ночь, только сомкнул глаза, к нему явился священный дух медведя и такие слова передал:

– Внук Хилы, ты обязательно вымани людоедку Порнэ в лес, за дровами. Она должна согласиться. Не забудь с собой прихватить священный клык медведя. После, когда в лесу взберешься на вершину дерева, ты этот клык рядом с собой держи и там наверху ненадолго задержишься, и дерево само собой сверху надвое расколется. Дальнейшее ты сам разгадай, сам сообрази...

Поэтому сейчас Хилы, имея в руках медвежий клык, словно находился на слиянии двух протоков: не знал – сбудутся или не сбудутся слова, услышанные им ночью, когда приходил священный дух все сильного медведя всего Среднего Мира. Но что оставалось ему делать... На небе – доска, на земле – доска. Убежать – тоже не сможет. Тогда, перед тем как тронуться в дорогу, людоедка Порнэ напугала его: «Ты только не вздумай сбежать. Запомни – мой сучковатый шест немного волшебства и силы имеет, коль брошу на расстояние полета стрелы, все высокие и низкие деревья под корень скосит».

И чтобы Хилы поверил окончательно в это, она бросила свой сучковатый волшебный шест – и на расстоянии нескольких бросков аркана мелкие талинки и кусты срезало под корень.

«Да, – подумал Хилы, – от людоедки не убежишь».

Только Хилы, пока Порнэ ходила за своим шестом, успел отвязать большой топор людоедки, которым она собиралась рубить деревья, сунул в глубокий сугроб и замаскировал это место. Затем на нарту успел положить шкуру лося и затянуть веревкой. Когда людоедка подошла, то сказал так:

– Шкуру лося тоже на запас я взял и привязал к нарте. Зима все же, да и дрова в один миг не заготовим. Коль ты устанешь, то сможешь на лосиной шкуре отдохнуть. Приятно будет сидеть на теплой шкуре.

– И точно! – похвалила его Порнэ. – Хорошее дело придумал.

И они зашагали к лесу. Идут быстро, почти не останавливаясь. Людоедка широко размахивает сучковатым волшебным шестом, глубоко втыкает в снег, и снежные комья на расстояние броска аркана отлетают.

Вскоре пришли в лес, густой, дремучий. Одно дерево толще другого. Порнэ выбрала толстую ель, подтащила к себе поближе нарту, отвязала лосиную шкуру, лежавшую сверху, и увидела, что топора нет.

– Кой! – жалеючи крикнула она. – Где-то по дороге топор отвязался с нарти и упал. Кой, кой! А теперь опять шагай в обратную дорогу. Расстояние-то вон какое. Берег, где находится дом, еле-еле синее. Пока шагаешь домой, вечер наступит.

– Действительно, плохо дело, – словно сожалея об этом, сказал Хилы и почесал висок.

– Что же делать? – сказала Порнэ. – Да и лес такой попался: ни одного тонкого дерева не видать. Хотя у меня и есть волшебный шест, да только побаиваюсь. Уж слишком лес крепкий: вдруг поломается шест. Тогда я как без рук и ног останусь.

А Хилы специально заманил ее в такой дремучий девственный лес, где каждое дерево, как богатырь, красовалось.

Постояв довольно долго в таком молчании, Хилы вдруг сказал:

– А зачем тащиться домой? Я знаю, как заготовить дрова. Только для этого меня ненадолго отпусти со своей железной цепи. Куда я убегу, коль ножа и топора не имею? Что я могу плохого наделать?

– Коль умеешь, покажи, – нехотя согласилась людоедка Порнэ. – Домой шагать тоже не хочется.

Освободившись от цепи, Хилы поправил на поясе клык, затем, как проворная белка, взобрался до вершины ели. Когда вершина стала покачиваться, потрогал рукой священный медвежий клык на поясе и тихо прошептал: «Коль имеешь какую-нибудь малую силу, приди мне на помощь».

Только сказал это, сразу почувствовал, как вершина ели стала раскалываться надвое. Одна половина толстой ели упала в одну сторону, а вторая – в другую. А внизу обе половинки рассыпались на мелкие куски.

Людоедка Порнэ, увидев такое, округлила на него глаза и сказала:

– Вот мудрость! Научи меня так делать. Таким способом очень уж легко и удобно дрова заготавливать. И топор не нужен.

Хилы стряхнул с малицы снег и сказал:

– Покажу еще раз. Ты только внимательно смотри, как я взбираюсь наверх. Ты потом так же делай.

Хилы, обрадовавшись, что у него дела идут хорошо, с удовольствием опять легко взобрался на вершину ели. Как и в тот раз, потрогал священный клык медведя, и вновь толстое дерево вмиг раскололось на две части, а внизу разлетелось в щепки.

Людоедка Порнэ, вся захваченная увиденным, не дает покоя Хилы и торопит его:

– Покажи, покажи, как ты раскалываешь дерево!

Хилы для виду немного отнекивался, а затем согласился.

Он выбрал среди стоявших деревьев самую толстую сучковатую и искривленную ель. Выбрал такую, которую нельзя было ни топором расколоть, ни пилой сразу распилить. Лишь всеильный огонь смог бы справиться с ней. Два человека едва ли смогли бы обхватить это дерево.

Затем Хилы медленно, цепляясь за частые и крепкие сучья, стал взбираться к вершине ели. Когда дошел до нее, тронул рукой священный медвежий клык и подумал про себя: «Расколись дерево до середины и там приостановись ненадолго, пока людоедка не залезет в расщелину».

И действительно, сучковатая, искривленная, толстая ель раскололась ровно до своей середины и там приостановилась. И тогда Хилы крикнул вниз людоедке:

– Ну вот, залезай наверх. Ко мне иди. Я тебе покажу, как нужно дерево раскалывать на две части.

Обрадовавшаяся Порнэ, ломая некоторые сучья и волоча их с собой, торопливо залезла наверх. Затем Хилы сказал, чтобы она залезла в расщелину дерева.

Как Хилы сказал, Порнэ так и сделала.

Только людоедка оказалась в расщелине, Хилы вновь дотронулся до священного медвежьего клыка и подумал: «Только я спрыгну вниз, пусть две половинки дерева сожмутся. Да так, сколько в них еще силы осталось, пусть даже сок из ели выжмется», – затем он камнем кинулся вниз и шлепнулся о глубокий снег. Почти весь потонул в рыхлом снегу, только голова торчала. Одетый в новую неблюевую малицу и теплые кисы, он почти не ушибся, лишь почувствовал, как слегка трянуло его, а руки и ноги вроде остались невредимыми.

Только спрыгнул он вниз, и дерево, имеющее сто толстых сучьев, имеющее сто искривлений, сразу же сильно сжалось своими половинками: только сок выжимался из расщелин да капала липкая смола.

И когда Хилы шлепнулся в мягкий, рыхлый снег, сверху донесся невообразимый крик о помощи.

– Хилы, Хилы! Умираю, вот-вот умру! Прижало меня, прижало. Помоги, помоги!..

Он взглянул наверх и видит: между двумя половинками дерева зажата Порнэ, и от испытываемой людоедкой боли на ней не было ни лица, ни глаз. Вся она побледнела и скорчилась. А дерево все сильнее и сильнее сжимало свою жертву.

У Хилы на лице всплыла радостная улыбка, под видом помощи он схватил лежащий поблизости кусок дерева и, как колотом, стал постукивать по толстому стволу. Конечно же, от таких слабых ударов разве расколется могучая вековая ель. Она, наоборот, от этих постукиваний сильнее сжималась своими половинками.

Постукав колотом и устав, Хилы бросил его и, улыбаясь, взглянул на стонущую людоедку:

— Все, Порнэ, там и сиди, там и сохни. Ветер тебя пусть продувает, дождь пусть тебя освежает. Вороны и коршуны пусть твои глаза выклевыывают, комары и мошки пусть твою кровь высасывают. Не будешь впредь больше пить человеческую кровь и есть человеческое мясо. Все! Оставайся здесь...

А сверху только стон доносился, только соленые слезы людоедки капали, подобно каплям дождя.

Хилы, сделав доброе дело, положил за нижнюю губу табак, немного отдохнул и тронулся обратно той дорогой, по которой сюда явился.

Когда солнце уже садилось за дальними синееющими хребтами гор, он подошел к дому, где проживали теперь осиротевшие дети людоедки. Он раскрыл тяжелую массивную дверь и, не дав опомниться детям людоедки, всех до одного перебил сучковатым волшебным шестом Порнэ.

Затем, перед тем как тронуться домой, обложил жилище людоедки со всех сторон сухим сеном, хранившимся неподалеку и предназначавшимся, очевидно, для постели, и поджег его. Семь дней и ночей горел, говорят, дом людоедки и потом еще столько же дней чадил и дымил.

Расправившись с гнездом людоедки Порнэ, Хилы взял с собой волшебный шест, пришел к берегу большого озера, где стоял толстый столб, и ударил по нему три раза. После этого столб сразу же перестал притягивать к себе и людей, и зверей. А Хилы разжег большой костер и кинул туда волшебный шест людоедки и подождал, пока он не сгорел и не превратился в золу.

После этого, когда Хилы приходил на это большое озеро, что располагалось за священным мысом, в достатке добывал жирных гусей и уток.

С этих пор на земле не стало страшных людоедок и перестали они творить зло человеку.

А Хилы стал жить да поживать со своей бабушкой. Говорят, они до сих пор где-то живут, добывают себе лесного зверя и птицу, а более всего дарят Земле честность и доброту.

КАК СЫН СЛЕПОГО ЦАРЯ ИСКАЛ ЖИВУЮ ВОДУ

Жил был царь. Имел он троих сыновей. Все они сильные, крепкие и плечистые. Когда они шагали, то даже шума от трения ног не было слышно: так они легко переносили свое тело. Кушая свежее питательное мясо разных животных и птиц, употребляя жирную рыбу, сладкие ягоды, они не испытывали нужду и лишения, не встречались с трудностями жизни.

Трое сыновей царя так и поживали. Они порою ездили на быстроногих лошадях в лес ради забавы добывать зверя и птиц, отправлялись на лодках на реки и озера ловить рыбу.

Так пролетали дни и месяцы.

Старший сын выделялся своими слишком жирными и толстыми губами, из-за этого его называли в народе губошлемом.

Второй сын отличался от остальных своей круглой головой, и имел он уж очень большую страсть к ездовым лошадям. Когда он скакал на лошади, его круглая голова так и качалась, и моталась из стороны в сторону.

Третий сын, самый младший, назывался человеком с больной головой и считался дурачком. Видно, за то, что не терпел несправедливости и нечестности. Он с друзьями и с братьями не раз сталкивался, спорил до хрипоты и никогда не шел на сделку со своей совестью. Из-за этого, наверное, за ним закрепилось еще одно имя «человек, не умеющий жить». Мол, по этой причине он такой честный, гордый и упрямый.

Так и поживали три брата, не похожие друг на друга характером и образом жизни.

Только у их отца с каждым днем слепли глаза, они все хуже видели золотые руки солнца, а временами и вовсе не различали окружающие предметы. Зрачки его глаз словно стало затягивать осетровым клеем. И наконец царь совсем ослеп.

Много малых и средних шаманов к нему созывали, не один день и неделю они для камлания настраивали свои священные топоры, но глазам царя не становилось лучше. Белый свет так и не радовал его истомленную душу и больное сердце.

Наконец вызвали самого важного и большого, достопочтенного и всемогущего шамана с далекой реки Казым. Седовласый и седобородый шаман долго так и сяк разглядывал больные глаза, затем надолго опустил голову и, резко приподняв ее, взглянул на царя и сказал:

– Всемогущий царь – богатый царь. Очень плохо с глазами. Хоть и сердись, но я топор для камлания настраивать не стану. Силы у духов, что находятся в Среднем и Нижнем Мире, не хватит, чтобы вылечить твои глаза. Такая сила есть у духов Верхнего Мира. Но как и каким путем доберешься до краев этой земли? Высокого Неба земли семи краев – ста краев разве обойдешь? Да и кто тебя до них доставит? Только слышал я: где-то на Востоке, где нет грязных и нечистых людей, проживают Высокого Неба семь дочерей. Они там правят. Их отец-царь однажды спустился с Высокого Неба, доставив живую воду. Поэтому его дочерей так называют – Семь Дочерей Высокого Неба. В доме, где они обитают, в их спальне, имеется живая вода. Если достать эту спасительную живую воду – глаза сразу станут зрячими. Но тяжело, очень тяжело достать ее. В доме, где имеется и хранится живая вода, у входа дежурно стоят на дозоре семь злых сторожевых собак. Через них, говорят, постороннему человеку невозможно пройти, не проскользнуть ни зверю, ни даже птице не пролететь. И еще слушай, царь-батюшка. В доме, где хранится табакерка с живой водой, стоят на посту семь воинов с луками за плечами и саблями в руках, готовые в любую минуту пустить их в дело. Как приблизиться и подойти к этому месту – не знаю, ума не могу приложить. У скольких людей жизнь там обрывалась, у скольких смельчаков дыхание прерывалось – кто считал и кто знает?

Седобородый и седовласый шаман вытащил свою табакерку, смастеренную из бивня мамонта, крепким табаком заложил свою нижнюю губу и снова взглянул на царя. Затем, недолго подумав, сказал:

– Так обстоит дело, могучий царь – богатый царь. Кроме сказанных слов, я большей помощи тебе оказать не смогу. Коль достанешь эту живую воду, в этой отдаленной земле, – твое счастье, твоя удача.

Слепой царь, тепло отблагодарив великого шамана, дал распоряжение, чтобы его накормили мясом жирного белого оленя. И заколотый олень действительно был жирный: в толщину три пальца имел жир на спине. По указанию царя шаману также преподнесли много подарков: нагрузили полную нарту мехами драгоценных соболей и пушистых лисиц-крестовок. И отвалили ему еще столько оленей, сколько он мог угнать с собой.

Когда большой шаман хорошо покушал-попотчевался, отблагодарил царя за подарки и уехал к себе домой.

Слепой царь, долго подумав насчет слов, сказанных великим шаманом, на следующее утро вызвал к себе старшего сына.

В разузоренных кисах, в соболиной шапке, голубой шелковой рубахе явился к нему старший сын.

Слепой царь, накинув на плечи ягушку из беличьих шкур и сидя на белой оленьей шкуре, сказал так:

– И впереди темно для меня, и сзади – тоже. Темная ночь не кончается перед моими глазами. Хотя у меня и силы, и воля сохранились – но что поделаешь? Без помощи человека я лишний шаг сделать не могу. Без помощи человека я нужное дело совершить не могу. И, так живя, я постепенно приближаюсь к той зарубине, которую определила мне при рождении Мать Темного дома, и недалек, пожалуй, тот день, когда жизнь моя оборвется. Живая вода, говорят, может помочь. Но только эта вода находится в тех местах, где царствуют Семь Дочерей Высокого Неба. Это в тех краях, где отсутствует нечисть и грязь, то есть там, где не ступала нога нечистых людей.

– Что делать, сынок? – сказал царь старшему сыну. – Хотя я и знаю, что тяжело и нелегко, но съездить к этим местам все же надо. Если ты доставишь мне живой воды, я от своего царства выделю тебе самый богатый край, самый благоухающий и щедрый угол. И еще. С каких краев земли тебе нужна будет красивая невеста – оттуда и доставлю. Все исполню, сынок. Ни денег, ни богатства не пожалею. Сколько тебе нужно будет воинов в дорогу, бери. Только опять же слух идет: в те места, где находится живая вода и царствуют Семь Дочерей Высокого Неба, нельзя приходить с саблями в руках, запрещено появляться с луками и отточенными стрелами за плечами. Поэтому, сынок, полагаться придется лишь на свои силы и ум.

Старший сын, не раздумывая, сразу согласился с предложением отца. Попросил он, чтобы царь-отец выделил ему на дорогу мешок с деньгами, тяжесть которого бы на руках ощущалась. Была и вторая просьба: попросил, чтобы отец дал своего выездного белого быстрого коня.

Царь, у которого в семи амбарах золота, серебра хватает, разве от этого оскудеет? Сразу повелел своим слугам, чтобы мешок из лосиной шкуры до отказа заполнили золотом и серебром. Когда наступил второй день и еще не вышла волчья зоря на востоке, старший сын царя, одевшись в дорожную одежду – шубу из лисьей шкуры, разузоренные кисы, новую соболиную шапку и, с особой пышностью усевшись на выездную белую лошадь отца, тронулся в путь.

И стал старший сын, подобно собираемому кожаному аркану, проходить свою долгую дорогу.

Быстро ехал он. Да и как же иначе? Под ним был выездной конь царя. Но перед выездом, в суматохе, он не проверил даже состояние своих боевых стрел и остроту сабли. Не до этого ему было: он думал, как бы быстрее достать живой воды, чтобы затем можно было прибрать к своим рукам все царство, весь живущий в нем народ и даже зверей и птиц.

Что ж, пусть он едет. В своей дороге он сам себе хозяин, в предпринимаемых шагах – его мысли. Мы не будем пока вмешиваться в это дело. Кто нас просил?

Перед выездом отец советовал ему, чтобы он, когда оставит пределы своего царства, в ненужных деревнях и незнакомых городах не останавливался: для еды и в лесу нищи хватит, и в реке рыбы вдоволь. И более всего наказывал, чтобы не рассказывал всяким встречным и поперечным о цели своего пути. И впрямь – люди разве одинаковыми бывают?

Прошла одна неделя, вторая минула, третья – вот и кончились пределы царства отца. Как только вступил в чужие земли, увидел: на дороге у бревенчатой избушки в довольно рваной одежде стоит одна старуха и, махая ему рукой, словно зовет к себе и просит остановиться.

«Что ей надо? – думает старший сын слепого царя. – Мешает я, да еще потом денег попросит». – Подумав так, он коня повернул в сторону, предварительно огрев плетью. И старуха, окутанная дорожной шалью, осталась в том месте, где стояла.

И вот старший сын слепого царя почти вслепую едет по неизвестной земле.

Раньше, в пределах своего царства, в каждом городе и селении еды было достаточно, столы к его приходу были накрыты. А теперь – все по-другому. Попадающиеся по дороге люди лица свои на него морщат, каждая встречная женщина от него отворачивается.

«Кой, – думает старший сын слепого царя. – Дорога впереди не будет легкой. Без обслуги кто мне еду приготовит? Надо бы в какой-нибудь город завернуть. На дорогу еды закупить, коль понадобится, можно для этой цели и человека нанять. Он и коня напоит и накормит. Деньги в кармане есть – для кого же их жалеть?»

В это время на ум пришли не раз сказанные слова отца о том, что надо проехать месяца два-три, пока доберешься до места назначения, где хранится живая вода и царствуют Семь Дочерей Высокого Неба.

«Да, далековато, – огорчился он. – Коль так ехать и по-настоящему не питаться, от меня и костей, и тени не останется. А кому нужна пустая тень?»

Только он так подумал, как перед ним за невысоким холмом, похожим

на лысую голову, показалась окраина деревянного города. Домов полно виднелось. Хотел сосчитать он, но сбился со счета.

Хотел он уже тронуться по широкой дороге, ведущей к центру города, как в это время у первого двухэтажного дома, на балконе, увидел женщину, которая махала ему и, ласково улыбаясь, сказала:

– Гей! Куда торопишься, старший сын слепого царя? Лошадь твоя от быстрой езды уже в веревку вытянулась, а у тебя на лице мяса не осталось. Остановись. Покушаешь-почаюешь. И лавка моя товарами полна: и еда есть, и вина всякие. А дорога куда денется? Разве она птица, которая улетит куда-то?

«Пожалуй, верно, – думает старший сын слепого царя. – Покушать бы как следует не помешало. Да и конца дороги еще не видать, и в мыслях не обзрешь». И, обернувшись и внимательно поглядев на голубоглазую женщину, сказал:

– В землю, где правят Семь Дочерей Великого Неба, путь держу. Отцу живую воду хочу достать.

– Кой! Старший сын слепого царя! И впрямь дорога твоя длинная и нелегкая. Слышала, слышала я про то удивительное чудо. Где-то есть эта живая вода. Только нелегко, говорят, в руки она достается. Немало денег для этого придется потратить.

Услышав про деньги, старший сын слепого царя сразу же, слегка покашляв, хвастливо сказал:

– Хм, хм... С этим делом остановки не будет. Амбары моего отца без денег еще не остались. Какое-нибудь золотишко там лежит, да и какой-нибудь гривенник, наверное, он на дорогу выделил. – Сказав это, он за спиной слетка встряхнул мешок, туго набитый золотом и серебром.

Женщина, прослышав такие слова и увидев мешок за плечами, вся обмякла, глаза ее от удивления раскрылись, как глотка голодного халея. Затем глаза ее от жадности словно огнем загорелись, а лицо женщины залилось милой улыбкой. Уставившись на него, она мягко произнесла:

– Кой, кой! Старший сын слепого царя! Твоя дорога действительно длинна и трудна. И если ты и впредь будешь ехать плохо евши, то как до этих отдаленных краев доберешься? И лошадь твоя ослабнет, и ты сам обессилишь. – Женщина еще острее впилась в него своими голубыми глазами и дальше заговорила: – Может быть, старший сын слепого царя, зайдешь домой чаю попить? А пока ты будешь кушать и отдыхать, я тебе, возможно, тоже какую-нибудь мысль подам, как легче тебе живую воду раздобыть.

– И верно, – думает старший сын слепого царя. – Надо бы отдохнуть.

И еще еды можно в дорогу закупить. Имея деньги, зачем желудок голодом мучить?

– Ну и как, старший сын слепого царя? – снова спросила женщина. Она развязала концы шелкового платка чуть выше полных грудей и стала спускаться по лестнице вниз. Все ее лицо светилось завораживающей улыбкой.

Она показала, где оставить лошадь, сама насыпала коню овса, а затем стала зазывать гостя в дом.

– Заходи, заходи, – говорит женщина. – Неприлично приезжему гостю с мешком возиться. Я сама затащу мешок. Руки и ноги от этого у меня не отвалятся.

Тут она с плеч старшего сына слепого царя сняла мешок, наполненный золотом и серебром, и накинула себе на спину.

Когда подошла к крыльцу с красивыми перилами, женщина пустила гостя вперед.

«Кой, – думает старший сын слепого царя, когда он вошел в сенки, – как же богато поживает она. Проход устлан пышным ковром, сшитым из шкур росوماхи. Не слышно, как и ногами ступаешь».

– Шагай, шагай, – услышал он в это время голос женщины позади себя. – Для гостя и хорошего человека двери моего дома всегда открыты. Открывай двери. Домой заходи! Смелее!

Старший сын слепого царя открыл дверь и увидел: в доме весь пол устлан шкурами из белого песка. На такой роскошный ковер жалко ему стало наступать своими грязными кистями.

Женщина, наверное, заметив сзади, как застеснялся гость и ненадолго приостановился, сразу же подсказала:

– Заходи, заходи. Ковры для того и настланы, чтобы ходить по ним. Для чего их жалеть?

Старший сын слепого царя опустил ногу с высокого порога и перенес свою тяжесть на пол и сразу же почувствовал, как тяжелым камнем грохнулся куда-то в темноту, в какую-то, кем-то тайно вырытую глубокую яму. Теперь он понял, что ковры на полу постланы были лишь для отвода глаз.

Так старший сын слепого царя оказался в ловушке. Очутившись в такой неожиданной и непредвиденной ситуации, он растерялся вконец, словно потерял разум. Может быть, когда он падал, ноги свои поломал, возможно, и руки вывихнул. Кто знает? Это для нас темно. Пусть пока он там приходит в себя и набирается немного ума, да и в голове вырастет какой-нибудь корешок разума. Нам же нужно сказку дальше вести.

Слепой царь ждет один месяц, другой, третий... Вот уже на исходе пятый месяц. И у него в голове стали появляться тревожные мысли.

«Кой, – думает он. – След и звук старшего сына совсем пропали, словно затонувшие в речных глубинах песчинки. Не попал ли он в беду? Земли царства Семи Дочерей Высокого Неба разве близко находятся? Сколько, может быть, затаенных уголков они имеют. Сколько, может, там непроходимых лесов и тайных заколдованных мест хранят, там, конечно, и кули – черти – водятся. Да и всякие неожиданные ситуации могут встретиться в пути. Наверное, все же сын в какую-нибудь беду угодил! Кой!»

Целый день думал слепой царь, мысли по-разному раскидывал, словно проталкивал туда-сюда рыбацкую иголку, и когда вышла вечерняя зорька, его мысли наконец обрели ясность и уверенность.

Утром, попив чаю и покушав, слепой царь вызвал к себе среднего сына.

Круглоголовый сын, как заяц вертя своей головой в разные стороны, стал слушать отца.

– Что поделаешь, сыночек, – заговорил царь-отец. – Дорогу твоего ушедшего старшего брата, кажется, бураном замело. Возможно, он счастье где-то нашел в пути. Но пять месяцев уже прошло. Сколько времени еще ждать можно? Может быть, твоему брату помощь и поддержка нужны? Поэтому, сыночек, вслед за старшим братом тебя я на поиски живой воды отправляю. Что тебе нужно в дорогу – все возьми: хоть деньги, хоть еды. Самую лучшую лошадь в моей конюшне выбери и в дорогу соберись. И воинов, смелых и мужественных, выделил бы, да только издавна молва идет – с их помощью при поиске живой воды никакое дело не наладится. Ни один человек, кто держит в руках саблю и за спиной имеет лук с колчаном стрел, в ту землю, где царствуют Семь Дочерей Высокого Неба и хранится живая вода, не будет даже близко допущен. Поэтому своим умом, сноровкой и силой придется добираться туда.

Царь вытер свои ослепшие глаза и, недолго подумав, продолжил:

– Коль достанешь живую воду, сколько в царстве имеется лошадей и пасется оленей, все тебе отвалю. Лучшие земли выделю.

Средний сын слепого царя, услышав последние слова отца, обрадовался так, что голова у него чуть ли не завертелась на месте, и, уже не слушая нужные и важные наставления, не мог найти себе места и стоять спокойно.

– Знаю, знаю, отец, – только и отвечал он. – Что делать – все уразумею. Разве я на свои две ноги только полагаться буду? Лошадь четыре ноги имеет, и она тоже немного мозгами ворочает.

Едва закончился разговор с отцом, средний круглоголовый сын стал готовиться в дорогу. Да разве хватит у него, рехнувшегося на лошадях, ума по-настоящему собраться? Целый день он только примеривался то к одной, то к другой лошади, садился к ним на спины и слезал с них, от конюшни не отходил. И наконец выбрал большеголовую лошадь черной масти.

Взял на дорогу еще больше, чем старший брат, денег, до отказа заполнив мешок, сшитый из лосиной шкуры. Принарядился в дорожную шубу, сшитую из беличьих шкур, и надел разузоренные кисы, натянул на свою круглую голову соболиную шапку-ушанку и тронулся в путь.

На ездовой, хорошо откормленной лошади он словно птица летел. В маленьких селениях не делал остановок, небольшие городки тоже обходил стороной. Перед дорогой отец не раз его наставлял, чтобы он там без надобности зря не останавливался. Еду можно и в щедрой тайге и богатой рыбой воде добывать.

Так он, пожалуй, недели три проехал. И вот остались позади пределы родного царства.

Когда вступил в чужие края, на развилке дороги, у бревенчатой избушки, увидел плохо одетую старушку. Она, стоя под окном, махала ему рукой. Конечно, дает знак, чтобы он остановился.

«Чего ей не хватает? – думает средний круглоголовый сын слепого царя. – Мешается еще. И так у меня времени мало. Да еще потом денег у меня попросят».

Чтобы не вступать с ней даже в разговор, он огрел лошадь плетью. Стоявшая старуха тут же скрылась за песчаными клубами пыли, вздыбленной копытами резвого скакуна. А голова сына слепого царя словно крутилась на спине лошади и плясала.

Итак, он неукротимо и необузданно мчится по владениям другого царства.

С питанием сразу туговато стало. Раньше в каждом селении и городе еда была приготовлена для него, А сейчас наступила другая, тяжелая пора. Попадающиеся на дороге мужчины лица на него морщат, шапки перед ним не снимают, хотя и понимают, что он не бедный человек.

«Кой, – думает средний сын слепого царя. – Дорога впереди, как я вижу, не будет легкой. Без прислуги кто мне еды приготовит? В какой-нибудь город следует завернуть. Покушать по-настоящему надо, да и лошади пора отдохнуть. Деньги в кармане есть, – для кого их жалеть?»

И он вспомнил, что до конца пути ему надо ехать еще месяца полтора. Лишь тогда доберется до мест, где живут Семь Дочерей Высокого Неба, у которых находится живая вода.

«Кой» – опять огорчился средний сын слепого царя, – коль и впредь так ехать, не наедаясь как следует, костей моих не собрать. Разве что тень останется одна?»

Только он так подумал, как перед ним за лысым холмом окраина большого города показалась. Полно домов. Один дом другого больше и краше. А улицы в городе шире, чем оленье пастбище.

Только он хотел тронуться по широкой царской дороге, ведущей к городу, стегануть свою быструю лошадь, как неподалеку увидел двухэтажный дом, а на балконе заметил женщину, которая махнула ему рукой. Лицо ее сияло улыбкой. Она мягким, завораживающим голосом сказала ему:

– Гей! Куда торопишься, средний сын слепого царя? Твое лицо осунулось, да и в теле одни кости остались. Не могу понять: какая сила еще носит тебя на ногах, как еще держишься в седле такой резвой лошади? Остановись ненадолго. Поешь, сил наберись. Лавка моя разными товарами полна. Какой тебе понадобится, может, в каком-нибудь углу и отыщу. – Женщина вся впилась в него голубыми глазами и дальше продолжала: – Дорога куда денется? Разве имеет она крылья, может куда-нибудь улететь?

– Так, конечно, – ответил средний сын слепого царя. – Покушать надо бы: конца дороги не видать. Тороплюсь туда, где царствуют Семь Дочерей Высокого Неба. Отец послал меня, чтобы я достал живую воду.

– Кой, средний сын слепого царя, – посочувствовала женщина, – действительно твоя дорога дальняя и нелегкая. От многих людей слышала про чудеса живой воды. Только за один день разве доберешься туда – до этих неведомых краев? Да и на такой путь, вероятно, не один рубль понадобится. Больше всего, слышала я, там деньги нужны будут. Но, думаю, у такого красавца и лихого наездника, среднего сына царя, найдется кое-что. Разве он, имея ум, пустится без этого в дорогу?

Средний сын слепого царя, услышав такие сладкие слова, тут же душой и сердцем растаял и стал мягким, как печень нельмы. Затем, вертя головой, с показной удалью сказал:

– Конечно, конечно, – слегка кашлянув, приложил ко рту ладонь, затем продолжал: – Насчет денег затруднений, думаю, не будет. Какой-нибудь золотой гривенник в моем до отказа набитом мешке из лосиной кожи, пожалуй, найдется. – Сказав это, для пущей убедительности слегка поводил плечами туда-сюда, и за спиной сразу же послышался звон монет.

Женщина, услышав такие слова, особенно звон монет, словно волк, увидевший стадо оленей, вмиг преобразилась. Глаза ее загорелись огнем,

стали круглыми, как отверстие табакерки. Затем она очень мило взглянула на среднего сына слепого царя. Лицо ее, как река, залитая лучами летнего солнца, всплыло улыбкой.

– Я не сомневалась, средний сын слепого царя, – ответила женщина. – Сыновья богатого царя разве будут в мешке пустые камешки таскать? Тем более средний сын, который, может, со временем царствовать будет.

Женщина так и ластится, так и ластится к нему. И когда увидела, как тот растаял, подобно комку снега, брошенному в ведро с теплой водой, дальше разговор повела: – Кой, кой! И впрямь, дорога еще длинна. Сколько рек нужно перейти да и болот топких немало надо преодолеть. Сколько же это верст?! Сказывали, только люди с полным животом могут до этих земель добраться. Может, – женщина тут вся вценилась в него глазами, – средний сын слепого царя слезет с уставшей своей лошади? Покушаешь-почаюешь у меня. И лошадь твою отборным овсом накормлю. Ей тоже отдых нужен. А я, пока ты будешь чаевать и кушать, дала бы кое-какие мысли насчет дальнейшей дороги. Хорошая мысль лишней тяжести голове не прибавит. Когда-нибудь и понадобится.

«И верно, – подумал средний сын слепого царя. – Правильно говорит она. Поотдохнуть не мешает».

Женщина, словно угадав его мысли, взялась за узду лошади и повела животное к конюшне.

Средний сын слепого царя слез с лошади, вертя своей круглой головой туда-сюда, не сводя взгляда с зачаровавшей его женщины. А она вежливо просит его войти в дом.

Средний сын слепого царя зашагал в сторону крыльца.

– Кой, кой! – сразу же остановила она его. – Разве гостю можно таскаться с мешком. Дай мне его. Я занесу. Не беспокойся. Никуда не денется, – и она тут же снимает с его плеча увесистый мешок, наполненный золотом и серебром.

Открыв сенки, средний сын слепого царя видит: дорожка устлана ковром, сшитым из шкур росوماхи. Наступает – и ноги своей не слышит.

– Шагай, шагай в дом, – сказала сзади женщина. – Не стесняйся. Мои двери для важных гостей всегда открыты – и днем и ночью. Открывай дверь, заходи в дом.

Средний сын слепого царя открыл дверь, обитую шкурами из рыжей лисицы и, увидев богатое убранство комнаты, потерял дар речи: весь пол был устлан шкурками из белого пушистого песка. Жаль ему наступать на такой роскошный ковер.

– Заходи, заходи, – громче прежнего сказала женщина своим мягким завораживающим голосом и чуть не подтолкнула его сзади. – Не бойся, не пугайся. Шкуры устланы для того, чтобы ходить по ним и топтать их.

Средний сын слепого царя с высокого порога наступил одной ногой на пол, перенес туда свою тяжесть и сразу же почувствовал, как провалился в какую-то бездну.

Целым ли, искалеченным ли остался после падения средний сын слепого царя – кто знает, кто видел? Кроме него, в темный подвал никто не заходил. Пусть он там отлеживается, пока какую-нибудь мудрость не приобретет и ума не наберется. А нам же сказку дальше вести надо.

Слепой царь ждал месяц среднего сына, второй, третий... Когда прошло пять томительных месяцев, тревожные мысли не стали давать ему покоя.

«Кой, – думает он. – И второй сын где-то затерялся. За это время мое царство не раз и не два можно было обогнуть. Не попал ли сын в какую-нибудь беду? Кой! Да и долго ли беде случиться? Она вокруг человека постоянно вращается, только и ждет своего часа...»

Целых три дня думал и мучался слепой царь, мысли туда и сюда раскидывал. Все это время он по-настоящему не ел и не спал.

И вот в одно утро, когда он закончил завтракать, хотя и в рот ничего не лезло, слепой царь позвал к себе младшего сына.

Младший сын, слывший дурачком и человеком с плохой головой, пришел к нему. Слепой царь от волнения кивал головой в сторону младшего сына, чтобы успокоить себя. Порой устремлял на него невидящие глаза, будто пытался разглядеть сына. Долго ли, коротко ли кивал головой, наконец заговорил:

– Что поделаешь, сыночек? И от второго уехавшего твоего брата нет вестей. След его, может, пургой замело, может, он счастье нашел. Скоро шесть месяцев стукнет, как уехал. За это время умирающие звери – умирали, рождавшиеся звери – рождались. Сколько еще можно ждать? Может быть, ему какая-нибудь помощь требуется? – Слепой царь погладил свои разузоренные кисты, потрогал красивые разноцветные кисти. Затем поднял усталую голову и дальше разговор повел: – Для важного дела тебя, сыночек, вызвал. Жизнь моя совсем тяжелой и невыносимой стала. Сколько можно незрячим быть? Что делать? Тебя я решил послать в путь-дорогу. Внизу, на земле, огонь является свидетелем, наверху, на небе, – Мать-Солнце. Кому, если умру, царство передам, богатство свое оставляю? И такое огромное царство! В одном краю холодные ветры и ме-

тели беснуются и крутятся, в других краях в это время красивые цветы распускаются и цветут и птички щебечут. Мне бы только еще лет семь прожить. По своему царству я бы тебя провез, показал селения и города мои. Хотя и смотрю, вернее, чувствую, что ноги твои и руки еще силой наливаются, но все же ума набраться тебе не помешает. Так-то, сыночек. Хоть и тяжело тебя посылать: дорога впереди темна, неизвестно, что тебя ожидает. Долго об этом я думал, да куда денешься: нарту, что начал мастерить, лодку, что начал строить, закончить надо. — Слепой царь подправил свои седые, как ягель, волосы, остановился и примолк ненадолго и дальше стал вести речь свою: — Что тебе надо в дорогу — бери. Хоть еду, хоть деньги. Самую лучшую лошадь в конюшню выбери. И воинов, сколько надо, тебе выделил бы, да только, сказывают, от них беда может случиться. Ни один человек, кто держит в руках саблю или повесил за плечами лук и стрелы, не имеет права ступить на землю, где правят Семь Дочерей Высокого Неба. Поэтому, сыночек, своим умом и силой добирайся. — Слепой царь потерял свои глаза и сказал наконец: — Куда денешься сыночек. Чтоб сохранить царство в своих руках, тебе придется пуститься в путь-дорогу. Удачным или неудачным будет твой путь — на лице не написано, на ладони не начертано.

Младший сын слепого царя, выслушав отца, долго стоял молча, тер ладонью свою шею, затем сказал:

— Верно, отец. Дорога, пожалуй, нелегкой будет. Дай мне три дня подумать. Хорошо поразмыслить, что мне взять в дорогу. Когда настанет четвертый день, я тронусь в путь-дорогу.

Три дня и три ночи думал младший сын слепого царя, что взять ему с собой в дорогу. По-разному раскидывал свои мысли, словно рыбу в мешке. Наконец пришел к твердому мнению.

«Много денег, очевидно, с собой брать не следует, — размышлял он. — Старшие братья мешки свои полные золотом и серебром набивали — а что вышло из этого? Нет от них ни слуху ни духу. По-моему, стоит лучше взять какую-нибудь лишнюю рубаху мужскую или женское платье и не забыть прихватить кисты. Разве в одном доме придется останавливаться и ночевать? А денег прихватить все же немного надо. Тяжести особой не сделают. Вдруг потом новую лошадь придется покупать, возможно, лодку придется приобрести».

В последний день он пошел в конюшню, лошадь свою вечером хорошо накормил и напоил. Дома нужные вещи для дороги еще раз перепроверил, аккуратно все уложил. Не забыл прихватить шелковую рубаху и платок: авось понадобятся.

Утром младший сын слепого царя поел-покушал, затем лошадь в дорогу подготовил. Оделся в дорожную одежду: слегка поношенную неблюевую малицу, тоборы – кисы из оленьих лап, шапку из шкуры молодого оленсика. Повязался ремнем, увешанным волчьими и медвежьими клыками. В надежный внутренний карман рубахи запрятал деньги.

Затем пришел к отцу, поцеловался с ним и в путь пустился.

Свою каурую лошадь на хорошей дороге не подгонял, и умное, приученное животное легко несло седока. На плохой дороге он придерживал вожжи, чтобы зря не загонять лошадь. Хорошо скакала она, будто не чувствовала на себе всадника. Да и как не будет послушно бежать, коль находилась в хороших руках, коль за ней по-человечески ухаживали. Любое животное отвечает добром на добро.

Так и едет он вперед. Большие и малые селения и города, что встречались на пути, он старался обходить.

«Чего мне там не хватает, что я там позабыл? – размышлял он. – Если кушать захочется, в любом малозаметном доме накормят, да и любой человек, если к нему по-доброму подойти, разве оттолкнет?»

Едет он и хорошо помнит слова отца, который неоднократно наказывал, чтобы понапрасну от дороги не отворачивал, зря по сторонам не оглядывался. Да и еды для одного желудка разве в щедрой тайге и щедрой реке не хватает? Да и как еды не добудет, коль нож и стрелы с собой имеет, коль руки и ноги еще шевелятся? Саблю, лук и стрелы отец наказывал оставить только тогда, когда вступит во владения царства Семи Дочерей Высокого Неба. Туда с оружием нельзя приходить. Да и понятно: земля, где хранится живая вода, разве может быть кем-нибудь испоганена?

Так и ехал младший сын слепого царя. Где заставала его ночь, там он ночевал, а утром дальние трогался в путь. Недели две так прошло.

Однажды утром, проснувшись, слышит: приближается к нему по тропе какой-то лесной зверь. Он тут же уселся, лук ближе к себе подтянул. В это время выскочил к нему с лесной опушки здоровый дикий олень. Младший сын слепого царя натянул лук, прицелился, и стрела боевая полетела со свистом. У человека, убившего не одного зверя и не одну птицу, разве стрела впустую пролетит? Она точь-в-точь угодила в левую лопатку животного, в самое сердце. Хоть и попытался дикий олень встрепенуться и умчаться вдаль, но тут же у него пошатнулись ноги, и он в бессилии рухнул на землю.

Младший сын слепого царя разделал оленя, тут же покушал горячую печень со свежей кровью, извлек из коленных костей костный мозг – и сразу почувствовал, как у него прибавилось силы.

Да и как силам не прибавиться – разве можно эту еду сравнить с домашней?!

И задумался затем младший сын слепого царя: «Кой, а ведь сколько мяса пропадет зазря?! Может быть, остальное мясо я с собой прихвачу? Потом, возможно, в каком-нибудь доме, где остановлюсь на отдых, и понадобится».

Так он и поступил. Когда он погрузил увесистую тушу разделанного дикого оленя, его здоровый конь словно не почувствовал на спине этой тяжести. Умел выбрать для дальней дороги надежного помощника младший сын слепого царя!

И опять тронулся он дальше. Через густые леса переезжал, переходил через широкие озера и топкие болота. Долго ли, коротко ли ехал и смотрит: на границе, где кончились владения его царства, стоит бревенчатая избушка. У крыльца стоит старушка и машет ему рукой.

«Видно, просит приостановиться, – думает младший сын слепого царя. – А что плохого? И лошадь отдохнет, да и оленью тушу можно будет у старушки оставить. Сколько можно мне ее с собой возить? Ей мясо не лишнее будет: сразу заметно по одежде, что бедно живет».

Младший сын слепого царя натянул узду, повернул лошадь влево и направил к бревенчатой избушке.

Подъехал, поздоровался со старушкой, лицо которой было изрезано морщинами. Она спросила его:

– Долго ли, коротко ли едешь, младший сын слепого царя? Перед тобой твои старшие братья тоже проезжали. Видела я их. Хоть я и просила их остановиться, но они не обратили никакого внимания на мои приглашения. Да и какое мое дело. У них своя голова, свой ум.

Младший сын слепого царя слез с лошади, привязал ее за коновязь, затем снял с ее спины тушу убитого дикого оленя и отдал старушке.

– Возьми, старая. Что мне с этим мясом таскаться!

Старушка долго и тепло благодарила его, затем отвесила низкие поклоны в сторону дремучего леса, священной воды, горевшего костра и покосившегося дома. Затем крикнула кому-то. Тут же появился плечистый и кряжистый ее сын, который был уже в возрасте, когда можно жениться. Он легко приподнял оленью тушу, взвалил на плечи и потащил в сторону крепко срубленного из молодой лиственницы амбара.

Старушка пригласила младшего сына слепого царя попить чаю. Богатый стол приготовили ему: преподнесли вареного рябчика, малосольного муксуна, к чаю подали сладкую княженику.

– Хотя и бедно живем, – заговорила старуха, – но сынок мой лук держать может, да и у меня руки и ноги шевелятся, не скрючились пока.

Меж разговорами, за чаем, младший сын слепого царя спросил старушку, как быстрее доехать до земель, где царствуют Семь Дочерей Высокого Неба.

– По-моему, за живой водой едешь, – подумав, сказала старуха.

– Как же ты мои мысли прочитала? – тут же спросил младший сын слепого царя.

– Да и как не догадаться. Бескрайняя тайга, многоводные реки только и полнятся слухами об этой чудодейственной воде. Слышала, что и твои старшие братья за этим делом подавались. Об этом мне сказала одна женщина, приходившая из города. Только ты не попадись в такую неприятную историю...

После этого старуха рассказала ему, как и где его братья оказались в беде.

Но разговор, как известно, дальше идет.

Старуха поведала ему еще одну важную новость. Она, оказывается, тоже когда-то проживала в тех землях, где правят Семь Дочерей Высокого Неба. Даже еду могучему царю готовила. Он, говорят, в землю Нижнего Мира недавно ушел. Но, проживая и работая там, в доме семи дочерей, ее сын влюбился в среднюю дочь царя. Крепко полюбил он ее. Уже в жены хотел взять. Царская дочь была согласна. Но только про это прознал грозный царь. Разгневался он. От его крика земля тряслась, как легкая койданка на волнах во время сильного шторма. И прогнал он старушку с ее сыном из своих владений подальше и такой наказ дал: «Если она и ее сын появятся в пределах моих владений, то каждый, кто заметит это, должен убить их на месте без суда и следствия».

Из-за этого старуха – вот уже три года, как исполнилось – поселилась жить на новом месте, в этом неказистом бревенчатом доме.

Когда обменялись новостями и высказались обо всем, младший сын слепого царя стал собираться в дорогу. И тогда старуха сказала ему:

– Немного притормози, сынок, немного остановись-ка, младший сын слепого царя. Тяжело будет тебе одному добираться, да еще по такому опасному месту. Ты и дорогу не знаешь, и земля не знакома тебе. Сколько опасностей тебя подстерегает, какие беды могут случиться? Может быть, все же сын мой с тобой съездит. Хотя и знаю, что нелегко будет, – но что поделаешь? Он, как только покажется столица Семи Дочерей Высокого Неба, приведет тебя в один маленький поселочек, где проживает мой старый отец. Только он знает, как дальше надо ехать. Только он может подсказать, где запрятана вода и кто ее оберегает. Хотя отец и старый, но только в мозгу его какой-нибудь корешок мысли еще остался. Без его помощи до живой воды не добраться, – закончила свой разговор старуха.

Не раз и не два благодарил старуху младший сын слепого царя. Достал из своего кожаного мешка теплую шаль и надел на ее голову. Вынул из кармана деньги и почти половину отдал ей.

Сын старухи вывел с конюшни свою белую выездную лошадь, а мать уложила ему в путь-дорогу еду и нужные вещи, и затем оба молодца, здоровых и красивых, тронулись в путь.

Сын старухи, хорошо знающий дорогу, впереди ехал, а младший сын слепого царя следовал за ним.

Долго ли, коротко ли ехали, вот однажды сын старухи остановился, огляделся вокруг, слез с лошади и показал рукой в сторону города, показавшегося вдали.

– Гляди, – сказал он. – За невысоким холмом, похожим на облысевшего человека, виднеется двухэтажный дом. За этим домом город начинается. Полно там домов. Улицы не уступают по ширине оленьим пастбищам.

Младший сын слепого царя взглянул туда, куда показывал его спутник: точно, стоит двухэтажный дом, и оттуда, с балкона, смотрит на них красивая женщина.

– Это самая опасная и вредная женщина, – сказала со злостью сын старухи. – Поговаривают, мол, твои братья у ней в плену находятся. Кто знает: может, живы они еще, может, давно уже убиты. Пожалуй, проедем этот дом. Кто знает, вдруг и мы в беду попадем?

Младший сын слепого царя недолго постоял в некоторой нерешительности и сказал своему напарнику, чтобы тот спрятался неподалеку и понаблюдал за ним, а коль понадобится – пришел к нему на помощь.

Младший сын слепого царя, приблизившись к красивой голубоглазой женщине, заметил, что та вся расплылась в завораживающей улыбке – лицо ее, подобно глади озера, усыпанной золотыми лучами солнца, словно блестело и переливалось. Женщина милым голосом произнесла:

– Гей! Куда торопишься, младший сын слепого царя? На лице у тебя одни кости остались. Не пойму только, какой силой тебя еще носит, как еще ты можешь сидеть в седле. Остановись ненадолго. Дорога куда денется? Разве птица, которая улететь сможет? Отдохни немного. Амбары мои пока не пусты еще, какая-нибудь еда в них найдется, и вино отыщется...

Красивая женщина глазами впилась в него и дальше повела разговор:

– И зачем тебе так торопиться? Не грешно ли? Попей хотя бы чайку.

– И действительно, что плохого, – ответил младший сын слепого царя, словно ничего не зная, что произошло здесь с его братьями. – И вправду, чай попить стоит. Пора подкрепиться.

Младший сын слепого царя слез с лошади, стал привязывать ее за конюязь. Только красивая женщина приблизились к нему, чтобы взять из его рук узду, как он неожиданно схватил ее, закрыл ей рот, втолкнув туда утлап – сухие стружки тала, – чтобы она понапрасну не кричала и не позвала на помощь кого-нибудь.

– Все! Сильно много не покушаешь теперь, – сказал ей младший сын слепого царя и показал ей свой увесистый кулак, а затем, крепко скрутив ей сзади руки веревкой, спросил: – Скажи, куда девала моих братьев? Если не скажешь, на этом месте прибью тебя!

Красивая женщина вся перекосилась лицом, побледнела и не знала, что ответить. Да и как не испугаться: кому жизнь не дорога! Женщина что-то захотела сказать, давая понять, чтобы убрал кляп из ее рта. Младший сын слепого царя вытащил комоч утлапа.

Женщина, вся дрожа, еле-еле ворочала языком и с трудом вымолвила:

– Только не убивай меня, младший сын слепого царя. Я тебе все скажу. Живы твои братья, они в подвале находятся. Так поступать мне приказал царь Высокого Неба, который имеет семь дочерей. Я должна излавливать каждого, кто собирается раздобыть живую воду.

– Так он уже умер, – сказал младший сын слепого царя, вытирая пот с лица.

– А я и не знала, я и не знала... Разве тогда так бы поступала...

Женщина так и просит, так и вымаливает прощение, чтобы только ее живой оставил. Тут младший сын слепого царя, взяв ее за шиворот и толкая перед собой, повел в дом.

Только он приоткрыл дверь, как женщина вся резко подалась назад, словно смертельно испугавшись разостланных перед ней ковровых дорожек из белого песка.

– Ой, ой! Стой, стой! Нельзя, нельзя туда наступать. Провалиться можно!

Младший сын слепого царя, придерживая одной рукой за шиворот женщину, другой сорвал с пола лежавшие там шкурки белого песка и увидел, что под шкурками были натянуты только тонкие нити, а под ними глубокий подвал, шириной и длиной с сажень.

Младший сын слепого царя крикнул в темноту:

– Ну, как там, мои братовья, живы еще?

Слабый стон еле донесся из мрачной глубины.

– Быстро неси лестницу, – грозно сказал младший сын слепого царя растерявшейся женщине. – Затем доставь наверх моих братьев.

Вместе с женщиной младший сын слепого царя вышел на улицу. Он махнул рукой своему напарнику, который временно прятался за кустами деревьев.

Сын старухи вмиг примчался к нему на белом коне.

Женщина принесла лестницу, длиной не менее трех саженой. Младший сын слепого царя приказал ей опустить лестницу в подвал и вызвать оттуда своих братьев.

Потихоньку покряхтывая и постанывая, братья его, исхудалые, облепленные нечистотами, выбрались наверх.

Одни только кости остались от них после долгого пребывания в темнице почти без еды и воды. Питались они только теми отбросами, которые им временами подбрасывала, как собакам, женщина. Если бы вовремя не приехал их младший брат, то неизвестно еще, остались бы или нет они живыми. Долго ли, коротко ли они говорили меж собой, долго ли, коротко ли кушали, про то мы не знаем. Но, кончив свои дела и разговоры, младший сын слепого царя так сказал женщине:

– Так вот, красивая женщина-плутовка, а теперь я тебя в подвал заточу. Ты тоже немного побудь там, и пусть теперь мои братья тебя охраняют и кормят объедками. Познай, как жить без еды и воды. Может быть, после этого не будешь так по-зверски поступать с честными людьми и вершить темные дела.

И братья его, поскрипывая зубами, сталкивали женщину в темный подвал. Но она сразу не упала. Только собрались они столкнуть ее вновь, как младший сын слепого царя сказал им:

– Не надо так. Пусть сама спустится туда.

Только она оказалась там, братья тут же выдернули лестницу наверх. А дыру, затянутую нитками, они заколотили крепкими досками. Оставили только небольшое отверстие, куда можно было подавать пленнице еду и воду.

– Все, – сказал своим братьям младший сын слепого царя. – Вы теперь здесь оставайтесь. Хорошо отъедайтесь, поправляйтесь, силы набирайтесь. И дожидайтесь меня.

А затем они с сыном старухи, сев на послушных лошадей, лихо пустились в дальнейший путь. Один скакал на каурой лошади, другой – на белой.

Пусть они едут себе. Мы тоже вслед за ними потянемся.

Хорошо накормленные и напоенные лошади легко несут их, словно тяжести на спинах своих не чувствуют. Когда ослабляли поводья, лошади вскачь пускались так, что не было видно, как их ноги мелькают.

Долго ли, коротко ли ехали, а постепенно стали приближаться к столице Семи Дочерей Высокого Неба. Они стали осторожными и внимательными.

Сын старухи, разумеется, впереди едет: он по этим землям и водам не раз и не два проезжал. Разъезды, где были сторожевые посты, они объезжали подальше. При приближении к селениям и городам, где имелось много народу и воинов, сворачивали в сторону. Вступив на земли, где правили Семь Дочерей Высокого Неба, они оставили свое оружие и теперь ехали еще осторожнее. Передвигались, в основном, тогда, когда наступала темная ночь. В незнакомых краях всякие неожиданности могли их поджидать.

Так они и едут. В укромных, тихих местах они останавливались и отдыхали, лошадям давали корм, поили водой. Еду, в основном, в лесу и реке добывали. Щедрая тайга и многоводная река были доброжелательны к ним.

Когда миновало три недели, они добрались до дома, где проживал старец, отец старухи. Ладно построенный из отборной лиственницы дом стоял на обочине села в окружении могучих елей и кедров, поэтому их приезд никто не увидел. Тихо и незаметно зашли в дом, не заскулила и не залаяла даже ни одна собака.

Старец трижды поцеловал своего внука, так внезапно появившегося в этих запрещенных краях...

В доме покушали, попили чаю. После этого младший сын слепого царя рассказал старцу о цели своего приезда. Долго думал старец. За это время, пожалуй, чайник вскипел бы. Он свои длинные ресницы, похожие на прутья гимки, медленно водил туда-сюда и почесывал временами затылок. И все это время сидел неподвижно и молчал. Выкурив свою трубку, смастеренную из шията, стряхнул пепел в костровище, находившееся посередине дома, и затем старчески вздохнул:

– Кой, кой! Младший сын слепого царя на очень опасное дело собрался. Дорога твоя не раз и не два по острию лезвия будет проходить, – старец при этом покачал седой головой. – Трудное, почти смертельное дело замыслил. Ох, нелегко будет тебе: не один узел придется развязывать и не одну тропу распутывать. И тогда только, сынок, твой путь может благополучно завершиться, если ты будешь твердо следовать моим наставлениям. Если же от моих наставлений свернешь в сторону – ума не приложу, сынок, что может случиться... Представить не могу, – и старец опять покачал своей седой головой.

Тут он довольно легко для его возраста встал со своего места, взгля-

нул в сторону красного священного угла, где хранились идола, трижды низко поклонился, а затем заговорил:

– Слышишь или не слышишь, Всесильный Священный Черный Ворон – дух Живой воды¹? Опять один птенчик ко мне прилетел. Тобою добытую, тобою подаренную Земле живую воду требует он. Понадобилась, говорит, ему. Что делать? Может быть, нам, грязным и нечистым людям, ты уделишь внимание и в чем-то поможешь?

Только сказал эти слова, как в углу что-то словно загрохотало, и затем будто кто-то помахал золотым крылом. После этого откуда-то на правую ладонь старца упало одно перышко от черного ворона.

– Спасибо большое, – сказал старец в сторону священного угла, взяв в руки упавшее перо. – Пусть в тебя вселится еще большая сила, еще большая мудрость. – После этого старец повернулся в сторону младшего сына слепого царя и сказал: – Мой самый большой идол опять мне помощь оказал, вновь уделил мне внимание. Подаренный им подарок – перо Черного Ворона – невиданную силу имеет. В хорошее, надежное место положи это перышко. Оно тебе после не раз понадобится. Когда окажешься в трудной ситуации – ты вспомни о нем. Может быть, это перышко какую-нибудь помощь подожлет и новую силу волеет в твое сердце.

После этого старец несколько раз поведал ему, как нужно ехать дальше, чтобы добраться до живой воды.

Младший сын слепого царя взял у старца перышко Черного Ворона, завернул его в лоскуток материи и положил в карман. Чтобы оно случайно не выпало оттуда, старец тот карман трижды прошил надежным швом.

Закончив дела, двое мужчин, усевшись на лошадей, тронулись в дальнейший путь.

Только на этот раз старец запряг им других лошадей, а их оставил пока у себя на отдых. «После понадобятся!» – сказал он. Ему виднее. Годы думающему человеку не раз и не дважды ума прибавляют.

– Все может случиться, – сказал старец. – Дорога разве всегда будет ровной? Сколько узлов, сколько сучьев может появиться. Пусть лошади постоят здесь. На всякий случай. Это не помешает.

Только с наступлением ночи шли они теперь. Сын старухи ехал впереди, сын царя – сзади. Утром, только-только появилась волчья зоря, увидели наконец они столицу Семи Дочерей Высокого Неба.

¹ Идол черного ворона олицетворяет дух живой воды. По преданию, он тоже доставил живую воду на Землю.

Теперь негде было затеряться: среди двухэтажных домов четко выделялся дворец, выделявшийся своей красотой.

Когда приблизились к городским воротам, то видят: с двух сторон сидят злые овчарки, а рядом с ними стоят два воина с обнаженными саблями.

«Кой! – подумал младший сын слепого царя. – Каким же образом пройти через них?» – И тут вспомнил о волшебном перышке, которое дал ему старец, и стал ощупывать его в кармане. Щупал, щупал его и, кажется, нашел. И в это время подумал про себя: «Неужто тебя, волшебное перышко, старец мне понапрасну дал?»

Так он постоял немного и сказал тихо в пространство:

– Кой, волшебное перо Черного Ворона. Как же я проеду через этих злых овчарок и вооруженных воинов? Может быть, волшебное перышко, ты мне какую-нибудь силу дашь и помощь окажешь?

Только младший сын слепого царя подумал об этом, как видит: овчарки и воины вдруг резко стали опускать головы вниз. А когда он приблизился к ним, то все они спали крепким сном и даже временами похрапывали.

Младший сын слепого царя вначале, слегка побаиваясь, постоял около них в нерешительности, робко посматривал на них, а затем, убедившись, что они для него опасности не представляют, юрко проскользнул в пределы города. И вот он по улице едет и по сторонам поглядывает.

Было еще рано. Люди в городе спали и досматривали свои вещие сны. И на него никто внимания не обращал.

Лошадь сдержанно трусила посреди улицы, и он все ближе и ближе подъезжал к царскому дворцу.

С двух сторон широких сосновых дверей стоят два воина с саблями в руках, с луками и стрелами за плечами. Они попросили его подалее от дверей дворца остановиться.

Младший сын слепого царя остановил коня, привязал его к коновязи так, как советовал седовласый старец, чтобы узел потом на ходу можно было отвязать. И тут он задумался: «Кой! Как же я пройду через этих неусыпных часовых? Да если еще начнут меня ощупывать и осматривать мои вещи?! Какая беда тогда может приключиться! Ведь во дворец не только саблю или нож, но и ничего лишнего нельзя заносить. Так старец говорил». Он ненадолго растерялся и тут вспомнил опять о своем волшебном перышке Черного Ворона и тотчас призвал его на помощь.

Только успел он подумать об этом, как смотрит, что воины, стоявшие на посту, тут же заснули.

Младший сын слепого царя прошел через семь широких сосновых дверей, где у каждой крепко спал часовой.

«Кой! – подумал он. – Волшебное перо Черного Ворона действительно невиданную силу имеет».

Так он тихо, почти не дыша, шагает из комнаты в комнату, наконец вошел в самую большую, где видит: в семи углах большой просторной комнаты похрапывают Семь Дочерей Высокого Неба. Комната была богато обставлена. Казалось, что золотые потоки красоты струились сверху вниз, а снизу они струились вверх.

Младший сын слепого царя туда-сюда поглядывает. Старец говорил, где может находиться живая вода, и сейчас он лихорадочно искал долгожданную позолоченную табакерку, сделанную из бивня мамонта, залитую живой водой и сверху завинченную крышечкой.

Поглядывая по сторонам, он наконец-то увидел ее. В красном священном углу, над ящиком, куда трудно было дотянуться рукой, стояла табакерка с живой водой.

«Но как до нее добраться? – подумал он. – Под этой полочкой стоит диван, кажется, самой младшей дочери Высокого Неба. А рядом с ней волшебный сон сморил вооруженного воина. А если я их задену случайно, и они проснутся? Ведь старец много раз повторял, что нельзя разбудить ни одну девицу: от пальцев их рук протянуты невидимые струны. Коль их тронешь, то они вмиг зазвонят, и все загремит. Тогда и земля проснется, и вода проснется... Кой! И что же сделать, как же поступить?»

Вдруг он увидел, что под диваном младшей дочери лежит небольшая лесенка. Видимо, они ее держали для того, чтобы взбираться куда-нибудь.

Младший сын слепого царя потихоньку ее вытащил, пристроил рядом с диваном младшей дочери Высокого Неба и стал постепенно и тихо подниматься вверх. Осторожно дотронулся до табакерки с живой водой, засунул ее в карман и так же тихо слез. Затем положил лестницу на прежнее место. Перед тем как уйти, решил внимательно поглядеть на Семь Дочерей Высокого Неба. Все они спали крепким сном.

А младший сын слепого царя, словно после тяжелой и изнурительной работы, весь вспотел. Да и как не вспотеть, если он, как говорил тогда старец, столько времени ходил по лезвию ножа.

Перед его взором стояли уснувшие воины с саблями в руках, с луками и стрелами за плечами. Если бы они проснулись, если бы они зашевелились...

«Кой, – размышлял младший сын слепого царя, – а вдруг проснутся Семь Дочерей Высокого Неба? И их охране не составит труда отсечь мою голову. Какой саблей снимут мою голову – даже и не узнаю».

Преодолев нахлынувший страх, младший сын слепого царя, вспомнив совет старца, табакерку с живой водой аккуратно положил во второй карман, а затем три раза прошил швом, чтобы случайно где-нибудь не выпала.

Закончив дело, он почувствовал, как сильно бьется его сердце, готовое разломать его ребра в груди и выскочить наружу. Постепенно отдышался он, взял себя в руки и успокоился. Постоял немного и хотел уже тронуться обратно той же дорогой, которой пришел, но в это время на мизинце младшей дочери Высокого Неба увидел золотое кольцо, которое так и переливалось в лучах утреннего солнца.

Приглядевшись к спящей царевне, только теперь оценил ее неописуемую красоту. Он весь словно приковался к ней, не мог оторвать от нее взгляда и стоял как замороженный. Ему казалось, что в лучах утреннего солнца она вот-вот взлетит легкокрылой красивой бабочкой.

«Кой! – подумал он. – Такую девушку неплохо было бы с собой взять. В жены. Да только как ее возьмешь, как украдешь? Старец меня тогда много раз наставлял, что нельзя даже ни один посторонний предмет взять от Семи Дочерей Высокого Неба, что их нельзя даже тронуть. – Так он застыл в размышлении, а мысли не давали покоя. – Но что же делать? Может быть, все же взять у нее золотое кольцо? Возможно, она вовсе не проснется? Ведь до сих пор даже ни одна сестрица не шевельнулась. Да и от какой мудрости и какой силы они смогут враз проснуться?»

Настроив себя на это, младший сын слепого царя стал постепенно подходить к младшей сестре-красавице. Потихоньку подкрадывался к ней. Дыханье свое задержал.

Только притронулся к пальцу младшей дочери Высокого Неба, как вмиг услышал, что все заиграло кругом и мощный звон заполнил комнату.

Младший сын слепого царя мгновенно сорвал с пальца младшей дочери Высокого Неба золотое кольцо, схватил саблю, висевшую над ее головой, и стал выбегать на улицу.

У дверей спавшие воины стали протирать глаза, некоторые начали вставать на ноги. Младший сын слепого царя на ходу отсек головы этим просыпающимся воинам. Оказавшись на улице, он с ходу отвязал вожжи, молнией взлетел на спину коня и стеганул его кнутом. Конь заржал и пустился в галоп. Когда трогался с места, только услышал донесшийся изнутри дворца душераздирающий крик:

– Живая вода! Живая вода! Куда подевалась табакерка с живой водой?! Кто ее взял?!

Доскакав до широких ворот, увидел, что часовые пытаются его остановить, но им даже секунды не дал на размышление. Два раза взмахнул острой саблей, и две головы покатались в разные стороны. Младший сын слепого царя помчался дальше, и до его ушей донесся грозный лай разозленных овчарок.

Так и скачет он, так и уносит подальше свои ноги. Следом за ним стелется песчаная пыль, словно после пронесшегося небывалого вихря. Скачет, скачет и вот слышит, как в городе, оставленном им, семь раз пальнули пушки, предвещающие опасность.

Младший сын слепого царя еще сильнее огрел коня. Вскоре доскакал до опушки леса, где оставался его напарник – сын старухи. Тот говорит ему:

– Пересаживайся на мою лошадь, младший сын слепого царя. А я придержу скачущих позади тебя всадников. Я здесь все тайные тропы знаю. Не беспокойся за меня.

Младший сын слепого царя пересел на отдохнувшую лошадь и с еще большей скоростью помчался дальше. Когда ускакал подальше, он взглянул назад и увидел, что за ним бушевало большое пламя, охватившее травяное поле. Только густой дым, казалось, стелился до самого горизонта.

«Наверное, это сын старухи поработал. Молодец!» – подумал он и сильнее прежнего стеганул коня.

Так и скачет он, так и мчится. Только звон в ушах стоит, только ветер свистит. Долго ли, коротко ли скакал, чувствует, что лошадь начала уставать, вся она взмылилась.

И в это время услышал, что его сзади кто-то настигает. Оглянулся и видит: Семь Дочерей Высокого Неба на семи резвых конях, размахивая саблями, несутся за ним. Недалеко скачут – уже хорошо различимы глазом.

«Кой! – встревожился младший сын слепого царя. – Что же делать? Коль настигнут меня – то голову отсекут. Явная смерть ожидает меня».

Охваченный смятением, он подумал было о волшебном перышке Черного Ворона и даже призвал на помощь, но сразу понял, что на сей раз помощи и силы от него не дожждаться.

«Дурак! Безмозглый! – выругал он себя. – Говорил же мне тогда старец: ничего не трогай у Семи Дочерей Высокого Неба. Коль тронешь что-нибудь, волшебное перышко, мол, лишается своей силы. Дурак! Безмозглый! Как я мог забыть об этом?!»

Так и скачет он, так и удирает. А что же еще ему остается делать? Теперь уже оставалось полагаться только на свою силу, смекалку и храбрость. Вскоре он доскакал до дома старца и видит: сын старухи уже находится там и приготовил для него уже его лошадь, оставленную им здесь недавно. Младший сын слепого царя на ходу вскочил на свежую, отдохнувшую лошадь и помчался дальше, за ним не отставал его напарник. Только пыль поднялась за ними.

Свежие, хорошо набравшиеся силы лошади сразу же, конечно, легко понесли их, и они на глазах оторвались от преследователей. Так и несутся они, перепрыгивая через широкие канавы, через невысокие кусты багульника.

Но и свежие лошади от такой бешеной скачки начали уставать. Животные взмокли настолько, что отдавали паром. А позади уже слышали стук копыт лошадей Семь Дочерей Высокого Неба.

«Что же делать? – думает младший сын слепого царя. – Коль настигнут нас, то наверняка убьют. Кой, кой! Лишь бы успеть добраться до пределов своего царства. Каким бы чудом успеть?! Старуха тогда сказывала, мол, дочери Высокого Неба никогда не ступят на землю, где живут нечистые люди. От этой границы, как от грозного препятствия, они вмиг свернут обратно».

А Семь Дочерей Высокого Неба вот-вот настигнут их. Уже слышно, как размахивают они саблями, доносится ржание их разгоряченных коней и удары плетей.

Беглецы выжимали из своих лошадей последние силы. И вот, когда они уже чувствовали за спиной дыхание преследователей и занесенные над их головами сабли, младший сын слепого царя вдруг ощутил, как Семь Дочерей Высокого Неба внезапно остановились и бешеный бег их лошадей прекратился.

Он оглянулся назад и увидел: Семь Дочерей Высокого Неба, выстроившись в ряд на границе двух царств, грозят им кулаками, ругаются и шлют проклятия:

– Воры!.. Жулики... Пусть гром поразит вас. Пусть Нум Турам¹ накажет вас. Все равно когда-нибудь попадетесь нам. И сегодня чуть было не оказались в наших руках... Но как-то успели улизнуть в пределы своего грязного царства, где живут нечистые люди. Мы бы нагнали вас, но нам нельзя ходить по этой нечистой земле. Грешно! Отец – Великое Небо – так наказывал. Он нам такую зарубину оставил. Кой, кой, младший сын

¹ Нум Турам – верховный бог.

слепого царя! Ты – настоящий вор. Ты слишком не радуйся и голову не задирай. Попадешься еще где-нибудь.

После этих слов Семь Дочерей Высокого Неба стеганули своих белых лошадей и поскакали обратно. Только пыль, поднятая ими, подобно черному облаку, клубилась за ними.

Младший сын слепого царя и его спутник слегка отдохнули и тронулись к дому старухи, который, кстати, был уже поблизости от них.

Приехали к старухе, отошли от пережитого волнения и напряжения и рассказали ей, как они ездили и какие приключения с ними случились.

Младший сын слепого царя после недолгого отдыха, перед тем как тронуться в обратную дорогу, сказал:

– Вы, может, со мною поедете? После приезда домой отец обещал мне царство свое передать. Я буду царем. И я сделаю твоего сына первым помощником. Назначу командующим над всем своим войском. И тебе, старуха, работа найдется. Еду будешь готовить нам. Тебе же близка эта работа?

– А куда же денешь своих братьев? – недолго подумав, спросила старуха. – Они же тоже для себя что-то выпрашивать будут?

Младший сын слепого царя ненадолго задумался и ответил:

– Выделю для каждого из них по небольшому городу. Пусть там они и хозяйничают.

Старуха согласилась с такими доводами.

И вот они уже на трех лошадях тронулись в обратный путь. По пути свернули к дому красивой женщины. Там братья долго советовались между собой. И они решили выпустить красивую женщину из заточения – из темного сырого подвала. Выпустив ее, они несколько раз предупредили, чтобы впредь она никогда не занималась подобным промыслом. Не то, повторил несколько раз младший сын слепого царя, он прикажет отсечь ей голову.

После недолгого отдыха и сытного обеда они на пяти лошадях тронулись в стольный город. Ничто теперь не мешало им двигаться, и они всю гнали лошадей, и только пыль стояла за ними.

Так и едут они. Младший сын слепого царя, следуя совету старухи, ничего не сказал своим братьям о том, что он достал табакерку с живой водой и не заводил разговора о своих приключениях. Сказал только им, что ездил бесполезно и ничего не раздобыл.

По пути домой его старшие братья почему-то стали уединяться и меж собой втихомолку перешептываться. Но младший сын слепого царя не обращал на это внимания.

Минула так одна неделя, вторая... Осталось, наверное, всего несколько дней пути до стольного города.

Пока все шло у них гладко. Младший сын слепого царя, опять же прислушиваясь к советам старухи, в маленьких и небольших городках не задерживался, а порою даже ночевали в лесу или в чистом поле. Благо что было лето.

В один из вечеров, ложась спать, его старшие братья легли по обе стороны от младшего брата, а перед этим они о чем-то подозрительно долго шептались. А старуха каждую ночь держала свой сон налегке. Глубоко не засыпала, так как стала догадываться, что старшие братья замыслили что-то неладное. А что замыслили, она все никак не могла разгадать.

В последнюю ночь старуха, видно после долгих недосыпаний, настолько утомилась, что уснула крепко и проснулась только тогда, когда слышала стук копыт ускакавших лошадей.

Соскочила, спавшего рядом сына разбудила и видит: голова младшего сына слепого царя неподалеку валяется на окровавленной траве. Три лошади, на которых они ехали, были мертвые: из их ран напротив сердца сочилась алая, теплая кровь.

– Кой! – сказала старуха вслед ускакавшим братьям. – Убить родного брата! Видно, слишком уж боялись его. Боялись того, что он сможет рассказать отцу, в какую неприятную историю попали они. Конечно, только этого боялись они. Позора своего. И разве можно из-за этого лишать жизни человека? Тем более родного брата?! Вот бессердечные! Вот чем ответили они на его доброту! Какая беда навалилась неожиданно! Сейчас хоть назад собирайся, до своего дома.

– Зачем, мама, сворачивать назад?! – сказал в это время ее сын. – У него же должна быть живая вода!

– И верно, сыночек! И как только я смогла забыть? По-моему, дело должно выправиться. Только, – тут замялась старуха, – только если они не захватили табакерку с живой водой с собой...

Старуха пошарила в карманах убитого, и улыбка расплылась на ее лице. Табакерка с живой водой, надежно зашитая тремя рядами швов, находилась в одном из карманов. Старуха взяла валявшуюся голову младшего сына слепого царя, осторожно приладила к туловищу и капнула на место прикосновения несколько капель живой воды, а затем мягко намазала по рубцу кожи. И – о чудо! – кожа тут же срослась, и голова вмиг присоединилась к телу. После этого умерший младший сын слепого царя ожил и медленно уселся на траву. Несколько раз харкнул, выплюнул сгустки крови изо рта и заговорил:

– О, как же я долго спал?!

Тут старуха рассказала ему все, что с ним сотворили его братья и что вообще могло случиться, не вспомни они вовремя о табакерке с живой водой.

Да, опять миновала одна беда. И вновь сказке дальше лететь на быстрых крыльях утки-гоголя. А попробуй поймать на ходу быстрокрылого гоголя!

Старуха оказалась предусмотрительной. Она все же захватила с собой несколько золотых монет и с десяток серебряных. А имея деньги, чего бояться: можно дальше жить. У первых же попавшихся по дороге купцов выбрали трех хороших скакунов и купили их. Как и прежде, они заняли добрых коней.

Усевшись на коней, они погнали их в сторону стольного города.

На следующее утро они приехали в столицу своего царства. Сразу направились к царю-отцу и все рассказали ему: как обстоило дело, какие беды с ними случились, как хотели старшие братья убить младшего.

Слепой царь-отец поначалу взял табакерку с живой водой и несколькими каплями намазал оба глаза. Случилось чудо!

– Кой! Сыночек, сыночек! – от радости закричал царь. – Действительно живая вода! Ожил я! Глаза мои стали как у молодого человека! А твои братья говорили мне, якобы ты тоже ничего не раздобыл, мол, из-за тебя, когда ехал обратной дорогой, напали разбойники, которыми оказались сын со старухой. И они тебя убили! – Царь, теперь уже зрячий, от злости перевел дыхание и продолжил: – Меня обманывать!.. Вот подлены!.. Они у меня получают свое.

Царь приказал своим слугам немедленно доставить к нему старших сыновей, которые все еще спали крепким сном.

Вскоре пришли братья. Только завидели они своего младшего брата, тут же хотели убежать, но слуги удержали их.

Не сумев убежать, они стали ползать в ногах младшего брата и слезно упрашивать его, чтобы он простил их и даровал им жизнь.

– Таких людей – убить мало, – сказал царь-отец и грозно спросил сыновей: – Вы почему так поступили? Обращайтесь теперь к своему младшему брату, у него пощады просите и вымаливайте себе жизнь. Как он скажет – так и будет.

Младший сын теперь уже зрячего царя, глядя на своих родных братьев, сжалился. Не хотелось ему лишней крови. Недолго подумав, он сказал:

– Они заслужили того, чтобы упрятать их в темницу. Пусть бы они

там немного подумали, как нужно вести себя. Но я прощаю им. Ты их, царь-отец, сослал в отдаленные и холодные окраины своего царства. Выдели им какие-нибудь невзрачные городишки, и пусть там поживают.

Царь-отец согласился с таким предложением и, довольный тем, что стал зрячим, долго смотрел на своих старших сыновей и сказал младшему:

– Ты поцели их, сынок. С этого дня, с этого момента ты – царь. Я свое обещание не забываю.

Так и поступили. С этого дня младший сын стал царствовать в этих краях.

* * *

Но сказка дальше сказывается. Сказка разве может так ни с того ни с сего оборваться. Дорога у сказки скользкая и гладкая, а след – удачный и счастливый.

Поступило второе лето. Однажды в столичный город прибыл один большой корабль. Много разного товару привезли купцы. И дорогие шелка, и меха, и разноцветное сукно. Молодой царь решил нанести визит купцам в один из дней. Хорошо встретили его на корабле, стали кормить и поить.

Но молодой царь заподозрил, что вроде бы купцы разговаривают женскими голосами. Семь красивых купцов и все вроде на женщин смахивают. Незаметно он дал слугам знак, чтобы побольше воинов прибыло на корабль, а сам стал меньше пить вина.

И вот он видит, что корабль неожиданно отчалил от берега и стал удаляться от города. Выбрался молодой царь из каюты и махнул рукой. И в тот же миг его воины, незаметно запрятавшиеся в разных уголках корабля, выскочили на палубу. Они, по указанию молодого царя, тут же арестовали команду, завязали им руки и ноги. После этого он вошел в каюту, где находились семь купцов, и с самого молодого из них сорвал шапку и сказал:

– А грудь у тебя здорово мускулистая! А по-моему – это не мускулы! Это груди!.. Кой! И точно! – громко заговорил он, притронувшись к упругим девичьим грудям. – Так, вы, оказывается, вовсе не купцы! Вы, оказывается, меня похитить хотели. А может, просто забрать то золотое кольцо? Мне только не понятно, как вы смогли ступить на нечистую землю.

– Теперь можно, младший сын слепого царя, – ответила младшая се-

стра. – С тех пор как похитили у нас табакерку с живой водой, наша земля тоже стала грешной и нечистой.

– Ах вот в чем дело, – сказал молодой царь.

В этот миг он вытащил из кармана то кольцо, которое когда-то снял с мизинца младшей сестры Высокого Неба, и стал надевать на ее палец. Кольцо подошло точь-в-точь. Да и как не подойдет, если оно для этого пальца изготавливалось.

После этого молодой царь приказал, чтобы корабль направился обратно, к стольному городу.

Когда пристали к пристани, говорят, закатили и на корабле, и в городе большой невиданный пир.

Закатили пир по случаю того, что молодой царь взял в жены младшую дочь-красавицу Высокого Неба.

И с этих пор они стали жить и поживать. Может быть, они до сих пор где-то царствуют...

ЗАЯЦ И МЕДВЕДЬ

На одном из островов-пугоров в приобской тайге жил-поживал серый заяц. Жил он безбедно, но однажды с верховьев Оби в низовье хлынула Большая вода и затопила все кустарники и травы в поймах – лишь кое-где оставались островки осоки.

А какая жизнь без еды? Крепился-крепился заяц, и когда совсем отощал – отправился на осоку. Изголодавшись, ел он осоку и до крови нарезал себе язык и губы. Больно было зайцу – кровь заливала рот. Пробовал он вылечить, но ничего не помогло.

Злой на всех, побрел он по тропинке, а тут навстречу – медведь.

– Что с тобой, шовар? – спросил медведь.

– Что, что, – передразнил заяц. – Ты бы, апсие (ласкательное слово медведя), такое поел – и с тобой то же самое было бы. Чем попусту языком молоть – помог бы...

– Нет! Сам виноват – сам и расхлебывай, – сказал медведь.

А боль у зайца все сильнее и сильнее. Язык разбух. Думал, думал косяглазый, что делать, – и вновь вышел на медвежью тропу. А тут и сам медведь подоспел.

– Вуся, Утан Ултат (живущий в лесу)! – вежливо сказал заяц. – Помоги мне – дай кусочек жиру!

– Снова пришел? Прочь уходи! – сердито сказал медведь.

– А это не я был!

– А что с тобой? – спросил медведь.

– Ты бы такое поел – и с тобой то же самое было бы, – не вытерпел заяц. – Помоги!

– Нет! Сам виноват – сам и лечись! – сказал медведь и ушел.

Совсем приуныл заяц. Повесил голову, как осенняя трава, уши – будто стебельки трав под снегом. Что делать? Пробовал он лечить так и эдак – не помогает, все хуже и хуже. Язык уже совсем во рту не помещается. И решил он снова пойти к медведю.

Подвязался он и вышел на медвежью тропу. Увидел медведя – спрятался в кустах и стал хвалить-нахваливать медведя. А медведь слышит, что кто-то его хвалит, а не видит кто. Пошел он на голос, видит – заяц.

– Вуся ула, сот хоятпи ляль (зверь имеющий силу ста лучников-воинов)! – сказал заяц. – Вуся ула!

– Опять ты?! – рявкнул медведь. – Снова пришел?!

– Может, кто-то другой был. О, я в первый раз!..

– А что ты, щовар, еле языком ворочаешь?

– О, сот хоятпи ляль! Пока хвалил вас, вашу силу, ваш ум, язык мой до крови истерся...

Медведю это понравилось, подобрел медведь – отрезал он кусок жирного сала и дал зайцу.

Вылечился заяц – длинными прыжками помчался, вытягиваясь в нитку...

ШАМАН И ЗАЙЦЫ

Было это давным-давно. Деды и отцы наши и их родители не помнят это время.

Однажды в тайге заболели все звери какой-то непонятной и неизвестной болезнью. Всюду умирали звери: в высоких горах, в густых лесах, в таежных болотах и в рыбных озерах. Приуныли чуткие звери. Что им оставалось делать?

Собрались они на большой совет и стали думать, что предпринять. Много разных советов, как снежинки во время пурги, сыпалось с разных сторон, но все они или отвергались, как невыполнимые, или смеялись над ними, как над глупостью. И все же пришли к одному решению.

Отправили звери быстроногих зайцев к шаману великому, что жил на берегу далекого Куновата на самом священном месте.

Пришли уставшие зайцы гурьбой к нему и слезно просят:

— Избавь нас, великий шаман, посредник духов, от черных и злых сил. Кто-то нам наслал неизлечимую болезнь. Все звери без конца болеют. Скоро в лесу никого не останется. Всех нас ждет неминуемая смерть. Ты один, великий и всесильный владыка, сможешь злых духов задобрить.

Шаман долго думал над просьбой зайцев и наконец согласился. И пошла радостная молва по всей тайге: согласился всесильный шаман избавить зверей от черной смерти.

Собрались звери в одном месте, быстро соорудили нужных размеров чум шаману для камлания. И вот началось камлание.

Всю ночь шаманил посредник духов, долго бился с черными силами. Слышно было, как он кричал, прыгал, скрежетал зубами и трясся.

Но, видимо, не хотели прислушаться к нему разгневанные духи. Шаман уже весь вспотел, летним туманом поднимался пар с его покрасневшего лица.

Заждавшиеся зайцы долго смотрели, как камлает шаман, да и засмеялись. Тогда ударил их шаман палочкой по ушам, и с тех пор кончики ушей у всех зайцев почернели.

А духи все же вняли мольбам великого шамана. С тех пор звери перестали болеть в приобской тайге, если только не принесет им зло сам человек.

МЫШОНОК

В одном краю, в устье таежной речки, в домике из травы и кустарников жил мышонок. Теплое лето, дождливую осень и холодную зиму прожил. И вот наступила долгожданная весна. Началось мощное половодье. Толстые бревна, сухие сучья, кору разных деревьев и кедровые шишки несло стремительным течением. И утлый домик мышонка подхватило, как соринку, и понесло вниз по течению.

Глупый мышонок недолго погоревал и решил обживать новые места: податься в сторону многоводной Оби.

Вместо лодки мышонок взял скорлупу кедрового ореха. В качестве весла приспособил крылышко птицы. Погрузил свой небогатый скарб в своеобразную лодчонку и поехал. Едет, едет он и напевает:

*– Лодочка моя, лодочка моя из скорлупы.
Так и мчит, так и несет меня.
Веслом своим – птичьим крылышком –
Так я загребая, загребая,
Что сзади меня вода журчит,
И слышны звуки «халь-халь-халь»,
И доносится шум «поль-поль-поль».*

Так и ехал. Вот показался впереди поселок. Озорные ребяташки играли на берегу и бросали камешки в воду. Увидев мышонка, ребята в один голос закричали:

– Эй, смотрите! Мышонок на лодке едет.

Люди стали звать его на берег:

– Иди, причаливай к берегу, покушай супу!

– Какой суп?

– Суп из глухариного мяса.

– Нет. Я такой суп не ем, невкусный он, да и сильно тороплюсь я.

Опять поехал дальше мышонок и запел:

*– Лодочка моя, лодочка моя из скорлупы.
Так и мчит, так и несет меня.
Веслом своим – птичьим крылышком –
Так я и загребая, загребая,*

*Что сзади меня вода журчит,
И слышны звуки «халь-халь-халь»,
И доносится шум «поль-поль-поль».*

Показался впереди второй поселок. Горластые ребяташки, игравшие на галечном берегу, опять стали кричать:

- Остановись ненадолго, мышонок. Пристань, уху покушай.
- Какая уха?
- Из ерша и щуки.
- Нет, нет! Я такую уху не кушаю. Еще подавлюсь от таких костлявых рыб. Некогда мне, тороплюсь.

И опять дальше поехал мышонок и запел:

*– Лодочка моя, лодочка моя из скорлупы.
Так и мчит, так и несет меня.
Веслом своим – птичьим крылышком –
Так я и загребая, загребая,
Что сзади меня вода журчит,
И слышны звуки «халь-халь-халь»,
И доносится шум «поль-поль-поль».*

Впереди показался третий поселок. Веселые ребяташки опять стали громко кричать и звать на берег:

- Иди, мышонок, кашу покушай!
- Из чего каша?
- Из икры карася и осетра!
- Ям, ям! Хорошо-хорошо! Это я кушаю.

Пристал тут мышонок, изрядно уставший от долгой дороги, к песчаному берегу. В бревенчатый дом зашел и стал кушать кашу, приготовленную из жирной осетровой и рассыпчатой икры карася. Разгорелся аппетит у проголодавшегося мышонка. Давно такой вкусной еды он не пробовал. Кушал, кушал, маленький живот стал совсем круглый, как надутый зоб глухаря, так что мышонок еле передвигался.

Тут прибежали шустрые ребята и враз громко закричали:

- Лодочка твоя уплыла, ненасытный мышонок.

Мышонок тут же встрепнулся, бросил деревянную ложку, быстро выбежал на улицу и кинулся изо всех сил к песчаному берегу. Второпях он, видимо, не разглядел большую яму впереди себя. Мышонок со всего маху свалился в эту глубокую яму. Упал – и от падения лопнул у него переполненный едой живот. Икринки осетра и карася так и посыпались по всей яме.

Удивленные ребяташки, увидев это, закричали во все горло:

— Иголку с жилами несите, иголку с жилами несите! У мышонка живот лопнул! Ему срочно нужна помощь.

Ребята тут же принесли иголку с оленьими жилами и принялись за работу. Здесь воткнут, там воткнут, здесь слюной подмочат шов, там осетровым клеем подмажут. Скоро все было готово. Зашили лопнувший живот прожорливого мышонка.

Тут мышонок, уже изведавший беду, медленнее и осторожнее поплыл к берегу. А за то время, пока его лечили, проворные ребята успели съездить на колданке по реке и привезли легкую лодочку глухого мышонка.

Придя на берег, обрадовавшийся мышонок опять сел в свою лодку и поехал по величавой Оби. Едет он по реке, но уже не поет, как прежде. Не зря в народе говорят: «Слишком не хвастайся, а горький опыт всегда идет на пользу».

ЗЛОДЕЙСТВА НЕ ПРОХОДЯТ БЕССЛЕДНО

Давным-давно это было. Древние старики нашим прадедам рассказывали, что с тех времен прошло много десятков тысяч веков. Тогда только-только образовалась земля и появились звери и птицы на белом свете. Это, говорят старики, было еще тогда, когда звери человеческий язык понимали, а таежный хозяин – медведь – в родстве у хантов был и в племени Сяпаръёх гостем желанным являлся.

В те стародавние времена среди летучих зверей и птиц Летучий зверь-налим был, очень большой и страшный зверь. Этот Летучий зверь-налим в те времена носился по небу, как быстрокрылая птица. Если садился на море, плавал, как морское животное. Садился на сушу – ходил, как зверь лесной.

Однажды Летучий зверь-налим с высокого неба увидел: по обширной и ровной болотистой тундре едет кто-то на пяти запряженных оленях. Это был низовой ненец (т.е. живущий в Нижнем Приобье). Нарта его новая, видать, сделана из чистой и прочной, как кремь, лиственницы. Ненец держал в руках семисаженный хорей с наконечником из бивня мамонта.

Летучий зверь-налим думает: «А что, если я съем этого ездока?» Придя к этой мысли, он с налету схватил ездока с оленями и нартой, и все они вмиг оказались в его огромном, ненасытном желудке. Досыта наевшись, он расположился спать.

Трое суток спал. Затем поднялся и полетел над скалистыми горами и широкими долинами, богатыми рыбой реками и озерами.

Долго ли, коротко ли так он летал, однажды при восходе солнца на опушке леса увидел идущего лыжника. Стал внимательно всматриваться в него. Оказывается, это был ханты-дровосек. За поясом у него висел топор. На солнце поблескивали рукавицы, вязанные из ниток чистого серебра. Лыжи сделаны из годовалой березы, а подошвы обтянуты прочной тюленьей шкурой.

Идет дровосек в лес и с опаской поглядывает на страшного зверя. А

Летучий зверь-налим кружится над лыжником и думает: «А что будет, если я этого лыжника съем?»

С этим коварным замыслом он с налета хватает и проглатывает ханты-дровосека, как речная чайка рыбешку. Съев его, Летучий зверь-налим дальше полетел.

Долго ли, коротко ли он летал и вот однажды, кружась над большим городом, взглянул вниз. Видит – на окраине города кто-то идет. Летучий зверь-налим стал всматриваться. Это оказался старейший шаман с большим кожаным бубном.

Летучий зверь-налим парит над шаманом и думает сожрать и его. С этим злым замыслом налетает он на шамана и проглатывает его, как морская чайка рыбешку. Расправившись с шаманом, Летучий зверь-налим дальше полетел.

Злодейство Летучего зверя-налима городской народ, конечно, видел. Люди, недолго подумав, с поклоном и жалобой обратились к семи старцам семи городов и попросили избавить народ от всеядного хищника.

И вот собрались семь старцев семи городов. Судили да рядили про все зверства Летучего зверя-налима, отметили это на небольших дощечках и решили обратиться с просьбой к Солнцу Дня и Солнцу Ночи, чтобы предали суду этого прожорливого людоеда.

И вот семь старцев семи городов собрались вместе и семь дней молили и просили Солнце Дня наказать кровожадного злодея – Летучего зверя-налима. Они семь дней подряд приносили в дар Солнцу Дня семь жертв и ставили семь столов с разными кушаньями. Старцы также семь ночей подряд молили и просили Солнце Ночи наказать жестокого Летучего зверя-налима. Семь старцев семи городов семь ночей подряд совершали Солнцу Ночи семь жертвоприношений и ставили семь столов с разными кушаньями и сладкими напитками.

Разыскали Летучего зверя-налима и представили на суд. С одной стороны от Летучего зверя-налима стояла вооруженная стража Солнца Дня, с другой стороны – воины Солнца Ночи.

Солнце Дня рассмотрело жалобу семи старцев семи городов, отмеченную на дощечках, и сказало:

– Здесь доказываются все злодейские преступления Летучего зверя-налима. Первое – это нападение на ненца-ездока, которого он проглотил вместе с оленями. Второе преступление – это нападение на дровосека-ханты, которого он сожрал с налета. Третье – нападение на шамана-старца, которого тоже сожрал. Кто может быть свидетелем этих злодеяний?

Солнце Ночи, тоже выслушав жалобу семи старцев семи городов, сказало:

– Я могу быть свидетелем по этому делу. Злодейство Летучего зверя-налима мне известно. Я знаю, как Летучий зверь-налим напал на ненца-ездока и сожрал его вместе с оленями. В другой раз утром, с восходом солнца, с хантыйских юрт шел на лыжах ханты-дровосек в лес. Летучий зверь-налим напал на него и проглотил. Много ли, мало ли времени прошло, и однажды, в момент заката солнца, летая над большим городом, Летучий зверь-налим напал на шамана-старца и сожрал его. Все это происходило на моих глазах. Эти преступления надо здесь рассмотреть и вынести приговор злодею налиму. Если эти злодеяния коварного зверя оставим безнаказанно, то он со временем все живое на земле уничтожит. Надо его крепко наказать.

– Правильно, – говорит Солнце Дня. – Этого нельзя прощать. Я придумал ему такое наказание: превратить его в маленькую и слабую рыбешку – в налима. За то, что он губил людей, пусть для них станет рыбой. Они будут им питаться. Да будет так.

Солнце Дня и Солнце Ночи приказали свой страже:

– Отрубите крылья у Летучего зверя-налима и вырвите семь перьев с хвоста. Затем пустите его в Обскую губу, в ледяную воду. Пусть там будет размножаться и плавать по большим рекам да маленьким речушкам и протокам. Люди его будут ловить неводами и сетями, гимками да крючками.

По сему приказу грозного и опасного Летучего зверя-налима превратили в маленькую рыбу.

Так и донныне эту рыбу, теперь уже не страшную, ловят люди и едят ее и вареной, и жареной, и копченой.

ХИЛЫ И МЕНГИ

Жил мальчик по имени Хилы с бабушкой в дремучем лесу на берегу таежной речушки. От родителей им осталась в наследство только одна бревенчатая избушка. В дневное время в ратхаре¹ постоянно горел костер, который заполнял жилище едким дымом, и у них постоянно слезились глаза. В закопченном доме было темно и неудобно. Зимой в узкое окно вставляли тонкую плитку из речного льда, который еле пропускал свет, а летом жили при открытом окне и во время комарья затягивали его оленьей шкурой. И мальчик большую часть времени проводил на улице: играл с собачкой, катался с крутого берега реки на нарточке.

Проходили дни. Хилы необычно быстро рос и набирался сил. Он смастерил себе лук и стрелы и начал ходить на охоту. В ближайшем лесу ловил куропаток, а в многочисленных озерах добывал уток.

– Ты, внучек, вверх по течению реки не ходи. Старайся вниз ходить, там и промыслы побогаче, и безопасней, – ласково предупредила однажды бабушка. – Я скоро состарюсь, ты будешь мне помогать, найду тебе невесту, а я буду дома сидеть и нянчить твоих детей.

Но слова бабушки возымели обратное действие. Задумал внук на запретные места сходить и тайны бабушки разгадать. Приготовил вдоволь еды для бабушки, дров в достатке нарубил и, не предупредив бабушку, отправился вдоль берега к верховью речки.

Долго ли, коротко ли шел – к большому жилищу из отборных лиственниц пришел. Вокруг дома валялись человеческие кости. Здесь жил Менг – лесной людоед. Хилы хотел было повернуть обратно, но, переборов страх, зашел в дом, поздоровался.

– Здравствуй, внучек. Долго я тебя ждала, – сказала жена Менга. – Со всем стара стала. Некому воды натаскать, дров наколоть. Вот ты и будешь помощником, а теперь я спрячу тебя.

Под вечер с охоты пришел одноголовый косматый Менг.

– Человеческим духом вроде пахнет, – прохрипел людоед. – Кто же это по своей воле к нам пришел? Давай его сюда, давно не отвеживал человеческого мяса. Да и проголодался.

¹ Ратхар – место для костра.

– Ты же видишь, что я стара стала, – перебила его жена. – Мне помощник нужен. Хоть ты и съешь мальчика – но разве им насытишься?

Менг согласился с мнением жены.

Утром, досыта наевшись, одноголовый Менг просит свою жену, чтобы отпустила мальчика на охоту. Жена разрешила. Взяв мальчика, одноголовый Менг направился в тайгу. Долго ли коротко ли шли и двухголового Менга встретили.

– Куда это вы вдвоем направились? – спросил двухголовый.

– На промысел белки и соболя пошли, – ответил одноголовый.

– Возьмите меня с собой – втроем пойдем.

Шли, шли и наткнулись на трехголового Менга. И дальше вчетвером путь продолжали. Забрались в самую глубь тайги и там остановились. Густых кедровых лап настелили на снегу, большой костер разожгли, еду приготовили, поели и спать легли.

Утром Менги отправились на охоту. Хилы остался на стоянке, чтобы еду готовить и огонь поддерживать. Только ушли Менги, костер начал потухать.

«Наверное, кто-то из Менгов волшебством обладает», – предположил мальчик. Что только не делал Хилы с костром – ничего не помогало. Время к вечеру стало клониться.

«Скоро Менги придут, а у меня даже воды нет», – подумал он.

Вдруг Хилы услышал шум в редких ветвях лиственницы. Взглянул он на верхушку дерева и увидел там соболя. Натянул свой лук, выстрелил, и соболя упал к его ногам. Оглянулся Хилы, а костер сам разгорелся, снег в большом котле растаял.

«Значит, соболя волшебный», – подумал мальчик.

В это время откуда-то появился одноголовый Менг, снял с костра котел с водой и, выпив, сказал:

– Утолил я жажду, воды мне хватило. Ты с каждым днем все сильнее становишься. Сейчас ты чуть-чуть слабее взрослого человека.

Вскоре подошли двухголовый и трехголовый Менги. Вокруг пояса они в два-три ряда соболиными шкурами обвешаны.

Хилы сварил ужин. В четыре деревянные плоские поровну еду разложил.

– Кто последний закончит есть, – твердо предупредил трехголовый, – того мы съедим.

Начали кушать. Пока Менги рассказывали друг другу охотничьи истории и приключения, Хилы незаметно разбросал куски по плоским Менгов и сказал: «Моя чашка пуста».

Так продолжалось еще два дня подряд, а на четвертый собрались Менги домой.

Вытащил Хилы тут три соболиные шкуры из-за пазухи и положил их в общую кучу.

– Ох, внучек, ты совсем сильным стал, даже соболей сам добыл, – с удивлением и испугом сказал трехголовый. – Я думаю, что ты сейчас можешь одолеть и взрослого человека.

Раскидали всю добычу поровну, надели лыжи, обитые лосиным камусом, и тронулись в обратный путь.

Дошли до того места, где трехголового встретили, остановились.

– Я здесь останусь, – сказал трехголовый. – Пусть в подарок возьмет мою долю Хилы.

Дальше по пути так же сделали двухголовый и одноголовый. Взявали всю ношу на Хилы. С каждым шагом тяжелела ноша, вот и лыжи стали прилипать к снегу. Ноги Хилы уже не мог поднять. Вспомнил он тут присказку бабушки:

*Если жалкую просьбу мою
Сможешь услышать, Казым Най –
Священная кошка народа ханты, –
То повернись ко мне.
Навостри на меня глаза, пылающие огнем,
И пусть моя ноша
Станет легче хвостинки,
Станет легче оленьей шерстинки.*

Только он это мысленно произнес, как, словно по мановению волшебной палочки, к нему вернулись силы. Три раза ноша тяжелела, и три раза бабушкина присказка выручала. Наконец он добрался до своей избушки, залез вначале на крышу и заглянул через дымоход вовнутрь. В костре остался только один тлеющий уголек. Хилы набрал в горсть снега, бросил вниз и потушил последний огонек.

– Кто же это мне последнюю надежду потушил? Это же мой милый внучек был. Пока уголек горел, я знала, что он жив...

И горько-горько заплакала она. Внук вошел в дом, вывел бабушку, уже совсем состарившуюся, на улицу, посадил ее на колени, произнес при этом такие слова:

– Волшебный дух соболя, Волшебный дух Казым Най, помоги мне, осчастливь мою бабушку.

И в тот же миг бабушка превратилась в красивую женщину. Тут внучек сказал ей:

– Ты меня не пускала в верховье речки отправиться. Я вот сходил и сколько богатства принес. Меня Менги одарили так, что еле-еле подаренное добро донес.

– Я же тебе не рассказывала, – ответила бабушка, – что твои родители от Менгов погибли. Поэтому я тебя и не пускала. И тебя бы та же участь постигла, если бы ты не оказался сильнее их.

Хилы с помолодевшей бабушкой стал дальше жить и добра наживать. А Менги забыли после этого дорогу к людям.

ХИЛЫ ЛЭНГИ

Среди дремучих лесов, на берегу горной речушки жила старушка с непоседой внуком, который в народе получил прозвище Хилы Лэнги. Он был молод, удал, а жил со своей бабушкой в обветшалом чуме, который при переездах помещался на двух оленьих нартах. Внук постоянно ходил на охоту и всегда возвращался с богатой добычей.

Однажды, в одно ясное, радостное утро, Хилы Лэнги говорит:

– Бабушка, сегодня в полдень я умру. И ты мне положи около гроба мою колданку, весла, котелок, рыбацкую иголку, поварешку и перстень.

Сказав это, он сел около костра.

Посмотрела на него бабушка и, заплакав, говорит:

– Ты, внучек, опять хочешь над старой подшутить!

Но Хилы Лэнги не шутил и еще увереннее сказал:

– Ты все сделай так, как я велел.

После этого внук вышел на улицу и принялся долбить новую колданку из толстого кедрового бревна.

Время быстро летит, а сказка еще быстрее. Ударил несколько раз Хилы Лэнги по дереву, и получилась красивая колданка с веслами.

Подшло время обеда. Попив чай с бабушкой, он прилег на оленьи шкуры. Бабушка, вспомнив про его слова, стала будить, но он был как мертвый. Заголосила тогда она. Ведь умер ее единственный внук – надежда и опора дома.

Три дня она выла на небо в сторону луны. На третий день кое-как похоронила его на кладбище, где покоилась вся их родня. Над надгробным домиком положила колданку, широколопастные весла, котелок, поварешку, перстень, рыбацкую иголку и уныло побрела домой. Дома, вспомнив о своем одиночестве, снова громко заплакала.

Но время – самый лучший способ забывать про горе.

Однажды решила она провести могилу внука. Пришла она к могиле и видит: лежат мокрая колданка, весла, а котелок с поварешкой полны красной икры.

Легла бабушка возле могилы и заголосила:

– О, мокрая лодка и широколопастные весла! О, мой внучек Хилы Лэнги!

И в это время сзади кто-то трогает ее и говорит:

– Что ты тут делаешь, бабушка?

Оглянулась – а это Хилы Лэнги. Обрадовалась бабушка, аж помолодела. Обнялись они и, довольные, пошли домой. Пришли на берег неширокого озера, а там лежит гора упитанных карасей.

– Это я все выловил, – говорит Хилы Лэнги.

От радости бабушка опять обняла внука. Затем они погрузили рыбу на высоконосую колданку и поехали домой.

Наступила осень, а с нею – трудовая пора для Хилы Лэнги. По утрам в каменистых берегах он из упругого лука подстреливал глухарей, а в таежных лесах ловил петлями горбоносых лосей.

По вечерам, освещая факелом прибрежные воды реки, бил острым копьем толстобрюхих налимов. А бабушка хлопотала по хозяйству.

Но время берет свое. Однажды позвала она внука и говорит старческим голосом:

– Завтра в полдень я умру. А ты мне положи над могилой колданку, широколопастные весла, котелок, деревянную поварешку, перстень и рыбацкую иголку. Обязательно все исполни.

Бабушка на второй день действительно умерла. Хилы Лэнги сделал гроб, отвез на кладбище и опустил в ту могилу, в которой когда-то был похоронен сам. Положил над могилой все то, о чем просила бабушка. Трижды поклонившись, он пошел домой.

И опять день за днем стал охотиться и рыбачить.

Однажды решил он проведать могилу бабушки. Пришел и видит: все лежит так, как положил, вещи только слегка снегом запорошило. Лег он возле могилы и стал причитать сквозь слезы:

– О, нетронутые лодка и весла бабушки! О, сухая поварешка и почерневший котелок! Какие мысли мне навеете?!

Но ничего он не услышал в ответ.

Тогда он вытащил бабушку из гроба, уложил на сани и повез к себе. Дома сунул ей в руки недошитые кисты и слегка поржавевшую иголку. Затем одел ее в лучшую одежду и повез в сторону богача, который жил неподалеку и имел много оленей, амбары с пушниной, трех дочерей-красавиц да двух сыновей, похожих друг на друга, как две капли воды.

Пришел Хилы Лэнги к богачу, а покойницу на санях оставил возле дома. Перед тем как войти в дом, он воткнул бабушке в грудь длинный, острый нож. И только затем зашел в дом богача.

Его встречают с почетом, потчуют строганиной из осетра, варят свежее мясо. Богач спросил, когда Хилы Лэнги думает жениться. Он отвечает:

– Наверное, скоро, годков через двадцать – тридцать.

Тут ему подают вареное мясо и аппетитный суп. Но Хилы Лэнги тут сказал:

– У меня бабушка на улице сидит на санях и шьет. Хорошо бы ее позвать домой.

Богач тут же велел дочерям позвать бабушку. Они мигом выпорхнули на улицу. После того как убежали девушки, Хилы Лэнги сказал:

– Увидит бабушка бегущих людей, как бы от страха себя не убила.

Вскоре забегают испуганные девушки и хором говорят:

– Бабушка испугалась нас и ударила себя ножом в грудь.

Тут Хилы Лэнги вскочил и сердито говорит:

– Вы убили мою бабушку! Как я буду жить без нее?!

Богач приблизился к нему и стал извиняться:

– Мы виноваты в твоём горе. И ты бери в жены без всякого калыма мою младшую дочь.

Услышав это, Хилы Лэнги засиял:

– Это по-людски, это совершенно правильно!

С почётом похоронили бабушку и устроили пышную свадьбу. И женил Хилы Лэнги у богача с молодой женой.

Подшло время, и у них родился сын. Пока Хилы Лэнги хлебал суп, сын уже начал ходить.

Однажды подбежал сын к отцу и, распевая слова, сказал:

– Хилы Лэнги, Хилы Лэнги с помощью мертвой бабушки жену себе достал.

– Замолчи! – закричал Хилы Лэнги и оторвал у него кончик языка. Сын только ртом шевелит и глазами туда-сюда водит, не может и слова вымолвить. Дома его родные расспрашивают, а он все время молчит.

Через некоторое время, пока никто не видел, отец прилепил кончик языка обратно. Сын опять забегал, развеселился. Через некоторое время начал опять приставать к отцу: мол, через мертвую бабушку жену себе достал. Тот снова схватил сына, уволок его в темный уголок и вновь оторвал кончик языка. Сын опять замолчал и не отвечал на задаваемые вопросы.

Тут вмешался дед:

– Надо позвать шаманку. Пусть поколдует.

Позвал он Хилы Лэнги и говорит:

– Съезди за шаманкой. Ее зовут Пох Тайты Нэ (имеющая много сыновей).

Собрался Хилы Лэнги в дорогу. Олени летели, как стрелы, а Хилы

Лэнги танцевал на санях. Так и доехал до стойбища шаманки. Постучав палкой о дверь, зашел в дом. После взаимного приветствия, угощения спрашивают его о цели приезда. Хилы Лэнги, кашлянув в кулак, говорит:

– У меня заболел сын, и очень прошу, чтобы ваша мать пошаманила. Сыновья переговорили между собой и спрашивают мать:

– Мама, поедешь с ним?

В углу показалась седая голова старушки, и Хилы Лэнги еле расслышал ее шепот:

– Если он будет туда-сюда возить меня, поеду.

Засобиралась старушка. И стало ясно, что на ноги она весьма бойкая. Уселась шаманка в нарты и закричала на упряжку. Олени, как ураган, помчались по ненаезженной дороге.

Дома, по случаю ее приезда, закалывают самого жирного оленя. Сначала они стали есть сырое мясо и пить теплую питательную кровь. Затем сварили мясо.

Вкусно поев, известная шаманка принялась за свое ремесло. Села в священный красный угол. Взяла нож, подвязала пояс из шкур горностая и начала шаманить. Все сидят тихо и ждут, только котел на костре побулькивает. Вот-вот шаманка должна открыть тайну напасти сына Хилы Лэнги.

В это время Хилы Лэнги тихонько выходит на улицу и натравливает друг на друга собак, которые тут же ввязались в жестокую драку. Тут Хилы Лэнги забежал в дом и орет:

– На помощь! Мою лучшую собаку грызут!

Все, кроме него, выбежали на улицу. Да еще шаманка осталась в доме. Он сразу же хватает ее, сует головой в кипящий котел с мясом и тут же выбегает наружу.

А на улице настоящий содом. Богач с женой растаскивают собак за хвосты в разные стороны. А два сына вместо собак колотят дубинками друг друга.

Окинув всех взглядом, Хилы Лэнги закричал:

– Вы тут, дурни, собак разнимаете, а шаманка слепая, пока вызывала пляской духов, запрыгнула в кипящий котел!

Все тут же забежали домой и увидели шаманку, голова которой лежала в кипящем котле. Она была уже мертвой.

Загрустил богач и подумал: как ее домой отвезти? Сказал он тогда Хилы Лэнги:

– Ты ее привез, ты и увози обратно.

Что подделаешь? Собрался он и пустился в путь. Ехал медленно. Пел песни, свои похождения нахвалявал.

Притащил он мертвую к дверям и стал кричать:

– Эй, братья, вставайте! С нижнего селенья война идет, с верхнего селенья война идет.

Выскочили братья, выбежали на улицу и стали в темноте ножами налево-направо размахивать. В это время Хилы Лэнги подкинул им шаманку, и они в темноте изрубили ее, приняв за врага.

Тогда Хилы Лэнги заорал:

– Эй! Что вы делаете? Зачем мать свою убили?

Те остановились и отвечают в один голос:

– Так ты же сам говорил, что война идет.

Братья тут же хотели его убить. Но Хилы Лэнги спокойно отвечает:

– Я говорил, что приехала ваша мать. Она кушать хочет, а вы – война... Вы сами виноваты, а я тут ни при чем.

Сказал он это и быстро уехал. Дома прикрепил он сыну кончик языка, и опять все стало как прежде.

Один сын богача случайно услышал слова племянника и начал распевать их, как собственную песню. Хилы Лэнги услышал и хотел было вырвать у него язык, но тот не поддался, был он очень большим и сильным.

Узнав про это, богач решил расплатиться с Хилы Лэнги. Они напоили его, положили в мешок из оленьих шкур, сшитый дочерьми, зашили и опустили в прорубь. Отрезвел Хилы Лэнги, слышит – со всех сторон вода журчит, и все понял. Лежит и ждет удобного случая выбраться.

Вдруг слышит наверху скрип полозьев от саней, все ближе и ближе. Хилы Лэнги стал кричать. Тут кто-то подошел к проруби. Хилы Лэнги орет:

– Около проруби должна быть веревка, найдите ее и вытяните меня наверх. Только не бойтесь!

Незнакомец нашел конец веревки и стал тянуть. Сначала испугался, затем, увидев человеческую голову, торчащую из мешка, успокоился. Вытащил Хилы Лэнги на берег. Незнакомец оказался купцом. Он вез на лошадях золото.

– Ты что под водой делал? – спрашивает купец.

А Хилы Лэнги, улыбаясь, говорит:

– А там под водой город, и золота сколько душе угодно. Я вот возьму лошадь и буду возить золото.

Тут у купца глаза разгорелись.

– Как туда попасть? – спрашивает он.

– Очень просто. Отойди на семь миль, потом с разбегу кидайся в прорубь – и через миг будешь в городе, – ответил Хилы Лэнги.

Купец так и сделал, только ноги его сверкнули над водой.

– Ну и дурак! – подумал Хилы Лэнги.

Взял ведро, облил лошадей водой и на санях поехал домой. Пока ехал, на санях образовались сосульки. Остановил лошадей около дома и зашел внутрь. Дома диву дивятся: как он выбрался из проруби и остался жив? Сел Хилы Лэнги возле сына и говорит:

– Спасибо вам, что меня под воду сунули. Там большой город. И золота столько, что по нему и ходишь. Я вот вам привез на лошадях четыре воза золота.

Богач вскочил и выбежал на улицу. Правда, стоят четыре воза, сосульки на лошадях и санях, и золото сверкает. Богач затрясся от жадности, глаза загорелись. Забежал он домой и кричит:

– Как туда попасть, отвечай скорей!

Хилы Лэнги говорит, не спеша:

– Садитесь на сани, крепко держитесь, и я ваши сани подтолкну в прорубь.

Тут начался переполох – кому туда первым попасть. Начали колотить они друг друга.

Тихо сидели только трое – Хилы Лэнги, его сын и жена. Спорившие решили ехать все вместе.

Поставили они у проруби сани. Все уселись в них, ругаясь и толкаясь. Хилы Лэнги их крепко привязал к саням.

– Быстро толкай! – крикнул, скрипя зубами, богач.

Хилы Лэнги подтолкнул сани ногой, и они исчезли в водной пучине. Пошел Хилы Лэнги домой и стал жить-поживать с молодой женой.

Стал он богатым. Но всех оленей раздал беднякам. До конца жизни вспоминали люди о хитром и удачливом Хилы Лэнги.

ВОЛШЕБНЫЙ ТОРСАПЫЛ

Жил шаман со своей шаманихой. Был у шамана волшебный торсапыл¹, сделанный из поющего дерева, с пятью струнами из лосиных жил. Шаман с женой работать не любили, а жили лучше всех своих родичей-хантов. Богатство и еду доставал им волшебный торсапыл.

Сядет поседевший шаман перед очагом, потрясет своими косичками и говорит жене:

– Клади-ка, жена, на колени мне пятиструнный торсапыл, сделанный из поющего дерева. По правую сторону положи топор для камлания, по левую – сверкающий лезвием на солнце нож, а остроконечную пику поставь перед очагом под самый дымоход.

Жена тут же исполняет его приказание. Резво заиграет шаман на своем волшебном торсапыле и запоет гнусавым голосом:

– Тринь-тринь, лосиные жилы! Тринь-тринь, поющее дерево!

Пусть годовалый бычок бедняка Хартаганова прилетит ко мне через мой широкий дымоход! Тринь-тринь! Жду я!

И неведомая сила хватает вдруг бычка, легко поднимает его, как пушинку, в воздух и несет выше деревьев прямо к юрте шамана и бросает бычка в дымоход. Падая в дымоход, бычок напарывается на пику. Довольный шаман топором приканчивает его, снимает острым ножом шкуру и начинает с женой варить да жарить нежное мясо.

Захочется вдруг шаману новую ягушку – шубу для жены завести. Сядет перед очагом, прикажет жене подать волшебный торсапыл, топор, нож, пику. Заиграет и запоет:

– Тринь-тринь, лосиные жилы! Тринь-тринь, поющее дерево! Пусть новая разузоренная ягушка молодой жены батрака Севли прилетит ко мне через мой дымоход! Тринь-тринь!..

И вот сшитая новая ягушка молодой жены Севли, подхваченная неведомой силой, быстрее громового ветра летит над лесом прямо к юрте шамана и падает через дымоход как раз на острый конец пики.

Шаман, улыбаясь, берет новую разузоренную ягушку и наряжает в нее свою шаманиху.

¹ Торсапыл – музыкальный инструмент.

Чего бы ни захотели заиметь шаман и его жена, волшебный торсапыл все доставлял им без промедления. Совсем разорили они сородичей-хантов. Жирных оленей и красивую одежду, рыболовные сети и юркие лодки, добытую ценную пушнину и деликатесную рыбу – все отобрали у бедняков с помощью волшебного торсапыла. Шаман и шаманиха в округе самыми богатыми стали, а бедняки ханты разорились и не знают, куда девалось их добро. Стали нищенствовать и умирать с голоду.

Однажды бедняк Хартаганов собирал в лесу ягоды себе на пропитание. Вдруг он увидел, как над дремучим лесом быстрее громового ветра пронеслась чья-то охотничья собака прямо к юрте шамана и упала в дымоход. Видно, шаман захотел завести новую оторочку из собачьего меха на подоле своей пышной малицы.

С тех пор в народе быстрее ураганного ветра пошел невероятный слух, что все их добро, оказывается, грабит ненасытный шаман. Ханты возненавидели его.

Узнал об этом всезнающий шаман и решил отомстить бедняку Хартаганову. Немедленно сел перед очагом и крикнул жене:

– Подай скорей мой волшебный торсапыл! Приготовь топор и нож! Крепче поставь пику под дымоход! Я накажу этого болтуна Хартаганова, не умеющего держать язык за гнилыми зубами!

Заиграл он неистово и стал орать гнусаво:

– Тринь-тринь, лосиные жилы! Тринь-тринь, поющее дерево! Пусть болтун бедняк Хартаганов прилетит в мой дымоход и напорется на остроконечную пику! Тринь-тринь! Жду я!

Бедняк Хартаганов в это время был во дворе и чинил последнюю оставшуюся сеть. Вдруг какая-то неведомая сила начала резко поднимать его вверх. Испугавшийся Хартаганов стал хвататься за угол своей ветхой юрты, звать людей на помощь. Но невесть откуда взявшаяся и неподвластная ему сила оторвала его от родной земли и понесла над лесом быстрее громового ветра прямо к юрте шамана и бросила в дымоход.

Но бедняк Хартаганов был храбрый человек. Падая в очаг, он смело и ловко ухватился обеими руками за острый конец пики и перебросил себя через шамана на середину юрты.

Всесильный и жадный шаман впервые испугался, перестал играть и даже выронил торсапыл. Хартаганов сразу почувствовал себя раскованным и вмиг догадался, что торсапыл не простой, а волшебный. Бедняк моментально схватил торсапыл и юркой белкой выскочил из юрты.

Шаман с шаманихой с ревом кинулись догонять его, стали умолять Хартаганова, чтобы он возвратил им волшебный торсапыл. Сулили ему

всякое добро, которое хранилось в семи амбарах. Но умный Хартатанов не послушался их и, прибавив скорости, прибежал с волшебным торсапылом к своим сородичам – беднякам-хантам. И решили озлобленные ханты навеки избавиться от жадного шамана. Старик Пурысь-Ики взял волшебный торсапыл, искусно заиграл и громко запел:

– Тринь-тринь, лосиные жилы! Тринь-тринь, на сто голосов поющее дерево! Пусть шаман, приносящий людям зло, навеки исчезнет из нашей тайги, пусть наше добро, отобранное им, вернется обратно к нам. Тринь-тринь-тринь!

Не успел седовласый старик Пурысь-Ики закончить свою песню, как юрта шамана вместе с хозяином и хозяйкой оторвалась от земли и поплыла над тайгой быстрее грозового ветра в далекую северную сторону.

Разошлись довольные бедняки ханты по своим убогим юртам и видят: все их добро, нажитое нелегким трудом, находится на месте. Обрадовались ханты, устроили по этому счастливому случаю большой праздник и стали жить счастливо.

И до сих пор никто о шамане не жалеет, ведь он вместо добра приносил людям зло. И всем живущим на земле не надо об этом забывать.

НЕ РАДУЙСЯ НЕСЧАСТЬЮ ДРУГИХ

В давние времена, может быть, десять, а может быть, сто тысяч лет тому назад (счет тому потерян) жили-были Глухариный зоб, Соломенный половик и Бородач.

Однажды они решили собраться на охоту. У Глухариного зоба не было ни съестного, ни одежды, потому что он был ленивым. Видя, что товарищи укладывают в нарточки хлеб, оленье мясо, жирных муксунов и прочую пищу, Глухариный зоб обрадовался, что наконец-то он вдоволь поест. К тому же за чужой счет.

Он тоже стал налаживать свою старую, уже почти развалившуюся нарточку. Посмеиваясь, он вывернул свой грязный гусь из оленьего меха и положил туда всякого хлама, чтобы друзья подумали, что и у него много всякой пищи.

– Продукты на охоте будем вместе есть, – сказал перед выездом Глухариный зоб. – Пусть будет общий котел. Так будет лучше.

Наши отцы и деды всегда так поступали.

– Конечно, – согласились друзья. – Какой же охотник будет в лесу питаться отдельно. Мы что, с ума сошли?

Когда все уложили, надели широкие лыжи, обитые мехом из оленьих лап, и направились далеко в лес промыслять зверя. Долго ли, коротко ли тащились, наконец пришли к месту охоты.

Соломенный половик предложил Бородачу развести огонь, а сам вместе с Глухариным зобом стал развязывать нарточки и таскать еловые лапы. Бородач начал поджигать веточки, но они были сырые и плохо разгорались.

– А ты на них подуй, – предложил Глухариный зоб, а сам незаметно усмехнулся: – «Как бы пламя охватило их обоих – вот было бы здорово! Все продукты бы достались мне одному».

Бородач и вправду стал раздувать изо всех сил огонь. Дул, дул, и вдруг огонь вспыхнул, да с такой силой, что у Бородача загорелась борода. Он в испуге стал бегать и тушить ее, но напрасно. Борода еще пуще пылала. Тогда он начал звать на помощь друзей.

Вместо помощи Глухариный зоб сильно расхохотался. Правда, Соло-

менный половик подбежал к Бородачу и стал тушить огонь, но из этого ничего не получилось. Уж больно борода была огромная и сухая.

Хуже того, огонь мигом перепрыгнул к Соломенному половику. Сухая солома горела сильнее бороды.

Горящая борода и половик неожиданно навалилась друг на друга и быстро сгорели дотла. Тем временем Глухариный зоб все хохотал и хохотал. От радости у него затмилось в глазах.

– Вот выпало мне счастье! Вот выпало счастье! – повторял он. – Надолго хватит мне всего этого добра теперь. Эх вы, дураки! Обхитрил я вас, как лисица зайцев! – крикнул Глухариный зоб, катаясь и подпрыгивая. Он так раздулся от смеха и зависти, что вот-вот лопнет, но не замечал этого и продолжал валяться на хвойных ветках. И тут случилась беда. Острые еловые иглы прокололи до крайности надутый Глухариный зоб.

Он с резким шумом лопнул, разлетевшись на множество кусочков. Звук этот получился такой сильный, что, казалось, гром прогремел.

Так Соломенный половик и Бородач погибли из-за жадности и коварства Глухариного зоба. Но и он не остался жив.

Так ему и надо было.

МЫС ТРЕХ СЕПАРОВ¹

Там, где Оби берега крутолобые
Резко сжимаются в узкое горло,
Мыс выдается,
 камнями осыпанный,
В реку вгрызается
 зубом чудовища.
Бор лиственничный на мыс наступает,
Будто бы воины в грозных доспехах.
Мыс Трех Сепаров –
 так древние ханты
Это священное место прозвали.
С северным ветром
 мыс в схватку вступает,
С ветра восточного перья срывает,
Каменный ветер здесь зубья ломает,
С теплым же ветром, что с юга приходит,
С мудрым же ветром, что дует лишь в спину,
С мысом высоким
 стотысячелетним
Днями-ночами
 легенды слагает.
Воды, какие здесь голосом громким,
Воды, какие здесь голосом тихим
Мысу вы песни наколдовали?
Пусть же Сепаров Дух южного ветра
Все нам расскажет,
Все нам раскроет.

¹ Сепар – богатый, зажиточный человек.

Снежные зимы стаями белых
Тундровых птиц пролетают над мысом,
Долгие дни комариного лета
Теплыми шкурами мыс пеленают.

* * *

Время пришло, и скрипнули двери
Дома Сепаров Южного Духа,
Кто-то под полдень сабли концом
Тихо и медленно приоткрывает.
Сабля острейшая с дужки котла
Вскоре в руках старикашки сверкает.
Так обращается к Южному Духу:
– Сердцу приятную весть я принес,
Печени важную весть я доставил.
Уши, как туес, ко мне приоткрой,
Мысли арканом свои собери,
Есть у меня необычный соратник,
Острыми стрелами, луками крепкими
Он в совершенстве, отлично владеет.
Только, замечу, никто еще в жизни
Лук тот упругий не смог смастерить,
Крепкоплечистый и самый надежный,
Чтобы от силы его богатырской
Не разломался бы в важном бою,
Словно рассохшая хилая ель.
Я бы, Дух Южный, тебя попросил
Лук тот крепчайший тебя изготовить.
Все же за семь поворотов реки
Слухи идут о твоём мастерстве.

* * *

Мыса Сепаров всезнающий Дух
Только удобней уселся подумать,
Видит: пришелец березовым посохом,
Глиной замазанным, кровью замаранным,
Глядя в глаза, на него замахнулся,

Чтобы хозяина дома прикончить.
Мигом Дух Южный с тахар¹ соскочил,
Соболя связки отбросив от плеч,
Саблю острейшую быстро схватил.
Толком одеться еще не успев,
Выскочил из дому – резво пустился
Он за прищельцем незванным вдогонку.
Несся Дух Южный за ним босиком,
Жесткие снежные комья взрывая,
В три он дыхания словно бежал,
В семь он дыханий словно бежал.
Вскоре, почувствовав холод в ногах,
Бег укротил свой, вернулся назад.
Теплое взял покрывало в избушке,
Сшитое из соболиных хвостов,
И на тахаре надежно укрылся,
В долгие думы свои погрузился.
Думал Дух Южный о странном прищельце,
Мысли, как палочки, перебирая,
Но объяснения его поведению,
Как ни пытался, не смог отыскать.
– Ладно, – подумал он, – время подскажет,
Ключ не имея – замок не откроешь,
Стрел не имея – птицу не свалишь,
А без аркана – оленя не словишь.
– Вправду, случиться могла бы беда,
Если б не вскинулся вовремя я, –
Думает: – Завтра, как выйдет
Светило – Золотоглазое яркое солнце, –
Надо бы в лес необъятный сходить,
Может, желание прищельца исполнить,
Может быть, кто-то и повелел
Лук смастерить для великих свершений,
Крепкий, плечистый, пружинистый лук.
Я же действительно мастер солидный –
Лук богатырский смогу изготовить.
Сумерки рано спустились на мыс,

¹ Тахар – циновка, сплетенная из стеблей пырея.

Пищу вечернюю вечером съели,
Люди легли, чтоб короткие сны,
Долгие сны повидать бы смогли.
Лебедем только взлетела заря,
Люди у Мыса Сепаров проснулись.
Южному Духу вкусную пищу
Женщина в доме давно приготовила,
Хуван¹, наложенный сочною нельмой,
И осетриной наполненный жирной,
На столике низком ему поднесла.
Плотно покушав, Дух Южный в то утро
Долго облизывал жирные пальцы,
После же медленно стал одеваться.
Сшитые кисы из лобовых шкурок –
Хоров здоровых белолобых –
С тонкою точностью он натянул,
Малицу волчью, сшитую женщиной,
Той, у которой ловкие пальцы,
Он подтянул и ремнем подпоясая.
Следом медвежьи и волчьи клыки,
Стук издавая, защелкали глухо.
В сотапе² сехар³ свой острый проверив,
В угол священный направился медленно,
Вытащил пылью покрытый сундук,
Четко сплетенный прочными жилами,
Что из кедровых корней расщепили.
На сундуке семь замков он открыл,
Саблю острейшую в пальцах сжимает,
С шапки стерляжьей труху отряхает,
Пялит искусно убор головной.
После чего он кольчугу берет,
Тайное что-то погладив внутри,
Тоже умело её надевает.
Нарасьюх⁴ свой за спиною повесив,

¹ Хуван – деревянная плошка.

² Сотап – чехол для ножа.

³ Сехар – нож с узким лезвием.

⁴ Нарасьюх – балалайка.

Саблей острейшей три раза взмахнул,
Трижды поклоны отвесил он духам:
— Коль не вернусь до вечерней еды, —
Им он сказал, — то на тысячи лет
Больше сюда не вернусь никогда.
Пусть все мужчины и женщины города
Справят поминки в знак памяти вечной.

* * *

Выйдя наружу, за дом завернул,
К нарте священной своей подошел,
Лыжи, обитые камусом выдры,
На пятипалые ноги надел
И по журчащему звонкому снегу
В сторону леса легко заскользил.
Место такое, что только глухарь
Сверху пространство окинуть сумеет.
Долго по лесу Дух Южный бродил,
Вдоль, поперек его исколесил,
Дерево все он не может найти,
Чтобы для лука годилось оно.
И наконец-то на месте открытом
Он подыскал подходящее дерево —
Лиственницей стройною было оно.
Ветры жестокие в поле гуляющие
Наземь его повалить не смогли
И за века закалили его,
Дерево это на землю свалив,
Нужный кусок он для лука срубил.
После березою он занялся,
Чтобы для сабли ножны изготовить.
Так же по лесу он долго бродил,
Вскоре наткнулся на хилый ручей.
Из одного материнского корня
Гордо три дерева в небо тянулись.
Залюбовался одной из березок,
Принялся острым рубить топором.
Дерево это пока обрабатывал,

Зимнее солнце пошло на закат.
Вроде бы тучки на небе не видно –
Чем-то громадным вдруг небо затмило,
Словно чудовище пастью огромною
Яркое солнце легко проглотило.
Темень сплошная на лес опустилась,
Даже в руке топора не видать,
Ветер-наездник по лесу помчался,
Словно бы дятлом лесным остроносым
Забарабанил он в поисках пищи.
Дали сокрылись, и черною глыбой –
Кажется – чудище падает с неба.
Семь его острых когтей – семь крючков
Южному Духу в голову метят.
Острые когти – острее пещни
Мертвою хваткой березу схватили,
А заодно и одежду пронзили –
Малицу волчью у Южного Духа,
И, закогтив его, вместе с березой
Ширококрылое чудище грозное
Между двумя небесами летит.
Вздригнуло сердце у Южного Духа,
Думает – в земли какие его,
Думает – в воды какие его,
В дали какие его потащило.

* * *

Но, повнимательней вниз приглядевшись,
Он рассмотрел лишь большое гнездо,
Где два птенца, еще пухом покрытые,
Жадно водили глазами голодными.
Дух испугался и сразу подумал:
Жадным птенцам на съеденье доставят,
Теплое мясо живьем разорвут.
Здесь обратился к Высокому Небу,
Срочную помощь себе попросил,
Но не услышал Всевышний – и Дух
Вместе с птенцами в гнезде оказался.

Жадные птенчики принялись рьяно,
Где попадется, поклевывать Духа.
Здесь он рванулся, забежал в гнезде,
Чтоб от укусов себя уберечь.
Как на волнах, тут гнездо закачалось,
Легкою лодкой на бурной реке.
В хаосе, вспыхнувшем том сумасшедшем,
Всякое мигом могло бы случиться.
Вспомнив о сабле, Дух Южный решил
Гнездышко вместе с птенцами свалить.
Солнце когда на востоке взошло
И на вершинах деревьев уселось,
Начал он саблей вершину срезать
Толстой высокой раскидистой ели.
Щепки, как листья, к земле полетели,
Хлопьями снега посыпались вниз.
Солнце к закату когда опустилось,
Срезал вершину высокого дерева,
Вместе с гнездом тут она повалилась,
С треском и грохотом с неба высокого.
Падая наземь, ломались ветви –
Те, что веками лишь вширь разрастались
И украшали могучее дерево,
Славя его долголетнюю жизнь.
Груз необычный о землю ударился
И на обломки рассыпался вмиг.
Птенчики заголосили и тут же
В сторону леса помчались отчаянно.
Дух же Сепаров в три мощных прыжка
Лихо помчался и быстро нагнал,
Саблей отточенной шеи рассек,
Острые клювы в куски разрубил.

* * *

Духу тут Южному мысль подоспела,
И вековое чутье подсказало:
Скоро то чудо крылатое с неба
Схватит внезапно и вдалеке понесет,

Сбросит в далеких глубоких морях.
Тут же кольчугу сноровисто снял он,
Споро на ветку еловую вскинул,
Сам же под этой раскидистой елью,
Время не тратя, легко схоронился.
Думает: чудо крылатое сверху
За человека кольчугу воспримет.
И не ошибся. Как он полагал,
Темное пятнышко в небе возникло,
Величиною с чешуйки муксуна.
Но выросло оно моментально –
Семисаженным чудовищем стало,
Злым и крылатым чудовищем неба.
И, пролетая над морем бушующим,
Вниз раскаленные камешки сыпало.
Делая взмахи большие над ним,
Дерево ищет с гнездовьем знакомым.
Быстро заметив кольчугу на ветке,
Ринулся дерзко с высоких небес
И закогтил ту кольчугу на ветке.
Чудище страшное семисаженными
Крыльями мощными воздух разрезало,
Будто от шторма жестокого ветки
Дерева тут же всю закачались,
И от удара пирата воздушного
Ветку от дерева вмиг оторвало,
Вместе с кольчугой, повешенной там,
Рухнула громоподобно на землю.
Силой и ловкостью Дух обладавший
Миготом к чудовищу здесь подскочил,
Саблей острейшей толстущую шею,
С ходу ударив, легко разрубил.
Самкой убитая птица была.
Цветом лишь серым она отливалась.
– Значит, – подумал всезнающий Дух, –
Скоро сюда и самец подоспеет.
К ветке кольчугу надежно пристроив,
Спрятался снова Дух Южный Сепаров,
Стал дожидаться прилета злодея.

Долгою ночью под елью столетней
Время тревожное он коротал,
Стаей тетеревов солнце взлетело,
К полудню сонному день подошел.
На горизонте чернеющей точкой
Выплыло словно летящее что-то,
С рыбью чешуйку размером всего.
Вскоре огромною птицею стало,
Крылья свои на посадку готовило,
Дерево взглядом вовсю пожирало,
Видно, искало гнездо, что упало.
Вскоре, увидев кольчугу лежащую,
Хищник мгновенно на месте застыл,
Острые когти свои наострил,
Крылья сложил и быстрее стрелы
Мчится на жертву, глазами намеченную.
Когти стальные в кольчугу вонзил,
Крепкую ветку легко раскачал,
С ели столетней пытаюсь сорвать.
К хищнику с саблей наш Дух подскочил,
Толстую шею с трудом разрубил.
Когти стальные с кольчуги сорвав,
С лапами птицы саблей отсек,
К комлю дерева их приложив,
Острыми клиньями там их прибил.
И, прибивая, он так говорил:
– Дух ты крылатый! Запомни навек:
Сколько бы ханты на свете ни жили,
Оленевод ли, охотник, рыбак –
Больше не трогай их и не когти,
Пуще всего лучезарных невест,
Солнцеподобных и луноликих.
Пусть они мирно рожают детей,
В доме веселье у них не стихает,
Словно бы в гимке, наполненной рыбой.

* * *

Вновь Дух отважный кольчугу надел,
Нарасьюх свой за спиною пристроил.

Пальцами сжав рукоятку у сабли,
К сопке направился, лесом заросшей.
К сопке, где сотни и тысячи лет
Духам тайги и обильной реки
Жертвы справно всегда приносили –
Жирных оленей и жирную нельму.
И, подойдя к этой сопке священной,
Там, где остались следы бурелома,
Ствол развороченный он отыскал,
Там схоронился и стал дожидаться.
Только Дух Южный подремывать начал,
Даже увидел какие-то сны,
Слухом своим боязливого зверя,
Слухом своим осторожного зверя
Слышит он будто бы волны прибоя,
Видит он словно бы все наяву:
В море просторное мыс выдается,
И от него показалась лодка,
Лопастей весел как юркие рыбы
Справа и слева у лодки играют,
Голосом чаек люди смеются,
Весла в уключинах лодки скрипят,
Словно в период осеннего гона
Лоси, трубящие в поисках самки.
Воинов в лодке в доспехах увидев,
Дух Южный Сепаров к лесу помчался,
Чтобы его не застали бы в поле.
Саблю свою, чтобы каждый увидел,
Он на высокую ветку повесил,
И говорит он такие слова:
– Если увидят какие-то люди
И заберут, чтоб служила ты им,
К ветке крепчайшей ты так зацепись –
Чтоб только с деревом вырвать смогли,
Вместе с корнями крепчайшего кедра,
Вместе с корнями кедра столетнего.
Сам же под елью, сваленной бурей,
Он незаметно опять затаился.
Видит оттуда, как, на берег выйдя,

Девушки к месту святому пришли.
Духу Святому целую гору
Мяса оленьего преподнесли.
Слышит, девица одна говорит:
– Слушай, Девица с отметиной Лошади!
Я полечу, где орлана гнездо.
Помощь у птицы недавно просила,
Чтобы доставить на крыльях ее
Мыса Трех Сепаров Южного Духа.
Были пока мы в землях далеких,
Времени много уже прошло,
Съездить зимою же – хлопотно будет.

* * *

Высказав эти слова, улетела
В дальние земли девица одна.
Времени столько в пути пропадала –
Чай бы из чаги душистой вскипел,
Жирное мясо грудинки лося
Тоже, наверно, успело б свариться.
Ближе к полудню она возвратилась
И произносит такие слова:
– К нужному месту орлан прилетал мой,
Ветка у дерева вырвана толстая,
Срублено вместе с вершиной гнездо,
Ключья птенчиков всюду разбросаны,
К комлю же дерева когти прибиты,
Надо, наверное, лес нам прощупать
И отыскать разорителя гнезд,
К делу разбойному явно причастного.
Стали в лесу, что зверями богат,
Птицами полон на сто голосов,
Крупный и малый осматривать кустик.
Вскоре, найдя под корягой кольчугу,
Тут же заметили саблю на ветке.
В голос один говорят тут девицы:
– Видно, разбойник убрал свои ноги
В город Трех Сепаров – в город их стольный.

Голос Девы с отметиной Лошади
Резко и зычно по лесу проносится:
– Если разбойник – мужчина с косою,
Я бы желала на косы взглянуть
И на него посмотреть самого:
Низок – высок ли, мощен или хил.
Вскрикнула громко одна из девыц:
– Вот он лежит под огромной лесиной,
Словно бескрылою птицей бесшумно,
Кажется, насмерть его придавило.
Дерево, чуть приподнявши, Девица
С отметиной Лошади взялась за голову
Южного Духа с стерляжьей шапкой
И осторожно вытаскивать стала.
Тут же заметив, что зубы мужчины
Накрепко стиснуты между губами,
Начала зубы она раздвигать,
Чтобы дыхание снова вернуть.
Только то было уловкою хитрой
Южного Духа, глаза вдруг открывшего.
Заговорил он легко и уверенно:
– Что обо мне вы так сильно печетесь,
Будто бы я несмышленький ребенок?!
Ну, а Деву с отметиной Лошади,
Краше скромнейшей на небе луны,
Краше и яркого солнца на небе,
Раньше не видывал я никогда.

* * *

Сердце Девы мгновенно растаяло,
Словно сосульки под солнцем горячим.
Низко над Духом она наклонилась.
Жарко за шеею его обвила
И, наградив поцелуем, позвала:
– В город поедem с отметиной Лошади,
В дом, где живу я, тебя привезу.
Там отдыхай, сколько сердце надумает,
Там отдыхай, как захочет душа.

Сестрам своим семерым покажу,
Можешь оставить свою боязливость,
В нашей земле не найдешь ты обиды.
Но отвечает Дух Южный Девине:
– Я не привык свои мысли менять,
Жизни тропу поворачивать резко,
Ждут меня в городе братья-сепары,
Триста сепаров меня ожидают,
Триста сердец их волнами речными
Бьются о сердце мое, как о берег.
Снова и снова Девинца просила,
О красоте своих мест говорила,
И наконец Южный Дух согласился,
Словно та чарами заколдовала.
Взявшись за руки, пошли потихоньку
К берегу, где дожидалась их лодка.
Лодку девицы в дорогу готовят,
И на сиденье сукна красивые
Стелят они в семь рядов осторожно.
Лодка, отчалив, направилась к берегу,
Где Трех Сепаров Южный Дух
В жизни ни разу еще не бывал.
Хвойный и лиственный лес обогнули,
Выплыли в море, полное рыбой,
Темная ночь позади осталась,
Теплое солнце на парусной лодке
Выплыло им на востоке навстречу.
Вскоре и город вдали показался,
Что на высоком мысу распластался.
С городом рядом дремучие дебри,
А на мысу, словно зубы чудовищ,
Камни оскалились из-под воды,
Черные тучи нависли над городом,
Схожие с неба большим покрывалом.
На берегу с тальником низкорослым
Воины в полной экипировке,
Воинов сто охраняет тот город.
Только они повернутся спиной –
Город закроют, как будто стеною.

Стоит лицом повернуться тем воинам –
Город укроется от обозрения.
В тихую бухту причалила лодка,
Дух наш с Девницей с отметиной Лошади
Вышли на берег и медленно движутся
К дому, сплетенному из тальников.
Входят в избушку довольно широкую,
Слуги постель тут же стали готовить –
Белые шкуры оленьи настлали,
Сверху накрыли ее покрывалом,
Сшитым из мягких хвостов соболиных.
Дому отвесив поклоны, Дух Южный
Снял по привычке доспехи свои
И опустился с почетом великим
В мягкие белые шкуры оленьи.
Сутками время Дух Южный проводит,
Холода в теплой постели не зная.
Много у мыса воды протекло,
Воли пробежало у мыса немало,
Тучи на небе аргишами нарт
Резво промчались по синим просторам.
Ночи и дни вперемешку сменялись,
Счет им потерян, счет потерялся.
Утром Девница с отметиной Лошади
Так обращается к Южному Духу:
– Времени, кажется, много промчалось,
Многоголосое лето проходит,
Снежной зимы холода приближаются,
Вроде у кончика носа танцуют,
Вроде у губ при дыханье кусаются.
Волосы в косах твоих заплелись,
Всякая грязь в них, конечно, скопилась –
Тупоголовые вши развелись,
Надобно б эту безмозглую тварь
Разом навечно и всю уничтожить.
Лег на колени ее головою
И в потолок он глазами повел –
Странное и непонятное там
Гость, проживая, впервые увидел:

Стружки в мешочках пузатых подвешены,
Было мешочков всего только три.
Дух, испугавшись, вскочил моментально,
Тут же снимает рукой пятипалой
Первый мешочек, наполненный стружкой.
И, рассмотрев содержимое в нем,
Сразу он понял: из мяса небесных
Духов те стружки в мешочке настроганы.
Вздригнуло сердце у Южного Духа,
Словно в песчинку мельчайшую сжалось.
И, увидавши смятение, Девица
С отметиной Лошади так говорит:
– Сепаров Дух, что случилось с тобой?
Вижу, ты насмерть сейчас напугался.
Стружки все эти доставлены с неба
Страшными и камнеглазыми Менгами¹ –
И не двумя – не тремя, а семью!
В детстве, в утробе когда находилась,
Менгу кровавому пообещали,
Что ему буду послушной женой.
Но не могу жизнь я Менгов принять –
Чуждую, страшную и неизвестную.
Жить не умеют, как тот человек,
Что на земле мой пупок отрезал.
Менги спускаются только за тем,
Чтобы желудки свои ненасытные
Мясом питательным, жирным и сочным,
Коль догадался, мной заготовленным,
Здесь на земле до отвала набить.
Я успеваю в домах затаиться,
Словно мышонок с приходом кота,
Там, где родные мои проживают.
Менг, появляясь, семь дней пребывает,
После чего снова в небо взмывает.
Я лишь за тем присылала пришельца,
Чтоб передать тебе важную мысль –
Лук бы себе изготовил надежный,

¹ Менги – людоеды, великаны.

Чтобы достойно сражаться ты мог.
Да и посланец, признаюсь я честно,
Мыслей зловредных к тебе не имел
И поразить тебя посохом хрупким –
Пятками даже не думал об этом.
Просто хотел он тебя рассердить,
В жизни чему-то тебя научить.
И для того нанимала орлана,
Семисаженного в крыльях орлана,
Чтобы тебя он ко мне притащил,
Чтобы расправиться с Менгами злыми.
Только одержишь победу над ними,
В город Сепаров с тобою поеду.
Голову ж я уложила в колени
Лишь для того, чтоб увидеть ты смог
Страшные стружки, в мешочки забитые,
Те, что развешаны по потолку.
Если б не сделала этого я,
Ты бы свой взгляд никогда от меня
Не оторвал бы ни ночью ни днем.
Ныне готовься ты к важному делу,
Многое в жизни решиться должно.
Завтра, как только развеемся мгла,
Здесь разгорится большое сражение.
Сможешь ли с Менгами злыми, могучими
Битву кровавую смело вести,
Страшную битву достойно вести,
Как подобает Духу Сепаров?
Вот и стрела – и волшебна, крылата,
Я для тебя уж давно приготовила,
Только от Менгов она защитит,
Менгов и страшных, и камнеглазых.

* * *

Речи такие услышав, Дух Южный,
Рода старинного, рода Сепаров,
Мысли в мозгах своих расшевелил,
Будто бы угли, что начали тлеть,

Вмиг на стоглазом костре разгорелись.
И отвечает Девиде уверенно:
– Честную речь ли ты мне говорила?
Сердце ты настезь сполна ли раскрыла?
В разных краях я хотел побывать,
Разных людей я хотел увидеть.
Коль ты открыто мне все говоришь
И перед радугой неба клянешься,
Менгов приходов дожждаться хочу,
С силами злыми сразиться хочу.

* * *

И на ходу все живое разят,
Город невинный в труху превращается,
Стоны, рыданья повсюду доносятся.
Только не слышно той Сабли, которая
Грозному городу стражем является.
Но уже слышно – как Сабля-Спаситель
Мощно уже о себе заявил,
Слышится голос главного воина:
– Парии, рожденные предками дальними,
Будьте на улице поосторожней,
Стрел опасайтесь, что с неба летят,
Менгов страшенных и камнеглазых.
Город наш, камнем порядком осыпанный,
Дайте-ка мне до конца защитить!
Сабля – страж города, вечный спаситель
Ринулся смело атакой на Менгов.
Стрелы, что Менги в него запускали,
Словно песчинками вмиг отлетали,
Не нанося никакого вреда.
Саблями бой они начали мерять,
Так они бьются три лета, три зимы.
Страшные Менги те камнеглазые
Все же могли временами сменяться.
Сабля-Спаситель же силы лишался,
Медленней взмахи, и свист убавлялся.
Вскоре споткнулся, упал на колени,

Еле от смерти успев уклониться.
Сабля – Спаситель и города страж,
Сильно уставший, медленно входит
В дом, где Девица с отметиной Лошади
С Духом Сепаров вместе живут.
Кожа на пальцах у Сабли-Спасителя
Вся поистерлась и кровью сочилась –
Лука упругую тетиву,
Может, он сотню натягивал раз.
Медленно к Южному Духу подходит,
Тихо, устало ему говорит:
– Слушай, Дух Южный
Сепаров, внимательно,
Город Девицы с отметиной Лошади,
Духом Седым охраняемый издавна,
И нареченным Согнутой Саблей,
Город сегодня почти что разрушен.
Я же ослаб и сражение дальше,
Честно признаюсь, вести не могу.
Очередь, знаю, твоя наступила,
Мысли запомни мои в голове:
«Менги, страшенные и камнеглазые,
Силу в себе затаили большую,
Воинов триста они одолеют.
Да и семьсот бы смогли одолеть.
Менги сражаются ловко и мощно,
Но Менг трехглавый коварнее всех,
И ко всему он и самый выносливый».
Вместо него отвечает Девица
С отметиной Лошади гордо, достойно:
– Сепаров Южный Дух нас не оставит,
Снежные зимы со мною провел
И не одно голосистое лето
Вместе со мною в согласии прожил.
Знаю: коль городу вовремя помощь
Не подоспел, то к вечеру все
В городе мы под обломками сгинем,
Пылью песчаной в четыре сажени
Здесь нас, пожалуй, навечно укроет.

Выход остался у нас лишь один –
Ум и энергия Южного Духа,
Сила, что знают за семь поворотов,
Знают за сто поворотов реки.

* * *

Сепаров Дух покрывало откинул,
Сшитое из соболиных хвостов.
Сердце его не шутку встревожилось,
Заколотилось кувалдой, как будто
Колет поленья тяжелые он.
Южный Дух тут торопливо поднялся,
Голову мелкой трухою посыпал,
Шапку стерляжью умело напялил,
Саблю острейшую пальцами сжал.
Пяткою вышиб сосновую дверь,
Выскочил из дому и заспешил.
Словно в дыхания три побежал,
В семь он дыханий как будто помчался.
Вот у ворот городских оказался –
Заперты были на крепкий засов.
Толпы людей там смешались рядами,
Тщетно пытаюсь ворота открыть.
Саблей острейшей засов разрубает,
Швырнул его он за триста шагов
К Менгам, успешно уже наседавшим,
Воинов города одолевавшим.
Вышел, как будто один на один.
Сотни прыжков он проделал мгновенно,
К воинам рядом пристроился смело,
Их появлением своим ободрил он.
Менга тут старшего голос услышал:
– Кто он? Откуда могучий такой?
Братья, придется нам с ним туговато...
Старший из Менгов тогда обращается
К Лошади, рядом стоящей железной:
– Лошадь моя, из частей состоящая,
Лошадь крылатая Неба Высокого,

Слышишь меня ли, на помощь приди...
И началась тут жестокая сеча.

Дух Южный Сепаров силой невиданной
Стал беспощадно Менгов рубить
И не давал им опомниться.
Даже Воздух вдохнуть не давал передышки.
Было одно лишь спасенье у Менгов,
Чудо, присущее нечисти черной:
Их разрубали на мелкие части –
Тут же мгновенно они оживали,
Приобретая прежнюю форму.
Дух с ним полмесяца страшно сражается,
Ночи и дни с теплой кровью смешались.
Скоро уже на исходе семь лет,
Битве же грозной конца не видать.
Вспомнил тут Дух о кольчуге своей,
Ворона изображение на ней.
Мигом сорвал амулет тот с груди,
Швырнул чрез голову и говорит:
– К Богу-Отцу моему ты слетай
И разузнай, как мне Менгов убить.

Птица крылатая взмыла враз в небо,
И по движению солнца семь раз
Круги над ними она прочертила
И потерялась в сиреновой дали.
Ворона глазом своим проводив,
Старший из Менгов к нему обращается:
– Что за крылатую птицу с почтеньем
В путь снарядил ты в Высокое Небо,
Там, где граница всеильного Бога?
Сепаров Южный Дух, бой продолжая,
Менгов озлобленных с толку сбивая,
Быстро, почти не подумав, ответил:

– Видно, покинули силы меня,
Видно, душа улетела навечно.
Злобные и камнеглазые Менги
Прежнего пуще теперь расхрабрились,
Начали Южного Духа они
К городу ближе и ближе теснить.
Триста, наверно, осталось шагов.
Тут ситуация резко меняется,
Шквального ветра свист раздается:
Ворон священный с Высокого Неба,
Мощные крылья широко расправив,
К Южному Духу на плечи садится.
И, поводя своим клювом острейшим,
Воздух как будто пешней раздвигая,
Другу-хозяину так говорит:
– Я не сумел до конца долететь,
Не был в избушке Отца золоченой –
Верная стража, тот дом охраняющая,
На расстоянье броска аркана
Не захотела меня подпустить.
Саблями острыми прочь прогнала.
Прежнего пуще сражение продолжилось,
Месяцы, годы гул не смолкал.
Начали Менги сильней наседать,
Южного Духа совсем изводить.
Скоро опять на исходе семь лет.
Вновь о кольчуге своей тут он вспомнил
И амулете, запрятанном в ней.
Резко срывает волшебное чудо,
Мощным движеньем бросает наверх,
Вмиг амулет превращается в птицу,
Птицу, послушную Южному Духу.

* * *

Ворона вновь Южный Дух отправляет
К Богу всесильному, Богу-Отцу,
В край, где на небе высоком имеются
Семь золотых просторных избушек,

Где проживает Отец седовласый,
Знающий все на земле потаенное,
Знает, как справиться с Менгами злыми.
Старший из Менгов опять вопрошает:
– Что за крылатая птица летает?
Снова, как прежде, Дух Южный в ответ:
– Знать мне, откуда, зачем тут летает?
Злости, обиды я к ней не питаю.
Бой, как костер, все сильнее горит,
Прежнего пуще и злей, и кровавей.
Страшные Менги те камнеглазые
Начали с разных сторон подступать,
Силы у Южного Духа изводят
И стбирают дыханье его.
Слезы из правого глаза усталого
Без промедленья вправо срезает,
Слезы из левого глаза усталого
Без промедленья влево бросает.
И, обессилев, как мокрая тряпка,
Сепаров Южный Дух так говорит:
– Город, послушай, огромный и людный,
Город Девы с отметиной Лошади,
Семь страшных Менгов, тех камнеглазых
Кожу с моей головы с волосами
Снимут навеки, наверное, вскоре.
Ворон же, посланный к Богу-Отцу,
Видно, в далеких краях заблудился.
Вспомнил тут Дух о кольчуге своей,
Ворона изображение на ней.
Мигом сорвал амулет свой с груди,
Швырнул чрез голову и говорит:
– К Мысу Трех Сепаров, ворон, слетай,
К бору священному, в южную часть,
Духам священным, где жертву приносят,
Где на стремнине глубокой реки
Город подводный есть, там побывай,
В царстве подводном сестрица живет,
С длинными ручьеобразными косами,
И донеси ей о бое жестоком,

Денно и ночью идущем у города
Милой Девицы с отметиной Лошади.
И разузнай поскорее у ней,
Как мне расправиться с Менгами злыми.

* * *

Словно бы молнией ворон взлетел,
Над головою круги прочертил.
Старший из Менгов опять говорит:
– Что за крылатая птица летает,
Будто бы беды она навещает?!

Сепаров Южный Дух вмиг отвечает:
– О, не волнуйся. То – призрак души,
Видно, навечно меня покидает.
Руки у Южного Духа уже,
Кажется, сдали последние силы.
Ноги у Южного Духа уже,
Кажется, вот-вот споткнутся навеки.
Струи дыханья готовы покинуть,
Сердца биенье готово замолкнуть.
Жарких семь лет и холодных семь зим,
Словно бы через иголки ушко
Жилой лосиной, длиною в семь верст,
Может быть, даже в семьдесят верст,
Долго и медленно так протянулись.
Чувствует Южный Дух – силы его
Вот-вот готовы навечно исчезнуть.
Как животворные капли воды
К осени стебель травы покидают.

* * *

В воздухе шум в это время доносится,
Вмиг – и свирепую бурей врывается:
Ворон-скиталец вернулся назад.
Сел на плечо он хозяина с лету.
Чуть ли на землю его не свалив,
И, не успев еще крылья подправить,

Радостный ворон ему говорит:
– Воин храбрейший! Добрейшую весть
Я от девицы Подводной принес.
Следуя только ее указанию,
Сможешь, наверное, Менгов сразить.
Твердо запомни:
У младшего Менга
Есть на мизинце под ногтем грязным
Мяса кусочек – бессмертия знак,
Мяса кусочек – бессмертия сердце.
Саблею надо его разрубить,
И одолеешь живучих злодеев.
Коль разрубить не сумеешь то мясо,
Город Сепаров тебе не видать –
Вытянешь ноги от Менгов жестоких.

Сепаров Южный Дух сердцем воспрянул,
Сила несметная влилась в него,
Мышцы в ослабших руках и ногах
Крепкими стали, как дерева твердь.
Молнии резче острейшею саблей
Младшего Менга на части разнес,
Мяса кусочек под ногтем грязным
Словно в песчинку он превратил.
Старшие Менги со страху вскричали,
И, унижаясь, к нему обращаются:
– Древний Трех Сепаров Южный Дух!
Мудрый Трех Сепаров Южный Дух!
Молимся: с миром домой отпусти,
Где наши предки всегда обитали.
Просим нижайше – нам жизнь сохрани.
Сепаров Южный Дух, вытерев пот,
Словно потоком стекавшим с лица,
Мстить им не стал, опираясь на саблю,
Тут же решил он чуть-чуть отдохнуть.
Менги немедля на небо взлетели,
Даже о лошади грозной забыв,

Лошади, выкованной из железа,
Той, на которой на землю спустились.
Медленно к лошади Дух подошел,
Что состояла из трех частей,
К той, что у Менгов была камнеглазых
Верной опорой и силой надежной.
Взяв за узду присмирившую лошадь,
В город ее деревянный повел,
В город Девы с отметиной Лошади.
И, подошедши к избе деревянной,
Тут же увидел железный он столб.
Лошадь подвел и прочнейшей уздою
Крепко, надежно к нему привязал.
Сабли острейшей тупой стороною
Стал он хлестать ее и говорит:
– Мерзкая, злая, такая-сякая,
Жизней людских ты сгубила немало
Всеми своими частями тремя.
Саблей острейшей тебя исковеркаю,
В мелкие клочья тебя превращу,
Словно в опилки прогнившей березы.
Коль пожелаешь немножко пожить,
Слушайся слов моих беспрекословно:
Стой только здесь и меня дожидайся,
Сдвинуться на ноготок не посмей!
Сепаров Дух, опираясь на саблю,
К двери избышки резной подошел
И приоткрыл ее сабли концом.
В избу вступает и видит, что пол
Плахами сосен умело настелен.
Тут же Девица подходит к нему
С отметиной Лошади, ждущая здесь.
Жарко за шею его обнимает,
Жарко и в щеки целует его,
Что горячее летнего солнца.
И улыбаясь, и обнимая,
Ртом белозубым ему говорит:
– Крепкий мужчина – живым остается,
Женское сердце силой пленяет,

Храброму воину женское сердце
Тайные двери свои раскрывает.

* * *

Сепаров Южный Дух, снявши доспехи,
Сел на циновку, сплетенную чудно,
Будто бы радугой неба сиявшей,
Будто бы солнца лучами блиставшей.
Плотно Девица с отметиной Лошади
Воина в доме своем накормила:
Жирною нельмой и осетриной,
Сочным и жирным мясом оленьим.
Долго желудок он так насыщал,
Что не заметил, как ночь наступила,
Черный темнейший свой глаз раскрыла.
Время настало – пора отдыхать.
Чаши, в чем ели, ложки, чем ели,
Начали тут же отшвыривать прочь.
Чашу отшвырнут – смех раздается,
Ложку отшвырнут – сказка расскажется,
Чудная сказка под теплой ягушкой.
В сладком веселье и жарких объятьях,
Кажется, полночь уже прошла.
Вдруг они слышат, как город Девицы
С отметиной Лошади начали рушить.
Голос охраны Мыса Трех Сепаров
Громоподобно стал грохотать.
Это ворвался в полночный город
Дух Семи Вод и Семи Земель
В поисках брата – Южного Духа.
Стрелы, которые он выпускал,
Выюги пуржистой сильнее свистели,
И от паденья одной лишь стрелы
Домики будто бы мелкою щепкой
В сторону бора лесного взлетали.
Где пролетали могучие стрелы,
Словно бы просека вмиг разрубалась.
Сабли ударом тяжелые камни

Словно в мельчайший песок превращались.
Если же острым ножом проводил,
Лес, словно травы, срезало под корень.
Перепугавшись, семь братьев Девиды
С отметиной Лошади так обращаются:
– Дух Семи Вод и Семи Земель,
Злость и вражду ты зазря затаил,
Битву большую напрасно ведешь,
Брат твой – Трех Сепаров Южный Дух –
Находится здесь, и никто не обидел.
Плечи целы, как плечистые кедры,
Ноги стволами нетронутых сосен
Крепко стоят на священной земле,
И поживает у милой Девиды
С отметиной Лошади в городе нашем.
Дух Семи Вод, не поверив, артачился:
– Лживыми длинными языками
Честное сердце мое не раздобрите,
Сладкими хитрыми языками
Ум в голове моей не усыпить вам.
Слыша такое, Дух Южных Сепаров
С теплой постели своей соскочил,
Из соболиных хвостов покрывало
Связкой аркана подальше откинул.
В пальцах сжимает острейшую саблю,
Голову мягкой трухою осыпал,
Шапку стерляжью на ней водрузил.
И стоячейную кольчугу, схватив,
Ловко напялил ее на себя.
Дверь открывает он кончиком сабли,
Резво на улицу города вышел.
И, постояв, он мгновенно помчался,
Где доносились тяжелые стоны.
То оказалось – Дух Семи Вод саблей острейшей
Девиды с отметиной Лошади братьев троих заколол.
Сепаров Южный Дух тут подбегает.
Еле дыша, во все горло кричит:
– Дух Семи Вод и Семи Земель,
Города Сепаров – грозная стража,

Мыса Трех Сепаров – мощная сила,
Город невинный напрасно ты рушишь,
Видишь – хожу я еще за троих,
Видишь – хожу я за семерых.
Брат отвечает:
– Как здесь оказался
И почему на глаза не попался?
В жизни бы я никого не обидел,
Пальцем бы даже не шевельнул,
Город бы мирный не стал разрушать.
Если уж так – покажи-ка Девуцу
С отметиной Лошади, живущую здесь.
Я посмотрю на нее, коль виновна –
Саблю свою окровавлю о горло.

* * *

Вместе заходят в избушку Девуцы,
На пол, настеленный соснами, встали.
Там же, где Дух Семи Вод наступил,
Крепкие плахи сломались сразу.
Тут же Девуца с отметиной Лошади
Супом горячим его накормила,
Жиром лосятины сердце насытила,
Сочною печенью нельмы насытила.
Плотно наевшись, Дух Семи Вод,
Жизнью довольный, так говорит:
– В избу когда заходил разозленный,
Брат мой, Девуцу с отметиной Лошади
Был я в могилу отправить готов,
Город разрушить до камня последнего.
Ныне, признаюсь, в город большой,
Где обитает жителей триста,
В дом наш родимый ее приведешь,
В дом, что из бревен искусно построен,
В теплый наш угол усадишь ее.
И вековать в дому этом будете,
Долгую полную жизнь проживете.

Длинные ласки – долго ведутся,
 Длинное счастье – долго куется,
 Мощные штормы – быстро проходят,
 Слабый же ветер едва проползает.
 Где-то на улице звон появляется,
 Словно бы струнами солнце звенит.
 Вскоре тот звон превращается в пенье
 Слабой малюсенькой пташечки леса.
 То, оказалось, звенят потихоньку
 Звенья подолов одетых кольчуг.
 Дверь открывается настежь – заходит
 Тот, кого Печенью Зверя зовут.
 Сабля на поясе ярко сверкает,
 Трудно на лезвие взгляд устремить.
 С Печенью Зверя пять его братьев,
 Дружно вошедших, пристроились рядом,
 Кончиком сабель в пол упершись.
 И богатырь, Печень Зверя, промолвил:
 – Мудрый Трех Сепаров Южный Дух,
 Знаем, что с нашей сестрою живешь,
 С красивой Девницей с отметиной Лошади.
 Спас ты меня от злых Семи Менгов,
 Жизньнюю свою тебе я обязан,
 Даже навечно тебе я вручаю.
 Южный Дух Сепаров тут отвечает:
 – Жизнь дорогую зачем мне вручаешь?
 Жизнь дорогую свою – не сестрицы.
 А за Девицу с отметиной Лошади
 Даже с пылинку калым не давал,
 А по обычаям – много обязан.
 Вашу Девицу – вашу сестрицу
 Я по обычаям Вам оставляю,
 Выкупа нет у меня с собою,
 А вековые обычаи хантов,
 Тысячелетние традиции,
 Грязной ногой истоптать не посмею.
 Я же на лошади железоглазой,

Той, что из трех частей состоит,
В нужную сторону разом подамся,
В город родной мой с мирными жителями,
Тот, что остался сплошным сиротою,
Ждет не дождется, наверно, меня.

* * *

Высказав это, опершись о саблю
Мудрых Трех Сепаров, Южный Дух
На ноги встал и направился к двери,
Вышел на улицу – и к коновязи.
Ловко узду от столба отвязал,
Прыгнул упруго на лошадь железную,
Выехал за город. Лошадь рысцой,
Словно бы не торопясь, затрусила.
Южный Дух сабли ребром колотить
Начал ее и так говорит:
– Коль до заката солнца меня
Ты не доставишь в город Сепаров,
Коль до заката крылья свои
Ты не расправишь там на посадку,
Знай – твою шкуру вмиг я сниму,
Шкуры другого зверя не надо.
Железоглазая лошадь, услышав
Грозную, страшную кару такую,
Вмиг встрепенулась и мышцы напрягла,
Ввысь она взмыла легко и стремительно.
Ветра быстрее неслась она,
Птицы быстрее летела она.
Камешки из-под копыт вылетали,
Струи огня из ноздрей высыпали,
Словно из жарко натопленных труб.
Лошадь глазами своими водила,
Будто бы искры огня высекала,
Лошадь копытами камни большие
С ходу в песчинки легко превращала.
Вот две реки показались широкие,
Вместе в одну рукавами сливаясьсь.

Лошадь степенно на землю спустилась,
Остановилась на мысе высоком,
Что походил на бороду сверху,
Рядом с высокой раскидистой елью,
Где костровище большое имелось.
Видно, не раз летом древние ханты
В юрких лодчонках сюда приставали,
Видно, не раз здесь смышленные ханты
В нартах оленьих сюда приезжали.
Здесь совершали обряды
И жертвы
Духам небесным они приносили.
Мыса Трех Сепаров Южный Дух
Долго по берегу мыса бродил,
Мыса, покрытого вдоволь камнями,
И неизвестное место назвал
Мысом Тушвош – Бородатый мыс.
Место, где Малая Обь и Большая
Водами бурными вместе сливались.
Водовороты священные здесь
Так и кружились, так и журчали.
В шторм же, конечно, здесь юркою лодкой
Не переехать, не перебраться,
Иначе – в пасти чудовищ подводных,
В чреве голодных чудовищ опасных
Вечно останешься дни доживать.
А за тремя поворотами выше
Мыс Трех Сепаров над талом виднелся.
Дух Южный Сепаров вновь заскочил
Лошади на спину железоглазой
И, поудобней усевшись на ней,
К Мысу Трех Сепаров быстро понесся.
К берегу Мыса родного примчался,
С лошади спрыгнул и так говорит:
– Много вреда нанесла, лошаденка,
Многие годы служившая Менгам,
И, благодарность тебе отдавая, –
Все же сюда ты домчала меня –
Должен тебе по заслугам воздать:

Хантам вреда нанесла ты немало,
И злодеянья нельзя мне простить.
Пусть одна часть у тебя отлетит
За Порах Нел¹, что вгрызается в реку,
Каменным станет навек перекатом.
Часть же вторая уляжется пусть,
Где Ушар оланг² ворочает камни,
Тяжестью камни на грунт пусть придавит.
Третья же часть – пусть останется здесь.
Водоворот на мысу создавать.
Все это высказав лошади Менгов,
Взмахом сильнейшим сабли острейшей
Тут же погибель лошадке свершил.
Быстро расправу закончив свою,
Мудрый, в боях закаленный наш Дух
В город большой Трех Сепаров поднялся.
В избу родную свою он вошел,
Снял все доспехи, что верно служили
И не однажды от смерти спасавшие,
В угол священный тепло уложил.
Вновь комариное лето проходит,
Голая осень уже наступает,
Реки застыли, и снег мелкоглазый
Землю, как белою шкурой, укрыл.
Солнце однажды над мысом поднялось,
Вдруг отдаленный доносится звон.
Два аргиша, нагруженных, подъехали,
Сукнами разными нарты завалены.
И оказалось, что это приехал
Тот, кого Печенью Зверя зовут.
Прибыл тот гость из далекого края,
Города Девицы с отметиной Лошади.
Ну и, конечно, с собою привез
Стройную Девицу с отметиной Лошади.
Важно невесту в дом Южного Духа,
Под руку взявши, заводит спокойно.

¹ Порах Нел – плечистый мыс.

² Ушар оланг – перекал.

Место, которое ей полагается,
Садит степенно, садит красиво.
Свадьба на долгие дни затянулась,
Песни на долгие ночи запели,
Звонкие песни чуть дом не срывали,
Рода Сепаров жизнь прославляли.
А за Девицу с отметиной Лошади
Сепары стоящий выкуп отдали
Печени Зверя, невесту привезшего.
Триста оленей из стад отвалили,
Сукнами нарты его завалили,
Шкурами соболя, пышных песцов
Много мешков до отвала заполнили.
И деликатным всем этим процессом
Мудро, толково все дни управлялся
Силой большой и умом не обиженный
Дух Семи Вод и Семи Земель.

* * *

Длинную жизнь –
 долго живем,
Длинные сказки –
 слушаем долго.

ОСТОРОЖНАЯ ЖЕНЩИНА

Рано утром какой-то мужчина уехал на рыбалку. Женщина-мать, проводив колданку, с трехлетним ребенком, решила сходить в лес и насобирать ягод. А урожай нынче был хороший, вокруг дома росла сладкая княженика, чуть подалее в кустах красовались голубика и черника, а о бруснике и говорить не приходилось – ее хоть горстями можно было грести. Когда колданка скрылась за таловым мысом, женщина дала дочурке маленькую чашку, сшитую из бересты, а сама взяла в руку трехлитровый туесок, тоже смастеренный из бересты.

Удача сопутствовала им. Не успели они отойти на расстояние, пожалуй, пяти-шести бросков аркана, как девочка залюбовалась стройным кедром, на вершине которого всюю поблескивали поспевшие шишки.

– Мама! Мама! – заголосила дочь. – Смотри, сколько шишек! Вчера, вроде бы, столько не было. Глянь, сколько за ночь появилось кедровых шишек! Я залезу за ними.

Мать и сама была немало удивлена: только вчера проходила она около этого раскидистого кедра, но такого обилия шишек не видела. Это ее тут же насторожило. Да и посторонний голос вроде бы тихо нашептывал: «Не пускай дочь на дерево! Не пускай! Беда ее может там ожидать».

Присмотревшись внимательней к дереву, мать ласково сказала дочке:

– Дочурка! Это еще не спелые шишки. Они все еще смолой затянуты. Мы от грязи потом не отделаемся. Поищем другое дерево.

Дочь, нехотя понутив голову, согласилась и еще быстрее побежала по тропинке в глубь леса. Мать не отставала от нее. Вдруг солнце затянуло темными тучами, и повалил густой снег.

– Может, доченька, возвратимся домой. Кто же в снежную пору ягоды собирает.

– А мы смородины черной наберем. Ты тут все места поблизости знаешь. Да и с пустыми руками стыдно возвращаться домой к бабушке.

Мать согласилась с ее доводами. Но сколько они ни шли, никак не могли наткнуться на кусты черной смородины.

А в это время снег повалил такой густой, что на расстоянии только трех-четырех шагов можно было и видеть человека. Тогда мать взяла

дочку свою за руку и повела рядом с собой. Как ни странно – хотя мать бывала в этих местах не раз и не дважды – заблудились.

Вскоре вышли на полянку, где стояли кем-то вылепленные три снежных домика. Один – большой, в нем внутри во всю переливался свет. Второй поменьше, в нем горело внутри два костра. А третий – совсем маленький, в нем было совсем темно. Тут и темнота внезапно подступила к ним со всех сторон.

«В который снежный дом зайти переночевать?» – подумала мать и тут же услышала рядом с собой негромкий ответ: «Только в маленький. Только в маленький! Там и теплее, там и безопаснее».

Мать так и поступила. Они еле забрались в снежный дом, пол которого был устлан кедровыми лапами.

А в это время мать видит, как к трем снежным домам приближаются три человека в белых халатах и говорят:

– Мы вас будем охранять. Чтобы вас никто не украл, и чтобы вы незаметно не убежали.

Совсем приуныла мать, но в это время опять слышит тот же старческий женский голос:

– Будьте спокойны. В вашем снежном доме есть подземный ход. По нему вы выберетесь.

Было действительно так. Мать, отодвинув в сторону кедровые лапы, ощутила яму, уходящую под землю. Она заторопилась удрать по этой яме, так как уже четко поняла, что они попали в лапы лесных чертей, которые живыми их не оставят.

Мать, осторожно закрыв рот ребенку, стала спускаться по ступенчатой лестнице вниз. Долго спускалась она, за это время, пожалуй, чайник бы в костре вскипел. Шли, шли и, наконец, – спасительный выход! Мать огляделась и определила, что она находится на расстоянии не более пяти-шести бросков аркана от снежных чумов. Надо было быть максимально осторожными.

Вдруг она увидела деревянную колданочку, которая смогла бы едва вместить двух человек. Взяв кормовое весло, она бесшумно стала отгребать от берега на другую сторону речки. Это ей удалось. Но что делать дальше? Куда двигаться? И тут помогла дочь: «Мама, смотри, вон, тот кедр, со смолистыми шишками. Я еще хотела залезть на него...» Мать, внимательней присмотревшись к дереву, взяла рядом лежавшую палку, длиной, наверное, три-четыре метра, и тронула ствол кедра. От небольшого прикосновения вершина дерева сразу же свалилась.

«Ах, вот в чем дело? – подумала она. – Лесные духи хотели погубить

мою дочь. Стоило бы ей залезть наверх, и она рухнула бы на землю. Скорее всего, со смертельным исходом».

Теперь матери стало все ясно. Это приходили к ним лесные людоеды, которые хотели выкрасть девочку, а заодно расправиться и с ней. А мужчина в колданке, конечно же, был лесной черт. Он вызвал непогоду, сделал все, чтобы женщина заблудилась в лесу. А ночью, когда они бы уснули, им не заставило бы особого труда выкрасть их.

«Вот, оказывается, какие бывают мужчины? – подумала женщина. – Где не хватает им нахальства, берут хитростью и коварством».

ВОЙНА КУРОПАТОК И ЩУК

В давние времена белокрылые куропатки в тундре, поросшей мелким кустарником, дружно жили. Тогда земля и небо только зарождались, и зимы были не такими снежными, пуржистыми и холодными.

Но в один год в тундру зачастила злая пурга, намела высокие сугробы, почти с человеческий рост, потом пошел дождь, и снег затянуло зернистым льдом.

Нигде не проглядывала ни одна проталина, не виден был ни один кустик.

Куропатки от долгого недосыпания проголодались и дружно полетели в сторону леса.

Долетели до леса – а там нигде проталин не видно, даже верхушки ив не выглядывают из-под снега, одни только голые деревья чернеют.

Вожаком в стае была самая старая куропатка.

– Теперь мы и вправду пропали! – говорит куропатка-вожак. – Невкуда нам дальше лететь – всюду гибель! Но я знаю место, где есть большая река, которую ни в пургу не заносит, ни в самые лютые морозы она не замерзает. По берегам растет ивняк, горы покрыты багульником, голубикой и травой. Но в этой реке обитают хищные щуки, и они нас туда не подпустят, так как в старинные времена было скреплено клятвенное слово: куропатки не займут их края, а щуки – земли куропаток. Если уговор помнят – добром не уступят. Остается одно – воевать!

– Верно! Не пропадать же нам тут?! – сказали куропатки. – Лучше будем воевать, чем от голода пропадать! Полетели!

Куропатки прилетели к реке и увидели: река не замерзла, а ее берега покрыты ивняком и багульником, голубикой и травой. Они сели и стали кормиться.

Но тут из воды высунулась огромная голова вожака щуки.

– Эй, куропатки, почему вы сюда прилетели? Почему клятвенное слово нарушаете? Сейчас же отсюда убирайтесь! Не дам Вам ни листьев ивняка, ни семян кустарника, ни травы. Не дам и в галечнике копать!

На то Куропатка-вожак ответила:

– В нашем краю все занесло снегом, и нам нечем питаться. Не пропадать же нам с голоду. А вы, щуки, живите в воде, вы ни листьев ивняка, ни семечек не едите. Будем мирно жить соседями!

– Я не уступлю добром! – сказала Щука-вожак. – Только перебив всех щук, отнимете это место! Будем воевать!

Щука-вожак повернулась, ударила хвостом по воде и уплыла собирать свое войско. Вскоре она привела так много щук, что река от их спин почернела.

Куропатки на берегу стоят, ждут. Упругие луки и острые стрелы наготове держат.

– Стреляйте щук только в голову! – говорит Куропатка-вожак своим. – Если попадете в спину, она не умрет.

Войско куропаток пустило стрелы. Услышав щелчок тетивы лука, щуки устремились на середину реки. Стрелы куропаток вонзились в их спины.

Пока куропатки доставали стрелы, щуки приплыли обратно и начали стрелять в куропаток, целясь им в сердца. Куропатки увертывались, подпрыгивали, взмахнув крыльями, и стрелы вонзились им в ноги.

Долго так воевали, но никто не мог победить. Выпустив все стрелы, кончили воевать.

Тогда Щука-вожак сказала куропаткам:

– Давайте кончим войну! Летайте, где хотите, кормитесь, чем вам захочется!

С тех пор стрелы куропаток в спинах щук превратились в виллообразные кости, а стрелы щук в ногах куропаток – в сросшиеся жилистые кости.

КАРКАМ И ЛЭНЬСОХ

Жили два брата из рода Севли. Младшего звали Каркам (Деловой), старшего – Лэньсох (Ленивый). Были у них родители, но оба погибли при тушении пожара своего деревянного амбара, где хранились и пища, и одежда, и многое другое.

Однажды младший брат Каркам говорит старшему:

– У нас оленей нет. Скоро вместо мяса кости оленей будем грызть, голод подступает к нам. Пойдем-ка, поохотимся на диких оленей. Впереди холодная зима и долгая весна. Много еды понадобится.

Тогда хлеба не было. Питались только мясом, рыбой, ягодами, кедровыми орехами и другими дарами природы. Да и настоящих добычливых орудий труда у них не было. Имели только грубо вытесанные каменные топоры и ножи. У младшего брата жены не было. Все никак не мог подыскать себе невесту. Старший имел красивую жену из рода Емрув. На предложение младшего брата старший отвечает:

– Пойти-то пойдем. Но в лесу всякие беды могут нас подстеречь. Говорят там живут тунгусы (эвенки). Сказывают, они злые, человечье мясо едят.

– Не говори так, старший брат. Плохое слово обратно ударить сможет. Пока я живой, нас никто не тронет. Пойдем в лес, попромыслим.

Старший брат с женой – а он ее никогда не оставлял дома одну – наконец, согласился. Встали утром пораньше, запрягли в нарты по три упитанных оленя и тронулись в путь.

Снег был неглубокий, и нарты легко скользили по пушистому снегу. Едут-едут, но все из тайги выехать не могут. Наконец, доехали до какой-то высокой горы и у подножия ее поставили два чума. Быстро поев, легли спать. Утром, рано проснувшись, младший брат Каркам вышел на улицу и увидел совсем рядом невысокую сопку. Узрев это на улице, говорит старшему:

– Ну-ка, старший, выходи скорей, сопка совсем рядом. Если поднимешься на ее вершину, то всю окрестность можно увидеть.

– Как я поднимусь на нее? – отвечает старший брат. – У меня зрение плохое. У тебя острое. Лучше ты поднимись. Может быть, там где-нибудь диких оленей увидишь.

Младший брат согласился с ним и стал объезжать сопку. Долго не появлялся он. Старший брат заволновался. Без него кушать ничего не может, еда словно в рот не лезет.

Вскоре на выступе сопки показался младший брат и, подъехав, говорит:

– За этим лесом внизу еще один хребет вижу. А там, вроде бы, чум стоит. Здесь холодно, ветер порывистый дует. Может, старший брат, я спрыгну прямо в чум. Только боюсь – ногу могу сломать о твердую землю. Мягко было бы, так я сразу это сделал. Иначе мне всю ночь собаку надо охранять. Устану, усну, да еще звери на нас нападут.

– Нет, не прыгай, – советует старший брат, – иди лучше вокруг сопки.

Младший брат так и поступил. После этого старший брат говорит:

– Ну что, жена, еда кончилась.

– Еда-то еще осталась, – говорит она. – Давай-ка заколем одного оленя младшего брата.

Они так и решили поступить. Прошло не так много времени, как появился младший брат. Он, весь вспотевший, ввалился в чум и говорит:

– Ой, как есть хочу!

– Надо оленя убить, – говорит старший брат. – Ты иди, поймай одного оленя и убей.

Младший брат заложил в трубочку табаку и опять скрылся в тайге. Только в полночь вернулся он домой.

А старший брат спрашивает его:

– Это что ты так долго кружил в лесу?

– Нет, не блудил я в лесу. Вот только одного оленя убил.

– А как же ты в потемках убил? – спрашивает старший брат. – Это, наверное, домашний олень?

– Нет, дикий.

– Мясо принес?

– Принес. Все лежит в нарте.

Старший брат выскочил на улицу и спрашивает младшего:

– Ты чем убил его? Лука ведь с собой не брал?

Младший брат показывает кулак и говорит:

– Вот этим кулаком и прикончил его.

– Ну, ладно, кулаком так кулаком. Я не думал, что у тебя такая сила.

Затем старший брат быстро содрал с оленя шкуру, сварил в котле мясо, а когда стал кушать, говорит:

– Это что? Почему у него лоб белый, ухо разрезано?

Затем отдал он голову жене и говорит:

– Это не дикий олень! Домашний!!! Наверное, олень тунгусов.

Стали они с голоду кушать оленьё мясо. Старший брат сидит на постели на своей стороне, а младший на обрубке дерева напротив двери.

Старший брат глядит на него снизу и думает: «Как он поднял такого тяжелого оленя? Наверное, все же смел. Плечи-то у него, как у богатыря, грудь – шириною почти в сажень. Ну, конечно, ему легко было поднять такого оленя, коль такую силу имеет».

Ест он, младшего брата молча и скрытно разглядывает, но ему ничего не говорит. Старший брат только два куска жира отрезал, один кусок съел, стал второй кушать. Но что такое? Дверь приподнимается? Ветра нет, а она то поднимается, то опускается. Вскоре все перестало.

Но когда половину мяса доедать стали, дверь опять приподнялась. Еще выше, чем раньше. Из-под двери всунулась стрела, за нею рука, держащая лук. Стрела так и целит в старшего брата. Старший брат Лэньсох кричит:

– Берегись, младший! Смерть нас ожидает.

А младший отвечает:

– А, ну да ладно. Пусть целится, я не боюсь.

Старший брат еще пуще насторожился. Из-под постели достал свой лук и стал в дверь целиться. Но в это время дверь внезапно закрылась. Старший брат вскочил, открылась дверь, но на улице никого не увидел.

Поужинав, все легли спать. Утром встали и плотно покушали.

После этого оба брата пошли на охоту. Вскоре увидели три чума. Зашли в один из них. Там было три тунгуса.

Братья уселись в чуме. Тогда старик-тунгус поднял свой бубен и сказал:

– Ханты, перестанем ссориться! В священном лесу нам везде еды хватит. Если только лес не сожжем, воду не отравим, всех зверей и птиц не перебьем. Тогда жизнь, как сказка будет.

С тех пор ханты и тунгусы стали жить в дружбе и согласии.

КАК ОДИН ХАНТ НА НЕБЕ ПОБЫВАЛ

Давно это было. Плыл на лодке по реке Оби купец с работниками к хантам торговать. Три дня и три ночи плыли спокойно. На четвертые сутки шторм сильный начался, поднялись пенистые высокие волны, которые прижали к каменному перекату лодку и разбили ее, а люди в воде оказались.

Купец и его приближенные утонули в глубинных ямах переката. Живым остался только один работник. Он уцепился за широкую доску, которой устилают дно лодки, – и погнало его к середине широкой реки. Прибило его к обрывистому берегу. Вышел человек на остров, где не то чтобы дерево, но и трава не росла. Осмотрелся он кругом, берега еле проглядывались. Идет он по острову и думает: «Помирать, наверное, придется. Северный ветер шибко холодный. Да и снежком потянуло». Идет и видит – лежит на камнях ободранный сохатый. Шкуры и внутренностей нет.

– Дай, – думает он, – в него залезу. Все же теплее будет.

И залез. Долго ли, коротко ли лежал, слышит сквозь сон, будто два орла прилетели.

Вскоре чувствует, что те орлы лося куда-то понесли. Долго он, как в люльке, у лося в утробе качался. Потом орлы на землю, кажется, его положили и улетели куда-то.

«Будь что будет, – думает он. – Вылезу».

Вылез. Видит, что это уже не остров, а какая-то другая земля. Кругом лес с девственными деревьями до неба. Широкая дорога по нему тянется. «Дай, – подумал он, – по ней пойду». И пошел. Долго ли, коротко ли шел, человек-великан ему повстречался. Спрашивает его великан:

– Ты откуда явился?

– Сам не знаю... – в страхе отвечает человек великану.

– А я знаю, – громко захохотал великан. – Ты с земли на небо пришел. Ну, оставайся, стало быть, жить у нас. – Сказав это, великан пошел дальше.

Идет человек по дороге. Долго шел. Уже подошвы кисов стали дыряться. И вдруг видит: между высокими деревьями чумы каменные

стоят. Вокруг чумов ямы глубокие вырыты. Возле них стоят великаны. Они досей ободранных из ям вытаскивали. Хватали на дне ямы досы и на землю клали. А у досы на мясе крупинки золота блестят. Великаны золото с досы соберут и обратно в яму животное бросят. А крепкокрылые орлы их снова достают.

Подумал человек и стал великанам помогать. Те за услугу человека жить с собой взяли. Целый год он так работал. Потом красивую женщину-великаншу заметил и в жены себе взял. Только недолго с нею жил. Заболела она какой-то неизвестной болезнью и померла вскоре. Собрались люди-великаны вокруг покойника. Гроб ей сделали и уложили в него покойницу. Говорят человеку:

- Рядом с ней ложись.
- Да что вы? Я же не помер, - возражает ханты.
- А у нас на небе закон такой. Не ляжешь - силой положим.

Долго не соглашался человек с земли, но делать было нечего - лег в гроб вместе с женой. Гроб заколотили и к яме повесили. Думает человек: «Пронал теперь».

Принесли его к яме. Великаны что-то крикнули по-своему три раза и гроб сбросили в яму. Полетел гроб вниз, переворачивается, об стенки ямы ударяется. Долго летел. А когда на дно ямы упал - разбился.

Смотрит хант кругом, а ничего не видит. Темнота кромешная. Шарит руками около себя. Обглоданные человеческие кости нашупал. И вдруг слышит - где-то в стороне женщина плачет. Думает: «Пойду куда глаза глядят».

Встал и пошел. И тут же о камень споткнулся. Видит: из темноты два огромных красных глаза показались. На него прямо идут. Свистят. Он за камень спрятался. Чудовище проползло туда, где женщина плачет. А он сидит за камнем и слушает, что дальше будет. Женщина еще раз крикнула, а потом тихо стало. Только слышно, как у чудовища на зубах кости человеческие хрустят. Потом хруст исчез, и стало совсем тихо.

Ханты дальше пошел. Земля сначала под ногами ровная была. Дальше камни попадаться стали.

«Дай, - думает ханты, - камней в карманы наберу. Коль нападет кто - защищаться буду».

Набрал камней и дальше пошел. Долго шел. За это время не одну трубку можно было выкурить. Вдруг видит вдали, в темноте, звездочка маленькая блестит. На нее направился. Чем ближе подходил, тем звездочка больше становилась. Вот уже и под ногами светлеть стало. Отдохнуть решил. А камни, что в кармане были, выбросить хотел. Глядит: а это не камни, а куски золота. Обрадовался он и аккуратно в карман положил.

Немного передохнув, встал и снова пошел. Вот уже звезда солнцем стала. Светло как днем сделалось. Оглянулся назад – а сзади туча черная стоит. Вперед взгляделся – реку увидел, по которой плыл. Смотрит на реку. Посередине реки русские люди в карбасе плывут. Он кричать начал, чтобы к берегу пристали. Те не слышат. Дальше плывут. Тогда снял свою белую рубашку и на палку прицепил. Машет ею. Увидели это с карбаса. К берегу повернули. Пристали и кричат:

– Смотри! Знакомый! Откуда ты? Ведь мы о тебе три года как весть потеряли!

Ханты рассказали, как с ним дело было. Они его с собой взяли. До чума довели, а сами дальше поплыли.

Раздал он золото бедным хантам и себе кое-что оставил. С тех пор хорошо стал жить. Батрачить к купцам больше не нанимался.

БОГАТЫРЬ

В просторной необъятной тайге, в густом дремучем лесу жил баграк-ханты со своей женой. Всю жизнь работали они на чужих богатых людей и всю долгую жизнь бедствовали, а порою голодали. Было у них трое детей – двое юношей и младенец, который лежал пока в берестяной люльке. Младенцу исполнилось всего три месяца, и звали его по-хантийски Юр хо, что в переводе значило «Богатырь».

От долгой тяжелой работы отец и мать рано потеряли здоровье. Однажды они в одно и то же время заболели и вскоре умерли. Перед смертью отец и мать сказали старшим детям:

– Ну вот, наши детки, мы умираем. Остаетесь вы одни. Живите дружно и в согласии. Берегите своего маленького братишку Богатыря, любите его и ухаживайте за ним, как делали мы.

Ненадолго замолкнув, они добавили:

– Отца своего похороните в золотом тяжелом гробу, чтобы тридцать лошадей его еле тащили. Мать свою похороните в гробу серебряном, тоже тяжелом, чтобы пятнадцать лошадей его могли с места тронуть.

Сказав это, они вмиг скончались.

Заплакали дети от горя навзрыд. Ведь они остались сиротами. Да и где им, нищим, достать такие дорогие гробы и столько лошадей?

Сидят юноши возле мертвых родителей и режут во все горло, а младенец Богатырь молчит в люльке, только носиком сопит.

День-два ревели так осиротевшие братья. Вдруг на улице неожиданно загремел гром. Испугались старшие братья и подумали: «Что такое? Разве зимой бывает гром? Об этом даже ни в сказках, ни в песнях не говорится».

Только подумали так – вошел в юрту маленький бородатый старичок, весь белый, как зимняя куропатка. Поздоровался он с оробевшими детьми и спросил:

– Скажите, молодые люди, какой наказ дали вам ваши родители перед смертью?

– Отец и мать велели беречь и любить нашего маленького братишку Богатыря, – ответили в один голос юноши. – Еще завещали: похоронить

отца в тяжелом золотом гробу, чтобы тридцать лошадей еле тащили. А мать похоронить тоже в тяжелом серебряном гробу, чтобы пятнадцать лошадей еле смогли тронуть с места.

Маленький бородатый старичок хрипло кашлянул в кулак. В тот же миг на улице внезапно раздался страшный гром. Когда гром стих, старичок пригласил братьев на улицу. И тут они увидели вокруг юрты триста, как на подбор, здоровых молодцов, похожих друг на друга, и много-много упитанных резвых лошадей.

– Это мои сыновья-богатыри, – сказал старичок. – Они помогут вам, сироты-юноши, похоронить ваших родителей со всеми почестями.

После этого ни с того ни с сего появившиеся богатыри дружно взялись за дело. Одни из них принялись мастерить золотой гроб, другие – серебряный. В золотой гроб положили их отца, в серебряный – мать. Золотой гроб повезли на тридцати отборных резвых лошадях, серебряный – на пятнадцати. Кони еле-еле тащили покойников. Похоронили по хантыйскому обычаю: могил копать не стали. Гробы поставили рядышком, пристроив к ним небольшие деревянные строения из отборных стройных лиственниц.

Сироты-юноши долго плакали у могил родителей, а когда перестали и оглянулись, то увидели – ни богатырей, ни лошадей нет. Один бородатый старичок стоит. Он проводил братьев до их юрты и сказал им на прощание:

– Ну, сироты-юноши, живите теперь самостоятельно. Горячо любите и хорошо берегите своего маленького братишку Богатыря.

Тут вдруг опять страшно загремел гром. Юноши испугались и закрыли глаза. А когда гром стих, они увидели, что маленького седоволосого старичка уже нет.

Стали сироты жить одни в глухой тайге. Тяжелая жизнь началась для них. По настоящему промышлять они еще не умели. Да и сил не хватало ходить далеко в звериную тайгу. А тут еще трехмесячный беспомощный Богатырь, который после похорон родителей стал беспрестанно реветь. Пришлось охотиться им поочередно. Богатырь особенно сильно ревел ночами и не давал своим братьям нормально спать.

Наконец, самый старший брат не выдержал и сказал:

– Зачем нам этот ревуший ребенок нужен? Какая от него польза? Лучше избавиться от него.

Средний брат испугался таких неприятных слов и говорит:

– Что ты? Как тебе не стыдно? Разве ты забыл важный наказ родителей беречь его?

Но старший брат и слышать не хотел об этом. Однажды он схватил люльку с ревушим ребенком и выбросил за дверь на мороз. Средний брат чуть не заплакал от злости. Ругаясь, он сразу же выбежал на улицу и занес люльку обратно в юрту.

Так продолжалось несколько дней. Старший неугомонный брат все чаще и чаще стал выбрасывать люльку с маленьким Богатырем за дверь, а средний брат каждый раз заносил братишку обратно в юрту, качал его и плакал от злости на безжалостного старшего.

Как-то проснулись юноши утром и видят – люлька пустая. Изумились братья, испугались и стали искать младенца. Долго искали, но даже и следа не обнаружили, точно ребенок вспорхнул и улетел, как птица.

Средний брат, обессилив, сел и стал плакать. Запечалился и старший брат. Он тоже свесил голову у костра, слабо горевшего у чувала. Так они сидели долго, пораженные странным исчезновением трехмесячного Богатыря.

Вдруг на улице послышался какой-то странный шорох. Потом кто-то начал стряхивать снег со снятых лыж. Да так сильно, что даже юрта вся задрожала, и казалось, что вот-вот развалится.

Немного погодя открылась дверь, и в юрту вошел красавец-ханты. Молодой, здоровый, статный да такой нарядный, что и слова не найдешь, чтоб передать это. Поздоровался он с юношами, те глядят и глазам своим не верят: это же их братишка Богатырь!

Кинулся ошарашенный брат навстречу младшему, и стали они обниматься да целоваться. Медленно подошел и старший брат, тоже хотел обнять младшего, но тот небрежно отстранил его рукой, сказав при этом:

– Тебе же не нужен был ревуший ребенок. Ты сколько раз говорил, что нет от меня пользы. Сколько раз за дверь выбрасывал вместе с берестяной люлькой.

Совестно стало старшему брату. Отошел он в сторону, запечалился и подумал: «Плохо я поступил с малышом. Наказы своих родителей о нем не соблюдал».

Трехмесячный Богатырь, ставший молодцем-красавцем, видя, как загрустил старший брат, пожалел его и говорит:

– Ладно, не горюй. Не время нам ссориться. Ревел-то ведь я в люльке, знаете из-за чего? Хоть вы и бываете на промысле, уходите из дому, а ничего не знаете. На свете же война идет великая. Я стал ощущать это с того дня, как похоронили родителей. Чувствовал и слышал, а сказать вам не умел и из люльки встать не мог.

– А как же ты сегодня ночью ухитрился исчезнуть из люльки? – поинтересовались братья.

Красавец Богатырь уже сидел у очага и объяснял:

– Маленький, седовласый, бородатый старичок вызволил меня. Я тут же почувствовал силу необыкновенную. Он поднял меня высоко-высоко, и я сверху увидел эту великую битву. Когда старичок поднимал меня, был сильный гром. Вы разве не слышали?

– Мы ничего не слышали. Видно, очень крепко спали, – ответили братья, а затем спросили: – А что это за война? Кто с кем воюет?

– Большая беда, братцы, стряслась, – начал рассказывать Богатырь. – Страшные и мощные чудовища появились в нашей безбрежной тайге. На всех они нападают, грабят мирные селения, убивают невинных людей. Весь народ тайги стал воевать с ними, но ничего не могут сделать. Даже половина сыновей-богатырей седовласого старичка погибла уже в этой непрекращающейся битве. Так можем ли мы, братья, остаться в стороне от этой борьбы? Подумайте и скажите мне свои мысли.

Посмотрели в страхе старшие братья друг на друга, недолго думали и в один голос заявили:

– Нет, мы не можем быть в стороне от борьбы с чудовищами. Родная и щедрая тайга разве нам не дорога? Ведь у нас есть трехмесячный Богатырь. Покажи, младший брат, дорогу, ведущую к этим чудовищам.

Поели братья сытно и отправились воевать с чудовищами. Старшие братья взяли с собой свои упругие луки и острые стрелы, а трехмесячный Богатырь засунул за пояс старый отцовский топор. Своего лука и стрел у него еще не было. А отцовский лук и стрелы – что для него, Богатыря?

Идут они на скользких лыжах день, два, три... Впереди шагает Богатырь. Братья едва успевают за ним, аж в ушах ветер гудит, а из-под лыж снежный буран поднимается.

Вскоре на опушку леса вышли. Остановились. Старшие братья от усталости тяжело дышат, ладонями пот с лица вытирают. А трехмесячный Богатырь стоит, улыбается, он даже нисколько не устал. Осмотрелись они и видят: внизу, на льду Оби, страшный бой идет. Кругом, куда ни посмотришь, целые горы убитых людей валяются. Весь снег покраснел от пролитой крови. Видно, в живых остались только несколько сыновей-богатырей маленького седобородого старичка. Они, размахивая огромными саблями, наседали на трехголовое чудовище, которое хватало их сабли и ломало, как сухие прутья, своими длинными мохнатыми пальцами с заскорузлой кожей. Людям, попавшим в его лапы, откусывал головы и выплевывал их, словно неспелую морошку.

Немного поодаль преспокойно спят два его старших брата-чудовища – пятиголовое и семиголовое. До них, наверное, очередь еще не дошла.

Испугались старшие братья, повернули было лыжи свои обратно. Заметил это младший брат Богатырь и стал стыдить их за трусость и малодушие. Потом сказал им строго:

– Встаньте вот за эти деревья. Внимательно следите за моей борьбой с чудовищами. На первое чудовище стрелы свои не тратьте, без вашей помощи справлюсь. А когда буду биться со старшими чудовищами, внимательно смотрите и чутко слушайте. Когда я кашляну, один из вас пусть выстрелит стрелу в ногу чудовища. Только метко стреляйте. И не вздумайте убежать.

Сказал так Богатырь и, напевая песню, начал спускаться к чудовищу. Подойдя к нему, громко и дерзко крикнул:

– Эй, ты, мохнатое чучело! Хватит мне канителиться с тобой! Тоже нашел, чем хвастаться – сабли ломать да головы откусывать. А не хочешь ли по-честному силой померяться со мной?

Услышав такое, трехголовое чудовище сперва изумилось, потом, насмешливо глядя на дерзкого Богатыря, страшным голосом прошипело:

– Ах ты, трехмесячный молокосос, сын нищего ханты! Что ты выдумал! Со мной по-честному силой померяться захотел? Ха-ха-ха!

– Ну, ты, мохнатое чучело, меньше зазнавайся! Если согласен бороться по-честному, давай. А то ждать мне некогда, – опять смело крикнул Богатырь.

Трехголовое чудовище нагло засмеялось:

– Ха-ха-ха! Что он говорит! А ты сделай сперва площадку для борьбы. Да медную. Чтобы толще обского льда была. Тогда испытаем наши силы.

Трехмесячный Богатырь ответил:

– Мне для такого дела никакой площадки не нужно. Если ты боишься провалиться под лед, сам сделай себе медную площадку.

Чудовище подумало, потом сняло с руки медное кольцо. Это кольцо чудовище разжевало во рту и выплюнуло на лед. Тут же образовалась большая медная площадка.

Вот трехголовое чудовище и трехмесячный Богатырь встали на эту медную площадку. Стали бороться. Долго, очень долго длилась схватка. Наконец, чудовище попросило:

– Может, передохнем малость. У меня одна голова закружилась.

– Мне отдыхать некогда, – тут же ответил Богатырь. – Раз взялись бороться, то до конца. Пока кто-нибудь из нас не победит.

Стали дальше бороться. Солнце уже два раза спать уходило, а они все еще барахтаются на медной площадке. У трехголового чудовища уже

ноги начали подкашиваться. Через некоторое время оно, едва дыша, опять попросило:

– Давай все же отдохнем. Вторая голова у меня кружиться стала.

– Ну и пусть кружится, – отрезал Богатырь. – У тебя еще одна голова имеется. У меня вот всего одна-единственная, да терплю.

Чудовище только тяжело вздохнуло и не знает, как вырваться из крепких рук трехмесячного ребенка. Солнце снова два раза уходило на отдых, а они все борются. Чудовище, видно, совсем из сил выбиваться стало. То и дело на колени припадает. Наконец, еле слышно жалобно простонало:

– Ой, третья голова закружилась! Не могу больше.

И тут трехголовое чудовище бессильно растянулось на медной площадке. Тогда трехмесячный Богатырь схватил его за ноги, поднял высоко, да так ударил о медную площадку, что все эти головы чудовища со свистом отлетели в разные стороны.

– Вот так тебе и надо, людоеду-грабителю! – засмеялся Богатырь. – Не будешь больше тревожить нашу щедрую тайгу да губить невинных людей.

Тут он размахнулся и швырнул огромное тело чудовища с такой силой, что оно грохнулось где-то далеко за семью краями неба. Братья Богатыря, глядя с высокого берега из-за деревьев, от восхищения только рты разинули.

Расправившись с трехговым чудовищем, трехмесячный Богатырь посмотрел под ноги, а медной площадки как не бывало. Лишь медное кольцо на льду реки сверкало. Поднял он кольцо, надел себе на палец и промолвил:

– Подберем. Может, кому-нибудь пригодится.

Не успел он передохнуть, как видит: проснулось пятиголовое чудовище. Одной рукой оно трет себе лоб, а в другой руке держит мохнатую голову своего убитого брата и рычит страшным голосом:

– Кто это осмелился погубить моего маленького братишку и кинуть его бедную головушку прямо мне в лицо?

– Я раздавил, как комара, твоего хвастуна-братишку, – гордо ответил трехмесячный Богатырь. – Хватит нам канительиться с вами, ненасытными чудовищами.

Подразнили они недолго друг друга обидными словами, а потом пятиголовое чудовище сняло с руки серебряное кольцо. Чудовище разжевало его во рту и выплюнуло на лед. Тут же образовалась большая серебряная площадка, толще обского льда в зимние месяцы.

Вот пятиголовое чудовище и трехмесячный Богатырь встали на эту площадку и начали бороться. Долго длилась схватка на серебряной площадке. Но пятиголовое чудовище на ногах держится крепче своего трехголового брата.

Еще два раза солнце скрывалось за горизонтом. Только тогда у чудовища ноги стали подкашиваться, и оно жалобно попросило сделать передышку. Но разве Богатырь нищего ханты согласится?

Пятиголовое чудовище не знает, как быть. Только пыхтит и пыхтит.

– Ой, уже четвертая голова моя закружилась. Теперь у обоих у нас по одной голове. Может, все же отдохнем?

– Отдыхать я не собираюсь, – упорствовал Богатырь. – Сил у нас у обоих еще много.

Чудовище подумало: «Пятая-то голова моя скоро не должна закружиться. Она ведь у меня самая старшая. Пожалуй, напрасно об отдыхе беспокоюсь».

А Богатырь в уме своем сказал: «У этого последняя голова, видимо, не скоро закружится. Не лучше ли хитростью осилить его?»

Богатырь громко кашлянул. Один из его братьев в тот же миг выстрелил из лука. Острая стрела пронзила левую ногу чудовища насквозь.

– Ой! В ногу мою заноза зашла. Надо вытащить ее, – крикнуло чудовище и наклонилось.

Богатырь выхватил из-за пояса старый отцовский топор и одним резким взмахом отрубил все пять голов чудовища.

– Вот так-то тебе, людоеду-грабителю. Не будешь больше тревожить нашу природу и мирных охотников.

Расправившись с пятиголовым чудовищем, посмотрел Богатырь под ноги и видит: серебряной площадки как не бывало. Лишь кольцо серебряное на льду Оби блестит. Поднял он кольцо, надел себе на палец и сказал:

– Подберем, может, кому-нибудь пригодится.

Не успел он передохнуть, видит: семиголовое чудовище проснулось. И опять между ними разгорелся спор. А затем чудовище сняло с руки золотое кольцо, разжевало его во рту и выплюнуло на лед. Тут же образовалась большая золотая площадка.

Началась новая невиданная схватка. Богатырь подумал: «С этим, пожалуй, еще дольше придется возиться. Скорее всего, только хитростью одолею его».

Услышав сигнал, один из братьев выстрелил из своего упругого лука. Когда семиголовое страшное чудовище наклонилось, чтобы посмотреть свою ногу, трехмесячный Богатырь незаметно выхватил из-за пояса старый отцовский топор и нанес сокрушительные удары. Да так, что все семь голов далеко в разные стороны отлетели.

Расправившись с семиголовым чудовищем, он увидел: вместо золотой площадки на льду Оби сияет золотое кольцо. Поднял он его, надел себе на палец и говорит:

– Подберем, может, кому-нибудь пригодится.

Не успел он со лба вытереть пот, как к нему со всех сторон с радостными возгласами побежал оставшийся в живых таежный народ. И радостные братья поспешили к нему. Все громко воскликнули:

– Спасибо тебе, таежный Богатырь! Ты спас свой край и народ от страшных чудовищ!

Тут вдруг раздался сильный гром и, откуда ни возьмись, перед ним появился седовласый старичок. Он стал хвалить и благодарить его, приговаривая:

– Большое, хорошее дело сделал ты, трехмесячный Богатырь нищего ханты! Мои триста сыновей-богатырей не смогли справиться с проклятыми чудовищами. Все они погибли в жестокой битве. А ты враз осилил врагов. Силой и умом своим осилил. И братья твои тоже молодцы. Не трусились, не сбежали, помогли тебе, да и метко стреляли.

Потом седобородый старичок еще так сказал:

– Теперь эти кольца, которые на твоих пальцах, раздели между братьями. Золотое кольцо возьми ты, трехмесячный Богатырь. Серебряное кольцо пусть возьмет твой средний брат, оберегавший тебя в люльке. Медное кольцо отдай старшему брату, выбрасывавшему тебя когда-то с люлькой за дверь. Так будет справедливо. Сделайте это и идите домой. Отдыхайте. Перед сном свои кольца оставьте на улице, положите на снег в разных местах вокруг вашей старой юрты. Что получится – утром сами увидите. Живите дружно, в согласии, как завещали вам ваши покойные родители. Ну, прощайте все!

Тут опять загремел гром, и седобородого и седовласого старичка, белого, как зимняя куропатка, мигом не стало.

Разошелся довольный таежный народ по домам. Вернулись братья-сироты в свою юрту. Исполнили все, как велел старичок. Поужинали, легли спать. Крепко уснули после такой страшной битвы. Когда проснулись, вышли на улицу и воскликнули от навалившейся радости: вокруг их ветхой юрты стояли три новых красивых дома. Один дом медный, второй – серебряный, третий – золотой. Каждый из братьев вошел в свое жилище. Старший брат в своем медном доме увидел черноволосую, черноглазую красавицу. Средний брат в своем серебряном доме узрел русоволосую, кареглазую красавицу. Трехмесячный Богатырь в своем золотом доме обомлел от радости, увидев белокурую, голубоглазую трехмесячную красавицу.

Совсем обрадовались братья. В тот же день все они быстро подросли, стали совершеннолетними и все поженились. Разобрали братья свою ветхую деревянную юрту, чтобы от плохой тяжелой жизни и следа не осталось. Стали жить счастливо и радостно, в дружбе и в согласии, как покойные родители завещали.

БРАТЬЯ

На щедрой сказочной земле священной реки Казым, возможно на просторах далеких окраин, где протекает полноводная Обь, в давние-давние времена жили три брата. Старшие братья каждый день уходили в дремучую тайгу промысливать зверя – хитрую лисицу, пушистую белку, предусмотрительного соболя и юркого горноста. Не забывали они и двукрылых птиц – горбоносых и крепкокрылых глухарей, глуховатых рябчиков и осторожных тетеревов. Младший же брат оставался дома, сидел у чучала и постоянно поддерживал огонь, так что тепло никогда не покидало их уютное жилище. Так и жили они. Светлый день сменял темную ночь, а холодная зима – жаркое комариное лето.

Однажды в один из солнечных весенних дней старший брат сказал:

– Сколько времени мы будем так жить? Наверное, не одни мы на свете дышим свежим воздухом, ловим деликатесную рыбу и добываем разных зверей, водных рыб и лесных птиц? По-моему, где-то в далеких краях еще есть люди? Схожу я подальше от изведанных нами мест. Думаю, что в каких-нибудь угодьях священной просторной земли живут и красивые женщины. Ведь дом без женщины как-то холоден и неуютен. Я оставляю вам свою острую стрелу, которая добыла не одну быстролетящую утку и не одного крепкоклювого глухаря. А вы, братья, не забывайте поглядывать на нее. Если из моей стрелы, не один год надежно служившей мне, потечет жидкая кровь, тогда сразу же отправляйтесь на поиски меня. Это означает, что со мной случилось несчастье.

Старший брат тут же быстро собрался в дорогу, взял необходимое снаряжение, необходимую пищу, тепло простился с братьями и отправился в неизвестный путь. Младшие братья остались одни.

Много ли мало дней и ночей прошло, но однажды они вспомнили про стрелу, оставленную старшим братом. Мигом взглянули они на нее и ужаснулись: из охотничьей стрелы сочилась алая кровь, которая уже начала местами высыхать.

Они, вспомнив слова старшего брата перед уходом из дома, конечно же, встревожились. Средний брат немедленно собрался в дорогу на поиски затерявшегося старшего брата. Он плотно покушал жирной грудин-

ки оленя, отведал вкусной аппетитной похлебки и пустился в дорогу. На прощанье младшему брату сказал:

Я тоже оставляю тебе свою любимую охотничью стрелу. И не забывай про нее: коль начнет течь с нее кровь, значит, и со мной что-то неладное случилось. Тогда, не медля, поспеши искать меня.

Младший брат, получив нужное наставление, остался один и стал поддерживать огонь в чувале.

Долго ли, коротко ли жил один, но однажды утром, при первых лучах яркого солнца заметил и ужаснулся – из стрелы, оставленной средним братом, уже давно стекала кровь да вся уже успела высохнуть.

Младший брат – а звали его Ратпархо-Хишпархо (Человек Очага и Золы) – тут же приуныл и забыл обо всем на свете. Долго ли коротко ли находился в таком мрачном состоянии, но, наконец, пришел в себя, услышав неожиданно мощные взмахи крыльев какой-то птицы за окном избушки. От отца он когда-то слышал, что если птица пролетит перед самым окном – это к большому несчастью.

Младший брат, вспомнив об этом, тут же повернулся в сторону священного угла избушки, где в сундуке, сплетенном из жил корней кедра, находились деревянные идолы отца и запричитал:

– О, священные родовые идолы! Что-то неладное случилось с моими старшими братьями. Наверное, в каком-то краю леса, в каком-то повороте реки оборвался их след. Теперь только мне остается искать тропу моих братьев. Помогите мне, священные хантыйские духи. Только Вы сможете это сделать.

Затем он снял законченный котел с костра, где варилась жирная осетрина, выложил рыбу в деревянную плошку, налил в чашку аппетитной ухи, исходявшей паром, и все это выставил рядом с сундуком, чтобы угостить всемогущих духов.

Переждав время, за которое, по его мнению, могли изведать угощение духи, он убрал низкий столик, уселся на циновку и плотно поел.

После этого он собрался в дорогу, прихватил с собой все необходимое. Не забыл обвязаться и отцовским кожаным широким ремнем, где были подвешены медвежьи клыки, которые, по обычаю хантов, обладали невиданной потусторонней силой.

И вот шагает он, о братьях постоянно тяжело вздыхая, думает. Пересек не один дремучий лес, перешел не одну речку. Долго ли шел, коротко ли шел, наконец, явственно почувствовал, что спина и плечи устали, словно окаменели. И в это время впереди себя увидел, – между толстыми раскидистыми елями сверкает река своими серебристыми водами. И у

него ни с того ни с чего поднялось настроение, и усталости как не бывало. Подошел Ратпархо-Хишпархо к реке, воды которой от стремительного течения, закручиваясь жгутами, бурлили. Подойдя к кромке воды, внимательно осмотрелся и на другом берегу реки увидел деревянную, довольно массивную избушку и стал громко кричать, чтобы его перевезли.

Из избушки вышла Евра-Нялпи Ими (женщина с горбатым носом) и резво зашагала к реке. Придя на берег, споровисто уселась в высоконосую широкую колданку и стала переезжать бурную реку. Она грела так сильно, что мощное течение почти не относило колданку.

Как только колданка уткнулась в галечный берег, Ратпархо-Хишпархо хотел сесть на середину колданки, но Евра-Нялпи Ими резко прикрикнула:

– Не садись туда. Это святое место. Лучше садись на нос колданки.

Ратпархо-Хишпархо ненадолго остоленел, но, придя в себя, громко сказал в ответ:

– Вас, наверное, отчим с мачехой неправильно вырастили. С чего взялось, что это место святое? Да и коль усядусь на нос, то колданка зарвется носом в воду. – И он, послушавшись ее, демонстративно уселся на середину колданки.

Евра-Нялпи Ими недовольно вздернула брови, но согласилась. Переправившись через реку, она с серьезным видом спрашивает его:

– Куда ты направился и из каких мест путь держишь, молодой и бесстрашный юноша? Глаза твои словно огнем пылают.

– Иду я братьев искать, Евра-Нялпи Ими. Много лесов прошагал, много рек переплыл. Но о них ни духу ни слуху. Ты случаем никого не видела здесь?

– Нет, сынок, никого я здесь не видела, – ответила несколько смущенно Евра-Нялпи Ими. – Я здесь не одно лето и не одну зиму одна время коротаю.

За разговором время со скоростью быстрокрылого гоголя пролетело, со скоростью штормового ветра промчалось.

Уткнувшись колданкой о крутолобый берег, они вышли из колданки и направились к бревенчатой избушке, построенной из отборных лиственниц.

Пройдя по широкой протоптанной дороге, подошла к избушке и вошла в нее. Евра-Нялпи Ими стала варить суп из зайчатины.

А Ратпархо-Хишпархо лег на постель из лосиных шкур отдохнуть после долгой дороги. Осмотрев внимательно просторную избу, он краеш-

ком глаза заметил, что в дальнем углу, заваленном всяким хламом, лежат человеческие косточки. Он тут же вздрогнул, сильно заволновался и, не подавая виду находившейся около костра женщине, стал думать. И неожиданно мысль осенила его: «Скорее всего, Евра-Нялпи Ими сожрала моих братьев. Нужно, пожалуй, внимательно понаблюдать за ней».

Женщина вскоре сварила нежное заячье мясо, и вдвоем уселись кушать.

Евра-Нялпи Ими с аппетитом обсасывала заячьи головы, а Ратпархо-Хишпархо внимательно наблюдал за ней краем глаза. Словно чувствовал душой и сердцем, что она предпримет что-нибудь неладное.

Вдруг Евра-Нялпи Ими прицелилась заячьим черепом в Ратпархо-Хишпархо и со всего плеча резко бросила в него. Но он, изловчившись, на лету поймал заячью голову и изо всех имеющихся сил махнул обратно. Бросок был настолько мощным, что дом, казалось, вмиг наполнился свистящим ветром и словно зашатался.

Получив такой мощный удар по виску, женщина, издав душераздирающий крик, тут же протянула ноги и руки и сдохла.

После этого в чувале он разжег большой костер и резко бросил туда женщину-людоедку. Когда она сгорела, оставшуюся золу он умело разбросал так, что вниз ушедшую искру – вниз вбил (в землю вбил), вверх ушедшую искру кверху вбил (поднявшуюся искру погасил в воздухе), приговаривая при этом:

– О великий Всевышний! Пусть никогда не будет на белом свете, пока живут честные люди, такой черной гадости.

После этого Ратпархо-Хишпархо, тяжело вздыхая и весь помрачнев, посидел около обглоданных косточек братьев и затем, тяжело ступая ногами, отправился по берегу реки, куда глаза глядели, куда мысли вели.

Долго ли, коротко ли бред, видит на вершине высокой лиственницы надежно свитое гнездо лесного орла. Слышит, что в гнезде маленькие птенцы кричат, очевидно, проголодались и есть просят.

Ратпархо-Хишпархо на берегу быстро сплел из тала небольшой сачок и на заводи реки, кишевшей рыбой, удачно наловил ее. Затем ловко забрался на орлиное гнездо и досыта накормил прожорливых птенцов.

Довольные птенцы вдруг неожиданно человеческим голосом сказали ему:

– Ты сейчас ловко спрячься в густые кусты тальника. Наши родители летят.

Искусно спрятавшись, Ратпархо-Хишпархо вскоре увидел, как два ширококрылых-крепкокрылых орла появились со стороны леса. Они принесли в когтях двух зайцев. Сложив свои мощные крылья, птицы уселись в гнездо и дали птенцам долгожданную вкусную пищу.

Но, к удивлению Ратпархо-Хишпархо, птенцы отвернулись от предложенного яства.

Горные орлы рассердились на птенцов и тут же спросили:

– Чем же вы питались, что отворачиваетесь от живой и вкусной еды?

Птенцы в один голос ответили:

– Нас накормил добрый человек только что выловленной свежей рыбой, и теперь мы сыты.

– Кой, кой, птенчики! Так скажите быстрее, где он? Надо ему отдать признание и сказать теплое спасибо. Видно, хороший он человек.

– Конечно, хороший, – враз ответили птенцы и, вытянув головы в одну сторону, добавили: – Вон там сидит, спрятавшись. В кустах тальника.

Услышав это, Ратпархо-Хишпархо вышел из своего надежного укрытия. Увидев его, орлы взмахнули крыльями и подсели к нему. Они поблагодарили его за глубокую заботу и спросили:

– С каких краев земли и воды появился ты, добрый юноша? Глаза твои только теплоту излучают. Проси у нас все, что хочешь. Мы все исполним. Духи Высокого Неба, Духи всемогущего Всевышнего всегда заботятся о нас. Всегда идут нам навстречу.

Ратпархо-Хишпархо, весьма довольный услышанным, подумал немного и ответил:

– Ничего мне не надо от вас, священные посланцы Всевышнего и Повелители всех птиц на Земле. Только большое горе навалилось на меня. Тяжелым камнем давит на тело, особенно на сердце. Евра-Нялпи Ими моих братьев сожрала, остались от них одни лишь косточки. Ох! Если бы можно было их вернуть. Тогда бы и деревья в тайге заплясали, и волны в реке заулыбались.

Услышав чистосердечную просьбу юноши, орел уверенно сказал:

– Это, добрый и справедливый юноша, нетрудно. Я знаю – это под силу только извечно живой воде. И ее может найти только сто лет живущий, триста лет живущий священный ворон. Мы полетим за ним, а ты пока присмотри за нашими птенцами-несмышленишками.

Орлы – повелители всех лесных птиц, мощно взмахнув широкими крыльями, полетели, а Ратпархо-Хишпархо остался нянчить птенцов и кормить их упитанной рыбой.

Пусть он нянчится, а мы посмотрим за дальней дорогой орлов.

Прилетели орлы к гнезду ворона-матери и отобрали у нее птенцов. Ворон-мать, разумеется, тут же начала стонать и горько плакать.

А орел, словно сжалившись, тут же приказал:

– Слтай-ка и мигом доставь нам мертвую и живую воду. Если не принесешь, то, не задумавшись, съем твоих птенцов.

Ворон-мать быстро слетала за мертвой и живой водой.

Взял тогда орел птенца ворона-матери и осторожно разорвал край тела, а затем смазал мертвой и живой водой. И птенец тут же ожил, став здоровее и крепче прежнего.

Вернули тогда орлы ворону-матери птенцов и торопливо отправились с живой и мертвой водой к Ратпархо-Хишпархо. Летели так быстро, что разбегались от них низкие тучи, а на земле у берез шелестели листья, как во время сильного ветра. Прилетели к родимому гнезду.

Обрадовался их прилету Ратпархо-Хишпархо, взял у них мертвую и живую воду и поспешил на то место, где кости братьев лежали.

Придя на долгожданное место, он сначала косточки братьев мертвой водой обрызгал. И они тут же, словно по мановению волшебной палочки, соединились. Второй раз обрызгал – они мясом обросли. А третий раз обрызгал их уже живой целительной водой. И о чудо! Братья вмиг ожили, харкнули из горла сгустки крови и открыли глаза.

– Неужели мы так долго спали? – заговорили враз они. – И кто нас разбудил?

– Вы бы еще долго спали, – сказал, слегка усмехнувшись, Ратпархо-Хишпархо, – да я вас оживил.

Три брата после этого вновь оказались вместе, крепко обнялись, горячо расцеловались и, довольные, отправились домой. Они шли так, что не чувствовали шагов своих, не слышали своего дыхания. Они решили и дальше так дружно жить. С тех далеких-далеких пор, говорят, до сих пор они счастливо и в достатке живут.

Сон к добру не приводит

Сказка-быль

Рядом с выдающимся в реку мысом, густо поросшим елью, кедром и лиственницей, жил со своей старухой старик Логи. Рядом с мысом глубоко в тайгу вдавался залив. Хотя он считался и мелким, но местами глубина достигала пяти-шести метров. Так что любая рыба могла заходить в него ночью, чтобы вдоволь прокормиться. А рыбаку только этого и надо было. Он приезжал вечером к заливу, наглухо перекрывая неширокое устье сетью, а сам, вытянув лодку на берег и установив палатку, ложился спать, ни о чем не тревожась: знал, что этот залив принадлежит его роду, и никто другой без его разрешения не станет выставлять здесь свои ловушки.

В один из ненастных вечеров, когда лениво накрапывал дождь, хотя ему и не хотелось промокать в такую непогоду – приехал на своей высоконосой колданке к устью залива. Вначале аккуратно выставил сеть, затем сварив печенистого налима, поужинал, покурив трубку и лег спать. Чтобы ситцевая палатка не промокла под дождем, он установил ее под наклонной раскидистой березой. Так что спокойно спать ему ничто не мешало.

Уставши, пока выставлял однопривязную сеть (семьдесят пять метров длиной), он быстро и крепко заснул. Спит и вдруг слышит еле слышимый до его ушей писклявый голос ерша:

– Вставай, Логи. В сети хорошо рыба ловится. Да и к устью залива часто подходит какая-то большая рыбина. Скорее всего, белуха. Боюсь, – продолжает свой писк ерш, – ворвется рыба-богатырь в залив, и от твоей сети и рыб, запутавшихся в нее, ничего не останется.

– Куда в такую рань вставать, – прошептал про себя Логи. – Птички еще не проснулись и не поют. Рано еще. Посплю малость.

Много или мало времени прошло, и Логи слышит уже четкий голос рыбы-муксуна:

– Вставай, старик. Сеть рыбой наполняется. Пожалуй, едва в твою высоконосную колданку уместится. Да и страшная рыба неподалеку от сети мечется.

– Хм, – подумал Логи, – все будят меня, как будто я не знаю, когда мне вставать. А коль сеть слишком много рыбы наловит, то часть оставляю здесь. Приеду за нею второй раз. Много посторонних появилось учить меня. Сам знаю, когда вставать. Отосплюсь и встану. А пока, коль не наступило время пробуждения, пусть рыбы еще больше запутается в сеть.

И старик, перевернувшись на левый бок, захрапел пуще прежнего.

Долго ли, коротко ли спал Лонг, но вдруг слышит около себя какой-то сильный шум. И волны, как при мощном шторме, бились о песчаный берег, и внутри залива что-то бушевало и бурлило.

Это не на шутку встревожило старика Логи, и он вышел из палатки и внимательно вгляделся в устье залива, где стояла его муксуновая сеть. Смотрит-смотрит старик внимательно, но никак не может увидеть двух кольцевых кольев, на которые привязывал концы сети.

– Тьфу, – выплюнул он. – Куда они подевались? Да и самой сети не видать.

В это время его внимание привлекли высокие волны посередине залива, которые вздымались от какой-то огромной рыбыны.

– Так это же белуха – удивился он. – Хищница проклятая. Стала поедать чужой улов! Семь проклятий шлю я тебе, – проскрипел зубами Логи. – Чтобы ты подавилась этой рыбой.

А огромная, почти трехметровая белуха, прогулявшись по заливу, вместе с сетью вышла через устье залива в реку. Затем, остановившись на расстоянии примерно полутора километров от берега, стала поедать всю рыбу, которой в достатке было в сети.

– Эй-я! – уныло промолвил Логи. – Убили меня. Без сети остался. Теперь надо новую плести. Эй-я! – и уселся на широкий пенек.

Так остался без сети и богатого улова рыбак Логи!

Вот что значит не прислушиваться к чужим советам и слишком долго спать.

СЕСТРА И СЕМЬ МАЛЕНЬКИХ БРАТЬЕВ

Жили семь маленьких братьев и одна сестра. Однажды они играли около юрты – сбивали палочками расставленные поодаль друг от друга колышки. Во время азартной игры к ним прибежала позабавиться белка. Крик и гам стояли во дворе. Нечаянно один из братьев перебил ей ногу. Она, конечно, рассердилась, ушла от них и пригрозила, что завтра явится к ним со множеством других белок и отомстит за нанесенную ей обиду.

Братья испугались и стали думать, как им избавиться от нашествия белок. Наконец, старший предложил взлезть на небо. Все с ним согласилось. Тогда младший брат сказал:

– Что мы сделаем с сестрой, ведь она не может взлезть на небо, а спрятать ее в тайге нельзя, потому что белки найдут и убьют ее.

Думали-думали братья и сделали так: вырыли ей под очагом яму и положили туда сестру, оставив над ее головой маленькую дырочку, чтобы она могла дышать. На грудь сестры положили кожаный мешок с кровью оленя и прикрыли ее землею. После этого старший брат пустил стрелу вверх, стрела вонзилась в небо и повисла. Следующий брат пустил стрелу свою и вонзил ее в конец стрелы старшего брата, что повисла на небе. Третий брат попал в конец стрелы второго. Все братья пустили свои стрелы. Из этих стрел образовалась жердь от земли до неба, по ней один за другим влезли на небо, причем младший, когда лез, собирал позади себя стрелы.

На другой день пришли белки и стали искать братьев, но нигде не могли найти их. Белки начали спрашивать у домашних вещей, но ни ложки, ни чашки не сказали им о выдумке братьев. Только старые унты выдали, куда ушли братья и как они зарыли сестру под очагом. Тогда белки начали копать копытами землю под очагом и попали в мешок с кровью. Увидели они кровь на копытах и решили, что закопали сестру маленькие братья. Перебили они всю посуду и ушли домой в тайгу.

Сестра вылезла из своего убежища, изорвала свои унты и стала думать, что ей теперь одной делать. Боясь, как бы белки опять не пришли,

она решилась идти искать своих братьев. Ходила-ходила и попала в юрту, где жила лягушка. Лягушка увидела, что у нее хорошая одежда, сначала приласкала ее, а потом отняла у девушки всю одежду, надела на себя, а девушку оставила голой. Вдруг залаяла собака. Лягушка говорит ей:

– Сейчас придут два молодых ханта, один из них увидит, что я такая нарядная, возьмет меня себе в жены, а тебя выгонит.

Сказавши так, она вышла из юрты встречать хантов, а бедная девушка начала от досады бить себя палкою по голове. Палка раздвинулась, и девушка спряталась в нее. Вошли два молодых ханта. Старший сел с лягушкой, а младший – около той палки, в которую спряталась девушка. Старший беседует с лягушкой, а младший от нечего делать взял палку и начал ее строгать ножом. Вдруг из палки потекла кровь. Он испугался, бросил палку и нож и скорей выбежал из юрты. Старший брат, увидев, что младший ушел, взял с собой лягушку и тоже пошел домой.

Дорогой младший брат вспомнил, что он ножик свой бросил в юрте, и вернулся за ним. Подошел к юрте и решил потихоньку заглянуть в нее, нет ли там кого.

Смотрит – там сидит голая девица. Откуда и храбрость взялась у него – отворил дверь и схватил ее. Она хотела спрятаться опять в палку, но не успела. Тут она рассказала ему про своих братьев и про то, как лягушка отняла у нее одежду. Он взял, прикрыл ее, чем мог, и повел с собой к отцу.

Дома отец сначала встретил старшего сына с лягушкой, потом младшего сына с девушкой. Слово за слово, отец начал расспрашивать про их родных, кто они и где живут. Лягушка по глупости своей похвасталась своими братьями и сказала:

– Я вам сейчас покажу своих братьев, дайте ведро.

Взяла ведро и пошла на речку, зачерпнула воды вместе с лягушками и принесла. Отец как увидел их, так сейчас же прогнал лягушку, а девицу стал просить, чтобы она как-нибудь разыскала своих братьев. Она пошла в тайгу, встала под большой березой и позвала братьев.

Турам (Всевышний) услышал ее: пришли семь братьев и принесли каждый по целому костюму. Она оделась в костюм, который дал ей младший брат, и повела их к старику.

Старик, как только увидел их, разослал у входа в юрту шелковую материю, ласково принял и угостил, чем мог. Они рассказали ему, что живут на небе у Турама, просили не обижать сестру, пробыли три дня и ушли, а сестра счастливо зажила с младшим сыном старика.

ЧИРОК И ХОХЛАТАЯ ЧЕРНЕТЬ

Пришла ранняя весна. Тайга наполнилась звоном певчих лесных птиц: длиннохвостых сорок, каркающих ворон, различных мелких пташек, которые по утрам пели на все голоса. Вслед за лесными птицами прилетели и водные обитатели болот, таловых и лесных озер. В общем, по утрам гомон прилетающих птиц доносился со всех сторон.

Прилетели чирки, которые тут же облюбовали мелководья, где можно было легче добывать себе пищу, а вслед за ними на северных озерах появились белокрылые турпаны, длиннохвостые шилохвосты и хохлатые чернятки, которых было особенно много в эту весну. Они любили широкие водные просторы, глубокие озера – ведь им, при их мощных мускулах, пищу добывать было значительно легче. Они порой погружались в воду на десять-пятнадцать минут, и за это время находили любимую пищу – различных червей, рачков и растительную еду.

Но время шло, подходила пора гнездования. Тут уж каждая утка заранее облюбовывала хорошее себе место, и это было так каждую весну. На этот раз слабокрылые чирки облюбовали себе Торнанг пухар – остров, поросший густой травой. Место обычное. Крутом тальниковый кустарник, да и прошлогодней, не опавшей травы, хватало. Где еще лучше сыщешь место для гнездования? И остров особо ветром не продувается из-за густущих кустов тальника, да и высокий, не опавший за зиму толстостебельный пырей служил хорошей защитой от холодных ветров и ливневых дождей.

Но это не понравилось хохлатым чернетям. Их было и больше, да и в силе они в несколько раз превосходили слабокрылых чирков.

А многие чирки уже свили гнезда и начали откладывать яйца. Хохлатые чернети, собравшись посередине озера в большую стаю, решали согнать чирков с облюбованного ими хорошего острова. И они начали меж собой перепалку.

– Это кто вам разрешил откладывать на таком хорошем острове яйца? – начал спор самый старший из хохлатых чернетей. – Здесь еще мои деды гнездились. А вы даже об этом острове ничегошеньки не знали.

– Как не знали, – ответил один из самых маленьких чирков. – Здесь наши матери и отцы веками гнездились.

Главная хохлатая чернеть поводила широким клювом туда-сюда и грозно сказала:

– Чтобы вас через час здесь не было. Ни одного!..

– А как быть с отложенными яйцами, – пискнул один чирок. – Куда мы их денем?

– Это меня не касается, – ответила гордая и наглая хохлатая чернеть. – Хоть на себе перетаскивайте. Хоть для них соорудите плотик. Но чтобы через час вас здесь не было. – И при этом мощно размахнулась своими крепкими крыльями.

Чирки собрались в кучи, погоревали, посоветовались. Но делать им ничего не оставалось, как перетаскивать отложенные яйца на другой остров. И эту операцию они проделали довольно проворно и быстро.

А когда закончили перенос отложенных яиц, старший из чирков сказал гордым чернетям:

– Слишком возомнили себя великанами. Хвастаетесь своей силой, хохлатые чернети. Бог все видит. Духи тоже. В отместку, а я в этом клянусь, ваши птенчики вылупятся позднее всех. И многие, уверяю, не поднявшись на крылья, так и замерзнут в звонкой шуте осенних заморозков.

Так и получилось. Птенцы чирков рано поднялись на крылья и вовремя улетели в теплые края, на юг. А многие птенцы хохлатых чернетей так и не поднялись на крыло и замерзли во льдах Ханты-Питлярского сора. Так им и надо было! Никогда не надо делать другим зла...

МАЛЬЧИК С ЛУКОМ

Сказывают, давно это было, очень давно. В тайге росли высокорослые деревья. Высотою, поговаривали, в сто саженой, а в лесу водились Менги-великаны, а в многоводных реках и озерах обитали хищные водяные, которые поедали людей.

В то время хантыйского народа было очень много. Ханты оленями были. И вот стали на хантыйской земле появляться враги. Промчатся вдруг на быстрых оленьих упряжках, мужчины поубивают, женщин и детей с собой увезут, оленей угонят. Хантыйские женщины у них всякую домашнюю работу выполняют, а мальчишки при табунах пастухами были.

И вот однажды случилось такое. Ехали на оленьей упряжке ханты с женой и маленьким сыном. Мальчику всего четыре года было... Отец луком вооружен. И мальчик тоже с луком. Раньше мальчик только начнет ходить, отец ему сейчас же лучок смастерит, чтобы упражнялся в стрельбе.

Вот так и ехали втроем: мужчина с женой и сынишкой. Вдруг жена громко воскликнула:

- Ой! Что это там?

Муж оглянулся. Видит: следом за ними словно вихрь снега мчится. Потом появилась оленья упряжка. Быстро настигать стала. Догадался сразу муж: враг это. И он сильно погнался оленей. Сразу же запрыгала по застругам нарта. И не заметили отец с матерью, как уронили сына.

А догадливый мальчишка быстро спрятался за высоколобый заструг и лучок свой достал.

Враг идет вдогонку, не видит мальчика. И вот остановился враг напротив заструга, чтобы поправить упряжь. Мальчик не растерялся, взял лук, натянул тетиву и выстрелил. Прямо в глаз врага угодил. Закричал тот, глаз рукой закрыл. А мальчик, хорошо прицелившись, еще раз выстрелил. В другой глаз попал.

Ослеп ненавистный враг, стал крутиться. Руки широко расставил, чтобы поймать мальчика. А тот прячется за высоколобые заструги. В поисках мальчика враг много раз падал в глубокий снег и совсем устал. Наконец, он сел на заструг и спросил:

– Кто ты, победивший меня? Не вижу я, ослеп.

– Это я тебя победил, – тонким голосом сказал мальчик.

Удивился враг, узнав, что мальчиком побежден. Склонил голову и задумался. Затем так сказал:

– Если меня, силача и насильника, победил ты, мальчик, так убей меня. Куда я пойду слепой! Все смеяться будут, что какой-то мальчонок меня победил.

Мальчик так ему сказал:

– Мал я еще, боюсь, да и сил у меня нет тебя убить.

Враг попросил:

– Подай мне копье!

Подав мальчик копье. Враг наставил острие копья себе в грудь, затем попросил мальчика другой конец копья в заструг упереть. Мальчик так и сделал. Враг сказал ему:

– Возьми моих оленей! Ты победил меня. Это твоя добыча. Поезжай к родителям!

И враг сам убил себя.

А мальчик сел на нарту и вскоре догнал по следу родителей.

Все.

ОДИН НЕВЕРНЫЙ ШАГ

На земле холодной, на земле просторной, где растет вековая священная лиственница, жил удалой парень по имени Нятама. Неудачлив был он, не умел как следует в богатых водах реки ценную рыбу ловить и пасти быстроногих оленей. По этой причине жил зачастую впроголодь, кое-как перебивался то ягодой, то случайно добытым глухарем с помощью выставленных сетей.

Захотелось ему однажды хорошо зажить, чтобы в амбаре много еды разной было и стадо оленей паслось на его родной земле. Для начала решил поставить гимку, но ее у него не было. Решил пойти он в дремучий кедровый лес, хотя до него было далеко-далеко. Когда, наконец, дошел, день уходил на отдых, и приближалась ночь. Нятама шустро развел огонь, вскипятит чай, настоящий на березовой чаге, попил и лег спать. Холодно было, и никак не мог он уснуть.

Вдруг слышит шум какой-то и незнакомые посторонние голоса. Поднялся Нятама и направился прямо на странный шум. Недолго шел и увидел большой дом, сплетенный из толстых кедровых прутьев. Залез Нятама на крышу жилища и заглянул через чувал внутрь. А там семь лесных людей – яланей – сидят на оленьих шкурах около костра, в котле мясо дикого оленя варят.

– Мы сейчас, – спрашивает маленький ялань, – кого боимся? Кто нас может напугать?

Ялань с седой головой говорит:

– Что с вами? Не бойтесь. Есть устрашающий нас голос. Это – саренхуп, лонхуп, тунтэн пол!¹ – при последних словах седой ялань резко понизил свой хриплый голос.

– Страшный голос, страшный, никого не щадящий, – сказал маленький ялань.

И в это время сверху неожиданно для них раздался уверенный голос:

– Саренхуп, лонхуп, тунтэн пол.

Испугались ялани, всегда хвастающие своей сверхъестественной силой. Мигом выскочили из своего жилища и спрятались в глубоком снегу.

¹ Саренхуп, лонхуп, тунтэн пол! – названия священных идолов

Проворный Нятама ловко спрыгнул вниз, снял вскипевший котел с жирной олениной и, довольный, начал есть. Ел, ел, а ялани все не возвращаются, хотя все время их ждал. Ел до тех пор, пока дно котла не обнажилось. В тепле и сытости Нятама крепко уснул. Наутро проснулся он, вышел на улицу и увидел всех семерых яланей, которые даже не шелохнулись. Оказывается, они как залезли в снег, так и окоченели.

Много разных запасов еды оказалось у лесных ненасытных людоедов. Долгую зиму и бурную весну прожил Нятама в доме яланей. Весной смастерил он гимку и пошел к речке, которая впадала в Обь, и поставил там снасть. Прошло немного времени, и огромная щука попала в ловушку. Принес он ее домой и сварил отменную вкусную еду.

– Ох, до чего хорошая уха получилась! – проговорил Нятама и лег спать.

На следующий день решил он поставить самострел на зверя. Только поставил, не успел даже на расстояние полета стрелы отойти, как ловушка добыла зайца.

Взял зайца Нятама, вновь наострил самострел и отправился в жилище, где сварил вкусный суп из зайчатины.

– Ох, и хорош суп из заячьего мяса! – сказал Нятама. – Пусть самострел еще день постоит, а завтра его проверю.

Пришел в лес, а самострел добыл черно-бурю лисицу. Нятама слышал, что черно-бурая лисица дорого ценится. И у него созрела мысль. Принес лисицу домой, бережно снял шкуру и всю ночь обрабатывал ее.

На утро пошел в город продавать шкуру. Покупатели нашлись сразу, дорого они оценили ее, немалые деньги дали. Два кармана деньгами заполнил.

– Но что толку, если деньги в карманах лежат впустую, – подумал он. – Пойду куплю у пастухов оленей.

И отправился он покупать оленей.

Оленеводам из одного кармана горсть серебра дал, из другого – горсть золота. Взял деньги старший оленный человек и сладко говорит:

– Иди, возьми седьмую часть стада и гони упитанных оленей по протоке, впадающей в речку, но только нигде не останавливайся.

А довольного Нятаму в чум пригласили, досыта накормили и уложили спать. Наутро Нятама пошел в стадо и погнал оленей по крепкому льду неширокой речки.

Опять он холодную зиму прожил, и опять весна наступила. Много Нятама мяса съел, немало его продал. Еще больше денег стало у него. Только плохо было ему жить одному. Поехал тогда он снова к оленным

людям жену себе подыскивать. Нашел красивую девушку себе по душе. Красивее летней радуги переливались ее глаза, а стан был преледней самой стройной лисовенницы. Неделью свадьбу справляли, вдоволь ели и пили. Вино рекой текло.

Однажды проснулся он и видит, что нога его к земле примерзла. Посмотрел во все стороны – ни оленей, ни жены нет.

Огорчился Нятама, но что делать? Пошел гимку проверить. А за ночь снегу глубиной в три беличьих хвоста выпало, речка до дна промерзла. И гимка вся во льду оказалась. Долго стоял молча Нятама и подумал: «Один только неверный шаг сделал и – столько бед... Надо всегда знать норму, когда пьешь вино».

КОШКА И БЕЛКА

Подружились однажды кошка с белкой. Всю зиму, весну и лето не отходили друг от друга.

Наступила осень, а с нею пришли и холода. Вскоре снег покрыл землю.

Белка говорит кошке:

– Холодно, дружок, стало. Подошла пора теплый дом подыскать, чтобы нормально перезимовать.

– Где мы с тобой теплый дом будем строить? – спросила кошка.

– На вершине дерева неплохо было бы, – говорит белка.

– Нет, под землей лучше, – отвечает кошка. – На дерево зимой тяжело будет подниматься, да и ладошки будут мерзнуть.

На этом варианте они и согласились. Кошка стала нору рыть и вскоре закончила. Как ведется, раз кошка сделала нору, то там она хозяйкой и будет.

Ложились друзья в нору и спали. Тепло им было.

Лежа в тепле, вдруг они слышат – появился какой-то огромный и тяжелый зверь, над норой пошагивает, в отверстие норы пытается заглянуть. Кошка белку посылает на задание:

– Выйди на улицу. Погляди, кто к нам пришел.

Белка вышла, осмотрелась. И увидела медведя!.. Белка испугалась, но страх ничем не выдала и спросила медведя:

– Вы, дедушка, что здесь делаете?

– Землю рою.

– Для чего роете?

– Я твой дом вырою и тебя съем.

– Вы, дедушка, помедлите, не ройтесь. Я схожу к своему хозяину и скажу ему об этом.

– А кто твой хозяин?

– Мой хозяин, – отвечает белка, – самый сильный и очень честный.

– Так как его зовут?

– Ой, дедушка! Не спрашивайте об этом. Произнести боюсь!

Медведь задумался. А белка в нору забежала и говорит кошке:

– Медведь пришел, собирается наш дом разрыть, а нас сожрать. Пропали, пожалуй, мы с тобой.

В ответ кошка говорит:

– Что за суета! Зачем умирать? Ты иди и скажи медведю: «Хозяин приказал тебе добыть лося и сюда притащить. Если не принесешь – плохо будет вам».

Белка вышла из норы и говорит медведю:

– Рассердился мой хозяин, наказал тебе обязательно добыть лося и сюда притащить. Коль не притащишь – плохо вам будет.

– Что за беда, – отвечает медведь. – Это не трудное задание.

И отправился медведь, чтобы добыть лося. Справившись с лосем, закинул его на спину и притащил к норе.

А белка уже дожидается его.

– Ты, медведь, – говорит белка, – здесь дожидайся, а я к хозяину сбегая.

Белка в нору забежала.

– Ну и что, – спрашивает кошка, – принес медведь лося?

– Притащил. Крупного рогача!

– Иди и скажи ему, чтобы еще он оленя принес. Да, скажи, побыстрее.

Белка вышла. Медведь, уставший, сидел на широкой кочке. А она говорит:

– Дедушка-медведь, хозяин мой дал еще одно задание.

– Что за дело?

– Задание такое. Убей оленя и быстрее принеси сюда же.

– Кой, – отвечает медведь. – Это задание уже полегче.

Медведь, высоко подпрыгивая, отправился за новым заданием. Увидел оленя, тут же прибил, закинул на спину и понес к норе.

Белка в нору забежала.

– Ну и что? – спрашивает кошка.

– Принес медведь оленя?

– Принес такого тучного и жирного.

– Хорошо, – сказала кошка. – Иди и скажи медведю: пусть подальше уйдет отсюда и никогда здесь не показывается!

Побежала юркая белка и все рассказала медведю. Обрадовался от этих слов медведь, мол, так легко отделался. Недолго думая, он подальше удалился.

А кошка с белкой смеются:

– Теперь нам еды на целую зиму хватит!

ЧУДОВИЩЕ ПОРАВАТА

В давние времена это было. За это время полноводная Обь немало вынесла воды в студеной северный Ледовитый океан, а на ее берегах образовалось немало бурных перекатов, больших и малых островов. Разной рыбы за это время – от гигантских осетров, нежных нельм, горбоносых муксунов и кончая мелкой сорной рыбой – щукой, налимами, окунями, ершами поднималось и опускалось по протокам Оби немало. Если бы вытянуть этот поток в одну нить, то образовался бы пояс в сотни тысяч и миллионов километров.

Доброотно зажили в то время на мысу Порават ханты, где находился мощный перекат. Место для рыбодобычи и охоты было хорошее. С горной стороны в изобилии прорастали могучие лиственницы и широкоплечие ели, стройные березы и осины. Место для рыбака и охотника было отменное. В достатке водились мощные ширококопытные лоси, прирученные олени, хватало и крылатой дичи: горбоносых глухарей, осторожных тетеревов и глуповатых рябчиков. И в затонах могучей реки хватало всего: и жирных осетров, и изящных нельм и мускулистых щекурей, а о мелкой рыбе и говорить не приходилось. Отличное было место. Хватало еды и для лесной дичи, и многочисленным водным обитателям.

Но, как издавна ведется, где живут трудолюбивые люди, есть и злые силы. Ханты холодной зимой в реке выставляли сети, сплетенные из коры кедра. Доброотно были орудия лова – и крепкие, и надежные – редкая рыба могла разорвать ее ячеи, запутавшись в нее.

Но появился на другой таловой стороне реки Менг-великан. Он не утруждал себя работой. Следил днем издалека, где рыбаки выставляют сети, а ночью приходил к этим местам, озирали своими сверкающими глазами замерзшую реку, легко определял, где выставлены орудия лова, затем подходил к ним, легко выдергивал колышки от сетей и все содержимое в сетях поедать. Вначале приходил разбойничать один, а затем приучил к этому нехитрому делу и своих детенышей, которых было у него свыше десятка.

Приуныли ханты. Голод начался среди них. А попробуй-ка угомонить

Менга-великана. Голова у него была выше самой высокой лиственницы, а ручищами смог бы вмиг переломить любое толстое дерево. Да и постоянно хвастался своей силой. Высоко подняв голову, он огненными лучами глаз освещал ночную темь на несколько верст.

Но самое страшное было то, что порою они хватали зазевавшихся людей и вмиг проглатывали их. «Хруст-хруст-хруст» – только и слышалось в их крепких зубах. Надо было что-то предпринять. Не бросать же обжитое насиженное место? И придумали несколько вариантов. В летнюю пору рыбаки на крепкие стальные крючки насаживали щук и налимов, надеясь, что чудовище, когда будет проглатывать добычу – задохнется. Но из этой затеи ничего не вышло. Менги-великаны быстро разгадали эту простую хитрость. Они вытаскивали веревки с живностью, съедали только то место, где не было крючка, а все остальное выбрасывали.

Затем они из крепких кедровых прутьев, чуть ли не из целых стволов смастерили большую гимку, обильно наполнив всякой рыбой. Но и эта затея для Менгов-великанов не дала толку. Они ловко проникали через вход гимки в ловушку, вначале съедали всю живность, а затем мощными лапами разрывали орудие лова на мелкие части.

Совсем приуныли ханты. А голод все больше давал о себе знать. И тогда они пригласили на совет всесильного шамана, жившего на мысе Туш Вош (Мыс Бороды). Долго выслушивал он предложения хантов, некоторые советы тут же отвергал, с кое-какими нехотя соглашался.

Под конец он сказал:

– Я бы не пошел навстречу вам, мои сородичи. Но на днях они напали на мое выпасное стадо на острове и половину моих оленей сожрали. Такое больше терпеть нельзя. Вот что я предлагаю. Мы построим три чума на плоту. Внутри каждого чума оставим оленей. Рядом с оленями соорудим три бочки, наполненные порохом. А бочки обмажем жиром, икрой и медом пчелиным. Ох, уж любой Менг-великан эту еду не упустит. А эти бочки крепко-накрепко привяжем к основанию плота, где будут стоять чумы. Вокруг же бочек разложим небольшие костры. Уверен, сородичи мои, Менг-великан будет прогрызать эти бочки. И наверное прогрызет. Ведь его зубам стальным и камни нипочем. Я не буду шаманом, если он не прогрызет бочки. А в бочках же порох. Порох... А уж он-то силу божескую имеет.

Так и поступили ханты. Соорудили три надежных плота. Внутри чумов привязали по одному оленю, а рядом разложили бочки, до отказа наполненные порохом.

Стали дожидаться утра – а это было постоянное время выхода их на

охоту. Только взошла утренняя звезда, с таловой стороны раздались тяжелые чавканья шагов Менгов-великанов.

Подойдя к берегу, они радостно замахали хвостами и стали облизывать языком свои губы.

Менги-великаны, почуяв, наверное, свежее оленье мясо в плотах, мигом ринулись туда.

Недолго возились они там. И вскоре раздался один оглушительный взрыв, затем второй, вслед за этим третий.

Ханты поднялись на высокую гору и внимательно пригляделись.

В долине реки они увидели три острова, которых вчера не было. Подплыв на лодках поближе, они поняли, что от мощных взрывов пороховых бочек разнесло тела чудовищ, и образовалось три острова. Самый крупный назвали Порават-пухар (остров Порават), средний назвали Лут пухар (Гусиный), а самый дальний – Ханты-Питлор пухар (Ханты-Питлярский остров).

С тех пор ханты спокойно стали добывать себе рыбу в водах Оби, протекающих у острова Порават.

Порават в переводе означает – остров, образовавшийся от разбившихся плотов. Плотов, которые приносили людям зло и несчастье.

ТРИ БРАТА

Жили три брата. Однажды утром, когда белым лебедем медленно на востоке поднялась над густым лесом утренняя заря, младший брат говорит старшему:

– Сегодня, ты останешься дома. К нашему приходу приготовишь варено.

Братья, надев лыжи, обитые камусом из оленьих лап, ушли в лес белковать. Старший брат остался дома, жарко затопил железную печь, приготовил кушанье – вкусный бульон из нежного беличьего мяса.

Вдруг неожиданно-негаданно открывается пол, и оттуда выходит человек не человек, черт не черт, а настоящий урод. Голова кудлатая, страшная, похожая на орлиное гнездо. Туловище, пожалуй, с ноготок, а ноги как ни странно, трехсаженные. Вытянувшись во весь свой рост, стал ходить взад и вперед, из угла в угол по хантыйской избе. Вдруг взбесившийся урод набросился на испуганного ханта и вмиг скрутил его. Потом одним шершавым пальцем вырвал увесистый шимаш юх¹ и прищемил им ханта. Всю еду, что была приготовлена им для братьев, урод моментально съел и, наевшись, вмиг спустился туда, откуда вылез.

Время подошло к вечеру, когда братья должны возвратиться домой с охоты. Вот уже слышит он, как идут они и громко разговаривают меж собой.

– Наверное, наш брат уже лег спать. Приготовил ли еды нам?

Братья открыли дощатую дверь, обитую оленьей шкурой, и зашли в избу. А в избе темно. Младший брат быстро затопил печь сухими дровами и обратился к среднему, чтобы он разбудил старшего. Средний брат будил-будил старшего, но разбудить так и не смог.

– Как так? – удивился он. – Не просыпается. Наверное, он умер.

Тогда принялся будить его младший брат.

Он подошел к старшему спящему брату, одним пальцем приподнял шимаш юх и освободил его. Довольные, все сели за стол, поели и легли спать.

¹ Шимах юх – обструганное бревно, отделяющее пол от спальных мест.

На другой день утром опять стали собираться на охоту и младший брат говорит:

– Сегодня я останусь готовить вам вкусную еду. Дома мне надо покараулить, чтобы узнать, какой это домовый забрался в наше жилище.

Старшие братья ушли на охоту, а младший остался дома. Он тут же сходил в амбар и занес домой заскоруслую коровью шкуру. Из этой шкуры принялся кроить ремни. Закончив кройку, стал готовить обед из рябчиков. Немного погодя вдруг опять из-под пола вышел домовый – человек не человек, черт не черт, а настоящий урод. Голова страшная, кудлатая, похожая на орлиное гнездо. Туловище с ноготок, а ноги длинной, пожалуй, в три сажени. Вытянулся во весь свой огромный рост и стал ходить взад и вперед, из угла в угол по хантыйской бревенчатой избе. Вдруг он резко набросился на ханта и хотел его сразу свернуть. Но младший брат не поддался всесильному уроду. Ханты стал готовиться к новому и последнему рывку.

– Пусть, – молча сказал он себе, – этим рывком этот неутомонный урод будет лежать подо мной. Помогите духи священного угла дома.

Как только подумал об этом, он тотчас же резко схватил урода и вмиг прижал его под шимах юх. Затем намертво скрутил прочными ремнями и бросил вниз. А сам лег отдохнуть.

Начало вечереть. Слышать уже, как братья возвращаются с охоты и тревожно разговаривают меж собой:

– Справился, нет наш братишка с этим уродом. Наверно, этого чудища уже нет.

Зашли братья домой. А у младшего брата все готово для обильного ужина.

– Загляните-ка, кто лежит возле печи, – говорит им младший брат.

Братья посмотрели в сторону жарко натопленной печки. Урод, весь скрученный крепкими ремнями, лежал издохшим. Младший брат тогда говорит:

– Прикончил я страшного урода, который в прошлый день путал старшего брата.

После этого с урода сняли ремни, а его самого выбросили подальше от дома на съедение зверям и птицам.

Так братья избавились от домового.

ДВЕ ДОЧЕРИ

На семи поворотах огромного Ханты-Питлярского сора, очертаниями своими похожего на фигуру великана, упавшего в реку с высокого семи-подольного неба, жил седовласый старик со своей старухой. Несмотря на старость, у него еще хватало сил выставить в ближайшем озере пугачую гирю, сплетенную из прутьев кедра, и выловить столько вкусной рыбы, сколько нужно для пропитания. Осенью на берегу озера умело ставил он ловушки, добывал черных, горбоносых, тяжелых глухарей и осторожных козлов. И зимой не оставался он без еды. Петли, выставленные на палочных островах, тоже не подводили, и старик всегда возвращался домой с тяжелыми связками белых куропаток за спиной.

Безбедно жили они. Имели двух дочерей, красота которых была так велика, словно струилась сквозь них с голубого неба на землю, а с земли наверх.

Но старшая дочь частенько перечила старухе, жаловалась, что мало обращает та на нее внимания.

Тогда решил старик старшую дочь отделить от себя. Поставил рядом с бревенчатым домом отдельный чум и поселил ее туда. Попрощавшись с дочерью, он направился в свой дом. Сытно поев супа из рябчика, уселся на циновку и заложил за нижнюю губу молотого табаку. Вдруг слышит – кто-то на лыжах подходит к дому. Слегка приоткрыл старик низкую дверь и видит, что незнакомый человек, сняв лыжи, обитые оленьим камусом, вошел в чум его дочери.

– Ладно, – подумал старик. – Может, дочь хорошего мужа найдет. Пусть себе тогда живут и поживают.

Затем прилег он в свою постель, устланную оленьими шкурами, накрылся теплой ягушкой и крепко уснул.

Утром пошел он в чум своей дочери и увидел незнакомого человека, богато одетого. На ногах его были разуторенные кисты, на голове – пушистая беличья шапка.

А в чуме дочери невеста откуда появились богатые вещи. В углу красовались связки песцов и чернотелых лисич, на постели лежали две праздничные ягушки, сшитые из шкур белых оленей, а на наклонных шестах чума висело несколько шелковых платков.

– Видно, богатый жених дочери приглянулся, – подумал старик. – Вот так духи! Какая удача привалила! – и он, поздоровавшись с незнакомцем, уселся на циновку, сплетенную из травы.

– Не хотела я этих даров, – говорит дочь отцу, – но уговорил он меня. Все же гостю неудобно было отказывать. К тому же он такой ласковый, добрый и красивый.

Дочь тут же поставила низкий столик, нарезала строганины из вкусной нельмы, подала жирную оленину, налила чашки с чаем, настоящим на березовой чате.

Старик сытно поел, поблагодарил дочь и незнакомца, а затем собрался к себе домой.

А дочь подарила отцу связку чернобурых лисиц, новую неблюевую малицу и роскошную табакерку, смастеренную из шията – нароста березы, которая была наполнена отменным молотым табаком.

Довольный старик, распевая веселую песню, направился к своему дому. Старуха, когда вошел он домой с богатыми дарами, от изумления потеряла дар речи.

Она тут же заторопилась на двор и внимательно посмотрела в сторону чума дочери.

– Что за чудеса? – подумала она. – Дочь старика за одну ночь так разбогатела....

А из дома доносились довольные песни старика. Недолго постояв, радостная от пришедшей мысли, она вошла в дом и говорит старику:

– Дочь твоя, гляжу, хорошего жениха нашла. В хорошие руки попала. Видно, духи ей помогают. Да и сама красивая, кого угодно может завожечь.

– Что ты мелешь, старуха! – закричал старик. – А ну-ка пойдешь, извинись перед дочерью!

Жена тут же выскочила из дому, оглянулась, взмахнула руками – и тут же превратилась в ворону. Птица взлетела и стала, каркая, кружиться над стариком, который к этому времени тоже успел выйти из дома. Ворона же раз за разом резко падала вниз, пытаясь ударить старика острым клювом по лицу.

Не понравилось это старику. Он незаметно сжал в правой руке обрубок палки и в удобный момент нанес молниеносный удар по подлетевшей вороне. Она тут же замертво упала на землю, и из ее клюва вытекала горячая кровь.

Недолго постояв у мертвой птицы, старик пошел домой. Младшая дочь тут же спрашивает его:

– Скоро придет моя мама?

– Когда созвездие Большой Медведицы появится на высоком ночном небе, тогда и придет, – нехотя ответил старик. И, помолчав, недовольно добавил. – Что на меня так сыгряешь? Ты же не родная мне дочь, а дочь от первого мужа твоей матери. Куда она денется... Вскоре домой зайвится.

Так и получилось. Старуха с болезненным лицом, усталая, еле передвигая ноги, вошла в дом и уселась на циновку. Старик помолчал, и говорит старухе:

– Дочь свою отдели от нас. Для нее чум отдельный поставь. Пусть тоже испытает счастье, – тут поглядел он на старуху внимательно и добавил. – Вижу, совсем ты бледной и немощной стала, – ладно, сам установлю чум. А ты отдыхай.

После этих слов старик запряг убитанных оленей и, отъехав на расстояние тридцати бросков аркана, поставил чум для младшей дочери старухи. Затем, не заходя к ней, тут же заторопился домой.

И опять стали они дальше жить и поживать. На следующий день старуха, когда еще не взошла утренняя заря, говорит старику:

– К дочери моей езжай. Тоже подарков хочу. Небось больше, чем у твоей дочери. Во мне все это видела.

Старик запряг оленей и поехал к дочери старухи. Приехал к чуму, вошел, – а на постели только кости валяются от старухиной дочери. Пожалел старик девушку, слезы ручьем потекли по лицу. И тут услышал ниоткуда чей-то посторонний голос.

– К ней тоже приходил мужчина-жених свататься. Но она слишком большой калым запросила. Стадо оленей, семь нарт белых песцов и три мешка черно-бурых лисиц. А для свадьбы затребовала соболиную шубу и шапку из горностаю. И еще захотела, чтобы около чума выросли три избушки, заполненные жирными осетрами, вкусными нельмами, одна – связками горностаевых шкурок. А ведь горностаю у ханты – зверек священный. Нельзя его обижать. Вот духи и обиделись, послали жадного, злого черта, который и сожрал ее до косточек.

Старик, опечаленный такой вестью, отправился к дому. Пел по дороге горькие песни. А порою и плакал.

Услышала старуха заунывное пение, громкий плач старика, все поняла и тоже завывала в голос от такого горя. Чтобы остановить крик, бросилась она к костру, схватила полную горсть горящих углей и мигом проглотила. Еле-еле выздоровела она потом, но на всю жизнь так и осталась калекой. Вот к чему приводит жадность.

ГЛУХАРЬ

На Севере однажды долго стояли зимние морозы. Тяжело стало четвероногим зверям и двукрылым птицам. Нелегко стало и черному глухарю, чуть-чуть не замерз.

Миновала зима. Наступила теплая весна. На север потянулись стаи белых лебедей. Разнообразные крики наполнили густой лес, залитые водой луга и особенно разлившиеся широкие озера. Черный глухарь подробно рассказывал лебедям, как он перенес коварную морозную зиму. Услышав такое, все лебеди не на шутку перепугались. Но испуг длился недолго: ведь на юге они имели хорошее теплое место, где хорошо можно было перенести зиму.

А глухарь, видя, как лебеди всю кличут и веселятся, тоже стал забывать прошедшую морозную зиму.

Но через некоторое время трава стала сохнуть, солнце стало меньше дарить тепла земле.

Приближалась осень. Лебеди стали собираться в стаи, чтобы улететь в свои теплые края.

– А мне что делать? – осторожно спросил глухарь. – Здесь я замерзну. Нет, я, пожалуй, здесь не останусь. Я с вами полечу.

– Куда тебе, тяжеловесу, – ответили лебеди. – Дорога длинная и нелегкая – не сможешь одолеть. Живя в лесу, ты мало летаешь, не привык к дальним перелетам. А нам, ох, как долго лететь надо.

Услышав такие оскорбительные слова, глухарь заплакал.

– Возьмите меня с собой, – просит глухарь. – Может быть, от вас не отстану. А здесь, на Севере, я наверняка замерзну.

– Что делать? – задумались лебеди. – Жалко его одного оставлять. Да и состарился он. Но и дорога долгая и нелегкая.

Тут один лебедь заговорил:

– Может быть, попробуем взять с собой. Может, перелет одолеем. На всякий случай ремень с собой прихватим. Один конец ухватим своим ртом, а другой к нему привяжем.

Глухарь, услышав такое предложение, обрадовался, на душе теплее стало. И вот стая лебедей поднялась в воздух. Над многовековой тайгой,

широкими реками и озерами летят. Красивые кусты смородины, высокие осины, широколапистые ели, позолоченные березы – все словно стает лебедей руками на прощание машут. И словно добрую хорошую дорогу желали: «До свидания, лебеди! До свидания, белокрылые!»

Летят лебеди и тащат за собой привязанного к ним глухаря. А глухарь, бедняга, устал, еле крыльями машет.

– Что, устал? – спрашивает его лебедь.

– Нет пока, – еле-еле дыша отвечает глухарь.

Летят-летят лебеди и, наконец, сели отдохнуть. Глухарь очень устал, зашел в береговую рощу, закрыл глаза и тут же уснул.

А лебеди, передохнув, в дальнейший полет стали собираться.

И один из лебедей говорит:

– Слышишь, глухарь. На зиму, пожалуй, здесь останься. На дальний путь сил у тебя не хватит. Пройдет зима, и мы опять прилетим. Только, чтобы не было холодно, я тебя перьями своими согрею.

Вырвал лебедь с себя десять перьев и воткнул их в тело глухаря. Притих глухарь, ничего не говорит, ибо понял, что сил одолеть такую долгую дорогу у него не хватит.

А лебеди взмахнули крыльями, поднялись ввысь и дальше к югу полетели. А глухарь еще долго смотрел им вслед. Глядит, а из глаз слезы ручьями текут. Он так долго плакал, что глаза кровью налились. До весны глухарь прожил, не замерз. Наверное, зима теплее была, да и он от холода научился прятаться. Зачастую зарывался в снег. С тех пор у глухаря брови стали красные, такими же стали и ресницы. А на крыльях белые перья появились.

ТЯСОГУЗКА И МЫШКА

На берегах многоводной Оби, на кедровом мысу, который далеко вдавался в реку, жили-были юркая трясогузка и маленькая мышка. Трясогузка постоянно хвасталась тем, что она имеет такую дочку, красота которой ослепляет все живое на расстоянии полета гоночной стрелы. У маленького мышонка было много шустрых сыновей. А их всех надо было досыта ежедневно кормить. Думала-думала мышка и решила самого крупного сына сосватать к трясогузке. Долго отнекивалась трясогузка – все же остаться в тайге без надежной опоры – не дело – но, подумав, дала в невестки единственную дочь. Долго после этого горевала трясогузка – ни еда в рот не шла, ни воды пить не хотелось.

В один прекрасный солнечный день мышка с сыновьями отправилась рыбачить на многоводную Обь, богатую всякой рыбой, а трясогузка осталась ловить речную рыбу возле дома в своих родовых угодьях, где тоже много водилось всякой живности.

Придя на берег реки, мышка с сыновьями начала сушить и вялить рыбу, изготавлила также питательный жир из разнообразной обской рыбы.

Трясогузка тоже не сидела без дела. Она тоже готовила запасы из речной рыбы. Быстро пролетели теплые летние дни, кончился сезон рыбалки на Оби. Мышка с сыновьями с богатой добычей вернулась домой и говорит трясогузке:

– Давай сначала съедим твою речную рыбу, она не очень-то жирная, малопитательная, а мою, обскую рыбу, так и лоснящуюся жиром, оставим на потом, когда наступят тяжелые голодные времена.

Согласилась с радостью трясогузка на такое разумное предложение. Мышка со всем своим семейством накинулись на запасы трясогузки, съели всю речную рыбу, особенно полакомились жировыми отложениями животных сырка и пыжьяна.

Теперь настала очередь съесть обскую рыбу мышек и, особенно, жирную печень, кишки. Мышка села спиной к трясогузке и тайком от всех стала есть обскую рыбу, а трясогузку своей рыбой не угощает. Рассердилась тогда трясогузка и напомнила мышке: «Мы же сообща договари-

вались съесть вначале речную рыбу, а потом обскую. А вы одни едите рыбу, а меня не угощаете, как будто меня нет?» – закончила сердито свой разговор трясогузка.

Мышка тогда схватила тонкий сучок лиственницы и ударила со злости трясогузку. С тех пор у трясогузки на всю жизнь остались синяки под глазами и на подбородке. Там, где у трясогузки синяки были, сейчас растут черные перья.

Выбирая друга, будь осмотрительным.

СОН

Жили-были муж да жена со своими детьми. Однажды в их доме кончилась еда, и отец отправился в лес на охоту. Долго он бродил с собакой по лесу, пока совсем не стемнело. Тогда уставший мужик решил заночевать в густом лесу. Развел мужик у своего ночлега костер и повесил над ним железный котелок с водой. Вдруг вода из котла вся вытекла, и костер погас. Начал он снова разводить костер, да и заснул от усталости.

И снится ему сон, будто появились на верхушках сосен два высоких-превысоких человека. Они и спрашивают мужика: «Что с тобой, мужик? Ведь ты был не бедным оленеводом, а теперь до того обеднел, что железный котелок и тот износился. Послушай, что мы тебе посоветуем. Когда проснешься, попей горячей водицы и отправляйся домой. Когда пойдешь обратно, твоя собака найдет дикого оленя, убитого росомахой». Вскоре два высоких человека исчезли на верхушках высоких сосен.

Проснулся мужик, попил горячей воды и вправду решил отправиться в обратный путь, как ему во сне сказали. Когда он кипятил воду, то из котла вода больше не вытекала. Котелок оказался совсем целым. Прошел мужик немного и видит, что собака и вправду нашла оленя, убитого росомахой. Мясо было жирное и свежее, он положил его на охотничьи саночки и двинулся дальше. Мужик подумал, что сон оказался каким-то вещим. Еще немного прошел, собака нашла черного соболя. Убил он этого соболя и заторопился домой. Мясо оленя они съели, а с пушистого соболя шкуру он снял, высушил и сдал в магазин. Мужик за шкурку соболя получил много денег, купил продуктов и поехал из деревни в лесную избушку. И с тех пор они с женой живут-поживают и добра наживают.

РУКАВ

Жили-были старик со старухой одни в лесной избушке. Недалеко от покосившейся избушки старик поставил на маленькой речушке гымгу для ловли рыбы. Каждое утро он спозаранку уходил проверять гымгу.

В этот день старик тоже собрался идти. Отошел немного от избушки и увидел тонущего в болоте мужика. Мужик-великан поднял на одно плечо целого лося, а на другое – целого оленя. Старик уже хотел помочь ему в беде, но мужик говорит: «Сходи, позови мою жену. Дойдешь до конца болота, увидишь большой дом под старыми огромными лиственницами. Это и будет мой дом».

Быстрыми шагами старик дошел до конца болота и увидел, как сказал тот мужик, большой дом под старыми лиственницами. Стены дома снаружи были обклеены лосиными шкурами. Вошел он в дом и видит длиннокосую женщину, которая что-то шила из звериных шкур. Она одной ногой покачивала железную люльку, в которой лежал большой ребенок. Старик сказал женщине, что ее муж в болоте тонет и просил прийти на помощь.

Она быстро собралась. Выходя из дома, наказала, чтоб старик присмотрел за ее ребенком.

Как только длиннокосая женщина вышла, большой ребенок стал сильно плакать и проситься, чтобы помогли ему встать в люльке. От его резких движений и нескончаемых всхлипов даже железные цепи зазвенели.

Старик очень испугался и подумал: «Если этот ребенок встанет, может наделать что-нибудь и случится беда. Надо скорей бежать отсюда». И убежал, а ребенок остался без присмотра.

Как только немного отошел от дома, встретил того мужика, который тонул в болоте, и его жену. Муж-великан легко нес на плече целого тяжелого лося, а его жена – упитанного оленя. Жена великана обратилась к старику: «Ты зачем оставил нашего ребенка, ведь я просила присмотреть до нашего прихода. За твои труды я тебе приготовила подарок».

И пошли они все вместе к дому. Жена великана оторвала у мужа

рукав гуся и отдала старику. Рукав этот был такой большой, что он еле привез его на пятиножной нарточке в свою избушку. Старик рассказал старухе про свое необычное приключение с великанами. Рукав гуся был такой величины, что старик сшил себе теплую малицу, а старуха – ягушку. И сейчас старик со старухой живут-поживают и вспоминают о лесных великанах, которые сделали такой щедрый подарок.

ЛЕСНАЯ ЖЕНЩИНА

Давным-давно это было. За это время, может, тысяча, может, сто тысяч звезд прокатились на своих ходких лыжах по высокому небосводу.

В ту далекую пору один мужчина жил в глухой тайге и добывал себе ценных соболей. Лесные духи не имели на него зла, и его серканы (ловушки) редко обходили стороной осторожные проворные и умные зверьки. И его мешок, сплетенный из стеблей осенней травы, при возвращении домой всегда был заполнен соболями.

Однажды в его ловушку попал белошейей зверек. Придя домой, в бревенчатой избушке освежевал соболя, а тушку стал жарить на костре. Повернет то на один, то на другой бок. И вдруг тушка соболя неожиданно зашевелилась, а затем и затрепетала. Мужчина от неожиданности чуть не выронил маленькую тушку в жаркий костер. Он отодвинулся от костра и внимательно прислушался. И тут он явственно уловил своим чутким ухом, что где-то далеко-далеко доносится голос лесной женщины, который постепенно приближался к дому.

Тут он крикнул своему верному охотничьему псу: «Кыч! Ко мне», – и дальше стал жарить тушку соболя. И тут тушка опять затрепетала, а голос лесной женщины стал слышен еще ближе к дому. Мужчина отложил соболя на лежавшие около костра дрова и вышел на улицу.

Недолго подумав, он быстро соорудил около своего дома небольшой получум, а с обратной стороны его постелил еловые ветви. А сам уселся меж двух пней. А лесная женщина была уже совсем рядом и вскоре подошла к куче сухих дров, лежавших около избушки. Тут она рассмеялась так громко, что казалось у толстой березы сдирали шершавую кору.

После этого лесная женщина подошла к мужчине и стала его сильно щекотать. То подмышку, то пупок, то, наконец, пятки ног. Долго щекотала она. За это время, пожалуй, чайник бы успел вскипеть, уха из жирного осетра успела бы свариться.

Щекотала, щекотала она мужчину, а он так и не рассмеялся. А у женщины по лицу даже пот маленькими ручейками потек. Наконец, наверное, устав, она с досады произнесла:

– Крепкий орешек достался мне. Сдается мне, что тебя мне не одолеть.

Уставши, она уселась рядом с ним и из нарубленных сухих дров разожгла костер. Затем она сняла с ног свои разузоренные кисы, вмиг вытащила стельки и бросила в огонь. Костер вспыхнул с новой силой, а искры стрельнули в разные стороны, что казалось, разлетались стаи куропаток.

Лесная женщина громче прежнего рассмеялась и похвасталась:

– Смотри, человек, какую колдовскую силу имею. Куда тебе до меня!

В ответ на это мужчина тоже сдернул с ног своих кисы, вытащил стельки из сухого пырея и тоже бросил в огонь. Костер тут же вспыхнул, да с такой силой, что, казалось, загремел гром. Мужчина взглянул на нее и тоже с бравадой сказал:

– Гляди, женщина, да уши наостри. По-моему я тоже немалую силу имею.

А костер пел на все голоса, и этот шум и гвалт словно приподняли священную землю и высокое голубое небо.

Тут женщина мигом сгребла щепки, которые лежали рядом с дровами, и бросила их в костер. Огонь мигом, словно жадным халеем, хватающим мальков, проглотил этот мусор.

На этот раз, к удивлению мужчины, не было слышно ни треска, ни малейшего шума. Затем лесная женщина обернулась к мужчине и сказала:

– Мы, оказывается, оба имеем потустороннюю неведомую силу.

Здесь она погладила свои растрепанные черные волосы и продолжила:

– Коль так, то я сама к тебе пойду. Тогда никакая колдовская сила нас не одолеет.

Следуя за женщиной, она незаметно для посторонних глаз вошла в его бревенчатую избушку. И зажили они вместе. Прошла ни одна неделя, ни один месяц. И вскоре люди, проходившие рядом с жильем мужчины, слышали, что в избушке плачет ребенок. Люди, разумеется, удивлялись:

– Как же так?! В избушке живет одинокий мужчина... Откуда ребенку быть?

И люди, захватив с собой еду, зашли в дом мужчины и там увидели женщину, качающую берестяную люльку.

Люди, зашедшие в избушку, стали вытрясать из своих мешков жирных осетров, черных глухарей и белых куропаток.

Женщина, увидев обильную пищу, сказала так:

– О люди! Спасибо за внимание ко мне. Только все то, что вы доставили мне, я за еду не считаю. Мы едим только то, что человек роняет меж пальцев, когда он кушает.

Люди, ошарашенные ее ответом, сказали:

– Ну что ж. Тогда живите так, как вы хотите. Мы вам мешать не будем.

Вечером все жители селенья уснули. Перед сном один старик, выйдя из своего дома, находившегося рядом с их жилищем, увидел лесную женщину, которая вскоре превратилась в собаку. Она подошла к куче мусора, принялась и стала грызть кости, которые люди выбрасывали на улицу.

– Так вот в чем дело! – удивился старик. – Ты оказывается не человек. Неплохо было бы мне занять тебя.

Тут старик незаметно подкрался к собаке и накинул на ее горло кожаный аркан. Изловив собаку, он привел ее к своему дому, а позднее приручил.

Так у народа ханты появилась собака, которая в дальнейшем стала его верным помощником и другом.

БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

Давным-давно в семи краях земли, в семи краях воды жил богатый человек, звали его Порака. Рядом с его жилищем, построенным из отборной лиственницы, бедняк шалаш себе поставил. Звали его Максям.

Плохо жил Максям. Еле перебивался с едой, даже хорошей малицы не было, чтобы надеть на себя. Ежедневно мучался, так и жил. К богатому человеку Порака стеснялся идти за помощью. Богатый Порака тоже к бедняку не показывался, старался избегать его.

В один вечер бедняк Максям говорит своей жене:

– Рано утром пойду в лес на охоту. Приготовь мне юколы, берестяной ковш, травы для курения и спичек.

Жена все сделала так, как просил муж.

Рано утром Максям заторопился в лес. Быстро оделся, юколу, траву для курения, берестяной ковшик, спички, аккуратно уложив в мешок, прихватил.

И пошел вниз по реке. Шел, шел и видит – лед треснул, вода темнеет. От воды пар клубами валит. Остановился Максям напротив трещины, где берег был повыше. В ноздри ягоды брусники затолкал и лег.

В это время туда старый шовар-заяц пришел. Долго ходил кругом, быстро бегал, разглядывал окрестность и потом стал кричать:

– Тальниковые зайцы, бегите сюда! Определим, отчего старик умер. Ельниковые зайцы, скорее ко мне неситесь! Березниковые зайцы, все бегите сюда! Дедушка-бедняк умер.

Зайцы мигом прибежали к нему. Стали смотреть и определять, отчего умер старик.

Самый старый шовар-заяц говорит:

– Если сказать, что умер от голоду, то у него юкола с собой есть; если сказать, что от холоду, – есть у него спички с собой; если подумать, что пить хотел, – есть у него берестяной ковш. Думаю, надо пойти к старухе его и сказать об этом.

Старый шовар-заяц побежал старухе рассказать обо всем.

Старуха, внимательно выслушав, не поверила. Так отвечает:

– Утром совсем здоровый был. Как можно без причин умереть? Наверно, вы сами убили его, принесите старика ко мне.

Старый шовар-заяц побежал. Стал звать всех зайцев – тальниковых, ельниковых, березняковых. Прибежало много зайцев. Все хотят старика тащить. Кто за ногу уцепился, кто за руку, некоторые в бороду вцепились, кто-то за ухо. Все тащат старика Максяма домой. Притащили прямо к шалашу.

Тут старуха навстречу выбегает. Кричит так:

– Несите его сюда, заходите все в шалаш, сейчас ветер холодный подует, надо кругом плотно закрываться.

Все зайцы в шалаш забежали. Тут старик Максям поднялся на ноги и стал зайцев бить. Всех зайцев убил, кроме одного, самого старого, который успел убежать. Тот заяц был белым, крупным и полным. Старуха сама хотела его убить кочергой, да промахнулась. Ударила его по уху. Ухо стало черное. Максям рассердился и говорит старухе:

– Зачем выпустила, теперь все зайцы узнают о нашем побоище.

Весь вечер Максям со старухой потрошили, шкуры обдирали, варили мясо. Много наварили. Тогда старик говорит:

– Иди, старуха, позови богатого в гости.

Пришел Порака, поглядел, сколько зайцев убил бедняк Максям и очень удивился:

– Максям, где ты столько зайцев убил?

Максям отвечает:

– Ходил в лес, шел по реке, там увидел – лед треснул, вода темнеет. От воды пар идет. Как раз напротив трещины остановился. Там берег повыше. Затолкал в ноздрю бруснику и лег.

Максям рассказал все, как было. А Порака жадный был. Пришел домой и говорит своей жене:

– Много зайцев убил бедняк. Мы должны убить еще больше. Готовь мне юколы, брусники, ковш из бересты, коробку спичек. Рано утром пойду в лес.

Как сказал, все жена сделала. Рано утром Порака торопился в лес идти. Быстро оделся. Захватил все необходимое и за пояс заткнул. Пошел по реке. Шел, шел. То место, где лед треснул, нашел. Лег на берегу, бруснику в ноздри затолкал, лежит тихо.

Прибежал к нему один заяц, бегал кругом, смотрел долго, потом стал кричать:

– Тальниковые зайцы, бегите сюда! Посмотрим, отчего старик умер. Ельниковые зайцы, скорее бегите сюда. Березниковые зайцы, все бегите сюда! Богатый старик Порака умер.

Все зайцы прибежали. Стали смотреть, отчего Порака умер. Один заяц так говорит:

– Если сказать, что от голоду, то у него юкола есть с собой; если сказать, что от холоду – есть у него спички с собой; если подумать, что пить хотел, от жажды умер, – есть у него берестяной ковш. Надо пойти старухе сказать.

Тот заяц пошел, старухе стал рассказывать.

Она рассердилась и говорит так:

– Вы, наверное, сами убили его. Если сами не убивали, то принесите сюда старика.

Тот заяц побежал в лес. Стал звать всех зайцев – тальниковых, ельниковых, березняковых. Все зайцы прибежали. Все хотят старика тащить. Облепили старика со всех сторон. Только хотели поднять, вдруг бежит заяц с черным ухом и говорит:

– Зайцы, не тащите его. Он хочет убить всех нас. Я знаю!

Зайцы стали убегать прочь. Порака рассердился, встал, начал их бить. Успел поймать только двух зайцев, другие убежали.

Порака пришел домой, чуть не плачет от злости и говорит:

– Бедняк Максям все это подстроил. Он научил зайцев. Меня чуть не убили. Еле жив остался. Хотели в реку сбросить.

Прошло сколько-то дней. Бедняк Максям со своей старухой съели все мясо. Кушать опять нечего. А к богатому идти страшно. Рассердился на него Порака. Старые долги припомнил, все подсчитал, последнее забрать хочет.

Бедняк Максям долго думал, как быть, как жить. В один вечер он говорит жене:

– Приготовь мне, старуха, кедровой смолы побольше. Надо клей сделать. Завтра пойду в лес.

Так и сделали, много клею наварили. Рано утром бедняк Максям оделся и ушел в лес.

Там увидел большое высокое дерево. Много птиц на ветки садилось. Те птицы, испугавшись, улетели, когда бедняк Максям близко подошел. Залез он на дерево. Спускаясь вниз, мазал клеем сучки, пока на землю не ступил. Потом закричал, засвистел, чтобы все птицы слетелись.

Прилетело много птиц. Садясь на дерево, не могли оторваться – прилипли. Много птиц прилепилось, как комары облепились кругом. Бедняк Максям отклеивал птиц, в мешок складывал. Сложил и домой принес.

Обрадовалась старуха, стала перья ощипывать, суп варить. Тогда бедняк Максям сказал:

– Иди, старуха, позови богатого в гости.

Позвали богатого. Пришел Порака, сел кушать и говорит:

– Бедняк Максям! Где же столько птиц поймал?

Тот рассказал все как было.

Тогда богач Порака пошел домой и говорит жене:

– Бедняк много птиц поймал, мы должны еще больше поймать. Приготовь мне клей. Завтра утром в лес пойду.

Так и сделали, как говорилось. Порака ушел в лес.

Там увидел большое высокое дерево. Много птиц на ветках сидело. Испугавшись, птицы улетели, тогда богатый подошел близко. Порака стал дерево клеем мазать. Сам мажет, сам вверх лезет, все время поднимается и мажет клеем дерево. Так вымазал и хочет вниз спуститься, но ничего не выходит. Сам крепко прилип, не может спуститься. Стал кричать, зовет свою старуху:

– Старуха! Иди отклеивай меня, я прилип к дереву!

Прибежала старуха, залезла на дерево, тоже прилипла. Тогда собаку стали звать – чтобы помогла:

– Нявар! Нявар! Иди отклеивай нас, мы прилипли.

Прибежала собака Нявар. Прибежав, с разбегу прыгнула на дерево, а оторваться не может. Порака выше всех сидит, немножко пониже прилепилась его старуха, а внизу – собака. Все трое прилипли.

Стал Порака звать на помощь бедняка Максяма.

– Эй, Максям! Иди сюда. Выручай нас. Мы прилипли.

Максям услышал, смеяться стал и так говорит:

– Оставайся, богач Порака, на дереве. Ты богатый был, ты мне жить не давал, только долги мои подсчитывал. Оставайся на дереве. Ты все большего хотел, теперь ничего не надо.

Так богач Порака остался на дереве, и его старуха осталась там же, и его собака, наверное, тоже осталась на дереве.

Все там засохли, в круглые шишки, наросты превратились. С тех пор на больших деревьях растут наросты.

МУДРАЯ СТАРУХА И ЛЕСНОЙ РАЗБОЙНИК

1

Многие века назад, – может, тысячу, а может, и еще больше, на мысу Елта Пухал (Мыс Горла), далеко вдававшемся в разлив Ханты-Питлярского сора, жили старик со старухой. Жили они в своем бревенчатом доме, ладно построенном из отборной лиственницы.

Старик ставил на каменном обрывистом берегу слопцы на глухарей, на излюбленных тропах искусно настраивал упругие луки-самострелы на лесную дичь – зайцев, лисиц и оленей. Лесные духи не держали на него зла. Каждый раз, осмотрев ловушки, он приходил домой со связками горбоносых глухарей, а от стрел-самострелов редко уносили свои ноги хитрые лисицы, не говоря уже о глупых зайцах.

Осенью и зимой старик выставлял на берегу сора гимки, и в них всегда плескалась рыба – жирнобрюхие муксуны, мускулистые щекура и прыткие сырки. Словом, дел у старика и в дремучем лесу, и в водах многоводного сора хватало. Не тратила времени даром и старуха. Летом и осенью в щедрой пазухе тайги она собирала вдоволь ягод: сладкую морошку, вкусную чернику и кисловатую бруснику.

Каждодневная работа приносила свои плоды. Неподалеку от их бревенчатого дома, рядом с берегом, стояли три амбарчика, построенных из стволов отборного кедра. Один амбарчик был переполнен связками глухарей, тетеревов и рябчиков, висевшими на вешалах, а на полках лежало мясо жирных оленей, разрезанное на куски.

Во втором амбарчике хранилась вяленая и соленая рыба, которой хватало на долгую зиму. В третьем амбарчике на вешалах висели шкуры лисиц, песцов и зайцев, а на полу пузатые корыта, умело выдолбленные стариком из стволов толстой сосны, были полны лесной ягодой – черной смородиной, красной брусникой, сладкой морошкой и черникой.

Так и жили старик со старухой, не испытывая нужды в еде. А что еще им надо было для житья-бытья? Но только тропа жизни никогда не бывает ровной и гладкой, как хорошо обструганная доска.

Беда пришла и в их маленький дом на берегу древнего священного Ханты-Питлярского сора.

В один из осенних дней, осмотрев свои ловушки, старик вернулся ни с чем. Все глухари, которые попались в слопцы, были кем-то вынуты. На песке остались только широкие следы чужого человека. Старик был раздосадован: за всю свою жизнь никто еще, кроме хищных зверей, не притрагивался к его добыче. Он старательно подправил тул (невысокую изгородь у ловушки) и вновь наострил слопцы. Но на следующий день случилось то же самое.

– Кой! – с досадой подумал старик. – Коль будет так каждый раз, то зимой совсем без мяса останусь. Надо что-то придумать.

Дома, – а до этого он ничего пока не говорил, – рассказал старик все своей старухе. Она в последнее время прибаловала, поэтому и не хотел он расстраивать ее раньше времени. Но знал старик о том, что обладает она талантом общения с всеильными духами, вот и решил поведать ей о своей тревоге.

Старуха несколько раз переспрашивала его о чужих следах: откуда шли и куда вели после таких разбойных дел. Она надолго задумалась, поглядывая в сторону священного угла дома, где в сундуке хранились добрые идола дома и, наконец, сказала:

– Пожалуй, старик, я покамлаю. Иначе неизвестный разбойник – человек ли, черт ли – действительно на долгую зиму без еды нас оставит.

Она расщепила тоненький ствол молодой березки и в узкую щель искусно ввела лезвие ножа, специально служившего для камлания. Затем уселась в сторону священного угла, накинула на голову специальный платок, предназначенный для камлания, и стала раскачивать ножик, прищемленный на стволике березки. Долго камлала она, обращалась к всезнающим земным, лесным и водным духам. Закончив, она вытерла платком вспотевшее лицо и с огорчением сказала старику:

– Слышишь, старик, это человек с плохим сердцем и жадной повадкой появился в наших спокойных краях. Он старый и почти одичалый. Живет только тем, что грабит добычу у честных охотников и рыбаков. – Старуха здесь ненадолго замолчала, взяла небольшую табакерку, заложила молотого табака за нижнюю губу и дальше заговорила. – Тяжело придется нам. Но руки опускать и ноги складывать не надо. Всеильные духи подсказали мне выход. Надо тебе, старик, все выставленные петли снять, все язычки от слопцов принести домой. Уложишь все это в мешок, сядешь в свою высоконосную колданку и отправишься на Еманг ут (священный лес). На берегу священного леса разведешь костер, принесешь

в жертву родившегося этой весной олененка. Орудия же лова прополощешь в ручейке, который течет от святого леса в сторону сора. – Старуха здесь опять надолго уставилась в сторону священного угла, где хранились родовые духи, и продолжила. – Коль добрые духи еще силу имеют, должны помочь. – И как бы, утверждая свою мысль, добавила: – Как не помогут! К кому еще за помощью нам обращаться!?

Старик, услышав вещие слова старухи, которые – а в этом он не сомневался – имели силу на расстоянии семи дневных переходов, на расстоянии семи поворотов многоводной Оби, стал тут же готовиться в важную дорогу.

Утром, только солнце на востоке выскочило белым оленем, старик погрузил в свою вместительную колданку молодого олененка, прихватил кусок осетрины, свежего муксуна, морошки и другой еды и тронулся в путь. Дорога ему была знакома. Он не раз наведывался к всемогущим духам Святого леса и до сегодняшнего дня всегда получал от них помощь.

Широкие лопасти кедровых гребней мощно взрывали воду, бурун под носом колданки вовсю журчал и пенился, словно там резвились проворные горностаи.

Семь раз старик вытирал пот с лица, семь раз посматривал в сторону Святого леса. И когда солнце подходило к полудню, лодка уткнулась в галечный берег. Три раза отвесив поклоны в глубь священной тайги, он со всем скарбом стал подниматься к кромке леса. Знал, что дальше подниматься не следует. Помнил и том, что здесь нельзя рубить ни одно растущее дерево. Быстро собрал сухой плавник на берегу и разжег жаркий костер. Заколол полугодовалого теленка, часть мяса опустил в котел, а часть оставил на свежатину. Во второй котел опустил жирные куски осетрины. Когда еда сварилась, он, наложив немного в деревянные плошки, поставил их поодаль от костра, чтобы угостить духов Святого леса, сказав при этом:

– Угощайтесь, невидимые мне люди и всемогущие духи! Что было в доме хорошего из еды, все вам принес. Только помогите мне, коль сможете. Злой разбойник стал ходить к моим ловушкам. Всю добычу забирает себе. Коль так будет и впредь, зимой ноги-руки со старухой протянем. Окажите мне помощь. Повернитесь ко мне своим лицом, поставьте надежную невидимую сеть разбойнику на его пути к моим ловушкам. – И, отвесив поклоны в сторону леса, продолжил: – Угощайтесь, всемогущие духи. А я пока в священную воду ручья опущу свои ловушки.

Тут старик встал, захватил с собой стрелы, язычки от слопцов и направился к ручью. Здесь он обильно освятил их холодными струями священного ручья.

Затем возвратился к костру, отведал вначале свежего мяса, затем вареного и, конечно, кусочки жирного осетра. Все, что не смог съесть, сложил аккуратно в разные кусты и оставил в качестве угощения всесильным духам святого леса.

Закончив свои дела, старик обождал, пока истлеют последние угольки костра, затем, уложив свои вещи в высоконосную колданку, тронулся в сторону дома.

Дома он до мельчайших подробностей рассказал старухе, как совершал обряд жертвоприношения на берегу Святого леса. И когда она услышала, что олененок, упавший от удара его топора, семь раз передернул своими передними и задними ногами, успокоилась окончательно:

– Кой, кой! Хорошая это примета, старик. Значит, всесильные духи Священного леса приняли нашу жертву. Значит, должны помочь нам.

2

На следующий день старик вновь выставил свои освященные петли и слопцы. Всю долгую осеннюю ночь почти не спал старик. Волновался – помогут ли всесильные духи? Он понимал: обнаглевший разбойник пойдет на все. Жадность ничто земное не остановит.

Утром, на скорую руку позавтракав, старик отправился осматривать свои ловушки.

И каково же было его удивление, когда увидел он у слопца придавленного черного глухаря. Не обошла лесная дичь и другие ловушки.

– Значит, услышали мою просьбу всесильные духи Святого леса. Значит, от чистого сердца и с добрыми мыслями приняли они мое угощение, – радовался старик. – Спасибо, спасибо! – И отвесил поклон в сторону Святого леса.

Уселся он на бугор, покрытый жухлой травой, и заложил за нижнюю губу молотого табаку.

Немного отдохнув, решил проверить: подходил ли к ловушкам одичавший человек-разбойник. Осмотрев землю у последнего слопца, где были придавлены сразу два глухаря, он сразу увидел на песке широкие чужие следы.

– Значит, опять приходил, – процедил сквозь зубы старик. – Привык, видать, ездить на чужом горбу, есть не свое. Скорее бы уж подавился!..

В это время стрельнуло у него в левом виске.

– Кой! – удивился испугавшийся старик. – Это не к добру. Значит, разбойник мне еще какую-нибудь пакость подложит. Кой! Кой! – Старик,

внимательно глядя под ноги, обошел слопец. Везде вокруг были видны следы чужого человека: разбойник несколько раз обошел ловушку, пытался приблизиться к добыче, но какая-то неведомая сила не давала ему подойти близко, удерживала на расстоянии. В некоторых местах разбойник резко отскакивал назад, словно натыкался на острые стрелы или кто-то тайком резко наносил ему хлесткий удар по лицу.

Старик, разгадав поведение разбойника, от радости чуть не подпрыгнул: «Конечно, это всемогущие духи Святого леса удерживали его на расстоянии от добычи. Это они протянули перед ним невидимую железную сеть. Спасибо, духи Святого леса. Спасибо». – И он еще три раза поклонился в сторону Святого мыса.

Так же вел себя разбойник у всех выставленных слопцов. Это старик заметил, когда возвращался с богатой добычей домой.

И опять у старика со старухой жизнь потекла прежним чередом. Достаток и счастье вернулись в их дом.

Старик, каждый раз осматривая свои ловушки, видел, как все больше негодовал и приходил в ярость лесной разбойник. Он от злости ломал ветки берез, осин и елей и швырял их в сторону слопцов, где лежала недоступная ему лакомая добыча.

– Кой!? – каждый раз в страхе недоумевал старик. – Совсем озверел. Того и гляди – до моего дома доберется, до моих амбаров. Разве такого разбойника удержит какая-нибудь сила?!

И опасения старика оказались верными. Он словно в воду глядел.

Однажды рано утром, когда солнце поднялось на высоту воткнутого хорея, в его дверь кто-то резко постучал. Старик открыл дверь, и в их дом нагло ввалился неведомый ему человек-страшилище.

– Это он! – мелькнуло в голове хозяина. – Человек-разбойник!..

Разбойник был, к удивлению старика, одет в приличную малицу и разукрашенные кисы. Но жадные от долгого недоедания глаза выдавали его.

Старик, как полагается по древним дедовским обычаям, накормил разбойника и стал с нетерпением дожидаться от незваного гостя разговора о цели его нежданного визита.

Пока разбойник кушал, – а в это время он снял свою малицу, – старик внимательно разглядывал его. Доброму и трудолюбивому старику было чему удивиться. Припухшие губы гостя потрескались, лохматые волосы были растрепаны, ногти на жилистых пальцах отрасли настолько, что напоминали маленькие лопаточки. Разбойник выглядел плотным и, несомненно, таил в себе немалую силу. Он, причмокивая губами, съел в сыром виде двух жирных свежих муксунов, целого вареного глухаря и

выпил пузатый чайник с чаем. Плотно наевшись, он отодвинул низкий столик и уселся на циновку, сплетенную из осеннего пырея.

Наконец он жадными глазами халей, увидевшего богатую добычу, взглянул на старика и заговорил:

– Дело важное есть у меня к тебе, – промолвил он. – Только ты сможешь мне помочь. Голод начал одолевать меня. Да и зима на пятки мне наступает. Вот-вот ухватится за руки и ноги. Звери и птицы стали избегать меня. А у тебя три амбарчика завалены богатой добычей. По старинным обычаям ваших дедов и бабушек надо бы поделиться с бедняком. – Тут разбойник ненадолго уставился на старика, словно пытался определить, какое действие произвели на того его нахальные слова, и продолжал: – Только я не буду насильно отбирать твое богатство. Игру проведем. Проиграешь – дашь мне оленя. Они у тебя за домом пасутся, и еще кое-что есть вдобавок. Еще раз останешься в дураках – глухарей отвалишь из своего амбарчика, рыбу вкусную, мехов, ягоды. Так и будем играть. Все честно сделаем, чтобы Бог на нас не обижался. Согласен?!

Наглые слова разбойника напугали старика Он, ошеломленный, не знал, что и ответить. Старик подумал: «Коль откажусь, то от меня и старухи, моего убогого дома и амбарчиков со всякой едой шерстинки не оставит. Вон какие у него руки – человека надвое разорвет. – Он вытер пот с лица и упрекнул себя. – Как я не додумался сказать слово всесильным духам Святого леса, чтобы оградили меня от обнаглевшего разбойника, чтобы он, как и к слопцам, не смог подойти к моему дому?»

Но тут же в его голову пришла другая мысль: «Ведь он смог бы подкараулить меня на любой дороге. Нет. Теперь надо как-то выкручиваться. А дальше посмотрим, сообразим что-нибудь». Придя к этой мысли, он облегченно вздохнул и спросил разбойника:

– А на что спорить-то?

– Для начала на оленя и две связки глухарей, что в твоём амбарчике.

«Все знает подлец, – подумал тут старик. – Не был в амбарчике, а все, что там есть, как ладонь свою читает. Кой! Пожалуй, он волшебством обладает. Тут надо крепко подумать. Но выхода нет. Что-то надо делать».

Переведя взгляд на свою старуху, которая незаметно подмигнула ему, старик, скрепя сердце, согласился.

Выйдя из дома и позвав на галечный берег, разбойник предложил ему, на первый взгляд, непростую задачу. Пришелец сгреб две кучи разноцветной гальки на расстоянии броска аркана друг от друга. По его условию, кто быстрее разложит камешки одного цвета в отдельные кучи, тот и победит.

Старику ничего не оставалось делать, как принять его предложение. А про себя он с облегчением подумал: «Все же я всю жизнь рыбачил. Не одну рыбу из сетей выпутал. По крайней мере, пальцы мои должны быть проворней. Да и глазами не обижен, – хорошо пока видят. Неужто не одолею паршивца?»

И необычное состязание началось. Старик, как мог, проворно отбрасывал камешки одного цвета в одну кучу, другого – в другую, третьего – в третью. Оставалось, наверное, разбросать около трех горстей камешков, как за спиной услышал хриплый голос разбойника:

– У меня давно все готово. Ноги уже устали, пока сзади тебя стою и слежу за твоими вялыми движениями. Пойдем, посмотрим. Прими мою работу.

Придя к кучкам камешков, аккуратно и точно разложенным разбойником, старик, как ни разглядывал, ни к чему не смог придраться. Все было сделано ладно и точно.

Старик почесал свои поседевшие волосы и подумал: «Он действительно волшебство имеет. Не мог он быстрее меня разложить камешки. Скорее всего, он глаза мои повернул в другую сторону (загипнотизировал). Да, только так».

– Ну что ж, старик, – захохотал тут разбойник, обнажив свои грязные и острые, как у волка, зубы. – Проиграл! А теперь – к амбарчику твоему. Две связки глухарей за тобой.

– Что ж поделаешь, – уныло ответил старик. – Игра есть игра. Слово мужчины тверже лиственницы.

Старик направился к амбарчику, стоявшему за обрывистом берегом, открыл дверцу и снял с вешал две тяжелые связки, где в каждой находилось до десятка глухарей.

Разбойник ловко закинул за плечи обе связки и быстро зашагал в сторону леса, прихватив по пути и одного оленя.

А старик, усталый, побрел к себе. Придя домой, все рассказал своей старухе. Та, глубоко вздохнув, ответила:

– Нелегко, пожалуй, старик, придется нам бороться с хитрым наглцом. Думаю, что он от нас и наших амбарчиков не отстанет. Могли бы, конечно, помочь всемогущие духи Святого леса. Но как тебе до этого места теперь добраться? Уверена, он за тобой следит и наверняка подкараулит. Тем более что он тоже обладает некоторым волшебством. Тут надо хорошо пораскинуть мозгами. Они нам для этого и подарены всевышним. Пожалуй, старик, попьем чаю, а затем я покамлаю. Нам надо обязательно разгадать его следующие шаги и мысли. Хоть и нелегко будет, думаю.

Полив крутого чаю, заваренного на березовой чаге, и, отодвинув низкий столик на положенное ему место, старуха уселась камлать. Но в это время резко распахнулась дверь, в дом опять ввалился разбойник и прохрипел:

– Опять я пришел. Мало показалось мне выигрышного. Да и зачем мне кушать только мясо глухарей и оленя? Надоест желудку. – Он облизнул свои мясистые потрескавшиеся губы и продолжил. – Уж больно вкусной показалась мне твоя свежая рыба. До сих пор губы облизываю. А у тебя целый амбарчик ею переполнен. Вот и поспорим на два корыта вяленого муксуна.

Старик пуще прежнего был напуган появлением непрошеного гостя и подумал: «Да, видно, он сильным волшебством обладает. Наш разговор на таком расстоянии слышит. Даже, наверное, наши мысли на расстоянии читает... Кой! – Тут он потер ладонью свой вспотевший лоб. – Коль так и дальше спор будет вести, он нас совсем разденет, голыми оставит. Надо бы время выиграть. Темноты дожидаться. Не то сегодня он и в третий раз заявится. Пожалуй, следует его накормить до отвала, солидные подарки преподнести. А пока он набивает свой желудок едой, мне следует обязательно успеть к священной могучей ели, стоящей за домом, прикрепить к ветке клык хозяина тайги – медведя. Пусть сот хоятпи ляль (зверь, имеющий силу ста лучинков) немного утихомирит его. А что делать? Наверху доска (небо), и внизу доска (земля). Куда деться мне и старухе?!»

Подумав об этом, старик немного успокоился. Сердце в груди застучало размеренней и спокойней. И стал он осуществлять задуманное.

– Ну что же, – заговорил старик. – Мысли ваши трудно обратно повернуть, как и воды могучей Оби. Я об этом еще во время первой встречи догадался. – Тут старик встал, снял с вешала на углу новую шкуру оленя, разостлал ее на циновке и любезно пригласил разбойника:

– Пусть сядет уважаемый гость. А я вас самой лучшей едой угощу. – И, повернувшись в сторону старушки, добавил: – Сходи-ка, хозяйка, в ближайший амбар и высочайшему гостю угощение принеси.

Старуха тут же необычно легко встала, накинула на голову платок и вышла на улицу. Вскоре возвратилась и тут же на низком столике стала готовить угощение. По незаметным знакам, поданным стариком, она старалась все делать медленно. Нож, которым она собиралась резать малосольную жирную нельму, она вначале медленно и аккуратно стала подтачивать бруском, хотя он и так всегда был острым. Затем она, не торопясь, разрежала куски нельмы, в отдельную чашку положила неж-

ной морошки, предварительно долго рассматривала каждую ягодку – не прилипла ли к ней какая-нибудь соринка. Надрезала аккуратно и кусок жирной грудинки оленя. Закончив сервировку столика, она придвинула его к разбойнику. А старик в это время встал и сказал:

– Кушайте, дорогой гость. Не стесняйтесь, – и, обернувшись к старухе, продолжил. – А теперь начинай ощипывать рябчиков. Да не скупись. Штук с десятков в котел опусти. А я пока дров на улице приготовлю и занесу. Хотя мясо рябчика и нежное, но разве в холодной воде сварится?

Сказав это, старик быстро вышел на улицу, прихватив с собой ремень, где были навешаны несколько медвежьих клыков.

На улице он для видимости набрал небольшую охапку нарубленного сушняка, занес домой и вновь вышел на улицу. Теперь он уже заторопился к Священной ели, где всегда проходили жертвоприношения: по случаю больших событий закалывали оленей. Во время трапезы выносили к этому месту и своих идолов, хранившихся в красном углу в сундуке.

На сей раз старик повесил к отдельному большому суку Священной ели свой ремень с медвежьими клыками и заговорил:

– О, Священная ель! Ты много раз приходила ко мне на помощь. И страшные болезни, и беды отводила в сторону, и удачу на промысле приносила. Помог и сейчас. Я по этому случаю жертвую самым важным: своим охотничьим ремнем с медвежьими клыками. Пусть дух сот хоятпи ляль заявится в мой дом и овладеет силой и разумом лесного разбойника. Пусть он сегодня больше не переступает порог моего дома. А завтра... я уж надумаю за ночь, как одолеть ненасытного разбойника. – И, отвесив три поклона высокой ели, старик направился в сторону дровяника, набрал полную охапку сухих березовых дров и вошел домой.

А лесной разбойник уже заканчивал трапезу.

Натопленная сухими дровами печь запела на все голоса, а в котле, наполненном рябчиками, забулькала вода. Старик, взглянув на быстро опустевший столик, сказал разбойнику:

– Зачем так торопитесь, высокий гость? До заката солнца еще не один котел успею сварить. Наедитесь.

– Успею еще, – хитровато ответил разбойник. – Надо вначале дело сделать. Спор разыграть. Пойдем-ка на берег. Возьмем из твоего амбарчика два корыта с ягодами. Одно с брусникой, другое – с черникой. Смешаем их вместе и вновь рассыплем на два корыта. И кто быстрее разложит в отдельные кучи бруснику и чернику, тот и выиграет.

Старику ничего не оставалось делать, как согласиться. Он забеспокоился: «Неужели духи Священной ели сот хоятпи ляль не могут уломать

разбойника? Кой! Хотя бы быстрее помогли выпроводить его и не пустили вновь в мой дом сегодня». И в это время у него стрельнул правый висок, что по древним хантыйским поверьям означает: все будет в порядке. Это несколько успокоило старика.

Они пришли к амбарчику, где хранились ягоды. Старик вынес два корыта: одно с брусникой, другое с черникой. Тут уже сам разбойник рассыпал на парусину оба корыта, старательно смешал ягоды и вновь разложил в корыта. Одно корыто отнес на расстояние броска аркана и поставил на парусину.

По отмашке его руки они начали раскладывать ягоды. В одну кучу – бруснику, в другую – чернику. Старик, когда не уходил на промысел, частенько собирал со своей старухой ягоды в лесу и имел немалую споровку в этом деле. И он не сомневался, что на этот раз выиграет. Дело, пожалуй, и шло к этому. Уже осталось перебрать около десятка ягодинок, и он от радости готов уже был закричать, но его опередил разбойник:

– Не радуйся раньше времени! – услышал старик хриплый голос за спиной. – У тебя осталось еще три ягодки. А я уже давно закончил. Мои старческие ноги устали стоять за твоей спиной. Не веришь, пойдем, посмотрим. Глазами своими убедись.

Придя на то место, где раскладывал ягоды разбойник, старик, как ни вглядывался в аккуратно разложенные кучи, стремясь найти подвох, ничего подозрительного не заметил. Отдельной кучей лежала брусника, и отдельной – черника.

– Да, – смахивая рукавом пот с лица, заговорил старик. – Опять ваша взяла. – А сам про себя подумал: «Не мог он этого так быстро сделать. Опять, конечно, заложил своим волшебством мои глаза». И, повернувшись к разбойнику, добавил: – Одолели меня. Сказанные слова обратно не вернешь. Значит, два корыта нельмы выиграли.

Подойдя к амбарчику, где хранилась рыба, старик с трудом вытащил оттуда два тяжелых корыта с соленой нельмой. А разбойник, прихватив их под мышки, словно не чувствуя тяжести, легко направился к дому старика.

В это время старуха уже накрыла низкий столик, где в деревянной плошке исходили паром сочные и нежные тушки рябчиков. Рядом с плошкой стояла деревянная чашка с аппетитным бульоном, который также исходил паром, приятно щекоча ноздри.

Разбойник, увидев чашку, хриплым и громким голосом наполнил дом:

– Ха-ха-ха! Разве из такой чашки пьют бульон? Налей-ка, хозяйка,

чашку повместительней. А то из твоего наперстка бульона даже на один глоток не хватит.

Старуха тут же исполнила его желание. После этого лесной разбойник уселся около низкого столика. Он, широко расширив свои глаза, жадно накиннулся на вареных рябчиков – одного за другим кидал их в свою ненасытную глотку. Слышался только резкий хруст от переламываемых его крепкими зубами костей. Звуки «мор, мор, мор» разносились по всему дому. Расправившись с рябчиками, лесной разбойник в один глоток выпил объемистую чашку бульона, а затем взял почерневший котел, приставил краем к оттопыренным губам и опустошил все его содержимое.

– Хорошо, хорошо! – сказал он, облизывая языком свои мясистые губы. – Кажется, живот чем-то слегка наполнил. – Затем взглянул на старика и добавил: – Пожалуй, я потихоньку направляюсь в лес. К месту моего отдыха. Ко сну что-то меня стало клонить. Надо и корыта с рыбой унести. Дойду до места и, пожалуй, до утра отосплюсь. Хорошо сегодня поработал. Ха-ха! А завтра видно будет, – и сонными, усталыми глазами взглянул на старика.

– Конечно, конечно. Так, так, – поддержал старик. – Пусть дойдут до места и отоспятся. Разве человек живет мыслями и делами одного дня!

Только старик произнес эти слова, как неожиданно со стороны запада прогрехотал гром. Не успел бы заложить трубку табаком, как грохот грома, еще более сильный, повторился.

Лесной разбойник, неожиданно отчего-то испугавшись, взглянул на улицу через узкое окошко, затянутое клееными в несколько слоев глухаринными зобами.

– Кажется, и гром торопит, – заволновался лесной разбойник. – Скоро и ливень хлынет, промочит еще.

И лесной разбойник встал, вышел на улицу, схватил под мышки два корыта с соленой нельмой и тяжелыми шагами направился к лесу.

Когда он скрылся в пазухе тайги, старик торопливо вошел в дом и сказал, обращаясь в пространство:

– Спасибо, духи Священной ели! Помогли! Спасибо клыки сот хоятпи ляль! Показали лесному паршивцу свою силу. Убрали его подальше от глаз. – Затем он обратился к старухе, убиравшей посуду и объедки с низкого столика. – Что будем дальше делать старуха? Ведь завтра он опять заявится. И конца этому не будет. Прикончит весь запас съестного на зиму. Да и до нас, пожалуй, доберется. О, святые духи!

Старуха, закончив уборку, отодвинула низкий столик на положенное место, долго молчала и, наконец, заговорила:

– Клыки сот хоятпи ляль, конечно, помогли. Вовремя вызвали гром. Не то остался бы он у нас ночевать. И мы были бы повязаны по рукам и ногам. А теперь-то я хоть в отсутствии его жадных людоедских глаз немного покамлаю. Надо, старик, волшебство с него снять. А это под силу только великому Лоху Мултаха Ики (самый великий дух в роду). Обращусь я к нему. Может, повернется он к нам.

– Попробуй, попробуй, старуха, – с облегчением поддержал старик. – Может, поможет. Плохого ему никогда не делали. Самой лучшей едой угощали. И всегда в первую очередь.

Тут старуха взяла свой шаманский нож, опять расколола лучину, заложила лезвие между двух распорок и начала камлать.

На этот раз длилось это дольше обычного. Старуха шептала какие-то невнятные слова, обращаясь к всесильному духу. Закончив камлание, она, вся вспотевшая, откинула платок, неторопливо вытерла пот с лица и сказала:

– Повернулся к нам Великий Лох. Снимет с паршивца-разбойника волшебство. Но не совсем. – Старуха надолго замолчала, словно приходя в себя после долгого общения с великим Лохом Мултаха Ики, и уже с облегчением добавила: – Он даже подсказал, как нам избавиться от надоевшего разбойника.

– И как же, и что же? – не удержавшись, перебил ее старик.

– Надо сегодня же заколоть одного оленя. Желудок его утром заполнить горячей кровью, смешанной с солью и молотым табаком. Все это закатать в прочную, обработанную кожу от шкуры оленя и крепко завязать сверху на твоём животе.

– Ну и что от этого!? – Не поняв мысли старухи, спросил старик. – Я же обожгусь!

– Ничего. К приходу лесного разбойника кровь слегка поостынет, не обожжешься.

– И что дальше буду делать? – недоумевал старик.

– А дальше... – Тут старуха загадочно улыбнулась и продолжила. – Дальше будет самое главное. Когда вновь придет лесной разбойник и позовет тебя на спор, ты скажешь, что у тебя несчастье. Мол, какой-то черт вселился в твой живот. Надо, мол, изгнать его. Не то и тебя, и его съест. А дальше... Тебе поможет твой сёхар (узкий, остро оточенный нож).

– Как, как! Разве я сумею его пырнуть! Он же все видит...

– Да не его, – засмеялась тут старуха. – А желудок оленя, привязанный к твоему животу. А чтобы разбойник ничего не заметил, к желудку осетровым клеем приклеим твою рубаху. И пырни только тогда, когда

он надавит на тебя, и глаза его окажутся совсем близко от желудка оленя. – Тут старуха слегка приподняла руку, давая понять, чтобы старик не перебивал ее, и продолжала: – Знаю, знаю. Ты хотел сказать, мол, лесной разбойник заметит нож. Это же все-таки не песчинка, не камешек, который можно упрятать в ладони. А ты возьми один из своих сѣхаров, укороти его в длину, скажем, с мизинец. Да и рукоятку ножа покорооче сделай. Тогда зажмешь в кулак, и он точно не заметит. – И она резко взглянула на него: – Дошло до твоей старой головы? А еще я приготовлю сбоку от порога корыто с водой, крепко сдобренной солью и молотым табаком. Сегодня же это сделаю.

– Кой! Кой! – похлопал тут старик ее по плечу. – До чего ж я недогадливый! До чего дурак! Теперь я все понял, старуха. – Он от радости забегал по дому, глядя свои поседевшие волосы и похлопывая ладонями щеки. – Все понял, старуха! Я пырну желудок оленя, и теплые струи крови брызнут в его лицо. А едкая кровь, смешанная с солью и молотым табаком, обожжет глаза разбойника. Уж тут-то... Я представляю старуха, что будет! Молодец, старуха! – И он похлопал ее по плечу.

Старик, необычно довольный, от радости тут же предложил приготовить на ужин жирную оленью грудинку, осетровую икру и малосольную нельму.

А сам тут же взял топор, охотничий нож, необходимую посуду и отправился колоть одного из оленей, которые постоянно паслись за его домом. До захода солнца они плотно поужинали, а затем приготовили все, чтобы достойно встретить непростого и не в меру обнаглевшего лесного разбойника.

3

Настало утро. Солнце поднялось над горизонтом на высоту средней лиственницы. Разбойник все не появлялся. Наконец, закаркали горластые вороны, зачирикали юркие воробьи, и в дом тяжело ввалился запыхавшийся гость. Словно оправдываясь, он сказал:

– Немного сегодня задержался. Уснул крепко. Но ничего. Времени хватит, – и он, устремив взгляд в сторону железной печки, продолжил: – Сегодня я не буду завтракать у тебя. Сразу приступим к делу. – Разбойник нагло расхаживал по комнате, чесал жилистыми пальцами лохматые волосы: – На этот раз поспорим на твой третий амбарчик. Там связки соболей, лисиц и песцов, полно ягод всех сортов, кедровых орехов. Ох, и вкусны они! А кто ж от сладостей отказывается?

Тут старик громко застонал и перебил его, еле выговаривая слова:

– Не до спора сегодня мне, высокий гость... Не знаю – останусь ли живой, да и вы тоже. Ведь он и в вас может вселиться.

– Что такое? Что случилось? – встревожился лесной разбойник.

– Беда нагрянула, высокий гость. Черт вселился в мой живот. Вчера... Сразу же после вашего ухода. Всю ночь не спал. Ой, ой! – опять застонал старик. – Съест он меня сейчас. Сожрет, – тяжело переведя дыхание, он еле шептал: – Это плохо, высокий гость. Он и в ваш живот может переселиться. Сон плохой видел. Ой, ой! – застонал старик, да так, что живот заходил у него ходуном. – Может, вы пощупаете мой живот? Придавите его крепко своими жилистыми руками и задушите нечистую силу. Черт, по-моему, из лесу заявился. Вы-то, пожалуй, знаете их всех по пальцам. Сметнете, как с ним расправиться.

– А если черт не из лесу? – подойдя вплотную к нему, спросил разбойник.

– Из лесу, из лесу, – вмешалась тут старуха. – Я во сне сегодня ночью видела. Он хочет угробить старика и завладеть его пожитками и всеми съестными припасами. Кой, высокий гость! Помогите избавиться от прожорливого черта!..

Лесной разбойник, уставившись своими холодными, пронизательными глазами на старушку, заморгал, словно пытаясь угадать, – не врет ли? Затем тяжело заходил по дому, да так, что под ним закрипели половицы. Резко остановился и быстро скинул с себя неблюевую малицу. После этого сильно потер свои шершавые ладони, уселся рядом со стариком и сказал:

– Попробую утихомирить его, коль говорите, что он лесной черт...

– Лесной, лесной, – убеждала его старуха. – Во сне видела.

– Коль лесной, – проскрипел разбойник зубами, – постараюсь его утихомирить. Разговор у меня с ними короткий.

Он уселся рядом со стариком. Откинул его теплую оленью ягушку, пытаясь обнажить живот, и тут же спросил:

– А что с рубахой! Она что – прилипла к животу?

– Это от пота, да и черт, кажется, притянул ее к себе, – ответил старик и тут же заорал во все горло. – Ой, ой! Больно, больно! Съест лесной черт скоро меня! Может, и вас тоже! Скорей, скорей, высокий гость! Утихомирьте его, утихомирьте! – Старик в это время тужился изо всех сил и явственно слышалось, как в надутым желудке оленя что-то булькало.

Разбойник осторожно приложил руку к животу и, ощутив необычное тепло, вначале оторопел, но затем, успокоившись, сказал:

– У тебя действительно весь живот горит.

– А я что говорил, высокий гость?! Разве попросту я буду молотить языком. Ой, ой, больно!

– Ну, ничего, – успокою я лесного чертика. Вычислю, где он прячется.

Разбойник стал старательно прощупывать желудок оленя, пытаясь определить место, где прячется лесной черт. И когда его рука дошла до низа живота, старик попросил сильно надавить на это место. А сам уже в кулаке крепко сжимал маленькую рукоять с коротким остро отточенным узким ножом.

– Давите, давите! – стонал старик. – По-моему, прижали вы его. Кажется, он уже вовсю бьется в животе. Хочет вырваться. Давите, давите. Посмотрите внимательно на больное место. Сами убедитесь.

Тут лесной разбойник прислонил голову к животу, видимо, пытаясь разглядеть это место, где, на его взгляд, трепыхался вселившийся черт.

В это время старик надул живот и изо всех сил молниеносным движением правой руки ножом пырнул желудок оленя. Теплые брызги оленьей крови, смешанные с солью и молотым табаком пришились точь-в-точь по глазам разбойника. Он заорал нечеловеческим голосом:

– Ой! Ой! Обожгли чем-то мои глаза. Обожгли! Все горит! Что делать? Помогите, помогите! – И разбойник широкой ладонью стал растирать свои обожженные глаза.

– Пойдемте, высокий гость, – сказала тут старуха, взяв его за руку. – У меня у порога стоит корыто со свежей и чистой водой. Промойте глаза, легче станет. – И она подвела его к корыту, заполненному почти ядовитой жидкостью.

Лесной разбойник несколько раз полными горстями обеих ладоней плеснул этой жидкости в глаза и заорал пуще прежнего:

– Ой! Ой! Не помогает, горит! К сору ведите! Тут недалеко, под горкой.

– Правильно, правильно, – поддержал его старик. – Недалеко тут до воды. Всего-то расстояния – с два броска аркана. Веди его старуха. Мне-то куда уж... Разве могу я встать...

Старуха, ухватив разбойника за грубые пальцы, повела его на берег сора. А он всю дорогу, пока спускались с горки, орал и корчился, сотрясая воздух своим нечеловеческим голосом. Придя на галечный берег, старуха сказала:

– Пришли. Прохладные воды сора у ног плещутся. Уж они-то обязательно помогут.

Разбойник стремительно нагнулся и окунул ладони в воду.

– Воду-то чувствую, – с некоторым облегчением сказал разбойник, – но ничего не вижу. Ой! Ой! Не вижу ничего. Сплошная темень...

– Окунитесь в живительную воду, все и пройдет, – уверяла старуха, – Вы вновь прозреете. Священные воды Ханты-Питлярского сора немалую силу имеют. – И она уже почти приказывала: – Что вы медлите, высокий гость! Подальше шагайте. В глубину! На мели одна муть. От нее только хуже будет глазам.

– Это верно, – простонал непрощенный гость. Постанывая от боли и цокая зубами, ринулся он подальше от берега. Он не переставал промывать водой ослепшие глаза. А старуха, стоя на берегу, покрикивала:

– Дальше, дальше от берега. Там вода свежее и чище. Там вода целебная. Можно и нырнуть слегка.

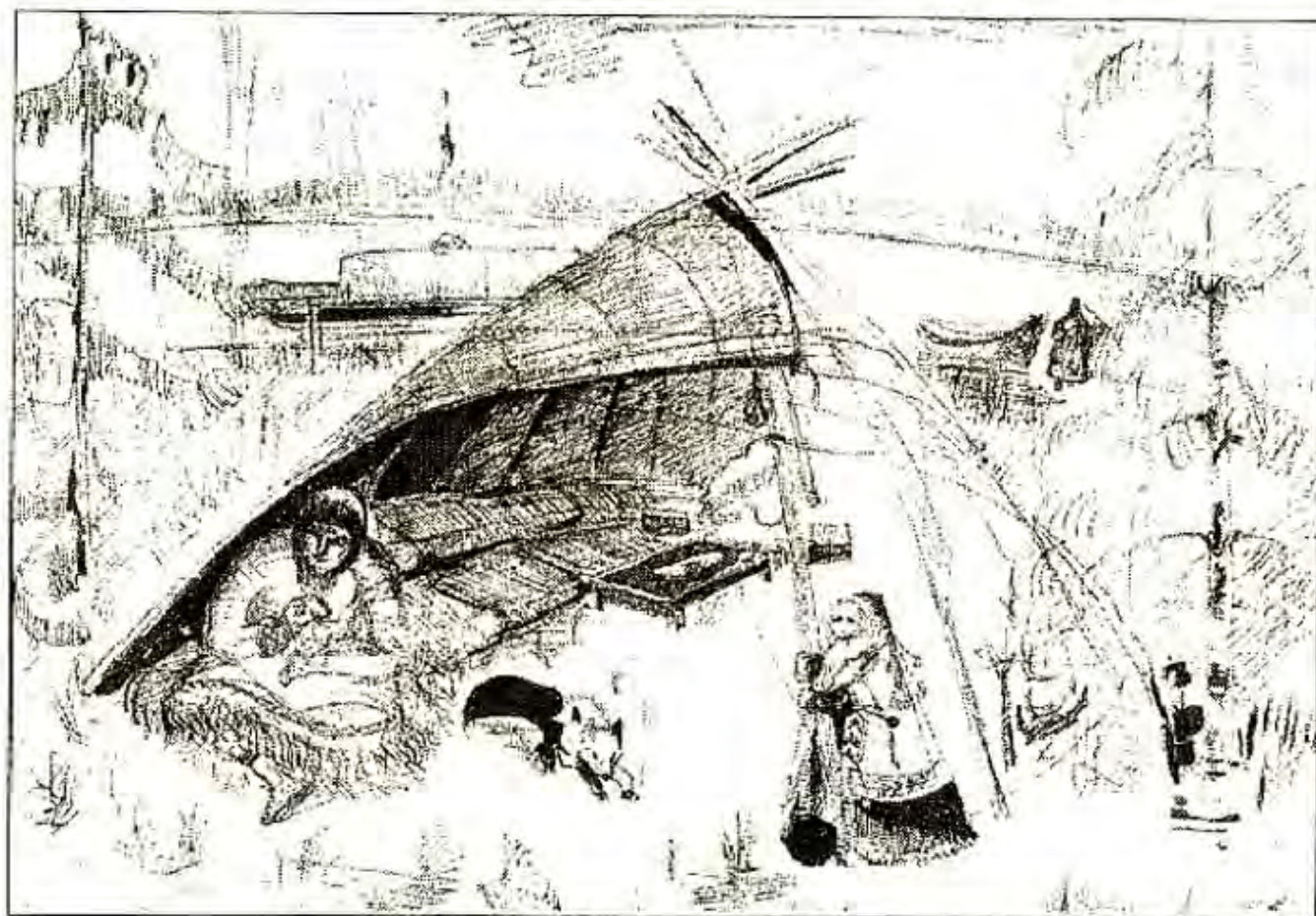
Она давала советы и знала, что скоро разбойник дойдет до обрыва на дне, где начинаются большая глубина и мощное вихревое течение. Так и случилось. Разбойник неожиданно во все горло, захлебываясь, надрывно завопил:

– Ой, ой! Тону, Тону! Уми-ра-ю! По-мо-ги-те-с-е!!!

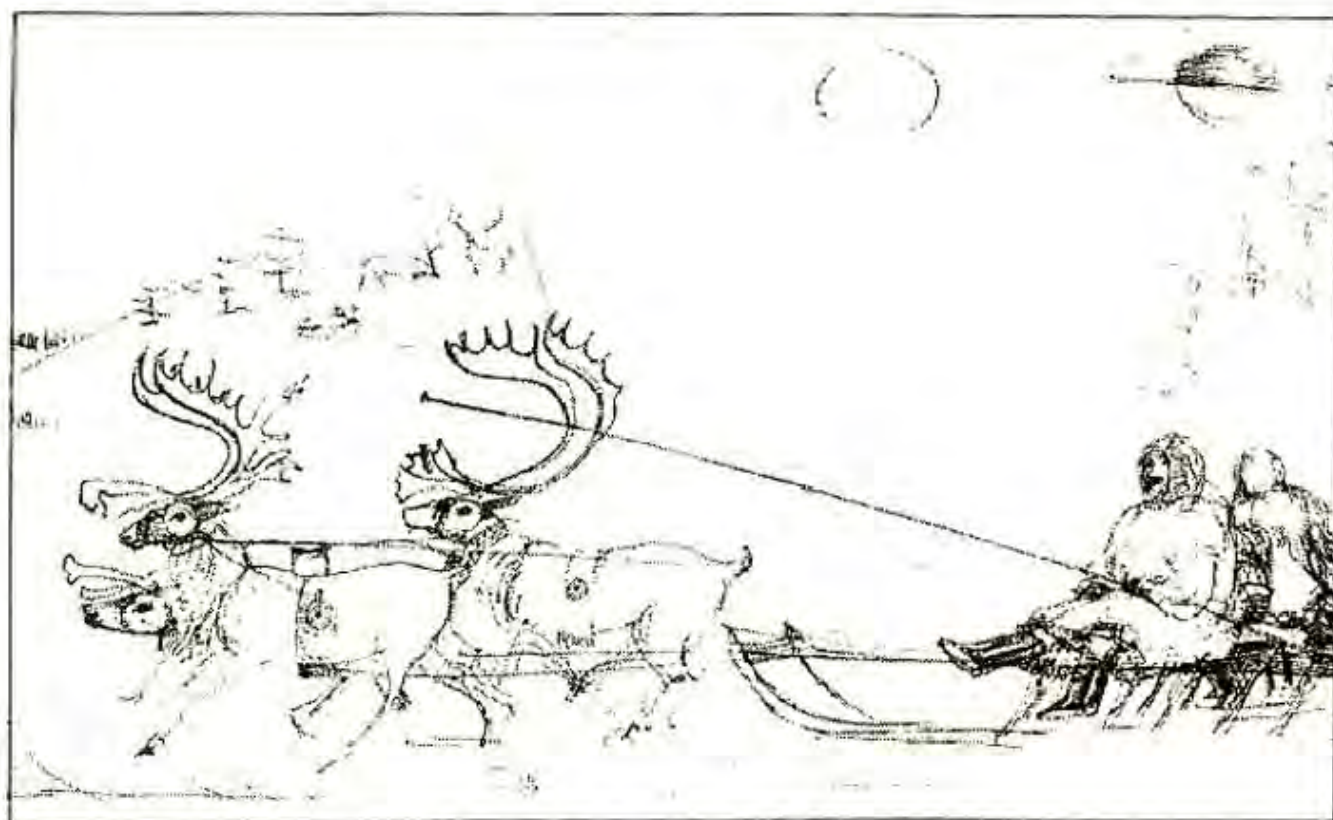
– Как бы не так, – услышала тут старуха за спиной голос старика, который уже успел прийти на берег. – Тебе только такой конец и полагается. Ты не человек и не зверь. Хуже! – И показал ему напоследок кукиш.

А лесной разбойник, так много приносивший неприятностей и горя людям, подхваченный крутящимися струями мощного течения, то нырял, то как рыба выпрыгивал из воды. И его уносило все дальше и дальше от берега, туда, откуда уже не могло быть возврата. Вскоре, в последний раз показавшись своей лохматой головой, навечно ушел он в глубокую пучину широкого Ханты-Питлярского сора.

Так ему и надо было. Недаром древняя заповедь гласит: «Всякий, кто приносит земле и людям зло, исчезает, как ветер, испаряется, как вода, исчезает навечно, как утонувший камень в глубокой воде».

У родного чума. Весна.

Зимняя дорога.

Перед дорогой. Стойбище.

У родного чума весна.

Катра хот (старый дом).

Вератты хар (место где работают мужчины).

Порлыты хар (священное место).

Сказки.

Встреча. Сыня.

Свадебный поезд.

Ун Лор (большое озеро). Ожидание.

Девушка сихиртя.

Йир (жертвоприношение на свадьбе).

Содержание

Н. ЦЫМБАЛИСТЕНКО. «МНОГО ДНЕЙ ПОЗАДИ, МНОГО ДЕЛ...»	4
---	---

ЛЕГЕНДЫ И МЫФЫ НАРОДА ХАНТЫ

ЛЕГЕНДА О КАЗЫМ НАЙ	8
ПОРАХ НЁЛ	46
ОСЕТР	49
ПОЧЕМУ ЛЕБЕДИ БЕЛЫЕ	52
СЕМИКЛЮВЫЙ-СЕМИКРЫЛЫЙ ВОРОН	53
ОСТРОВ ШИЯН	58
СЮНЯНГ ЁХАН	62
ВОЙНА ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ	65
ПРОТОКА СВЯЩЕННОГО ГОРНОСТАЯ	78
ЗАЛИВ СВЯЩЕННОЙ СОБАКИ	90
ОСТРОВ СЕМИ МЕДВЕДЕЙ	112
КАК ЗЕМЛЮ ВЫЛОВИЛИ	114
ОЛЕНЬ И СОЛНЦЕ	116
ЛЕГЕНДА О ЛЕСНОМ ОРЛЕ	127
ПОЕЗДКА ЗА СЕМИКОСОЙ	138

СКАЗКИ НАРОДА ХАНТЫ

ЧЕЛОВЕК РОСТОМ С МИЗИНЕЦ	179
МЛАДШИЙ СЫН ЦАРЯ	194
ИМИ ХИЛЫ И ЛЕСНОЙ ЛЮДОЕД ЯЛАНЬ-ИКИ	207
ЛЮДОЕДКА ПОРНЭ И ХИЛЫ	227
КАК СЫН СЛЕПОГО ЦАРЯ ИСКАЛ ЖИВУЮ ВОДУ	257
ЗАЯЦ И МЕДВЕДЬ	287
ШАМАН И ЗАЙЦЫ	289
МЫШОНОК	290
ЗЛОДЕЙСТВА НЕ ПРОХОДЯТ БЕССЛЕДНО	293
ХИЛЫ И МЕНГИ	296
ХИЛЫ ЛЭНГИ	300
ВОЛШЕБНЫЙ ТОРСАПЫЛ	306
НЕ РАДУЙСЯ НЕСЧАСТЬЮ ДРУГИХ	309

МЫС ТРЕХ СЕПАРОВ	311
ОСТОРОЖНАЯ ЖЕНЩИНА	345
ВОЙНА КУРОПАТОК И ЦУК	348
КАРКАМ И ЛЭНЬСОХ	350
КАК ОДИН ХАНТ НА НЕБЕ ПОБЫВАЛ	353
БОГАТЫРЬ	356
БРАТЬЯ	364
СОН К ДОБРУ НЕ ПРИВОДИТ	370
СЕСТРА И СЕМЬ МАЛЕНЬКИХ БРАТЬЕВ	372
ЧИРОК И ХОХЛАТАЯ ЧЕРНЕТЬ	374
МАЛЬЧИК С ЛУКОМ	376
ОДИН НЕВЕРНЫЙ ШАГ	378
КОШКА И БЕЛКА	381
ЧУДОВИЩЕ ПОРАВАТА	383
ТРИ БРАТА	386
ДВЕ ДОЧЕРИ	388
ГЛУХАРЬ	391
ТЯСОГУЗКА И МЫШКА	393
СОН	395
РУКАВ	396
ЛЕСНАЯ ЖЕНЩИНА	398
БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ	401
МУДРАЯ СТАРУХА И ЛЕСНОЙ РАЗБОЙНИК	405
ЗАРИСОВКИ Н.М. ТАЛИГИНОЙ	421

Роман Прокопьевич Рутин
Легенды и мифы народа ханты

Технический редактор О. Бай
Компьютерная верстка А. Ередавкин
Иллюстрации Н. Талигина
Корректор Л. Юнусова
Оформление обложки А. Ушаков
Фото А. Тытюк

Подписано в печать 6.10.2008 г.
Формат 60/84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,11. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1096.

Сверстано и отпечатано в ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север».

